

Санкт-Петербургское городское отделение Всероссийской общественной
организации «Всероссийское общество охраны памятников
истории и культуры» (ВООПИиК)

.....

ПЯТЫЕ ТИХОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы конференции
18–19 ноября 2021 года**

*Научные редакторы Б. М. Кириков, И. Л. Тихонов
Ответственный редактор А. И. Чепель*

.....

Санкт-Петербург
Издательский дом «Коло»
2022

УДК 719
ББК 72
П99

Издание осуществлено

Организационный комитет конференции:

А. Е. Иванов (председатель), Б. М. Кириков, А. Д. Марголис,
М. С. Штиглиц, И. Л. Тихонов, А. Н. Журавская, А. И. Чепель

Пятое Тихоновские чтения : материалы конференции : 18–19 ноября
П99 2021 года / науч. ред. Б. М. Кириков, И. Л. Тихонов; отв. ред. А. И. Чепель.— Санкт-Петербург : Коло, 2022.— 376 с. : ил.
ISBN 978-5-4462-0164-8

Сборник составлен по материалам очередной конференции, посвященной памяти Льва Павловича Тихонова (1929–2010) — заместителя председателя ЛГО (СПбГО) ВООПИиК — и приуроченной к 55-летию Ленинградского — Санкт-Петербургского городского отделения ВООПИиК.

В статьях отражен широкий круг вопросов, относящихся к проблемам создания, реставрации, бытования памятников истории и культуры. Важнейшая тема, обсуждавшаяся на конференции, — сохранение памятников советской архитектуры второй половины XX в. Многие статьи сборника посвящены этой животрепещущей проблеме.

Издание предназначено для специалистов в области охраны памятников, а также для всех, кто интересуется историей Петербурга и неравнодушен к его культуре.

УДК 719
ББК 72

ISBN 978-5-4462-0164-8

© Коллектив авторов. Текст, фотографии, 2022
© Оформление. ООО «Издательский дом „Коло“», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение А. Г. Демидова, председателя Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников и культуры	9
Предисловие	11
Б. М. Кириков. О постановке под охрану памятников архитектуры второй половины XX века	13
Б. М. Кириков, М. С. Штиглиц. Типология трансформированного большого ордера в ленинградской архитектуре 1930-х годов	17
И. А. Золотинкина. Новостройки Ленинграда в печатной графике 1930–1980-х годов. От А. П. Остроумовой до В. С. Вильнера	30
Т. И. Николаева. Образец жилого дома послевоенного десятилетия	41
Ю. И. Кашаверская. Символика в советской архитектуре	53
С. В. Выжевский. «Ленгипротранс» и архитектурный ансамбль Детскосельской улицы и Привокзальной площади города Павловска	65
П. Г. Ершов. К проблеме разработки методики определения историко-культурной ценности для архитектурного наследия сталинской неоклассики Ленинграда середины 1940-х — середины 1950-х годов	77
А. А. Ларионов. К проблеме разработки методики определения историко-культурной ценности для архитектуры ленинградского модернизма 1960–1980-х годов	84
З. В. Юркова. О гармонии, нормативе и сохранении объектов культурного наследия	92

Л. В. Глушкова. Дом Советов на Московской площади . . .	103
А. Н. Шипунов. Зеленый пояс Славы: актуальные проблемы сохранения монументального ансамбля . . .	112
Л. В. Семькина, Е. М. Скорородова. Блокадные захоронения на Серафимовском кладбище и их мемориализация . . .	120
О. Ю. Кошкина. Ясли на набережной реки Мойки — живая индивидуальность среди типовых проектов. К творческому наследию архитектора М. Я. Климентова	134
Н. Г. Кузьмина. Дом прессы («Лениздат»). К 225-летию со дня основания	143
С. Е. Смирнова. Станции ленинградского (петербургского) метрополитена второй половины 1950-х — конца 1980-х годов: исчезающее наследие	149
И. Л. Тихонов. Памятники архитектуры в составе Санкт-Петербургского государственного университета	161
Е. В. Абарова. Аптека в Царском Селе и ее владельцы . . .	170
Е. Р. Михайлова. Археологические исследования на исторических кладбищах Петербурга	180
В. А. Маркевич. К истории храма Св. прп. Серафима Саровского на Серафимовском кладбище в 20-е годы XX века	188
В. А. Коренцивит. Будут ли восстановлены террасные фонтаны в Петергофе?	197
А. Л. Потравнов, Т. Ю. Хмельник. Таицкий водопровод в первой половине XX века	204
М. В. Мантуров. История Мраморного дворца в 1917–1935 годах — до признания его памятником архитектуры	213
В. И. Аксельрод. К истории создания и реализации городской комплексной краеведческой программы «Наследники великого города»	221
Н. Ю. Екимова, М. В. Образцова. Экспертный центр при ВООПИиК — преемник Комиссии по работе с собирателями художественных коллекций	231
А. Д. Марголис. Декабристы в доме А. И. Остермана-Толстого (Английская наб., 10 — Галерная ул., 9) . . .	237

Д. К. Равинский. В поисках «красоты Петербурга»	244
В. Г. Авдеев. Египетские сфинксы в Петербурге: первые шаги на новой родине	252
Т. В. Ковалёва. История появления надписи на постаментах Египетских сфинксов	259
В. М. Белковская. Металл и золоченая бронза Мраморного дворца	266
Н. П. Столбова. Охтинские усадьбы. Опыт изучения (источниковедческий обзор)	275
А. Я. Старцева. А. Н. Милорадович — архитектор-реставратор (по документам ЦГАЛИ СПб)	284
Н. В. Деконская. Монументальное панно на площади Стачек как объект историко-культурного наследия	293
В. А. Черненко. Завещание Карла Николаевича Берда: публикация и комментарии	301
И. Б. Фурманова. Добровольческое движение школьников «Пионерстрой» (по материалам архива школы № 112)	310
К. А. Голодяев. Работа ленинградских музеев в эвакуации в городе Новосибирске (по воспоминаниям современников)	320
Л. Г. Михайлова. Участие А. Н. Бенуа в проектировании Дворцового моста в Санкт-Петербурге	331
А. И. Чепель. О конкурсе проектов доходного дома Первого Российского страхового общества на Каменноостровском пр., 26–28	338
М. В. Вершевская. Новые материалы по истории Артиллерийского цейхгауза Петропавловской крепости	354
Краткие сведения об авторах	368
Список сокращений	371

В 2021 ГОДУ Санкт-Петербургское городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры — СПбГО ВООПИиК — отметило свое 55-летие. За эти годы общество провело значительную работу по сохранению и популяризации объектов культурного наследия, помогая донести до потомков и современников неповторимый исторический облик Санкт-Петербурга. Руководители общества — люди с активной жизненной позицией, любящие свой город и объединяющие тысячи людей этой живой любовью к своему городу. В. Г. Лисовский, А. Д. Марголис, М. С. Штиглиц, А. Е. Иванов на протяжении многих лет прилагали все усилия для сохранения, восстановления и популяризации исторических памятников города.

Именно уважение к уникальной архитектуре Санкт-Петербурга, глубокое знание его истории отличало Льва Павловича Тихонова — одного из основателей Ленинградского, а затем

ПРЕДИСЛОВИЕ

Санкт-Петербургского отделения Общества. Благодаря его неустанной деятельности отделение ВООПИиК в Санкт-Петербурге стало одним из ведущих в России. Усилиями Тихонова был основан Клуб знатоков Петербурга, проводились фестивали любительских фильмов, посвященных сохранению историко-культурного наследия, множество культурно-просветительских мероприятий, способствующих воспитанию патриотизма и любви к своему городу.

Лев Павлович — автор нескольких монографий по истории города и серии книг, посвященных музеям Санкт-Петербурга. Сделанное и задуманное Львом Павловичем до сих пор актуально и используется в ежедневной деятельности городского отделения.

От всей души желаю СПбГО ВООПИиК успехов и удачи в трудном, но благородном деле защиты и сохранения уникального культурно-исторического наследия Санкт-Петербурга.

А. Г. Демидов

Председатель Центрального совета
Всероссийского общества
охраны памятников истории и культуры

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ конференция, приуроченная к 55-летию Ленинградского — Санкт-Петербургского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ЛГО — СПбГО ВООПИиК), традиционно посвящалась памяти Льва Павловича Тихонова (1929—2010), который долгие годы был заместителем председателя ЛГО — СПбГО ВООПИиК.

В ходе конференции, проходившей в Доме архитектора в Санкт-Петербурге, затрагивались различные аспекты истории и культуры города на Неве, были представлены доклады о многоплановых проблемах сохранения и реставрации, изучения и пропаганды культурного наследия. Однако важнейшей проблемой, которая освещалась на конференции, стало сохранение памятников советской архитектуры второй половины XX в. Ситуация постановки на охрану архитектуры этого периода осложняется тем, что по закону для присвоения статуса памятника должно пройти не менее сорока лет со времени его постройки. «Присвоение охранного статуса объектам указанного периода является актуальной задачей. Эта проблема давно назрела и даже перезрела. Острота ее усиливается тем, что архитектура того времени всё больше нуждается в защите», — подчеркнул в своем выступлении историк архитектуры Б. М. Кириков.

Докладчики поведали об особенностях охраны и изучения памятников истории и культуры в разные исторические периоды; рассказали о просветительских проектах, способствующих формированию в обществе бережного отношения к историческим памятникам; поделились подробностями создания, реставрации, бытования, приспособления и современного состояния объектов культурного наследия.

В ходе завершающей конференцию дискуссии было решено и в дальнейшем поддерживать традицию проведения

Тихоновских чтений, которые неизменно вызывают значительный интерес выступающих с докладами участников и заинтересованных слушателей.

Оргкомитет конференции

Б. М. Кириков

О ПОСТАНОВКЕ ПОД ОХРАНУ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В ПОСЛЕДНИЙ раз кардинальная корректировка состава охраняемых памятников Санкт-Петербурга проводилась в конце 1990-х гг. Работа выполнялась сотрудниками КГИОП под руководством Н. И. Явейна и Б. М. Кирикова с привлечением группы внешних специалистов во главе с В. Г. Лисовским. На основе системного изучения всех пластов архитектурного наследия число охраняемых зданий и комплексов было значительно расширено преимущественно за счет периодов эклектики, модерна и авангарда, а также ландшафтной и промышленной архитектуры.

Новый сводный перечень объектов федерального (общероссийского) значения Санкт-Петербурга был утвержден Правительством РФ 10 июля 2001 г. Заново составленный список выявленных объектов культурного наследия утвержден приказом председателя КГИОП 20 февраля 2001 г. После этого списки памятников были фактически «заморожены». Часть выявленных объектов впоследствии переведена в памятники регионального значения. Заново поставлены под охрану лишь единичные здания. Однако по существу круг охраняемых объектов с 2001 г. не дополнялся.

Согласно законодательным нормам, для присвоения статуса памятника со времени его создания должно пройти не менее сорока лет. При подготовке действующих списков 2001 г. этот временной ценз жестко ограничивал хронологические рамки отбора зданий серединой 1950-х гг. И до сих пор архитектура Петербурга (Ленинграда) второй половины XX в. остается полностью вне сферы охраняемого наследия. Между тем смещение временной границы к 1980 г. позволяет поставить под охрану лучшие здания 1950–1970-х гг.— периода, уже перешедшего из области современной практики в область истории. Однако за два последних десятилетия официально не проводилась системная работа с целью выявления новых групп памятников.

Присвоение охранного статуса объектам указанного периода является актуальной задачей. Эта проблема давно назрела и даже перезрела. Острота ее усиливается тем, что архитектура того времени всё больше нуждается в защите. Новейшим актом вандализма стала разборка Спортивно-концертного комплекса. Ранее была разрушена гостиница Речного вокзала, искажены фасады гостиницы «Москва» и интерьеры каменноостровской резиденции К-2. Угроза нависала над Финляндским и Морским вокзалами, аэропортом Пулково. Конфликты вспыхивают в связи с планами сноса других незащищенных зданий.

Отбор кандидатов в памятники должен быть комплексным и объективным, основанным на изучении всей строительной практики советского неоклассицизма и неомодернизма. При этом следует придерживаться определенных критериев:

- архитектурно-художественная ценность;
- градо- и средообразующая роль;
- место в истории архитектуры города, в становлении стилевых направлений;
- типологическая новизна, функционально-конструктивные особенности;
- инженерно-технические новации;
- культурная значимость, связь с историческими событиями.

Вместе с тем уже сейчас, до проведения комплексных исследований, можно рекомендовать к постановке под государственную охрану ряд значительных объектов, отвечающих приведенным критериям. Приведем ориентировочный список первоочередных кандидатов в памятники.

Финляндский вокзал. 1955–1960, архитекторы Н. В. Баранов, П. А. Ашастин, Я. Н. Лукин, инженер И. А. Рыбин. Пл. Ленина, 6.

Здание института «ЛенНИИпроект» и жилой дом. 1952–1956, архитекторы О. И. Гурьев, Я. Н. Лукин, А. П. Щербенок. Троицкая пл., 3 и 5.

Жилой дом. 1953–1957, архитекторы В. Ф. Белов, В. А. Потапов, М. П. Савкевич. Б. Сампсониевский пр., 108.

Жилые дома. 1956–1960, архитекторы В. А. Каменский, С. Г. Майофис. Комсомольская пл.

Аэропорт Пулково-1. Фотография 2015 г.

Пионерская площадь и Театр юных зрителей. Фотография 1955–1965 гг.

Театр юных зрителей. 1957–1962, архитекторы А. В. Жук, Г. М. Вланин, Т. П. Короткова. Пионерская пл.

Плавательный бассейн. 1959–1964, архитекторы С. И. Евдокимов, А. П. Изойтко. Литовская ул., 3.

Телецентр. 1960–1963, архитекторы С. Б. Сперанский, В. С. Васильковский, А. Д. Кац, инженер Н. И. Дюбов. Ул. Чапыгина, 6.

Большой концертный зал «Октябрьский». 1964–1967, архитекторы В. А. Каменский, Ж. М. Вержбицкий, Г. М. Вланин, А. В. Жук, инженер Н. В. Максимов. Лиговский пр., 6.

Дворец спорта «Юбилейный». 1966–1967, архитекторы Г. П. Морозов, И. П. Сусликов, инженеры А. П. Морозов, Ю. А. Елисеев, О. А. Курбатов. Пр. Добролюбова, 18.

Гостиница «Ленинград» («Санкт-Петербург»). 1967–1970, архитекторы С. Б. Сперанский, В. Э. Струзман, Н. В. Каменский. Пироговская наб., 5.

Автобусный парк № 5. 1967, архитекторы О. Б. Голынкин, Э. М. Хевелев, инженер В. А. Экман. Пр. Стачек, 108.

Дворец молодежи. 1969–1977, архитекторы П. С. Прохоров, В. П. Тропин, А. П. Изойтко. Ул. Профессора Попова, 47.

Аэропорт Пулково-1. 1969–1973, архитекторы А. В. Жук, Ж. М. Вержбицкий, Г. М. Вланин, инженер Н. В. Максимов.

Детская спортивная школа. 1970–1972, архитекторы С. И. Евдокимов, Т. Ф. Хрущева. Малый пр. В. О., 66.

Дом политпросвещения. 1970–1973, архитекторы Д. С. Гольдгор, Г. А. Васильев, Т. И. Сливинская. Пл. Пролетарской Диктатуры, 6.

Памятник героическим защитникам Ленинграда. 1974–1975, скульптор М. К. Аникушин, архитекторы В. А. Каменский, С. Б. Сперанский. Пл. Победы.

Гостиница «Прибалтийская». 1976–1978, архитекторы С. И. Евдокимов, Н. Н. Баранов, В. И. Ковалева, инженер П. Ф. Панфилов. Ул. Кораблестроителей, 14.

Корпуса Электротехнического института. 1970-е, архитекторы В. А. Левиаш, Н. З. Матусевич. Ул. Профессора Попова, 3.

Яхт-клуб. 1978–1980, архитекторы В. С. Маслов, Г. П. Морозов, А. А. Белявская. Петровская коса, 9.

Морской вокзал. 1977–1982, архитекторы В. А. Сохин, М. И. Захаров, А. Н. Лазарев, инженеры А. Д. Нелипа, Ж. Я. Лейв. Пл. Морской Славы, 1.

Б. М. Кириков, М. С. Штиглиц

ТИПОЛОГИЯ ТРАНСФОРМИРОВАННОГО БОЛЬШОГО ОРДЕРА В ЛЕНИНГРАДСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ 1930-Х ГОДОВ

В НАЧАЛЕ 1930-х гг. в советской архитектуре произошел крутой поворот от кардинальных новаций авангарда к освоению классического наследия. Политика советского руководства и запросы общественности требовали создания монументального и представительного стиля, прообразы которого виделись в классике. В условиях тоталитарного режима этому пути не было альтернативы. Авангард был предан остракизму, но не сразу сошел со сцены, перерождаясь в гибридный поставангард, в ар-деко. На ведущие позиции вышла модернизированная неоклассика. В Ленинграде это направление имело особое значение, поскольку связывало современность с великими традициями петербургского классицизма, а также с недавними исканиями неоклассики 1910 — начала 1920-х гг.

Большинство ленинградских архитекторов 1930-х гг. отдавали предпочтение не ретроспективному стилизаторству, а принципиальному переосмыслению и обновлению исторических форм. Это выражалось в обобщении и утрировке классицистических схем и элементов. Центральной темой стал трансформированный колоссальный ордер, охватывавший несколько этажей или весь объем здания. Тем самым достигалось впечатление монументальной силы и монолитного единства композиции.

Идеологической платформой ленинградской архитектурной школы послужили концепции «пролетарской классики», а затем — «реконструкции классики», разработанные в 1920-х гг. И. А. Фоминым¹. Формально его метод исходил из симплификации и очищения ордерного строя, от которого оставался только обнаженный остов. Оригинальным нововведением Фомина стали спаренные полуколонны — состыкованные воедино тонкие цилиндрические столбы без баз и капителей. Такой прием помогал решить проблему гигантского ордера, избегая чрезмерной вытянутости или, наоборот, массивности одиночных колонн. Другой лидер ленинградской неоклассики, В. А. Щуко,

Здание Германского посольства. Архитектор П. Беренс.
Фотография 1913 г.

в работах 1920-х гг., выполненных вместе с В. Г. Гельфрейхом, использовал иные типы вертикальных элементов — простые широкие лопатки или высокие пилоны прямоугольного сечения.

Один из ведущих зодчих того периода, Н. А. Троцкий, позднее заявлял: «В Ленинграде существует... тенденция идти от Фомина и Щуко. Это нота простая и сильная»². Вместе с тем важным истоком модернизированной неоклассики 1930-х гг. явилось творчество немецкого архитектора П. Беренса; точнее, здание Германского посольства, возведенное по его проекту в 1911–1913 гг. в центре Петербурга³. Лейтмотив его композиции — могучий модифицированный ордер трехчетвертных колонн — приобрел значение актуального образца, находившегося у всех перед глазами⁴.

Широкое распространение в ленинградской архитектуре 1930-х гг. получили крупномасштабные ордерные композиции с метрическим строем трехчетвертных колонн. Лапидарные геометризованные формы большого ордера были востребованы преимущественно при строительстве монументальных общественных зданий. Удлиненные фусты колонн единого сечения,

без энтазиса и обычно без баз, чаще завершались простыми капителями — абаками. Вариации колоссального ордера опирались на приемы П. Беренса и И. А. Фомина, между которыми было определенное родство. Причем парные высокие колонны были введены в архитектурный лексикон именно И. А. Фоминым.

Следование композиции здания Германского посольства составляло отличительную особенность ленинградской архитектурной школы. Этой версии неоклассики современники дали определение «беренсианство». Наиболее явно и отчетливо она выразилась в творчестве Д. П. Бурьшкина⁵.

К ранним и показательным примерам беренсианства относится здание газеты «Правда» на Херсонской улице (1933–1934). Здесь Бурьшкин воспроизвел основную тему сооружения Беренса: чеканный строй трехчетвертных колонн, замкнутый с боков антами. При этом он отказался от капителей, еще больше упростив формы ордера.

В том же характере в 1935–1938 гг. Бурьшкин создал целый ансамбль на набережной Невы (Малоохтинский проспект). Два

Здание газеты «Правда». Архитектор Д. П. Бурьшкин.
Фотография 2006 г.

крупных учебных здания, фланкирующие широкую площадь, объединены сквозным рефреном большого ордера. На протяженных речных фасадах каждого из них колоннада посольства как бы удваивается в длину по числу колонн, а со стороны площади, как и у Беренса, проходят плотные ряды пилястр. Бурьшкин повторил также рисунок балконов, но поместил их на другом уровне.

Беренсианские мотивы звучат и в неосуществленных проектах Бурьшкина. Формулы немецкого архитектора были активно восприняты Н. А. Троцким, И. Г. Лангбардом, М. И. Китнером и другими зодчими. Правда, Троцкий, видимо по идейным соображениям, отрешивался от ярлыка беренсианства, присвоенного ему современниками. Между тем очевидно, что решение колоннады в его типовом проекте школы (1935) происходит от здания Германского посольства.

Под руководством Троцкого был возведен грандиозный Дом Советов на Московском проспекте (1936–1941) — апофеоз монументального стиля, героический символ эпохи.

Здание должно было стать парадным ядром и доминантой нового центра социалистического Ленинграда. Основу его экс-

Фрунзенский универмаг. Архитектор Е. А. Катонин (руководитель). Фотография 1938 г.

Дом Советов. Архитектор Н. А. Троцкий. Фотография начала 1970-х гг.

прессивного образа составляет гипертрофированный ордер, отсылающий к приемам как П. Беренса, так и И. А. Фомина. Средний повышенный объем организован группами трехчетвертных колонн высотой в семь этажей. Фланги главного фасада и полукруглый выступ зала собраний выделены парными колоннами.

Тема сдвоенных колонн цилиндрической формы, инспирированная находками И. А. Фомина, главенствует в решении нескольких зданий. На фасадах здания Академии легкой промышленности на Суворовском проспекте, сооруженного в 1934–1937 гг. А. П. Великановым, Л. М. Поляковым и А. Ф. Хряковым, ордерные элементы такого типа подняты, по давней традиции, на цокольный этаж. Компактный объем Красногвардейского универмага на площади Ленина, начатый постройкой в 1935–1940 гг. по проекту Я. О. Рубанчика, целиком охвачен парными колоннами. Весь фасад превращен в сплоченную ордерную композицию. В 1934–1938 гг. на пересечении Московского проспекта и Обводного канала был возведен под руководством Е. И. Катонина Фрунзенский универмаг. Его дугообразный корпус вдоль канала также объединен ритмом двойных колонн, несущих антаблемент и аттик⁶.

Следует отметить, что в этих постройках нет буквального следования за радикальными новациями И. А. Фомина. В его работах 1925–1930 гг. спаренные колонны, растущие от земли, очищены от баз и капителей, освобождены от антаблемента.

Ленинградские архитекторы 1930-х гг. обычно сохраняли эти традиционные элементы, а пару колонн не сращивали вместе, разделяя внутри щелевидным зазором. Пластика колоссально-го ордера рельефнее проступала в контрасте с остекленными интерколумниями. Схематичные формы колонн с капителями и антаблементом, цементная штукатурка темного тона усиливали суровую монументальность композиции, что вновь вызвало ассоциации с гранитным фасадом Германского посольства.

Одновременно с трансформированными колоннадами в ленинградской модернизированной неоклассике были активно востребованы разные типы пилонов и лопаток. Разработка этих вертикальных элементов велась по двум направлениям. Тенденция к обобщению и схематизации выразилась в предельно упрощенных, жестко геометризованных формах. Альтернативу этой бруталной, лапидарной версии составляли более сложные, детализированные варианты колоссального ордера. Граненые, профилированные пилоны и лопатки сочетали монументальную репрезентативность с декоративной легкостью. И если первая модификация ордерных схем своей ригористической строгостью сопрягалась с реминисценциями авангарда, то вторая определенно переходила в ар-деко.

Ключевой вехой в архитектуре 1930-х гг. можно считать «Большой дом» — здание НКВД (КГБ) на Литейном проспекте. Строительство его в 1931–1932 гг. осуществляла группа архитекторов, в том числе автор композиции фасадов Н. А. Троцкий. По словам самого Троцкого, здание представляло «...один из первых памятников нового направления, основанного на классических формах»⁷. Угловые объемы еще носят черты конструктивизма, но основной блок, поднятый на широкий стилобат, решен в виде сплоченного метрического строя гигантских пилонов (или лопаток), заключенного в огромную гранитную раму. Гигантомания демонстрировала несокрушимую мощь этого бастиона социализма, превратившегося в зловещий символ тоталитарной эпохи.

Принципы конструктивизма были положены Троцким в основу проекта Василеостровского дворца культуры — крупнейшего в Ленинграде, однако в ходе строительства (1931–1937) композиция приобрела черты классицистической монументальности.

Лейтмотивом фасада стал четкий ритм пилонов-лопаток.

К упрощенному колоссальному ордеру неоднократно обращался А. И. Гегелло, один из соавторов проекта «Большого дома». Оригинальный вариант этой темы он нашел еще в раннем сооружении конструктивизма — Дворце культуры на площади Стачек (1925–1927, совместно с Д. Л. Кричевским). Выгнутый по дуге, остекленный центр фасада расчленен гранеными ребрами-пилонами, поставленными острым углом вперед. Десятилетие спустя А. И. Гегелло и С. В. Васильковский пристроили портик-лоджию к конструктивистскому зданию бань архитектора Н. Ф. Демкова на Чкаловском проспекте. Пилонный портик разлинован вертикальными и горизонтальными бороздками, оттеняющими декоративность и облегченность его форм. Трактовке ордерных элементов в репертуаре Гегелло свойственны свобода и разнообразие.

Пилонная композиция получила развитие в постройках Л. М. Хидекеля — одного из создателей архитектурного супрематизма⁸. В здании Юридического института на Малоохтинском проспекте, спроектированного им в 1930-х гг., сплошная пилонада проходит в одной плоскости с боковыми стенами. Квадратные столбы, утончающиеся вверху, дополнены декоративными штрихами — вроде обрывков карниза. Шеренга пилонов, замкнутая огромной горизонтальной рамой, — это еще одна параллель со зданием Германского посольства, тем более что у них равное число вертикальных элементов.

Иная версия этой темы представлена Л. М. Хидекелем в здании кинотеатра «Москва» на Старо-Петергофском проспекте (1937–1939). Первый в стране трехзальный кинотеатр имеет максимально компактный план Т-образной конфигурации с общим фойе. Супрематической геометрии объемно-планировочной структуры отвечает геометричность ордерного строя. В центре фасада — модифицированный портик-лоджию со сдвоенными пилонами и антами. Элементарная простота его форм компенсируется облицовкой гранитными рустами, оттеняющей репрезентативность входной зоны. Угловые части разомкнуты открытыми пилонными лоджиями. В монументальной композиции выражено конструктивное значение

ордера: вертикальные опоры поддерживают массивный аттик, на котором помещен многофигурный тематический фриз.

Развитый по вертикали шестипилонный портик служит ударным акцентом фасада Пожарного техникума на Московском проспекте (1936–1938). Показательно, что авторы здания, Л. Ю. Гальперин и А. И. Князев, ввели пилоны взамен первоначально запроектированных колонн, показавшихся руководителям строительства чрезмерно вытянутыми. Легкие пропорции квадратных столбов усиливают устремленность портика вверх, которая погашается глухим аттиком. Расходящиеся по сторонам ряды пилястр также охватывают все пять этажей. Простые капители и профилированный карниз дополняют лаконичную трактовку ордера ссылками на традиционные формы.

Особый тип колоссального ордера представляли упрощенные каннелированные пилястры или, точнее, лопатки, не имеющие ни баз, ни капителей. Весомость этих вертикальных элементов обеспечивалась их большой шириной, одинаковой по всей высоте.

Первыми в строительной практике Ленинграда такую разновидность ордера применили Л. В. Руднев и Я. О. Свирский при достройке в 1929–1931 гг. здания Текстильного института на Большой Морской улице. Здесь лопатки пронизывают все три фасада снизу доверху, от приземистого цоколя до схематичного антаблемента. Каннелюры множат число вертикальных линий, придающих формам здания жесткую графичность. Укрупненный масштаб лопаток подчеркивает тяжеловесную мощь громоздкого сооружения, а их непрерывный метрический ритм подчеркивает единство фасадов, переходящее в чрезмерную монотонность композиционного строя.

В меньшем масштабе подобные элементы использовал Л. М. Хидекель для нового корпуса Института гражданских инженеров на 3-й Красноармейской улице (1932–1934). Тройные каннелированные лопатки фланкируют среднюю часть этого здания.

Иную вариацию этой темы разработал Н. А. Троцкий в застройке дугообразной части площади Стачек (1934–1936). Парные каннелированные лопатки, связывая по несколько этажей, выявляют разнообразную ритмику фасадов. Включение модифи-

Архитектор Л. М. Хидекель. Кинотеатр «Москва»

цированного ордера в композицию жилых домов повысило их роль в пространстве площади у триумфальных Нарвских ворот.

Чеканный шаг вертикалей, несущих антаблемент, определяет облик школьного здания на Гороховой улице, построенного Л. М. Хидекелем в 1937–1940 гг. Сложнопрофилированные простенки превращены в гибрид пилонов и лопаток. Своеобразная находка Хидекеля свидетельствует о поиске более детализированной формы. Тонкая профилировка пронизывает легким скольжением линий всю высоту фасада, а уступчатое сечение пилонов образует гофрированную поверхность, насыщенную игрой светотени.

Самый оригинальный вариант колоссального ордера создали Е. А. Левинсон и И. И. Фомин (сын И. А. Фомина). В совместных произведениях этого великолепного творческого тандема найдено органичное сочетание монументальности и изящества, гигантомании и легкости форм. Основной элемент их сооружений — вытянутые доверху граненые пилоны с утонченной моделировкой⁹.

Законченным образцом индивидуального стиля Левинсона и Фомина является дом Наркомата Военно-морского флота

Жилой дом Наркомата Военно-морского флота. Архитекторы Е. А. Левинсон, И. И. Фомин. Фотография 1940-х гг.

Невский райсовет. Архитекторы Е. А. Левинсон, И. И. Фомин. Фотография 1956 г.

на Петровской набережной. Крупная постройка, законченная в 1938–1940 гг., претерпела показательную метаморфозу: от остова конструктивистской гостиницы до жилого здания в характере модернизированной неоклассики. Главный фасад скомпонован по схеме, популярной в ленинградской архитектуре тех лет, — исполинская пилоната замкнута антами и антаблементом. Пилоны фигурного сечения отличаются вогнутыми гранями. Вытянутые на высоту шести этажей, они не выглядят тяжеловесными. В парадную композицию вносят мягкую интимную ноту миниатюрные портики пятого этажа. Гипертрофированный масштаб и сильная пластика фасада рассчитаны на восприятие издали, с простора Невы.

Также развернуто к Неве здание Невского райсовета, возведенное Левинсоном и Фоминым в 1936–1939 гг. в юго-восточной части города. Строгий ряд вертикалей в этом случае усилен сдвоенными гранеными столбами портиков. В ансамбле жилых домов на близлежащей Ивановской улице (1937–1940) архитекторы ввели отдельные пластические акценты: двухъярусные группы пилонов, определяющие крупный ритм застройки. Авторы проявили изощренный артистизм в варьировании форм пилонов с неизменно вогнутыми гранями. Особенно эффектны вынесенные в пространство портики с изогнутым дугой антаблементом. Рафинированная декоративность фасадов позволяет считать этот ансамбль эталоном ленинградского ар-деко.

Новации Левинсона и Фомина в работе с орденом получили продолжение в ряде построек конца 1930-х гг. К лучшим из них относилось здание Целлюлозно-бумажного техникума на Лесном проспекте, начатое строительством по проекту Г. А. Симонова в 1938 г. На весь его объем был наложен гигантский портик из профилированных пилонов. В оформлении верхних этажей был включен малый ордер более традиционного типа. (Здание снесено в 2020 г.)

Модернизированная неоклассика являлась стержневым направлением ленинградской архитектуры 1930-х гг. Ведущие зодчие творчески перерабатывали традиционную ордерную систему, видоизменяли композиционные схемы и типологию форм. Общей формулой стал упрощенный колоссальный ордер,

наделявший здания повышенной монументальностью, созвучной духу эпохи.

Методов обновления, трансформации классицистического лексикона придерживались недавние лидеры авангарда А. И. Гелло, Г. А. Симонов, Л. М. Хидекель, Н. А. Троцкий, Е. А. Левинсон, И. И. Фомин. В то же время некоторые архитекторы, в частности А. А. Оль, Д. Ф. Фридман, В. П. Макашов, тяготели к ретроспективной версии неоклассицизма, близкой историческим прототипам. Однако эта линия оставалась в 1930-х гг. на втором плане.

Специфика ленинградской архитектуры того периода наиболее наглядно проявилась в новых модификациях большого ордера. К обобщенному колонному ордеру, заданному приемами П. Беренса и И. А. Фомина, обращались главным образом Д. П. Бурыйшкин и Н. А. Троцкий. Композиции на основе пилонов (лопатов) получили воплощение в разных вариантах. Лапидарные геометризованные формы характерны для некоторых построек Н. А. Троцкого и Л. М. Хидекеля. Более тонкую, элегантную вариацию темы пилонад, близкую ар-деко, разрабатывали Е. А. Левинсон и И. И. Фомин.

Говоря о своеобразии ленинградской школы 1930-х гг., следует учитывать очевидные стилистические параллели с зарубежной архитектурой того времени. Однако этот важный аспект выходит за рамки настоящей публикации.

В статье рассмотрены известные объекты, вошедшие в научный обиход. Вклад авторов в изучение темы имеет двойное значение. Во-первых, ряд зданий был обоснованно поставлен нами, в период работы в Комитете по охране памятников Санкт-Петербурга, под государственную охрану. Во-вторых, авторами впервые определена типология колоссального ордера в ленинградской архитектуре 1930-х гг.

Примечания

¹ Подробнее см.: Лисовский В. Г. Иван Фомин и метаморфозы русской неоклассики. СПб., 2008. С. 380–386, 394–400.

² Цит. по: Суздалева Т. Э. Н. А. Троцкий. Л., 1991. С. 93.

³ Здесь и ниже указывается первоначальное назначение зданий (впоследствии их функции могли неоднократно меняться).

⁴ Кириков Б. М. Модернизированная неоклассика в Ленинграде. Германские и итальянские параллели // Кириков Б. М. Архитектура Петербурга — Ленинграда: страницы истории. СПб., 2014. С. 298–309.

⁵ См.: Саблин И. Д. Давид Бурыйшкин // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век / сост. В. Г. Исаченко. СПб., 2000. С. 168–191.

⁶ Кириков Б. М. Указ. соч. С. 303–309.

⁷ Цит. по: Мастера советской архитектуры об архитектуре: в 2 т. Т. 2 / сост. М. Г. Бархин и Ю. С. Яралов. М., 1975. С. 397.

⁸ Kirikov B., Shtiglits M. Lasar Chidekel — Architect-Practic. Conception of Suprematism and Architecture // Lasar Chidekel and Suprematism. München; London; New York, 2014. P. 49–59.

⁹ См.: Оль Г. А., Левинсон Е. Э. Евгений Левинсон. Л., 1976.

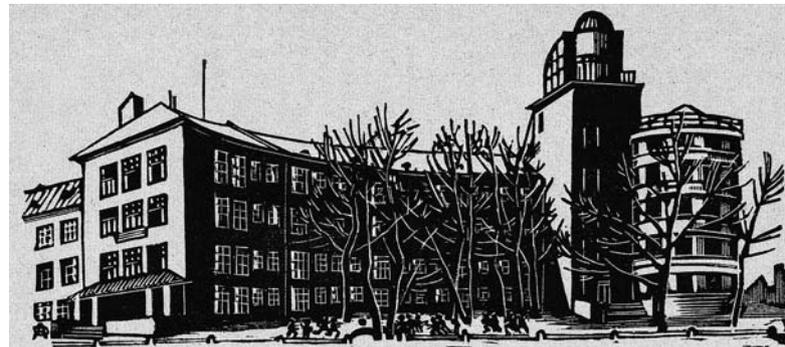
И. А. Золотинкина

НОВОСТРОЙКИ ЛЕНИНГРАДА
В ПЕЧАТНОЙ ГРАФИКЕ 1930–1980-Х ГОДОВ.
ОТ А. П. ОСТРОУМОВОЙ ДО В. С. ВИЛЬНЕРА

ПОНЯТИЕ «петербургский (равно „ленинградский“) пейзаж» и для зрителей, и для художников XX в. ассоциируется с центром города. Знаменитые памятники, набережные дельты Невы, уникальные дворы и уголки... Однако архитектура Ленинграда советского периода оставила свой определенный след в творчестве разных мастеров. Городской пейзаж всегда занимал одну из ведущих ролей в разных видах авторской печатной графики — литографии, линогравюре и ксилографии, офорте и его разновидностях. В эстампе XX в. вид города — это прежде всего образ, обладающий художественной ценностью, отмеченный личным восприятием, идеологической задачей (или обманом этой задачи).

Петербургский пейзаж ассоциируется прежде всего с мастерами художественного объединения «Мир искусства», в первые десятилетия XX в. открывшими зрителю очарование и «душу» архитектурных памятников и исторических ансамблей, создавшими глубоко прочувствованный образ города. И первые гравюры с застройкой советского Ленинграда — это тоже произведения мирискусников, оставшихся в Советской России.

А. П. Остроумова-Лебедева, автор самых знаменитых петербургских пейзажей, в 1920-е была не просто признанным мастером, но в своем роде «живой классикой» бывшей Северной столицы. В 1930 г. по заказу молодого пролетарского писателя Михаила Чумандрина, задумавшего литературный журнал под названием «Ленинград»¹, она выполнила шесть видов города. Три из них представляли новую архитектуру — первые конструктивистские дома в городе: построенную А. С. Никольским школу имени 10-летия Октября и рабочие дома Выборгского и Московско-Нарвского районов. После выхода 1-го номера Чумандрин писал: «Дорогая Анна Петровна! Я еще раз на досуге просмотрел обложку. Какая эта прекрасная работа! Я не знаю другого журнала в СССР, который имел бы что-либо по-

А. П. Остроумова-Лебедева. Ленинград. Новая школа.
Ксилография. 1930 г.

добное»². Предельно лаконичная и четкая архитектура конструктивизма нашла идеальное воплощение в ксилографиях художницы, оказалась созвучной строгой и уравновешенной черно-белой геометрии пятен и штрихов.

Явную идеологическую нагрузку должен был нести альбом «Ленинград. Новые пейзажи. 1917–1932», состоящий из выполненных в 1932 г. 16 цветных литографий В. М. Конашевича. В предисловии (очевидно вымученном и фальшивом) Э. Ф. Голлербах противопоставлял «новый Ленинград» «старому Петербургу», «город-сад» — прежней имперской «безотрадной пустыне», акцентируя заботу власти о зеленых насаждениях³. На самом деле эти пейзажи Конашевича не противостояли, а перекликались с другой серией художника, посвященной Павловскому парку — бывшей пригородной царской резиденции. Конструктивистская архитектура — дома рабочих кварталов, фабрики-кухни и другие постройки — благородно гармонировала и являлась сдержанным фоном для кустарников и деревьев, образующих городские садики и скверы. Атмосфере общего изящества и некоей «весенней меланхолии» способствовала цветовая гамма — сдержанные и нежные розоватые, серые и зеленые тона.

Интересный взгляд на конструктивизм можно увидеть в работах Е. С. Кругликовой. В 1937 г. ею были созданы гравюры «11-й хлебозавод» и изображающая недавно построенный

Дом Советов Московско-Нарвского района «Улица Стачек в 1936 году»⁴. Для художницы, часто акцентирующей жанровую составляющую своих городских пейзажей, эти листы не совсем обычны. Оба здания словно уподоблены неким «сказочным» величавым постройкам, они монументально-торжественны; взятый художницей ракурс усиливает ощущение подавляющей громады. Хлебозавод на Барочной улице⁵ ассоциируется с мифической Вавилонской башней; Дом Советов — с увенчанным башней гигантским замком. Главный внешний акцент всё же видится не в изображении новаторского архитектурного стиля, а в пафосной репрезентации назначения общественных построек. Это своеобразный гимн Труду и Рабочей власти. Скорее всего, обе работы были созданы к масштабной выставке «Индустрия социализма», планировавшейся в 1937 г., но состоявшейся в 1939-м (на выставке экспонировалась «Улица Стачек...»⁶).

При откровенно заказном характере в работах бывших мастеров «Мира искусства» новая архитектура обретала определенный культурный код, который сообщал новостройкам статус «памятников».

С середины 1930-х в Ленинграде работала экспериментальная печатная мастерская Союза художников, в которой сотрудничали многие талантливые графики. Они сделали ленинградскую литографию ярким явлением в истории отечественного искусства XX в. Городской пейзаж принадлежал к популярным жанрам станковой литографии. Но всё же новая архитектура, как рядовая жилая застройка, так и административные здания, не стала ведущей темой для ленинградского эстампа 1930-х. Характерный пример: в альбоме «Ленинград в пейзажах современных художников», созданном художниками ЛОССХа в 1935 г., всего одна из двадцати литографий (остальные представляют знаменитые архитектурные панорамы города, оживленные «советским стаффажем» — спортсменами, комсомольцами, рабочими и служащими) изображает новую застройку — Лесной проспект.

В творчестве автора этой работы, Семена Андреевича Павлова, урбанистическая тематика занимала видное место. Художник пронзительно умел передать атмосферу времени. Его ранние живописные городские пейзажи 1920-х гг. выполнены

в духе экспрессионизма: зловещие и тоскливые глухие заборы, задворки, покосившиеся сараи и бараки. В первой половине 1930-х гг. Павлов увлекся литографией, им был создан ряд листов, изображающих и строящиеся заводы, и «бесприютные» окраинные пейзажи, и новую застройку Выборского района. Одна из лучших его работ — «Асфальтированный проезд на Лесном проспекте» (1934). Конструктивная композиция, решенная всего в два цвета и при этом удивительно «живописная» по своему настроению, передающая суровый сдержанный лиризм новой жизни.

Литографии 1950-х гг., запечатлевшие новые районы Ленинграда, чаще всего милые, «уютные» городские пейзажи с изысканно графичными ветвями или яркими кипами деревьев, оживленные фигурками горожан. Художники, как правило, особо не акцентируют взгляд на самих постройках; общий посыл — радость мирной жизни и восстановленного города. Таковы лирические пейзажи М. С. Чарнецкой в районе проспекта Энгельса, С. М. Штейнберга («Проспект Стачек», 1958),

С. А. Павлов. Ленинград. Асфальтированный проезд на Лесном проспекте. Цветная литография. 1934 г.

Е. Н. Померанцевой («Парк Победы», 1956) и другие. Одним из немногих листов, где главной и единственной темой является архитектура, можно назвать линогравюру В. В. Смирнова «Строительство на проспекте имени Сталина» (1953)⁷. Этот ранний эстамп художника, посвятившего себя теме города, столь непохожий на его дальнейшие графические работы, в мельчайших деталях представляет помпезные высотки «сталинского классицизма».

Эпоха «сурового стиля» 1960-х гг., столь созвучная именно искусству гравюры, оперирующей чистыми цветами, геометризованными пятнами, линиями и штриховками, представлена рядом замечательных художников, работавших в жанре городского пейзажа. Декоративные и демократичные по духу эстампы были востребованы зрителями, коллекционерами; а образцы массовой застройки подходили для изображения как «фактурно» (для авторов), так и идеологически (для функционеров от искусства). Примечательно, что жилые дома серий массовой застройки 1960–1970-х, производящие на горожанина в реальной жизни унылое и тягостное впечатление, в гравюрах выглядят намного эффектнее. Многие эстампы периода 1960–1970-х гг. не только обладают «позитивным эффектом», но и акцентируют достоинства архитектурных проектов — минимализм, ритмичное сочетание простейших геометрических объемов, четкость линий — достоинства, явные на чертежах, но зачастую стертые / потерянные в реальности.

Яркие цветовые сочетания строительных панелей (плоских прямоугольников) определяют лаконичный декоративизм литографий Смирнова 1960-х («Новая улица» и др.). Чистые красные, синие, белые пятна придают настроение весеннему пейзажу Чарнецкой «Автово. После работы» (1963) (очевидно, изображен квартал в районе улиц Червоного Казачества и Автовской). Артистичными и изысканными кажутся высотные дома Ульянки и Лигова (начало 1970-х) в литографиях «русского Марке» — А. С. Ведерникова, выдающегося мастера ленинградского пейзажа. Ведерников умел одним цветным камнем, одной плоскостью объединить, сделать сложное пространственное построение; и в этих работах он сводит к одному целому здания-коробки, стоящие на разных планах.

А. С. Ведерников.
Ульянка. Цветная
литография. 1971 г.

М. С. Чарнецкая. Автово. После работы. Цветная литография. 1963 г.

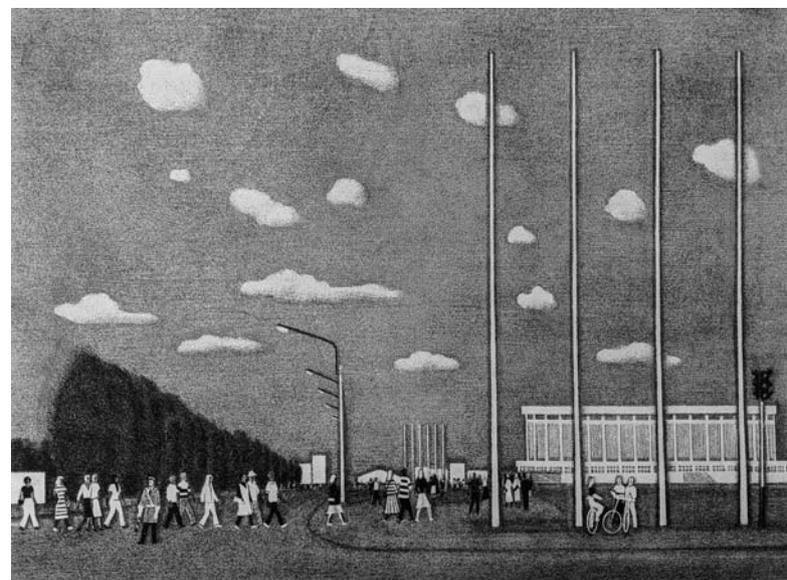
Многие графические работы 1970–1980-х гг. интересны не в плане топографической точности, а в контексте личной манеры художника или стиля времени. Так, в листе М. Н. Скуляри «Точечный дом» (1974) характерные для десятилетия черты примитивизма проявляются в нарочитой кособокости «неряшливых» линий. В некоторых эстампах современный Ленинград выступает активным фоном, своеобразным символом, помогающим раскрытию основной темы. В офорте «Новый район» (1985) Ю. С. Тризны пейзаж из окна дома на улице Кораблестроителей (где в квартирах-мастерских жили многие художники) окружает героиню, давая ощущение простора и свободы. У А. А. Пахомова («Солнечный день», 1977) новостройка на заднем плане словно дублирует образ героя — угловатого подростка.

Для художников андеграунда, видевших именно пластические поиски смыслом творчества, новые ленинградские спальные районы могли стать мотивом для идей. Яркий пример тому — линогравюры В. В. Жукова — мастера круга П. М. Кондратьева (ученика Филонова). В своих работах Жуков шел от построений кубизма к абстракции, перестраивал свое видение «от иллюзорно-предметного к пространственно-пластическому»⁸. Его пластический язык балансировал между Предметностью и Беспредметностью. Виды 5-й ТЭЦ или жилых кварталов у Володарского моста (1972) превращены в систему ритмически организованных цвето-тональных планов, уподобленных неглубокому рельефу. Город — просто объект, предмет, предлог, через который мастер решает пространственные задачи.

Разговор об отечественной графике второй половины 1960–1970-х гг. невозможен без имени А. А. Ушина. Город — его главная тема. Это Петербург Достоевского и Блокада, урбанизм и индустриальный пейзаж; старые и новые кварталы. Ушин — мастер яркой образности, напряженного драматического таланта. Его линогравюры словно аккумулируют всё лучшее, что может быть в черно-белом геометризованном, четком пространстве. Ритм, музыка, лирика — всё заключено в жесткости его линий; и «безликие» коробки новостроечных районов в работах художника преображаются в эстетизированные линейные построения.

В творчестве В. А. Вальцефера городские «новостроечные» пейзажи интересны не только формальными, пластическими находками, но особой интонацией. Вальцефер — обладатель яркой индивидуальной манеры. «Строящийся дом» (1967) — конструктивная, минималистская композиция из блоков, оконных проемов, строительных швов и прочих функциональных объектов, придающая им эстетическую категорию эпохи «сурового стиля». Карусели из парка Победы или новый стадион («Олимпийский объект», 1979, «На стадион», 1982) — стерильные, будто «обтекаемые» объемы, в окружении такого же пустого, стерильного неба и земли. Ленинград художника — город будущего, без надрывных эстетских переключек с «Петербургом».

Тема Ленинграда была ведущей у О. А. Почтенного, активно работавшего в станковой печатной графике с середины 1950-х гг. Линогравюры «Нарвские ворота» (1954) и «Ленинград Праздничный. У Московских ворот» (1984) позволяют сравнить творческое развитие мастера от пафосного реализма сталинской эпохи до влияния примитивизма. Сравнение, созвучие

В. А. Вальцефер. На стадион. Литография. 1982 г.

и единство, переключка, игра «нового» и «старого» — вот основные составляющие его многодельных композиций. В «Ленинграде Праздничном...» показана энергетика жизни современного города — праздничный салют, машины, толпа. Веселье проходит на фоне Московского проспекта — главной трассы советского Ленинграда, вместе с верстовым столбом XVIII в. и знаменитыми Московскими воротами архитектора Стасова, — всё едино в этом карнавале жизни. К ярким городским пейзажам, символизирующим гармонию «нового» и «старого», и лучшим образцам линогравюры этого времени принадлежит лист Почтенного «Новостройки на Охте» (1975). Автор использует специфику материала — разнообразную штриховку, слагая единый декоративный узор из стен блочного дома, мерцающего зимнего неба, заиндеветших кустов и призрачного силуэта растреллиевского Смольного собора.

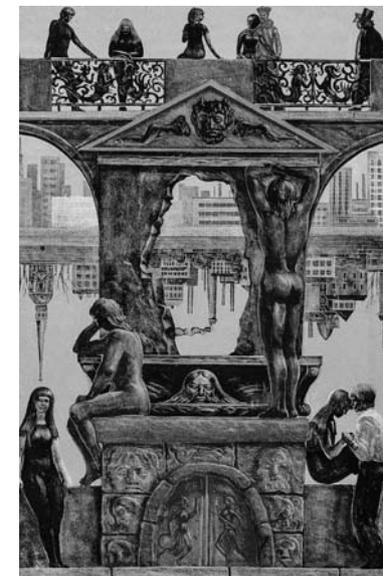
Главным художником петербургской темы в 1970–1980-е гг. можно назвать В. С. Вильнера. Бессмысленно искать в листах

О. А. Почтенный. Новостройки на Охте. Линогравюра раскрашенная. 1975 г.

Вильнера топографическую точность. Он не просто изображал уголки старого Петербурга и нового Ленинграда, но активно творил собственный петербургский миф, сочетая историю литературных героев, скульптуру и архитектуру в фантасмагорических сюжетах. Еще в советское время в отношении творчества художника употребляли понятие «сюрреализм». И термин «сверхреализм» здесь более чем уместен. Фантомные образы изображены так же тщательно и отчетливо, как живые. Реальные, узнаваемые архитектурные памятники и фантазийные постройки также изображены с мельчайшими подробностями и вплетены в одни композиции с условно вертикальным пространством, образуя единый организм-муравейник. На одной из его известных работ — литографии «Белая ночь» (1970) современные дома в зеркальном отражении предстают исторической застройкой. Вглядываясь в остальные детали композиции (все изображения и мини-сюжеты представлены парами), зритель оказывается перед нерешаемым вопросом: старое и новое — это единство или борьба, гармония или отрицание?

Наш небольшой обзор, безусловно, не претендует на каталожную полноту имен всех художников и их произведений. Но, как нам представляется, демонстрирует основные аспекты и отражения темы: что хотели выразить в эстампах художники советского периода, изображая архитектуру своего времени, дополняющую / меняющую облик города.

В. С. Вильнер. Титульный лист к серии «Белые ночи». Цветная литография. 1970 г.

Примечания

¹ «Ленинград» — орган ЛАПП (Ленинградской ассоциации пролетарских писателей), издавался с мая 1930 до конца 1931 г.; Чумандрин был его редактором в 1930 и во второй половине 1931 г.

² Цит. по автографу. ОР РНБ. Ф. 1015. Ед. хр. 989. Л. 1.

³ Голлербах Э. Ф. Ленинград в литографиях В. М. Конашевича // Ленинград. Новые пейзажи. 1917–1932. Л., 1932. [С. 1.]

⁴ Проект Н. А. Троцкого 1930–1935.

⁵ Проект Г. М. Марсакова. 1930–1933.

⁶ В пару к ней художница представила офорт «Улица Стачек в 1926 году», изображающий руинированные постройки. Офортами с изображением строящегося в Володарском районе Ленинграда хлебозавода был представлен коллега Кругликовой по графической секции ЛОССХа — А. А. Громов. См.: Индустрия социализма: каталог выставки. М.; Л., 1939. С. 98, 109.

⁷ Ныне — Московский проспект. Вероятно, изображены дома в районе Благодатной улицы.

⁸ Цит. по: Владимир Жуков. СПб., 2007. С. 6.

Т. И. Николаева

ОБРАЗЕЦ ЖИЛОГО ДОМА ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

УЧАСТОК, расположенный на пересечении Каменноостровского и Кронверкского проспектов, сформировался в 1830-х гг., когда начались работы по спрямлению основной магистрали Петербургской стороны. В 1840–1860-х гг. его владельцем был купец Е. Волков и его наследники, с 1870-х — купец Ф. И. Семенов с наследниками. В 1890-х гг. здесь размещался трактир И. Е. Грязнова, постоянные дворы А. К. Оленева с трактиром и А. П. Круглова.

В 1902 г. участок с деревянными постройками перешел к шведской подданной И. Б. Лидваль, матери архитектора Ф. И. Лидваля¹. Одновременно на противоположной стороне Каменноостровского проспекта возводился большой доходный дом Лидвалей в стиле северного модерна (№ 1–3). Однако второй участок Лидвалей на остром углу двух проспектов так и не получил новой представительной застройки. В 1930–1940-х гг. здесь разбили газон (0,30 га), посадили деревья, кусты и установили конструкцию для доски почета.

В тридцатые годы в советской архитектуре проявился большой интерес к освоению классического наследия. «Красная дорика» с ее монументальным и представительным воплощением отвечала требованиям сталинского времени и созданию образа будущего общества. Тогда же произошло разделение архитектурных школ Москвы и Ленинграда. Московские зодчие во главе с И. В. Жолтовским проявили интерес к использованию ренессансных и античных форм. Ленинградская школа и ее представители Н. А. Троцкий, Е. А. Левинсон и И. И. Фомин отдали предпочтение западноевропейскому и петербургскому неоклассицизму.

Война и блокада прервали процессы развития города. Но уже в 1944 г., после снятия блокады, началось активное возрождение Ленинграда. Большое значение приобретает восстановление памятников архитектуры и культуры. И одновременно

Перспектива Каменноостровского проспекта до постройки жилого дома. Фотоархив ЛенНИИпроекта. № 936/8459

с этим начинается реконструкция незавершенных частей города и создание новых ансамблей. Взаимодействие процессов восстановления, реконструкции и нового строительства закрепило Генеральный план, осуществление которого началось в 1943 г. авторским коллективом во главе с Н. В. Барановым и А. И. Наумовым. План, заверченный через пять лет, предполагал возвращение к традиционному концентрическому развитию, обусловленному местоположением и исторической средой, включающей соотношение высоты зданий с размерами ее пространственного формирования. Советская архитектура как часть идеологической системы испытывала усиление строгого контроля государства. Творческая направленность на лучшие приемы классической архитектуры и достижения современной строительной техники должны были отразить величие побед советской эпохи. Застройка сохраняла красные линии и пространственные направления исторического центра. Пересечения магистралей получили четкую оправу, фокусируя градостроительные акценты. Горизонталь продолжала доминировать как важная часть городского силуэта. Таким подходом сохранялась целостность среды. В поисках новых форм

неоклассицизма главная роль отводится модернизации архитектурного ордера и орнамента.

В 1946 г. важнейший участок на углу Каменноостровского (Кировского, 1934) и Кронверкского (Максима Горького, 1932) пр. отводится под строительство жилого дома на конкурсной основе (Каменноостровский пр., 2). Архитектор «Ленпроекта» Д. С. Гольдгор предлагал полностью застроить весь участок. Победившие в конкурсе, конкуренты и коллеги О. И. Гурьев и В. М. Фромзель, создавая свой проект, оставили угол пересечения проспектов незастроенным. Они придали пятиэтажному зданию сложную конфигурацию в виде изогнутого по кривой центрального корпуса, замкнутого симметричными корпусами, расположенными по красным линиям двух проспектов. Учитывая расположение здания и открытую перспективу, зодчие при оформлении фасада отдали предпочтение неоклассицизму с гигантским ордерам. Вогнутая форма фасада позволила увеличить длину корпуса. Архитектурный фронт застройки двух проспектов определил высоту этажей жилого дома².

Заметное влияние на зодчих оказала постройка первого жилого дома Ленсовета на наб. реки Карповки, 13, возведенного в 1931–1935 гг. по проекту архитекторов Е. А. Левинсона и И. И. Фомина. Дугообразный фасад жилого дома вторил плавному повороту реки Карповки. К центральному вогнутому корпусу примыкали два прямоугольных боковых, поставленных несимметрично. Игра объемов, чередование прямых и острых углов, световые контрасты массива свидетельствовали о приемах ленинградского конструктивизма. Его завершающий этап отличала экспрессия и тяга к классицистическим реминисценциям.

Среди ленинградских неоклассиков 1930–1950-х гг. Олег Иванович Гурьев (1912–1986) выделялся значительным творческим потенциалом. После окончания Института инженеров коммунального строительства (ЛИСИ — ГАСУ) его направили в институт «Ленпроект» в мастерскую Г. И. Симонова. По словам В. М. Фромзеля, под руководством Симонова Гурьев защитил дипломный проект по планировке Вышнего Волочка с первой отечественной искусственной водной системой и зданием музея. Акцент в работе был сделан на объединение в целостную

композицию всех частей с помощью осей симметрии и живописных природных элементов. Классцистические принципы сделали архитектуру уникального края продолжением природного ландшафта. В 1936 г. О. И. Гурьев совместно с Б. Р. Рубаненко и Г. А. Симоновым разработал проект планировки квартала на Малой Охте между Малоохтинским проспектом и улицами Таллинской и Стахановцев. Обращением к неоклассицизму утверждалась преимущество историко-архитектурного развития города.

Реконструкция Троицкой площади, осуществленная совместно с Н. В. Барановым и привлечением Я. Н. Лукина и А. П. Щербенка (1948), планировка и застройка Приморского проспекта совместно с Н. В. Барановым, Н. М. Назарьиним (1946–1951), жилые кварталы около станции «Удельная» (1946–1948) стали важнейшими градостроительными работами зодчего первого послевоенного времени. Этот опыт помог при составлении проекта жилого дома на Каменноостровском (Кировском) проспекте.

Другой автор проекта жилого дома на Каменноостровском пр.— Виктор Матвеевич Фромзель (1909–2001), выпускник Академии художеств, участник послевоенного восстановления города. До войны он занимался проектированием и строительством жилых домов на Малой Охте, школы на Очаковской ул., дома 134-а на наб. Фонтанки и др. К первым послевоенным постройкам относятся дома на Большом пр., 34–36, пр. Энгельса, 10–18, микрорайон у Скобелевского пр. (совместно с О. И. Гурьевым, А. В. Жуком и А. К. Барутчевым (1946–1950-е)).

10 декабря 1946 г. решением междуведомственного совещания при отделе Генплана по делам архитектуры предусматривалась организация в первом этаже проектируемого дома на Каменноостровском пр. следующих учреждений: кафе (200 кв. м), аптечного магазина (100 кв. м), аптеки (200 кв. м), почтового отделения (120 кв. м). Гурьев категорически возражал против предложения об увеличении площадей под обслуживающие учреждения за счет отказа от проектирования сквозной лестницы — парадного входа.

12 мая 1947 г. на совещании при отделе Генплана, учитывая местоположение здания, решили считать вынужденным размещение на первом этаже обслуживающих учреждений:

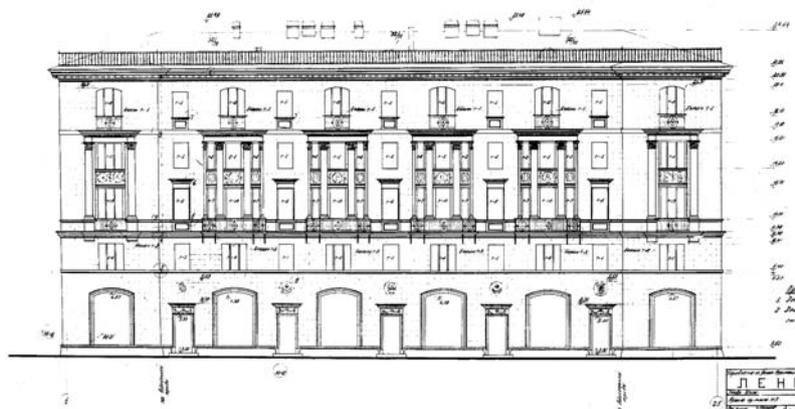

Жилой дом с фонтаном. Вариант благоустройства.
Фотоархив ЛенНИИпроекта. № 936/8459

по Каменноостровскому пр. выделялась площадь 85 кв. м под цветочный магазин и 145 кв. м под специализированный протоварный магазин. Угловая часть дома предназначалась для кафе (130 кв. м) и кондитерского магазина (144 кв. м). На Кронверкском пр. почтовое отделение занимало 85 кв. м, а аптеки — 128 кв. м. В остальных этажах проектировались двух-, трех- и четырехкомнатные квартиры с возможностью покомнатного заселения. Во всех квартирах по фасадной — южной стороне — предполагались жилые комнаты. Кухни были обращены во двор. Лестницы оборудовались лифтами и помещениями для консьержек. В подвалах по плану устраивались котельная, прачечная. Первоначально в доме проектировалось 44 квартиры. Из них двухкомнатных — 16, трехкомнатных — 20, четырехкомнатных — 8. В окончательный вариант включили 53 квартиры: 5 однокомнатных, 28 двухкомнатных, 16 трехкомнатных и 4 четырехкомнатных.

Здание стало композиционным началом важнейшей магистрали города, в основном сложившейся за короткий предреволюционный период. Авторы предусмотрели перед домом небольшую озелененную площадь (первоначально предполагалось с фонтаном). Торжественность и значительность, достигнутые простым и ясным решением объемов здания, не лишают его уютного жилого характера. Введение больших окон-витрин на первом этаже продиктовано торговым назначением помещений.

Композиция главного фасада основана на сочетании горизонтальных поэтажных членений и вертикальных элементов

Главный фасад. 1949. Фотоархив ЛенНИИпроекта. № 936/17519

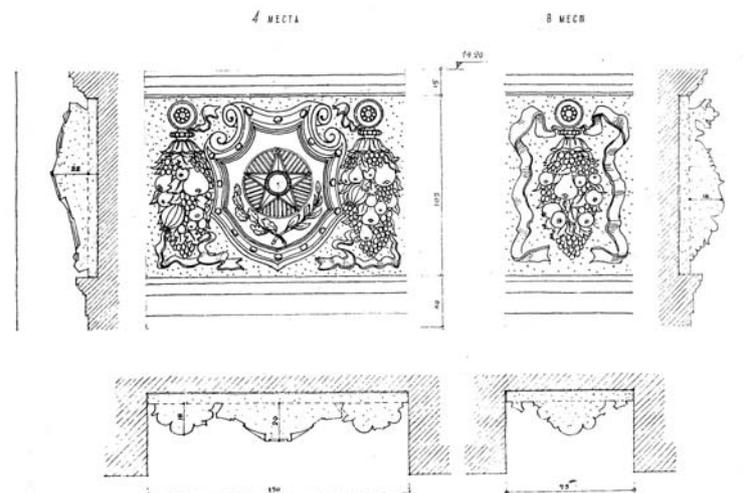
ордера. В центральной части их ритм подчеркнут. В более сдержанной трактовке этот прием повторяется в раскрепованных частях и на боковых фасадах здания. Таким образом, найден переход от насыщенной композиции главного фасада к боковым частям. Тройные окна четырех неглубоких лоджий и окна на боковых раскреповках по третьему и четвертому этажам композиционно объединены пилястрами. Поверхность стены с рельефно выделенным первым этажом обработана под руст. Первоначально на пятом этаже также были спроектированы тройные окна, включающие центральное овальное окно. В окончательном варианте архитекторы отказались от них, заменив на окна, перекликающиеся по форме с окнами первого этажа, но в уменьшенном размере. Удачно найденные членения фасада находят свое завершение в масштабном венчающем карнизе и балюстраде.

К достоинствам архитектурного решения следует отнести равномерное распределение декоративных элементов. Их символический характер можно объяснить пафосом послевоенного времени. На первом этаже в круглых медальонах, расположенных над дверьми, чередуются изображения в виде геральдического щита с серпом и молотом и снопы колосьев, перевитых лентой с цветами. В замковых камнях окон второго этажа использована розетка в рельефном овале. В четырех лоджиях меж-

ду окнами третьего и четвертого этажей главного фасада находятся декоративные заполнения с изображением пятиконечной звезды в сложном фигурном геральдическом обрамлении с массивными гроздьями фруктов, перевитых лентой. В раскрепованных боковых частях главного фасада вставки выполнены в виде пятиконечной звезды, вписанной в геральдический щит, заключенный в колосья с цветами и дополненный гроздьями фруктов в обрамлении лент. Центральные части главного и боковых фасадов по третьему и пятому этажам акцентированы балконами на металлических кронштейнах. Металлические стержневые решетки балконов отличает геометрический узор.

В оформлении боковых фасадов сдержанно использованы те же декоративные элементы. Светлая окраска дома, сообщающая фасадам репрезентативность, воспринимается контрастно по отношению к темному колориту старой застройки проспектов. Внутренняя отделка дома отличалась повышенным качеством.

Строительство здания, начатое в 1949 г., было закончено через два года. Участок застройки по условиям инженерной геологии по данным шурфов считался удовлетворительным.

Барельефы главного фасада. 1949. Фотоархив ЛенНИИпроекта. № 936/13889

Непосредственно на поверхности залегал насыпной грунт от 60 см до 1 м 40 см, ниже илистый песок, а под ним материковый слой мелкозернистых песков. Заглубление фундаментов приняли равным 2 м, сделали бутовые основания ленточного типа. Уровень фундамента различался в части примыкания к соседним домам. В этом случае между новым и каждым старым фундаментом предполагался шпунтовый ряд. Полы подвалов находились на абсолютной отметке 1,60 м, что было на 0,75 м выше уровня грунтовых вод.

Над подвалом, первым этажом, проездами и над лестничными клетками устроили несгораемые перекрытия. Над вторым, третьим и четвертым этажами — полусгораемые по деревянным балкам. Полуогнестойкое чердачное перекрытие выполнили по металлическим двутавровым балкам. Для несущих конструкций крыши использовали стропила из бревен диаметром 18–20 см, установленных с шагом 120–170 см.

Наружные стены возводились толщиной в 64 см (2,5 кирпича), внутренние — продольные и поперечные, а также стены лестничных клеток — 38 см. В первом этаже продольные кирпичные стены имели толщину 52 см.

Фасады здания выполнили в цементной штукатурке, на белом цементе с мраморной крошкой и насечкой. Для цоколя использовали гранит. Дворовые фасады возвели в кирпиче, под расшивку с отдельными штукатурными тягами и деталями.

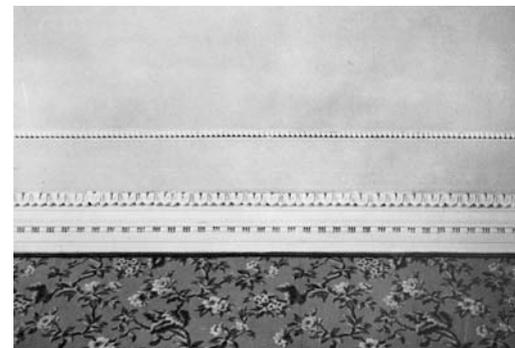
Балконы поддерживались металлическими рамами, консольно закрепленными в кирпичной кладке. Площадки сделали по железобетонным монолитным плитам, а асфальтовый пол по цементной стяжке, уложенной на рулонной гидроизоляции.

Венчающие и промежуточные карнизы вывели в кирпиче. Железобетонные плиты венчающих карнизов крепились анкерами в толще стен. Железная кровля имела нормальный уклон. Парапеты по всему зданию чередовались со звеньями бетонных балясин и тумбами.

Лестницы устроили на металлических косоурах и площадочных балках. Для лестничных площадок использовали сборные железобетонные плиты и такие же мозаичные ступени.

Первоначально дом предназначался для работников Ленгорисполкома, затем для сотрудников Ленгосуниверситета. Поэтому

Фрагмент интерьера комнаты. Фотография 1951 г. Фотоархив ЛенНИИпроекта. № 936/15677

предусматривалась внутренняя отделка повышенного качества. Расположение квартир отличалось продуманностью. Комнаты имели удобные по пропорциям площади с увеличенной против существовавших норм высотой в 3,5 м. Простотой и выразительностью отличался рисунок дверей и окон. Эстетический элемент в оформлении помещений вносили лепные карнизы. Комнаты, прихожие и коридоры оклеивались высококачественными обоями. Жилые комнаты, коридоры проектировались с паркетными полами. Для кухонь предполагались ксилолитовые полы, для уборных и ванн — полы из метлахских плиток. Ванные и уборные, удачно размещенные, имели облицовку стен метлахскими плитками на высоту два метра.

Архитекторы, решая для жильцов проблему бытовых удобств, предусмотрели встроенные в стены шкафы для хранения вещей, антресоли, двойные входные двери с просторным тамбуром.

К недостаткам следовало отнести слабую звукоизоляцию крайних комнат смежных квартир: перегородки имели толщину всего 16 см. Серьезным упущением явилось то, что магазины проектировались без полного учета их назначения. В них отсутствовали некоторые необходимые подсобные помещения. Сказалась нечеткость изначально поставленной задачи.

Система отопления проектировалась водяная с насосным побуждением. Стояки прокладывались открыто вдоль наружных стен. На чердачных и подвальных стояках установили регулировочные краны. Нагревательные приборы с регулировочными кранами находились открыто у наружных стен под окнами

или у перегоронок. Вытяжная вентиляция из кухонь, ванных и уборных, а также магазинов и почты устраивалась через каналы; вентиляция кафе — как вытяжная с механическим побуждением. На чердаке отдельные группы вытяжных каналов выводились сверх крыши коренными трубами. Питание газом предусматривалось от городской сети низкого давления со стороны Кронверкского проспекта. Отопление и горячее водоснабжение были централизованные.

После завершения строительства здания в 1951 г. его проект представили на конкурс лучших жилых и общественных зданий, выстроенных к этому времени в городах и поселках РСФСР. Для представления на конкурс рассмотрели материалы 15 тысяч зданий и комплексов, отобрав в итоге 246. Жюри предстояло решить, в какой мере архитекторы и строители сумели создать удобные, красивые и экономичные здания с использованием местных материалов, передовой техники, поточно-скоростных методов строительства. Создатели проекта жилого дома на Каменноостровском пр., 2, получили вторую премию. Премиями и почетными грамотами отметили 69 зданий и комплексов, выстроенных в 43 городах и рабочих поселках⁵. В начале 1950-х гг. была выполнена внутренняя отделка табачного и цветочного магазинов (архитектор А. И. Лапиров) и парфюмерного магазина (архитекторы Е. Н. Сандлер, Р. И. Фридман).

В этом доме жили один из его создателей — выдающийся ленинградский архитектор О. И. Гурьев, народный артист СССР П. П. Кадочников, великий танцовщик и балетмейстер, первый президент Академии русского балета К. М. Сергеев. В 1968 г. перед зданием установили памятник А. М. Горькому (скульпторы В. В. Исаева, М. Р. Габе, архитектор Е. А. Левинсон).

Важный градостроительный акцент в застройке двух проспектов, объемная композиция, хорошие пропорции, удачная планировка, качественная отделка, индустриальный способ строительства создали предпосылки для включения жилого дома на Каменноостровском пр., 2, как памятника советской архитектуры в перечень объектов истории и культуры нашего города, состоящих под государственной охраной. Этот акт зафиксирован решением исполкома Ленгорсовета от 14.08.1967 г. № 744, узаконен постановлением Совета министров РСФСР

Главный фасад. Фотография 1977 г. КГИОП. № 887/4

от 04.12.1974 г. и подтвержден законом Санкт-Петербурга от 02.07.1997 г. № 141/47. Работая над образом жилого дома, Гурьев и Фромзель сумели воплотить свои творческие представления о ценностных требованиях соцреализма в архитектуре. Познание зодчими истоков петербургского неоклассицизма, закономерностей его эволюционного развития, ориентация на «выверенные правила» способствовали формированию нового архитектурного языка ленинградского времени.

Использованная литература

Исагенко В. Г. В. М. Фромзель // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 2000. С. 698.

Курбатов Ю. И. Олег Гурьев // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 2000. С. 390–398.

Курбатов Ю. И. Петроград — Ленинград — Санкт-Петербург. Архитектурно-градостроительные уроки. СПб., 2008.

Матвеев В. А. Новые дома на Кировском проспекте // Архитектура и строительство Ленинграда. 1954. № 1.

Николаева Т. И. Жилой дом. Каменноостровский пр., 2 // Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Петроградский район. СПб., 2004. С. 493–495.

Николаева Т. И. Кировский пр., 2. Историческая справка. 1987. КГИОП.
Фромзель В. М. Олег Гурьев (1912–1986) // Архитекторы об архитекторах. Ленинград — Петербург. XX век. СПб., 1999. С. 340–349.

Примечания

¹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7753.

² Научно-технический архив ЛенНИИпроекта. Инв. № 657. П.

³ Шквариков В. О качестве планировки и застройки городов РСФСР (Итоги конкурса) // Архитектура СССР. 1952. № 7. С. 12, 15.

Ю. И. Кашаверская

СИМВОЛИКА В СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Посвящается

Людмиле Юльевне Воронцовой

В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ России дворцы, дома, особняки, как правило, украшались дворянскими гербами, при советском же строе архитекторы стали использовать новые символы — гербы РСФСР и СССР. Ими отмечали здания общественного назначения, жилые дома, а также обелиски.

Принятая в обществе символика означает систему символов и эмблем. Если символ — это условный знак или условное обозначение, то эмблема, в противоположность символу, конкретное отражение идеи общества или государства. Социалистическая символика родилась в Европе в первой половине XIX в. — с момента создания первых рабочих организаций и получила дальнейшее развитие после Парижской коммуны 1871 г.

В первый период развития символики были созданы такие атрибуты, как девизы: «Один за всех — все за одного», «Союз и свобода», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Затем появляется знамя, так как начались вооруженные столкновения, манифестации, демонстрации. И в этот же период появляется красное знамя, как символ борьбы рабочего класса.

В России красное знамя утверждает за рабочим движением с 1876 г. Следующим атрибутом явился гимн.

Второй период развития символики в России начался с 1918 г., после создания нового государства, которому потребовалась своя символика — флаг, гимн и герб, отражающая новый общественный и экономический строй. Государственный флаг был создан на основе красного знамени рабочего движения¹.

Важным документом новой власти стал декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», принятый 10 (23) ноября 1917 г. В следующем году Народный комиссариат просвещения дал поручение разработать эмблемы Советского государства. Весной 1918 г. объявили конкурс на проекты серебряных монет, герба, флага и печати. По его условиям считалось необходимым

включить в символику орудия труда, например серп и молот, как эмблему рабоче-крестьянской республики; создать эмблему вооруженных сил — красная пятиконечная звезда с помещенными над ней плугом и молотом, впоследствии замененными на серп и молот².

Однако часть старых символов всё же сохранялась. Для первого государственного герба избрали эмблему «серп и молот» — символ власти рабочих и крестьян. Вместо гербового щита вводится изображение земного шара. Дополнительными элементами нового герба стали колосья, красная пятиконечная звезда.

Колос как эмблема плодородия символизировал мощь государства, а колосья изображались в виде венка. Венки, известный с Античности, символ державного величия, стал одним из важнейших советских эмблем. Участник конкурса на разработку нового герба, художник С. В. Чехонин, использовал венок для введения в советскую геральдику. Пентаграмма (пятиконечная звезда) — древнейший знак человечества, имеющий древне-восточное происхождение и употребляющийся как военная эмблема. Для Красной армии она стала символом обороны, охраны, безопасности. А красный цвет символизировал ее революционный характер. Создателем эмблемы был К. С. Еремеев — первый советский командующий войсками Петроградского военного округа, председатель Комиссии по формированию Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА)³.

10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде приняли Государственный герб Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). В красном поле фигурного щита — золотые серп и молот, скрещенные в лучах восходящего золотого солнца. В вершине гербового щита буквенное изображение черным шрифтом «Р.С.Ф.С.Р.». Щит обрамлен семью золотыми колосьями с каждой стороны. В красной ленте под щитом девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Вверху герба — красная пятиконечная звезда с золотой каймой. Солнце символизировало «животворящие силы социализма». Не считая букв в гербовом щите, первый советский государственный знак был составлен в соответствии с геральдическими канонами. Девиз подчеркивал политическую направлен-

ность социалистического государства. До 1951 г. каждая буква изображения Р.С.Ф.С.Р. отделялась точкой, в дальнейшем они отсутствуют⁴. Девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» взяли из Манифеста Коммунистической партии Карла Маркса и Фридриха Энгельса, опубликованного в 1848 г.⁵ Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик (СССР) утвердили в 1923 г. на второй сессии ЦИК СССР. Он представлял собой изображение серпа и молота на земном шаре в лучах солнца, обрамленного колосьями, перевитыми красной лентой с надписью на ней: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на шести языках: русском, украинском, белорусском, азербайджанском, армянском и грузинском. В верхней части герба — пятиконечная красная звезда. Проекты герба СССР разрабатывали художники Гознака. Комиссия ЦИК выбрала эскиз художника П. В. Корзуна. Дорабатывал рисунок график И. И. Дубасов⁶.

Композиция герба СССР сложилась на основе Большого герба России с полностью замененной символикой. Двуглавый орел заменен на серп и молот. Вместо сени России — земной шар. Девиз России «С нами Бог» изменен на коммунистический «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; гербы российских территорий — лентами с этим же девизом на языках республик; красная звезда — как символ торжества над православным крестом⁷.

В этот период в архитектуре господствовал стиль неоклассицизм. Из общественных зданий ярким примером может служить Дом Советов (Московский пр., 122), возведенный в 1936–1941 гг. по проекту Н. А. Троцкого, Я. Н. Лукина, Я. О. Свицкого, Л. М. Тверского и др. Четырнадцатиколонный портик центральной части монументального здания завершен фризом (скульптор Н. В. Томский). В центре над фризом — большой картуш с изображением герба РСФСР в обрамлении знамен, выполненный И. В. Крестовским. В гранитном портале над крайними дверьми также помещены гербы РСФСР⁸.

Центральная часть пятиэтажного здания Исполкома Калининского района и Концертного зала у Финляндского вокзала (Арсенальная наб., 13/1), возведенного в 1952–1954 гг. по проекту Н. В. Баранова, Н. Г. Агеева и Г. И. Иванова, выделена

Здание концертного зала. Архитекторы Н. В. Баранов, Н. Г. Агеев, Г. И. Иванов, 1952–1954. Фотография 2017 г.

портиком с фронтоном, в тимпане которого находится лепной герб РСФСР⁹.

Дом № 68 на Невском пр., пострадавший во время Великой Отечественной войны, восстановлен по проекту И. И. Фомина и Б. Н. Журавлева. В крупном фронте помещен лепной герб РСФСР, обрамленный знаменами. Символику подчеркивают скульптуры, установленные на фронте: мужская фигура с молотом, олицетворяющая рабочий класс, и женская с серпом в руке, олицетворяющая крестьянство¹⁰.

На лицевом фасаде дома Совета депутатов трудящихся Невского района (ныне здание администрации Невского района, пр. Обуховской Обороны, 163), возведенного в 1940 г. (архитекторы Е. А. Левинсон, И. И. Фомин и Г. Е. Гедике), в крупном карнизе лепные изображения серпа и молота в овале со знаменами¹¹.

Вход в здание Дворца культуры работников связи (Большая Морская ул., 58), перестроенное из немецкой реформаторской кирхи в 1930–1940-х гг. по проекту П. М. Гринберга и Г. С. Райц, акцентирован гербом СССР¹².

Одиннадцатипятиэтажная башня Кировского райсовета (пр. Стачек, 18), построенного Н. А. Троцким в 1930–1935-х гг., имеет высеченный вверху куб с огромным серпом и молотом. Немного позже в четырехэтажной части здания появился герб СССР¹³.

Подобное использование советской символики коснулось и учебных заведений. Так, например, Л. В. Руднев в соавторстве с Я. О. Свирским использовали элементы советского герба в оформлении фасадов Текстильного института (Большая Морская ул., 18). Простенки между окнами верхнего этажа заполнены вставками с изображением серпа и молота, наложенных на колосья¹⁴.

На Суворовском пр. (институт «Атомэнергопроект») пятиэтажное здание, построенное в 1954 г. по проекту А. В. Васильева, завершает аттик, в середине которого лепное панно, обрамленное волютами с помещенными над ними серпом и молотом¹⁵.

Здание Кировского райсовета. Архитектор Н. А. Троцкий, 1930–1935-е гг. (слева). Дворец культуры работников связи. Архитекторы П. М. Гринберг, Г. С. Райц, 1930–1940-е гг. (справа). Фотографии автора, 2021 г.

Финляндский
вокзал. Горельеф.
Фотография 2021 г.

Новое здание Финляндского вокзала, возведенное по проекту Н. В. Баранова, П. А. Ашастина и Я. Н. Лукина, венчает 16-метровая башня с часами и 30-метровый шпиль с пятиконечной звездой. Над семнадцатью огромными оконными проемами установлены горельефы. В центральном горельефе помещена аллегорическая фигура Революции в виде экспрессивного женского образа, у ног которого — поверженный двуглавый орел и разорванные оковы¹⁶.

Советская символика широко использовалась и в оформлении зданий метрополитена. 15 ноября 1955 г. открылось несколько станций первой очереди. Центральный подземный зал станции «Автово» (архитекторы Е. А. Левинсон и А. А. Грушке) украшают 46 колонн, из которых 16 облицованы стеклянными панелями (16 «хрустальных» колонн). На рельефном стекле особенно эффектно выделяются пятиконечные звезды и дубовые ветки, олицетворяющие силу государства, победившего фашизм.

Станция «Кировский завод» (архитектор А. К. Андреев) названа в честь напротив расположенного Кировского завода, выпускающего в том числе тракторы. Аттик фасада здания орнаментирован характерными горельефами. В центре стилизованного флага помещена пятиконечная звезда с наложенными на нее серпом и молотом. Эту композицию разделяют снопы колосьев, перевитых лентой и дубовыми листьями.

На станции «Нарвская» (архитекторы А. А. Васильев, Д. С. Гольдгор, С. Б. Сперанский) интерьер вестибюля центрального зала выполнен в виде ротонды, в куполе которой изображения серпа и молота чередуются со звездами. Кассовый зал освещает массивная люстра с пятиконечными звездами и с серпом и молотом. Мощные пилоны подземного зала, разделяющие нефы, украшены позолоченными вентиляционными решетками. В золотом круге из дубовых листьев заключены серп и молот. Вся композиция помещена в большой круг, обрамленный дубовым венком. Во фризе между настенными светильниками — спускающиеся гирлянды со звездой в центре.

Центральная часть фасада станции «Владимирская» (архитекторы Г. И. Александров, А. В. Жук, И. И. Прибульский) акцентирована двумя круглыми колоннами, поддерживающими антаблемент с полукруглым сандриком, украшенным чередующимися звездами с серпом и молотом. В вентиляционных решетках подземного зала также присутствуют пятиконечные звезды¹⁷.

Советскую символику зодчие использовали и при оформлении жилых домов. На Московском пр., 37, в 1952 г. по проекту В. А. Каменского, Г. А. Ашрапяна и В. А. Мочалова построено здание с высокой башней и шпилем, увенчанным пятиконечной звездой в венке¹⁸. Подобный дом и на Московском пр., 190 (архитекторы Б. Р. Рубаненко, Г. А. Симонов, О. И. Гурьев, С. В. Васильковский, Л. М. Хидекель)¹⁹. Эти здания ассоциируются с московскими высотками.

По проекту С. Б. Сперанского на Московском пр. (дома № 191 и 193) в 1956–1957 гг.

Фасад жилого дома. Архитектор
С. Б. Сперанский, 1956–1957.
Фотография автора, 2021 г.

возводятся девятиэтажные здания с семиэтажными крыльями по сторонам. Фасад центрального объема как бы разделен на три части, соответствующие фасаду напротив стоящего Дома Советов. Центральные окна четвертого и пятого этажей в этих частях объединены аркой с советской символикой: пятиконечные звезды, разделенные пучками снопов, серпы и молоты. В боковых крыльях те же символы²⁰.

Интересно оформлен В. А. Каменским торец дома № 11 по ул. Пестеля. В 1945 г. на стене установили монументальную мемориальную доску, посвященную героической борьбе защитников полуострова Гангут (Ханко) в период Великой Отечественной войны. Завершение доски повторяет верхнюю часть алтарной абсиды Пантелеймоновой церкви, стоящей напротив дома. Во фронте здания — лепной барельеф с изображением морских символов, обрамленный знаменами. Внизу поля помещены серп и молот²¹.

Жилой дом № 8 на Суворовском пр. существенно пострадал во время Великой Отечественной войны. В 1950 г. его перестроил архитектор А. И. Прибульский. Центральная часть фасада пятиэтажного здания украшена серпом и молотом и звездами, помещенными в венки. Композиция помещена между окнами второго этажа под большим балконом²². Восьмиэтажный центральный корпус здания на этом же проспекте (№ 56–58) И. И. Фомин, С. Б. Сперанский и Г. И. Александров в 1953 г. отметили рельефным изображением серпа и молота в лавровом венке, расположенном между окнами второго этажа с надписью «Миру мир»²³.

В оформлении центрального объема пятиэтажного здания на Каменноостровском пр., 2 (архитекторы О. И. Гурьев и В. М. Фромзель), применены геральдические щиты с серпом и молотом в обрамлении цветочных венков, снопов колосьев, перевязанных лентой, геральдических щитов с пятиконечной звездой в цветочном венке²⁴.

Советская символика использовалась не только в декоре зданий. А. С. Никольский в 1927 г. выполнил проект школы им. 10-летия Октября (пр. Стачек, 11), которая в плане представляет собой серп и молот — самый популярный символ того времени²⁵.

По проекту И. И. Фомина оформили памятник жертвам революции на Марсовом поле, открытие которого состоялось 7 ноября 1919 г. В центре площадки, между каменными стенами, была выложена пятиконечная звезда с серпом и молотом²⁶.

Обелиски также отмечались советскими символами. В 1927 г. в парке Лесотехнической академии открыли мемориал на месте братских могил. Гранитный обелиск с медальоном, на котором изображены эмблемы серпа и молота, установили в 1953 г. на вершине холма.

Еще один обелиск в виде гигантского серпа и молота (высота 28 м) появился в Южно-Приморском парке по проекту архитекторов А. Д. Левинсона, Т. И. Мельникова и инженера П. Ф. Панфилова в 1970 г.²⁷

Использование текстового материала как символа стало применяться и в работе скульпторов. Так, например, коммунистический лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» высечен на памятнике В. И. Ленину (скульпторы В. В. Козлов, А. В. Крыжановская), установленном в 1930 г. на Большом пр. В. О., 55²⁸.

Советские символы устанавливали даже на исторических зданиях. Это был государственный заказ, и старые гербы заменялись новыми. В тимпане треугольного фронтона Смольного института (Смольный проезд, 1), построенного Д. Кваренги в классицистическом стиле, вместо герба Российской империи установили герб РСФСР. В пропиляях, оформляющих вход в Смольный институт, высечены лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Первый совет пролетарской диктатуры» (архитекторы В. А. Щуко, В. Г. Гельфрейх)²⁹.

Во фронте здания Горного института (наб. Лейтенанта Шмидта, 45), перестроенного в начале XIX в. А. Н. Ворониным в стиле высокого классицизма, вместо лепного герба Российской империи появился герб СССР. Такой же герб был установлен во фронте Монетного двора (Петропавловская крепость), возведенного в стиле зрелого классицизма в 1800–1805 гг. по проекту А. Порто³⁰.

Советской символикой отмечен и памятник архитектуры — четырехэтажный корпус Школы и приюта при евангелистско-лютеранской церкви Св. Екатерины (Большой пр. В. О., 55), построенный в 1908 г. по проекту А. Р. Гавемана в стиле

модерн. Во фронте криволинейных очертаний помещен герб РСФСР³¹.

Аттик лицевого фасада здания Главного казначейства (наб. Фонтанки, 70–72), возведенного в 1913–1915 гг. (архитекторы Д. М. Иофан и С. С. Серафимов), украшал стилизованный исторический герб Российской империи: двуглавый орел с распростертыми крыльями. Между его головами — большая императорская корона. Его отличия заключались в том, что в когтях правой лапы орла факел вместо скипетра, в когтях левой — венок вместо державы. На груди орла в щитке необычной формы изображение московского герба. Удивительно, но этот орел (в самом центре города) продержался до 1925 г., пока его наконец не сняли и на его месте не установили герб СССР, поддерживаемый двумя мужскими фигурами со знаменами (скульптор А. А. Улитин).

В тимпане треугольного фронтона здания Манежа (Исаакиевская пл., 1), построенного Д. Кваренги в начале XIX в., вместо барельефа императорского двуглавого орла, заменившего в свое время барельеф «Награждение победителей» работы П. Тришкорни, в 1932 г. появился герб СССР³².

Однако после научной реставрации, проходившей в конце 1990-х — начале 2000-х гг., историческим зданиям Петербурга

Здание Главного казначейства. Герб. Скульптор А. А. Улин, 1925. Архив КГИОП

начали возвращать первоначальный вид. При этом иногда возникали определенные проблемы. Например, вопрос заполнения тимпана треугольного фронтона здания Манежа ученые, искусствоведы и реставраторы оставили нерешенным.

Советские архитекторы были ограничены в выборе декора. Это связано с новой политической властью, диктовавшей свои условия. Довольно типовые символы утвердились и оставались неизменными. Государственные учреждения украшались гербами РСФСР и СССР. В отделке учебных заведений, зданий метрополитена и жилых домов присутствовали элементы советской символики, отражающие новый политический и экономический строй.

В архитектуре XX в. советская символика остается неизменной и сохраняется, несмотря на перестроечное время, отдавая дань ушедшей эпохе.

Примечания

¹ Похлебкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 2007. С. 363, 379–380, 389, 505.

² Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 205–209.

³ Похлебкин В. В. Указ. соч. С. 72, 78–79, 191–192.

⁴ Там же. С. 45, 49–51, 57, 417–419.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. В графической адаптации Мартина Роусона. М., 2018.

⁶ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 225–226.

⁷ Лебедев В. Державный орел России. М., 1995. С. 52.

⁸ Кашаверская Ю. И. Гербы как символы Петербурга // Петербургские искусствоведческие тетради. СПб., 2019. Вып. 56. С. 197.

⁹ Чеканова О. А. Николай Баранов // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 2000. С. 346.

¹⁰ Там же.

¹¹ Хомуцкий Н. Ф. Петербург — Ленинград: Историко-архитектурный очерк. Л., 1958. С. 222–223.

¹² Андреева В. И. Гарольд Боссе. СПб., 2002. С. 276.

¹³ Кириков Б. М., Штиглиц М. С. Архитектура Ленинградского авангарда: Путеводитель. СПб., 2008. С. 117–120.

¹⁴ Хазанов В. В., Николаева Т. И. Лев Руднев // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 2000. С. 272–273.

¹⁵ Васильев Г. А. Архитектор Васильев // Архитекторы об архитекторах. Ленинград — Петербург. XX век. СПб., 1999. С. 407.

¹⁶ Фролов А. И. Вокзалы Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 108–109.

¹⁷ Санкт-Петербургский метрополитен. Путеводитель по петербургской подземке. История и планы развития. М.; СПб., 2011. С. 16–25, 38–41.

¹⁸ Чеканова О. А. Валентин Каменский // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 2000. С. 345–346.

¹⁹ Историческая застройка Санкт-Петербурга. Перечень вновь выявленных объектов: справочник. СПб., 2001. П. 1047.

²⁰ Курбатов Ю. И. Петербург — Ленинград — Санкт-Петербург. Архитектурно-градостроительные уроки. СПб., 2008. С. 84.

²¹ Чеканова О. А. Валентин Каменский... С. 428–430.

²² Рейнберг М. А. Анатолий Прибульский // Архитекторы об архитекторах. Ленинград — Петербург. XX век. СПб., 1999. С. 451.

²³ Хомуцкий Н. Ф. Указ. соч. С. 278.

²⁴ Николаева Т. И. Жилой дом. Каменноостровский пр., 2 // Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Петроградский район. СПб., 2004. С. 493–495.

²⁵ Повелихина А. В. Александр Никольский // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 2000. С. 54.

²⁶ Хазанов В. В., Николаева Т. И. Лев Руднев // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 2000. С. 270; Санкт-Петербург. XX век. Что? Где? Когда? СПб., 2001. С. 46.

²⁷ Санкт-Петербург. XX век. Что? Где? Когда? С. 46–47, 222.

²⁸ Памятники Санкт-Петербурга: справочник. СПб., 2002. С. 72.

²⁹ Хомуцкий Н. Ф. Указ. соч. С. 176.

³⁰ Кашаверская Ю. И. Указ. соч. С. 194–196.

³¹ Николаева Т. И. Школа и приют при евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины (Большой пр., 55) // Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Василеостровский район. СПб., 2005. С. 354–357.

³² Кашаверская Ю. И. Указ. соч. С. 194–196.

«ЛЕНГИПРОТРАНС» И АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ ДЕТСКОСЕЛЬСКОЙ УЛИЦЫ И ПРИВОКЗАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ ГОРОДА ПАВЛОВСКА

ИЗУЧАЯ послевоенное строительство в Павловске, невозможно не обратить внимания на здание Павловского вокзала и несколько зданий на Детскосельской и Слуцкой улицах. Все они построены в стиле сталинского неоклассицизма и имеют схожие и в то же время оригинальные черты оформления. Создателями этого ансамбля были транспортные строители.

В 1948 г. организация «Лентраспроект» (с 1951 г. — «Ленгипротранс») разработала проект электрификации участка железной дороги от Ленинграда до Павловска¹, при этом на станции Павловск планировалось строительство электродепо². Реализовывал этот проект 2-й строительный участок Строительства № 75 (с 1961 г. — строительное управление № 305 треста «Севзаптрансстрой») ³. Помимо предприятий и инфраструктуры железнодорожного транспорта, указанные организации соорудили для сотрудников жилые дома, общежития, школы, детские сады и т. п.

В 1949 г. на месте главного дома сгоревшей в 1934 г. дачи П. П. Ушакова (Д. С. Полякова), по территории которой в 1909 г. были проложены Поляковская (ныне Детскосельская) и Ушаковская (ныне Слуцкая) ул., по адресу Слуцкая, 4, был выстроен двухэтажный каменный дом — общежитие 2-го строительного участка Строительства № 75. Здание отличается широкий двухступенчатый ризалит, центральная часть которого имеет во втором этаже колоннаду из шести дорических колонн, поддерживающих аттик (переключка с фасадом Павловского дворца)⁴. Первый этаж в простенках окон украшен широкой рустовкой из четырех рустов. Второй этаж отделен от первого тягой, имеет окна с лучковым завершением, еще одна тяга идет по нижней границе окон, отдельные окна имеют характерные лепные наличники и карнизы.

Дом детского сада по Детскосельской ул., 2. Фотография 1950-х гг. ГМЗ «Павловск». Нег. б-6399. Фотокопия из собрания МИП

17 октября 1953 г. местная газета «Вперед», подводя итоги работы 2-го строительного участка, писала: «За 9 месяцев годовой план перевыполнен. Вступили в строй электрофицированная линия Ленинград — Павловск и Купчинская подтягивающая станция... В Павловске на Детскосельской улице появилось красивое двухэтажное здание детского сада»⁵.

Здание детского сада Октябрьской железной дороги⁶ — это дом № 2 на Детскосельской ул. Так же как и находящийся напротив дом № 3, построенный в 1939 г., здание отделено от парка зеленой зоной и проектировалось как часть своеобразных пропилеев, отделяющих город от парка. Короткие торцевые фасады (обозримые при движении по улице в обоих направлениях) украшены ризалитами, во втором этаже трактованными как четырехколонные портики (опять-таки переключки с фасадами Павловского дворца).

В архитектуре детского сада прослеживается ряд параллелей с архитектурой дома № 4 по Слуцкой ул.: простенки между окнами первого этажа разделены четырьмя широкими рустами; между этажами по длинному фасаду протянута тяга; дориче-

Слуцкая ул., 4. Общежитие СУ 305 до перестройки. Фотография 1980-х гг. Из собрания МИП

ский ордер колонн в один верхний этаж (на Детскосельской, 2 — в боковых портиках, на Слуцкой, 4 — в центральном ризалите); французские балконы по главному фасаду (на Детскосельской, 2 — имитация). Напрашивается предположение, что оба упомянутых дома проектировал один коллектив. И это действительно так.

Живущая в Павловске сотрудница «Ленгипротранса» — инженер Софья Михайловна Кононова назвала имена тех, кто работал в 1953–1954 гг. над проектами для Павловска. Это архитектор Алексей Васильевич Малышев, инженер Гавриил Михайлович Киржаков, архитектор Владимир Иванович Кузнецов, Борис Львович Шапиро, Борис Михайлович Ершов. Со слов Софьи Михайловны, здание Павловского вокзала проектировали архитектор А. В. Малышев (это оказалось ошибкой)⁷ и инженер Г. М. Киржаков, а находящееся неподалеку здание по адресу Детскосельская ул., д. 1/2 — архитектор А. В. Малышев, инженером была она сама.

Что касается здания вокзала, то сведения о его строительстве приведены в Акте по результатам государственной

Вокзал станции Павловск II. 1970-е гг. Фотография Б. В. Януша.
Из собрания МИП

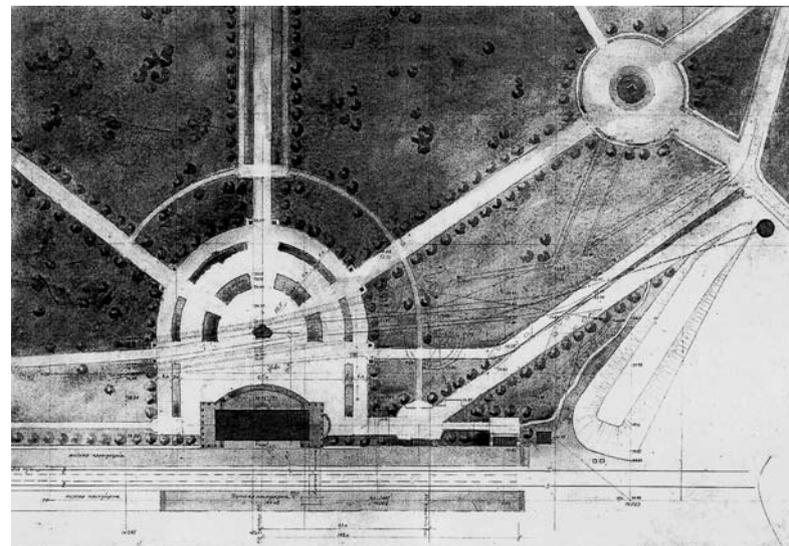
историко-культурной экспертизы 2017 г.⁸, и здесь я повторю только самое необходимое с небольшими уточнениями.

27 октября 1952 г. заместитель начальника Ленинградской железной дороги обратился к начальнику отдела по делам архитектуры Леноблсполкома С. А. Пермскому: «В связи с осуществлением электрификации линии Ленинград — Павловск крайне необходимо строительство нового вокзала на станции Павловск II на 100 чел. / Прошу Вашего согласия и выдачи архитектурно-планировочного задания по типовому проекту архитектора Шеломова (Н. П. Шеломова. — С. В.) каталога Трансжелдориздата 1951 года за № 26 инвен. № 4083»⁹. На что получил ответ, что «город Павловск входит в пригородную лесопарковую зону гор. Ленинграда, регулирование застройки которой возложено на Управление по делам архитектуры города Ленинграда»¹⁰.

В декабре 1952 г. проект нового вокзала станции Павловск II, исполненный архитектором «Ленгипротранса» В. И. Кузнецовым¹¹, рассматривался на нескольких заседаниях Городского архитектурно-строительного совета и был одобрен. В протоколе заседания от 26 декабря было зафиксировано решение «в ос-

нову положить типовой проект с добавлением декоративной колоннады по торцам этого здания и развитием композиции вверх, особенно устройство ротонды и шпиля», а также то, что «поскольку вокзал связывается с генпланом, нужно всю систему дорог увязать с общим проектом планировки привокзальной части Павловска»¹².

Действительно, к 1953 г. «Ленгипротранс»¹⁵ спроектировал полукруглую Привокзальную площадь. В восстанавливавшемся Павловском парке появился веер из трех аллей, начинавшихся на Привокзальной площади (в этом месте планировалось выкопать небольшой пруд и устроить фонтан). Центральную аллею, получившую название Нововокзальной, проложили точно по оси нового здания вокзала. Левая аллея веера — аллея Красного Бугра — существовала еще с конца XVIII в. Правая, вновь прокладываемая, была самой короткой и выходила из парка там, где начиналась Детскосельская улица. При этом в месте пересечения с аллеей Красного Молодца создали круглую площадку,

Проектное задание вокзала на станции Павловск. 1953. Архив ПАО «Ленгипротранс». Акт по результатам государственной историко-культурной экспертизы... СПб., 2017. Л. 27

Памятник И. В. Сталину у входа в парк со стороны Золотых ворот.
Фотография 1956 г. Из собрания МИП

в центре которой поставили памятник И. В. Сталину. Необходимость этой развязки была обусловлена тем, что именно здесь, в начале аллеи Красного Молодца, до войны находился исторический вход в парк, оформленный Золотыми воротами.

С противоположной от Золотых ворот стороны Садовой улицы чуть слева находилась водонапорная башня¹⁴, сюда же выходил земляной пандус взорванного в 1941 г. виадука над железнодорожными путями, соединявшего Садовую улицу Павловска и Павловское шоссе г. Пушкина. Проект восстановления виадука, разработанный «Лентрансмостпроектом», рассматривался на заседании Городского архитектурно-строительного совета в октябре 1954 г.¹⁵ А значит, в момент проектирования Нововокзальная аллея не рассматривалась как единственный парадный вход в парк, намечалось восстановить и прежний, у въезда в Павловск по виадуку.

Еще одним значимым элементом, дополняющим планировку Привокзальной площади и связывающим ее как с Детскосельской и Слуцкой улицами, так и с входом в парк у Золотых ворот, стало строительство трехэтажного каменного дома для работников железнодорожного транспорта по адресу Детскосельская ул., 1/2.

Дом для
железнодорожников.
Детскосельская ул.,
1/2, со стороны
Слуцкой ул.
Современная
фотография

Здание это асимметричное, в виде разомкнутого пятиугольника (перекликается с планировкой замка «Бип»), два дальних боковых фасада вытянуты вдоль параллельных улиц — Детскосельской и Слуцкой, два ближних фасада, обращенных к Садовой улице и к проезду, ведущему к Слуцкой улице, выдвинуты вперед углом, вершина которого лежит на главной оси планировки здания. На этой же оси располагались Золотые ворота.

Целиком обозреть эту композицию можно было с восстановленного виадука (сейчас появилась новая красивая линия обзора — с ул. Данини в г. Пушкине), тем самым предполагалась единая планировочная развязка, в которой сходились железная и шоссейная дороги, Привокзальная площадь, Большая Звезда Павловского парка и городские кварталы с обилием зелени, возникшие на месте бывшей дачи Ушакова / Полякова.

Три стыка фасадов дома на Детскосельской ул., 1/2, оформлены широкими, чуть заглубленными башнями. Нижний этаж с лицевой стороны отделан широким рустом, причем в простенках между окнами «блоков» уложено ровно по четыре. Украшению лицевых фасадов служат и тяга, приподнятая к нижней границе окон второго этажа, и лепной карниз с сухарями и ионикой, и композиции с дубовыми ветвями и крупными сложными цветочными розетками над окнами третьего

этажа, и редкие балконы, особенно выразительные на фасадах башенных вставок.

Со стороны двора кладка белого кирпича не оштукатурена, но не менее выразительна — выделяются своды разных типов над проемами окон, оштукатуренные, украшенные лепкой порталы парадных, окна с полуциркульным завершением и лучковыми карнизами на лестничных вертикалях, эркеры в оформлении торцов.

Строительство этого дома описано в газете «Вперед». 19 ноября 1953 г.: «В ближайшее время начнется закладка 72-квартирного (сейчас — 87 квартир.— С. В.) 3-этажного каменного дома в Павловске»¹⁶. В июле 1954 г. возводится второй этаж¹⁷, к январю 1955 г. дом подведен под крышу¹⁸, в июле 1955 г. идет «штукатурка фасада и проводились другие отделочные работы»¹⁹. В апреле 1956 г. газета отрапортовала: «Это красивое, хорошо спланированное здание украшает въезд в город. В нем — 48 благоустроенных квартир, где живут железнодорожники. Не успели снять леса с новостройки, как рядом уже закипела новая работа. Коллектив строителей Севзаптрансстроя начал сооружать второй жилой корпус на 40 квартир. Дом будет сдан в эксплуатацию в будущем году»²⁰. Учтывая, что квартир в этом доме больше, можно предположить, что строительство было разбито на два этапа (48 + 40), что подтверждает и план Павловска 1956 г., на котором крыло со стороны Детскосельской улицы показано как жилое²¹, тогда как крыло со стороны Слуцкой улицы обозначено пунктиром и помечено как строящееся.

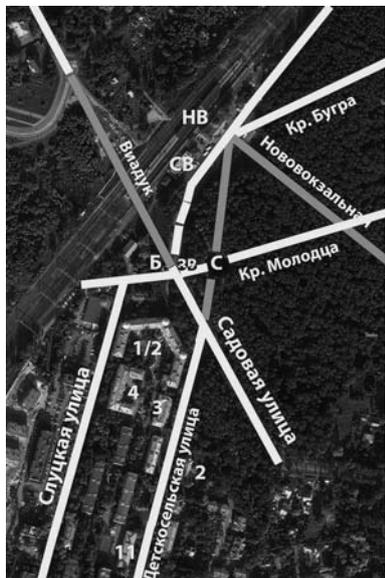
Последним домом, спроектированным «Ленгипротрансом» в Павловске в стиле сталинского неоклассицизма, стал дом для железнодорожников по Детскосельской ул., 11. «В декабре начнется строительство 16-квартирного дома»²², — сообщала газета «Вперед» в октябре 1953 г. Однако в тот год строительство отложили. Вернулись к нему только в 1956 г. 10 апреля газета «Вперед» писала: «На Детскосельской улице... возводится еще один жилой корпус, площадью 969 кв. метров, для трудящихся Октябрьской железной дороги»²³. 28 апреля: на фотографии здание возведено до окон второго этажа²⁴. 28 декабря: на фотографии дом внешне закончен²⁵.

Дом № 11 по Детскосельской улице введен в строй в 1957 г. В доме три этажа, первый отделен от второго тягой, междуоконные промежутки разделены известными нам четырьмя горизонтальными рустами, окна второго этажа имеют лучковое завершение (в параллель окнам второго этажа здания на Слуцкой, 4), на третьем этаже со стороны Детскосельской улицы — редкие маленькие балконы (такие же, как на Слуцкой, 4), полуциркульные окна в осях подъездов также имеют параллель со Слуцкой ул., 4.

В то же время лепной декор здания выглядит незавершенным. Связано это с тем, что 4 ноября 1955 г. вышло Постановление № 1871 ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», завершившее эпоху сталинского неоклассицизма. Дом на Детскосельской, 1/2, ввести в строй однозначно успели, а дом № 11 лишился части задуманного лепного декора.

Отчасти пострадало и новое здание Павловского вокзала. По воспоминаниям скульптора Н. Б. Волковой (Прудниковой), работавшей над его декором: «Владимир Иванович Кузнецов... был тогда в фаворе, на взлете, ему доверили реконструкцию Московского вокзала в Ленинграде. Вокзал в Павловске должен был стать памятником ему и Государственной премией. Павловск — это встреча с Дж. Кваренги, А. Н. Ворониным, К. И. Росси, И. П. Мартосом, М. И. Козловским, Ч. Камероном, но начинать надо встречей с В. И. Кузнецовым... Самое ответственное — лавровый веноч, бронзовый, на шпилье вокзала, бюст И. Штрауса, тоже бронзовый, в зале вокзала... и розетки в крыльях вокзала, такие же как в Павильоне трех граций...»²⁶ Это о настроениях 1955 г. А вот по итогам постановления: «Приезжает в Павловск Кузнецов. Он возмущен и растерян... Чувствуется, что не знает, что предпринять... Что-то рухнуло. Оказывается, сократили финансирование не только на проектируемые объекты, но и на строящиеся. С Павловска сняли Штрауса и еще что-то. Я уже не слушаю что. Мне Штрауса жалко. А В. И. Кузнецов продолжает перечислять, что урезали, как бьют за перерасход. Всегда перерасходовали, но никогда за это не били...»²⁷

Что было, то было. После XX съезда КПСС за памятником Штраусу отправился памятник И. В. Сталину. Привокзальную

План (на основе спутниковой съемки) с показанием элементов ансамбля: 1/2, 2, 3, 4, 11 — номера домов по Детскосельской и Слуцкой улицам; Б — Водонапорная башня; ЗВ — Золотые ворота; НВ — новое здание вокзала; С — площадь, где стоял памятник Сталину; СВ — место старого здания вокзала

площадь «урезали» на фонтан, не восстановили Золотые ворота и виадук. Успели, правда, построить павильон «Туалет» у платформы.

Запланированный ансамбль распался...

На мой взгляд, все элементы выявленного ансамбля (включая планировку Привокзальной площади) необходимо взять под охрану. Утраченные во время войны Золотые ворота когда-нибудь восстановят. Периодически возникает вопрос о возобновлении виадука. Задуманный в начале 1950-х гг. ансамбль может получить новую жизнь и стать достойными воротами в Павловск. Если, конечно, он к этому времени не понесет новые утраты и не будет застроен непонятно чем. А это очень даже вероятно в нынешних условиях.

Примечания

¹ Электрификация участка Ленинград — Павловск // «Ленгипротранс». URL: <https://lgt.ru/projects/elektrifikaciya-zhd-i-elektrosnabzhenie/elektrifikaciya-uchastka-leningrad-pavlovsk>.

² В 1951 г. проект изменили, и электродепо было выстроено не в Павловске, а на 6-м километре дороги.

³ На трассе Ленинград — Павловск // Вперед. 1953. № 49 (1787). 21 апреля. С. 1; Молодежное гуляние // Вперед. 1953. № 61 (1799). 21 мая. С. 4.

⁴ В 1990-е гг. здание было надстроено на один этаж, колоннаду при этом увеличили в высоту, нарушив пропорции, а оконные проемы в третьем этаже сделали типовые широкие, никак не согласующиеся с основным рисунком фасада.

⁵ На стройке нового вокзала // Вперед. 1953. № 125 (1863). 17 октября. С. 3.

⁶ В ряде публикаций тех лет встречается название «Детский дом».

⁷ Здесь Софью Михайловну явно подвела память, но настоящий архитектор вокзала В. И. Кузнецов также был ею назван.

⁸ Акт по результатам государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Вокзал станции Павловск», расположенного по адресу: Санкт-Петербург, г. Павловск, Привокзальная площадь, дом 1, лит. В, с целью обоснования включения объекта культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия. СПб., 2017.

⁹ ЦГАНТД СПб. Ф. 388. Оп. 1-2. Д. 81. Л. 32.

¹⁰ Там же. Л. 33.

¹¹ Акт по результатам государственной историко-культурной экспертизы... Л. 30.

¹² ЦГАНТД СПб. Ф. 386. Оп. 1-4. Д. 93 (Стенографический отчет заседаний Городского архитектурно-строительного совета за декабрь месяц 1952 г.). Л. 112.

¹³ Акт по результатам государственной историко-культурной экспертизы... Л. 27.

¹⁴ Согласно Росреестру, построена в 1946 г., когда в Павловске заново начали создавать водопровод.

¹⁵ ЦГАНТД СПб. Ф. 386. Оп. 1-4. Д. 126 (Стенографический отчет заседаний Архитектурно-строительного совета за октябрь месяц 1954 года). Л. 9–11.

¹⁶ На стройке вокзала // Вперед. 1953. № 139 (1877). 19 ноября. С. 1.

¹⁷ Соколов С. Дом для железнодорожников // Вперед. 1954. № 79 (1973). 3 июля. С. 3.

¹⁸ Общий вид стройки нового дома для железнодорожников на Детскосельской улице. Фото И. Баранова // Вперед. 1955. № 11 (2061). 25 января. С. 3. На фотографии отображены фасады по Детскосельской и Садовой ул.

¹⁹ Дома для железнодорожников // Вперед. 1955. № 90 (2140). 30 июля. С. 4.

²⁰ Городское хозяйство Павловска в годы шестой пятилетки // Вперед. 1956. № 43 (2249). 10 апреля. С. 3.

²¹ Дубликат плана масштаба 1:2000 съемки 1932–34 гг. с учетом текущих изменений на июнь 1956 года. Ленинградская область. Г. Павловск. 5-IV-10.

²² На стройке нового вокзала // Вперед. 1953. № 125 (1863). 17 октября. С. 3. Сейчас в доме 18 квартир.

²³ Городское хозяйство Павловска в годы шестой пятилетки // Вперед. 1956. № 43 (2249). 10 апреля. С. 3.

²⁴ Строительство нового дома на Детскосельской улице в г. Павловске для железнодорожников Октябрьской железной магистрали. Фото В. Шевчика // Вперед. 1956. № 51 (2257). 28 апреля. С. 2.

²⁵ Детскосельская улица; новый жилой дом работников Октябрьской железной дороги. Фото Н. Мурина // Вперед. 1956. № 151 (2357). 20 декабря. С. 2.

²⁶ Волкова (Прудникова) Н. Б. Нас выпустили прямо в войну. Воспоминания. Цит. по компьютерной распечатке.

²⁷ Там же.

К ПРОБЛЕМЕ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ ДЛЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СТАЛИНСКОЙ НЕОКЛАССИКИ ЛЕНИНГРАДА СЕРЕДИНЫ 1940-Х — СЕРЕДИНЫ 1950-Х ГОДОВ

ПРОБЛЕМА определения историко-культурной ценности послевоенной сталинской архитектуры Ленинграда 1945–1955 гг. в последнее время становилась предметом обсуждений среди специалистов в связи с несколькими случаями, связанными с угрозой сноса отдельных зданий, относящихся к этому периоду.

В отличие от архитектуры Ленинграда 1930-х гг., в которой, как известно, сосуществовало несколько направлений¹, так или иначе пытавшихся на основе ордера создать некий новый стиль, который отвечал бы расплывчатому определению «соцреализм», послевоенное строительство оказалось подчиненным довольно-таки строгим канонам, отрицавшим (во всяком случае, декларативно) возможные влияния западной архитектуры.

Патриотический подъем в течение и после окончания Великой Отечественной войны стал причиной окончательного разворота к национальному наследию. Сильное воздействие оказало и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и соответствующий доклад А. А. Жданова, повлиявший не только на литературу, но и на другие области гуманитарного знания. В свете выхода постановления от архитекторов требовали «непримиримого отношения к элементам формализма, безыдейного эклектизма, пошлого деячества», остерегали от «некритического восприятия зарубежного архитектурно-строительного опыта»².

Теперь под обращением к классике должно было подразумеваться обращение к конкретному периоду — русскому классицизму конца XVIII — первой трети XIX в., что сказалось не только на проектировании, но и на научном изучении указанного этапа. Так, в публикациях конца 1940-х гг. в изданиях, посвященных архитектуре, всячески подчеркивалась ведущая

роль именно русских зодчих — Старова, Воронихина, Захарова, Стасова и других в формировании «стиля национального зодчества». В соответствии с этим рассматривалась деятельность их иностранных современников — Камерона, Кваренги, де Томона, Росси: по приезду в Россию они сразу же проникались «красотой и своеобразием русской культуры» и отдавали «весь свой талант и знания на создание в условиях русской действительности нового стиля — стиля русского строгого классицизма»⁵. То же писалось и о барочном искусстве, в основном о работах с Растрелли: «...в архитектурном наследии Растрелли проявилась сила русской национальной традиции. Живительная струя русского народного искусства наполнила лучшие произведения Растрелли поэтическим оптимизмом и возвышенным утверждением жизни...»⁴ Таким образом, творчество иностранцев «присваивалось» и становилось легитимным, свободным от вредного космополитизма источником для практикующих архитекторов середины 1940-х — середины 1950-х гг.

Главной задачей для ленинградских архитекторов стала в первую очередь реконструкция и восстановление разрушенных исторических памятников (в том числе и в пригородных дворцовых резиденциях). Новое проектирование непосредственно было связано с этой задачей. Во главу угла была поставлена проблема градостроительства и связанные с ней вопросы планировки и застройки периферийных районов города. Ансамбли позднего классицизма в центре города, автором которых был К. Росси, а также трехлучевая система П. М. Еропкина должны были стать примером для советских архитекторов.

Стремление к тотальному подчинению идее классического города привело к желанию исправить незавершенные или искаженные позднейшими переделками объекты. Так, была восстановлена трасса Кленовой аллеи, ведущей от Михайловского замка к Манежной площади, частично реконструирована площадь Искусств (разборка поздней пристройки здания Дворянского собрания)⁵. Еще во время блокады появился проект, предполагавший, например, расширение ансамбля улицы Зодчего Росси посредством устройства площади на месте Апраксина рынка, которая через Торговый переулок связывалась бы российскими зданиями (проект Л. М. Тверского)⁶.

Генеральный план восстановления и развития города, разработанный коллективом под руководством главного архитектора города Н. В. Баранова и его заместителя А. И. Наумова, утвержденный в 1948 г.⁷, несомненно, опирался на уже сложившиеся планировочные схемы исторического центра. В отличие от достаточно радикального плана 1935 г. Л. А. Ильина и В. А. Витмана, план 1948 г. предлагал сместить акцент с южного вектора развития города и вернуться к более уравновешенному варианту, включавшему освоение территории на северном, северо-западном и северо-восточном направлениях (в 1946–1954 гг. там появляются кварталы малоэтажной застройки). К основным магистралям, которые начали активно застраиваться в предвоенный период (Московский (пр. Сталина) пр., пр. Стачек), добавился пр. Карла Маркса (Большой Сампсониевский), переходящий в проспект Энгельса. При этом подвергались реконструкции и некоторые участки застройки центральных районов на Сенной и Обуховской площадях, были переоформлены пересечения 6-й Советской улицы и Суворовского проспекта и Тульской улицы, связывающей Суворовский проспект с площадью у Большеохтинского моста. Наиболее важными проектами оказались оформление площади Революции (Троицкой) и площади перед Финляндским вокзалом (с полной перестройкой последнего). Вспомним и об очередной, к сожалению неосуществленной, попытке устройства большого городского парка на месте Тучкова буяна (проект Н. В. Баранова, О. И. Гурьева и Н. Г. Агеевой).

Стремление к перепланировке и исправлению сложившихся ансамблей зачастую вело за собой проектирование новых доминант. Так, по проекту Н. В. Баранова новое здание Финляндского вокзала получало высокую ярусную башню, увенчанную шпилем. Конечно, пример Москвы, где проектирование и строительство высотных зданий было признано главным достижением советской архитектуры, не давал покоя и ленинградским архитекторам.

В застройке новых широких магистралей башни должны были стать формирующими среду акцентами, переключившимися с высотными сооружениями центра города — Адмиралтейством, Петропавловским собором. Ключевая роль отводилась Московскому проспекту, вдоль которого должны были встать

сразу несколько построек, увенчанных башнями: на Сенной площади, у Обводного канала, на месте нынешней гостиницы «Россия», на Средней Рогатке (нынешняя площадь Победы, получившая-таки высотные здания, но позднее — в 1970-е гг.). О неосуществленных проектах сейчас напоминает только угловой дом на Бассейной улице (архитекторы Г. А. Симонов, Б. Р. Рубаненко, В. С. Васильковский) и здание напротив сада «Олимпия» (архитекторы В. А. Каменский и Г. Л. Ашрапян). На проспекте Стачек башни должны были венчать ансамбль Комсомольской площади и несколько жилых домов по проспекту (из них реализована одна — на угловом доме с улицей Трефолева⁸). Подобного рода локальные доминанты планировалось возвести и в северных районах города: наиболее известным примером этой увлеченности высотками можно считать монументальный дом архитектора В. Ф. Белова в конце Большого Сампсониевского проспекта.

Однако в целом можно считать, что наиболее амбициозные проекты по созданию новых ансамблей, а также высотных домов в Ленинграде не были реализованы в первые послевоенные годы. Очевидно, что причиной тому — достаточно короткий период существования послевоенного классицизма: фактически восемь лет (с начала 1947 по 1955 г.). За столь недолгий отрезок времени осуществление столь амбициозных и дорогостоящих проектов оказалось невозможным.

В связи с изложенным возникает вопрос: какими критериями надо руководствоваться, чтобы адекватно оценивать архитектурно-художественную ценность зданий, возведенных в этот период? Нужно отметить, что систематический подход к выявлению новых объектов культурного наследия той или иной эпохи в настоящее время затруднен в силу особенностей законодательства об охране культурного наследия.

Напомним, что в соответствии со статьей 16.1 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и приказом Министерства культуры Российской Федерации от 02.07.2015 № 1905 процедура отнесения объекта к числу объектов культурного наследия позволяет любому человеку предложить к постановке под охрану любой объект.

Такая процедура практически исключает возможность формирования списков вновь выявленных объектов. Однако в настоящее время необходимость такого списка в отношении зданий рассматриваемого периода не кажется столь обязательной.

Двадцать лет назад, в 2001 г., приказом председателя КГИОП был утвержден список вновь выявленных объектов, состоящий из нескольких тысяч позиций. В него, в частности, вошли и некоторые здания, построенные в рассматриваемый период — т. е. в 1945–1955 гг.: восемь станций первой линии Ленинградского метрополитена с наземными вестибюлями и перронными залами, а также несколько зданий в пригородных районах (поликлиника и жилые дома в Кронштадте и в Петергофе, Дом культуры в Ломоносове). Некоторые здания к тому моменту уже являлись объектами культурного наследия: вокзал в Красном Селе (архитектор В. В. Хазанов, 1951–1953 гг.), дом по Каменно-островскому пр., 2 (архитекторы О. И. Гурьев и В. М. Фромзель, 1949–1951 гг.), вокзал в Царском Селе с ансамблем Привокзальной площади в Пушкине (архитекторы Е. А. Левинсон и А. А. Грушке, 1948–1950 гг.) и др.

В 2009 г., после утверждения закона Санкт-Петербурга № 820-7 о зонах охраны, многие кварталы послевоенной застройки подпали под его действие. В периферийных и пригородных районах (за исключением Невского района) историческим зданием, подлежащим сохранению, считается здание до 1957 г. постройки. Таким образом, оказались защищены от сноса кварталы малоэтажной застройки второй половины 1940-х гг. в Новой Деревне, на Охте и у Нарвских ворот, а также доминанты застройки новых магистралей — Московского проспекта, проспекта Стачек. Однако вне поля действия закона № 820-7 осталось достаточно много построек как в центральных районах (где историческим зданием считается построенное до 1917 г.), так в периферийных. Эта территория в основном лишена зон охраны.

Методика определения историко-культурной ценности в отношении зданий периода 1945–1955 гг., по идее, должна быть аналогична методике выявления зданий предреволюционного периода, коль скоро речь идет об архитектуре, подчиняющейся классическим канонам.

Вместе с тем этот период имеет и свои особенности. В связи с этим на основании вышесказанного можно выделить несколько важных, на наш взгляд, моментов.

1. Уникальность. В середине 1940-х — середине 1950-х гг. всё шире внедряется типовое проектирование, поэтому важно установить, какими нетиповыми чертами обладает предполагаемый к включению в список памятников объект (объемно-планировочное решение, композиция фасадов). Также имеет значение степень оригинальности трактовки форм классической архитектуры. Как мы говорили выше, в послевоенной советской неоклассике набор образцов для подражания был невелик и ограничивался в основном русским классицизмом конца XVIII — первой трети XIX в.

2. В случае с послевоенной сталинской архитектурой особое внимание следует уделять степени соблюдения первоначального проекта, так как не всегда проект выполнялся на 100%. Это связано с резким переломом, произошедшим в 1955 г. (постановление ЦК КПСС «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» от 4 ноября 1955 г.). Строительство многих зданий заканчивали не в соответствии с проектом, в отделке фасадов и интерьеров использовались менее качественные материалы, упрощался первоначальный замысел.

3. Отсюда следует еще одна немаловажная деталь — степень сохранности первоначальных интерьеров и то, насколько близко к проекту они были исполнены. Так, например, «гибридные» постройки, то есть здания конструктивистской или постконструктивистской эпохи, сохранили свою изначальную планировку, но имеют отделку середины 1940-х — середины 1950-х гг. (ДК моряков, ДК Ижорского завода, ДК Первой пятилетки (утрачен)).

4. Градостроительная ценность. Важность предлагаемого ко включению в перечень объекта с точки зрения его роли в городской застройке. Стоит обращать внимание и на то, как здание смотрится в ткани исторической застройки дореволюционного периода.

Примечания

¹ *Саблин И. Д.* Давид Бурыйшкін // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 2000. С. 171–175.

² *Баранов Н. В.* Задачи ленинградских архитекторов в реализации пятилетнего плана восстановления и развития г. Ленинграда и области // Архитектура и строительство Ленинграда. 1946.

³ *Глезер Н. Е.* Английский дворец и парк в Петергофе Джакомо Кваренги // Архитектура и строительство Ленинграда. 1946. № 1–2. С. 32.

⁴ *Аркин Д. Е.* Растрелли. М., 1954. С. 99. Примечательно, что книга Аркина о Растрелли стала своего рода покаянием в ответ на обвинения в космополитизме, прозвучавшие в его адрес в 1949 г. (см. например, *Перемыслов А.* «Идеолог» космополитизма в архитектуре Д. Аркин // Архитектура и строительство. 1949. С. 6–9).

⁵ *Лисовский В. Г.* Санкт-Петербург: очерки архитектурной истории города. Т. 2. СПб., 2009. С. 416–417.

⁶ *Бахарева Ю. Ю.* Новаторство как дискуссионная тема послевоенного восстановления Ленинграда // Грамота. Т. 13, вып. 3. Тамбов, 2020. С. 170–171.

⁷ *Лисовский В. Г.* Указ. соч. С. 407.

⁸ Дом № 41 также увенчан башенкой, однако считать ее высотным акцентом из-за небольшого размера довольно трудно (об использовании мотива «Башни ветров» см.: *Белоножкин А. Е.* Башня ветров и петербургская архитектура начала XIX — середины XX века (прообраз и интерпретации) // Петербургские искусствоведческие тетради. СПб., 2009. Вып. 16. С. 124–140.

К ПРОБЛЕМЕ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ
ЦЕННОСТИ ДЛЯ АРХИТЕКТУРЫ
ЛЕНИНГРАДСКОГО МОДЕРНИЗМА
1960–1980-Х ГОДОВ

В НАСТОЯЩЕЕ время архитектурное наследие Санкт-Петербурга 1960–1980-х гг. сравнительно малоизучено, не каталогизировано, эти объекты не находятся под государственной охраной и не воспринимаются рядовым горожанином как объекты художественной культуры. По-другому воспринимают эту архитектуру некоторые представители профессионального сообщества — архитекторы и искусствоведы, но даже в этих узких кругах консервативные взгляды пока преобладают. Тем не менее проблема определения историко-культурной ценности этого наследия, потенциальной государственной охраны признается всеми — обществом, профессионалами, представителями госорганов.

Процедура отнесения объекта к числу объектов культурного наследия регулируется статьей 16.1 Федерального закона № 73-ФЗ и фактически позволяет любому человеку предложить к постановке под охрану любой объект, со времени создания которого прошло более 40 лет. В свою очередь, госорган обязан его рассмотреть и принять решение (с привлечением представителей профессионального сообщества, что тоже регламентировано законодательством). Такая процедура — палка о двух концах. С одной стороны, она позволяет равнодушным гражданам выступать инициаторами процесса выявления, но с другой — этот процесс становится хаотичным и бессистемным. Зачастую предложения непрофессионалов основаны на глубоко субъективных и обывательских представлениях о красоте и архитектурной ценности. Такая практика — лучше, чем ничего, и даже применима для объектов, относящихся к хорошо изученным историческим периодам. Примером тому могут служить многие дореволюционные здания, деревянные дачи, здания первой

половины — середины XX в., поставленные под государственную охрану в последние годы.

Для наследия 1960–1980-х гг. такой подход почти неприменим из-за малой изученности периода и отсутствия внятной системы оценки. По состоянию на 2021 г. под государственной охраной не стоит ни одного объекта этого периода, исключая нескольких объектов, обладающих мемориальной ценностью. Для того чтобы сдвинуть этот процесс с мертвой точки (а необходимость этого понимают все), требуется гибкая методика оценивания, учитывающая некоторые специфические факторы, о которых речь пойдет далее.

Обобщающий документ международного уровня, в котором даются рекомендации по сохранению наследия XX в., — так называемый «Мадридский документ», принятый ICOMOS, создан только в 2010-е гг. Он несколько раз переделывался и дополнялся и в окончательной редакции увидел свет в 2017 г. Но по своему содержанию — это скорее манифест, чем методические рекомендации. Декларирует он всё те же общие положения, которые вертятся вокруг подлинности как центрального понятия. Это и естественно, учитывая его охват — весь XX в. и весь мир. Но конкретно для нашего наследия второй половины предыдущего века он малополезен.

Разве что эти положения справедливы для некоторого количества зданий «первого ряда» — группы объектов, обладающих уникальными архитектурными и художественными качествами, построенных по оригинальным авторским проектам, сохранившихся без существенных переделок (как, например, Морской вокзал, Яхт-клуб, 5-й корпус ЛЭТИ).

В отношении остального необозримого пласта архитектуры второй половины XX в. требуется более гибкий подход. Выделим несколько ключевых положений, которые следует учесть при анализе историко-культурной ценности объектов этого периода.

Эпоха советского модернизма — это время тотального типового проектирования. Здание, построенное по типовому проекту, с одной стороны, может в полной мере отвечать критерию подлинности, иметь авторство, представлять ценность с точки

зрения объемно-пространственного и архитектурно-художественного решений, однако оно не будет уникальным. В данном случае стоит отделить массовое серийное жилое строительство от типовых проектов общественных зданий. К таковым, например, относятся бруталистские типовые проекты торгово-бытового центра на 9 тысяч жителей с круглым открытым двором, пандусом и террасой или районной стоматологической поликлиники с жесткой геометрией фасада и огромной «люкарной» по центру.

Но самый, пожалуй, наглядный случай для архитектуры нашего города — это типовый проект широкоформатного кинотеатра на 1250 мест, который был разработан в «Ленпроекте» под руководством В. Ф. Белова в 1963 г. Почти каждый район города в период с 1963 по начало 1970-х гг. получил свой кинотеатр («Прибой», «Прометей», «Планета», «Слава», «Современник», «Максим», «Меридиан», «Руслан» и др., всего было построено 14 зданий). Стильный, легкий, с криволинейным, вогнутым, сплошь остекленным фасадом — этот кинотеатр не просто стал символом новой эпохи обновления и либерализации, но и прочно врос в ткань города, став неотъемлемой частью городского ландшафта. К сожалению, до настоящего времени сохранилась лишь часть этих зданий, в большинстве своем в изуродованном виде. Относительно нетронутыми (с большими оговорками) сохранились кинотеатры «Меридиан» и «Ладога». При этом историко-культурная ценность этих построек может быть оценена как высокая за счет ценности и архитектурной (выразительное архитектурно-художественное и объемно-пространственное решения), и исторической (объекты являются одним из наиболее известных и запоминающихся маркеров своей эпохи), и градостроительной (как правило, кинотеатры создавались как узловые точки планировочных структур). Обязательное сохранение всех типовых кинотеатров кажется избыточным. Но полная утрата этих построек обернется для города большой культурной потерей. В данном случае (который может быть распространен на аналогичные ситуации) допустимым может быть принцип сохранения образца / образов. «Меридиан» как пример кажется подходящим образцом по двум причинам. Во-первых, он хорошо сохранился. Во-вторых, он

Кинотеатр «Меридиан». Архитекторы В. Ф. Белов, О. В. Василенко, Н. Н. Трегубов, Л. И. Шимаковский и др., 1965–1970. Фотография автора, 2021 г.

расположен не просто в «своей» среде, но в градостроительно продуманной среде, созданной по оригинальному замыслу и плану — на Новоизмайловском проспекте, который подводит нас к следующей проблеме сохранения наследия модернизма.

При взгляде с последних этажей башни «Лидер» на площади Конституции проблемы современной архитектуры и градостроительства становятся наглядными, в прямом значении этого слова. Прямо перед собой мы видим строгую геометрию Новоизмайловского проспекта, с обеих сторон окруженного строчками хрущевек, утопающих в зелени, как будто стоящих на территории парка, но справа и сзади этот ландшафт потеснен современными жилыми комплексами (ближайший — «Граф Орлов») чудовищных размеров, лишенных пространства и зеленых рекреационных зон. В наши времена пресловутой «реновации хрущевек» защита этого почти корбюзиянского города-сада представляется актуальной. Однако если с вопросом сохранения зданий, построенных по (применим такой оксюморон) штучным типовым проектам, всё относительно понятно, то в отношении массового жилья есть два пути. Первый, апробированный на

Застройка квартала на Новоизмайловском проспекте.
Фотография автора, 2021 г.

конструктивистских жилмассивах, — тот же, уже упомянутый, принцип сохранения образцов (в данном случае — кварталов). Этот вариант имеет один очевидный плюс — обеспечение подлинности, но имеет и существенные недостатки.

В первую очередь возникает проблема выбора конкретных районов и кварталов и методики этого выбора. Кроме того, не надо забывать, что хрущевки не рассчитывались на века, а имеют свой «срок годности», который, по некоторым оценкам, уже вышел. Впрочем, с точки зрения социальной — скандальная московская «реновация» показала нам, что средний обыватель не всегда готов так просто распрощаться со своей хрущевкой.

Второй вариант охраны этого наследия должен основываться на сохранении планировочных структур, объемно-пространственных характеристик, габаритов и облика зданий. Он также должен применяться не тотально, но в результате оценки сохранности и ценности того или иного квартала. По большому счету аналогичный принцип (но более жесткий, с реальным требованием сохранять подлинник) был взят за основу при разработке режимов зон охраны объектов культурного наследия Санкт-Петербурга.

Вопрос сохранения или несохранения подлинника должен быть одним из ключевых при разработке методики охраны

Ансамбль площади Победы. Архитекторы С. Б. Сперанский, В. А. Каменский и др., скульптор М. К. Аникушин, 1974–1983.
Фотография автора, 2021 г.

наследия этого периода ввиду того, что при высочайшем художественном уровне многих объектов и ансамблей конкретные материалы и инженерные решения оставляли желать лучшего. Понятие подлинности (ключевое в охране памятников) здесь должно восприниматься шире. При невозможности (или необязательности — если речь идет о малоценных серийных объектах) сохранения подлинника — конкретного здания, не стоит забывать, что есть еще и подлинность архитектурно-градостроительного ансамбля, для которого конкретные здания — не более чем детали, которые при необходимости можно заменить на копии без угрозы утраты подлинности ансамбля. Возникает парадокс, когда характеристики здания важнее его как такового, и это подтверждается конкретными примерами. Самый яркий — два двадцатидвухэтажных здания, фланкирующие въезд на Московский проспект от площади Победы. С художественной точки зрения они обладают уникальной ценностью, играя роль, ни много ни мало, пропиленов города. При том их собственная архитектура предельно проста, а материалы и техническое состояние (как минимум визуальное) не на высоте.

Следующий вопрос — как кажется, ключевой — вопрос контекстуальности и уместности. В его основе лежит противопоставление: модернизм в центре — модернизм на окраине.

Гостиница «Советская». Архитекторы Е. А. Левинсон, А. И. Прибульский и В. В. Ганкевич, 1963–1973. Вид в перспективе р. Фонтанки. Фотография автора, 2021 г.

Застройка Московского шоссе. Архитектор С. Б. Сперанский, 1966–1967. Фотография автора, 2021 г.

Модернизм на окраине — ткань города, подвергаемая угрозе со стороны современной архитектуры, в то время как модернизм в центре — сам агрессор наряду с современной архитектурой. Соответственно подход к сохранению модернизма в центре и на окраине не может быть одинаковым. При рассмотрении объектов, расположенных в историческом центре города, одним из главных критериев должен быть уровень их негативного влияния на окружающую городскую среду, даже несмотря на «абсолютные» художественные качества объекта. Характерный пример такого спорного здания — гостиница «Советская», представляющая собой блестящий образец интернационального стиля, но чудовищно воткнутая в перспективу Фонтанки.

Для наследия модернизма на окраине не требуется оценки на «контекстуальную безвредность». Но когда речь идет о спальных районах, нужно, наоборот, заботиться о сохранении модернистской среды. Впрочем, это вопрос культуры современного строительства, архитектуры и их государственного регулирования. Примеров разрушения модернистской среды множество, чего только стоит краснокирпичная башня с синими лоджиями, разрушающая стройный ритм (классического типа «точка — тире») застройки Московского шоссе.

Итак, мы выделили четыре метода, которые могут быть применены при оценке и сохранении наследия модернизма в Санкт-Петербурге: сохранение образцов, сохранение среды, сохранение характеристик, учет контекста (но все они применимы ко «второму ряду» объектов).

Первостепенная же задача — определиться с первым рядом. Какой-то набор очевидных объектов всем известен, разными организациями даже составлялись реестры: в списке наследия модернизма в России ДОСОМОМО из ленинградского советского модернизма назван только аэровокзал Пулковско-1, есть и конкретные перечни по городу и периоду у Санкт-Петербургского союза архитекторов и СПбГО ВООПИиК. Но, конечно, окончательный список, если он претендует на хотя бы относительную объективность, должен быть определен совместными усилиями представителей профессионального сообщества.

3. В. Юркова

О ГАРМОНИИ, НОРМАТИВЕ И СОХРАНЕНИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ГАРМОНИЧНОСТЬ архитектурного облика Петербурга стала тем признаком, по которому в декабре 1990 г. «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним комплексы памятников» был включен в Список всемирного наследия ИКОМОС как объект, обладающий выдающейся универсальной ценностью (OUV). Она была определена как сумма особенностей объекта, которые делают ее универсальной. Но в чем она заключается, за счет чего возникает, что именно способствует восприятию этого гармоничного целого? Ведь эти слова относятся не только к ансамблям, сконцентрированным вдоль Невы или Невского проспекта и центральных площадей. Вся молчаливая гвардия центральных и более отдаленных кварталов зданий работает на эту гармонию.

В законную силу первооснова архитектурной гармонии была введена специальной резолюцией Екатерины II в докладе о генеральном плане Петербурга, разработанном под руководством А. В. Квасова командой архитекторов Комиссии о каменном строении Петербурга. В чертежах были представлены «примерные фасады домов для главных улиц и второстепенных», на которые следовало ориентироваться обывателям и, соответственно, архитекторам¹. И те и другие фасады нам всем хорошо знакомы. Домами с «второстепенными» фасадами была застроена практически вся Коломна, район Театральной площади, Крюков канал. Многие из них «повзрослели» — были надстроены, фасады переделаны. Но в них всегда угадывается первоначальное строение. Здания и для центральной части города, упомянутые в Высочайше утвержденном докладе, тоже нам всем известны. Их предполагалось строить вдоль Адмиралтейского проспекта, задуманной А. В. Квасовым главной эспланады, и далее, к Новой Голландии. Это дом Фитингофа (№ 6) и стоящий через дорогу дом купца Щербакова (№ 8). Подобные фасады можно проследить на панораме Невского проспекта

В. Садовникова. Все они в той или иной степени повторяют горизонтальные членения Зимнего дворца. Первым эту особенность петербургской архитектуры, правда применительно к ее ансамблям, заметил историк архитектуры Ю. А. Егоров². По этому образцу выстроены здания всех архитектурно-градостроительных ансамблей Петербурга.

Зимний дворец, как известно, строил архитектор Ф. Б. Растрелли. Но он строил дворец не от фундамента, а в стенах старых зданий, возведенных еще в петровские времена, таких, как, например, дворец графа Апраксина. Это самая старая часть Зимнего дворца с теми же горизонтальными членениями — невысокий подвал, окна второго этажа самые большие, в первом этаже чуть меньшие и в третьем этаже самые маленькие. Таким образом, основы гармонии Петербурга были заложены еще при Петре I и узаконены Екатериной II. В этих пропорциях построены и все петербургские ансамбли. Если пройти от Дворцовой площади к Исаакиевской и далее к Сенатской площади можно увидеть, как плавно один дом сменяется другим, изменяется архитектура фасадов, но сохранились пропорции и высота зданий, оставляя ощущение целостности. Петербург застраивался фактически одинаковыми зданиями, которые, как ни парадоксально, создали бесконечное разнообразие³. Также был принят ряд правил городской застройки улиц и площадей, вошедших в Устав строительный. Площади следовало застраивать зданиями одной высоты, которая тогда регламентировалась по принципу «не ниже». Однако единую высоту можно было задать казенным зданиям, а не частным. Например, для ансамбля площади Островского, улицы Зодчего Росси и площади Ломоносова была выкуплена практически вся территория от Невского до Фонтанки. На Сенной площади в условиях частной застройки такого идеального единства достичь не удалось. Т. Ф. Саваренская, архитектор, специалист в области градостроительства, называла это явление принципом подобия, который укоренился в отечественной градостроительной традиции еще со времен Древней Руси⁴.

Правила екатерининских времен действовали так долго, что по ним был перестроен в стилистике модерна даже дом В. Д. Набокова на Большой Морской улице, 47 (перестроен

архитектором М. Ф. Гейслером и гражданским инженером Б. Ф. Гуслистым по желанию заказчика в старых стенах, поэтому и сохранил все исторические членения).

Неизбежно наступило время, когда было объявлено о строительстве «не выше Зимнего дворца». Имеет ли это отношение к гармонии? Нет такой уверенности. Думается, ни для кого нет сомнений, что дом на пересечении Невского проспекта с Адмиралтейским (Невский пр., 1) является контрастом и даже диссонансом в существующем архитектурном контексте. Диссонансом явились и гостиница «Астория» на Исаакиевской площади, и здание банка на пересечении Малой Морской с Невским проспектом. А ведь они как раз укладываются в заданный предел — они не выше Зимнего дворца. То есть гармонизации архитектурной среды это правило не гарантировало.

Требование равенства высоты здания до карниза и ширины улицы для обеспечения инсоляции квартир сыграло немаловажную роль в формировании архитектурного облика города, и это хорошо показывает пример улицы Зодчего Росси.

Вид на Гороховую ул. Фрагмент панорамы Санкт-Петербурга. 1861 г.

Ул. Чернышевского. Фотография автора, 2021 г.

Надо отметить, что архитектурная гармония поддерживалась и тем обстоятельством, что каменное строительство было очень дорогим и долговременным, поэтому дома при желании их перестроить до основания не разбирали вплоть до начала XX в., когда появилось банковское строительство, то есть коренным образом менялась функция здания. Жилые дома перестраивали, практически всегда оставляя на месте старые стены, оконные проемы в них, перекрытия. Дом фактически напоминал человека, который, меняясь, оставался той же самой узнаваемой персоной. Таким образом сохранение старых стен и, соответственно, прежнего вида зданий способствовало тому, что город продолжал оставаться узнаваемым, чего и требовал император Александр I.

В России архитектурно-строительная деятельность архитекторов регулировалась рядом законов, положений и постановлений. К сегодняшнему дню выявлено около полутора тысяч нормативных актов, непосредственно касающихся градостроительной политики⁵. Основным документом бы Устав строительный. Руководством для архитекторов и строителей служило «Урочное положение». Кроме этого, Санкт-Петербургской городской думой на основе Городового положения

принимались так называемые Обязательные постановления по строительной части. Такими постановлениями допускался уклон крыш не более 45° , и почти все крыши устраивались с одинаковым уклоном, меньшим, чем указан, но одинаковым. Это оказалось еще одним свойством петербургской архитектуры — практически единый уклон крыш, за исключением, конечно, появившихся позднее зданий в стиле модерн. Можно возразить, что крыши нам практически не видны, а на зданиях ансамблей они и вовсе скрыты за высокими аттиками, балюстрадами. Но город — это не только ансамбли, и на самом деле крыши видны и играют не последнюю роль в облике города.

Существовало некое правило единообразного оформления перекрестков и, соответственно, угловых зданий. Оно также восходит к екатерининским временам. К сожалению, многие «углы» позднее были надстроены — следы первоначальной высоты отчетливо видны на фасадах.

Например, перекресток Суворовского проспекта и улицы Моисеенко — два доходных дома, у каждого срезан угол, высота их различна, но не столь значительно. Оба угла увенчаны

башнями — одна побольше, другая поменьше, видимо, по доходам заказчика. Такое сходство и одновременно различие разнообразит городскую среду и в то же время создает впечатление единства. Срезались углы и на выступающих частях дворовых флигелей, в световых «карманах» петербургских дворов, что создавало игру теней на однообразно окрашенных и лишенных декора стенах дворовых фасадов и придавало им живописность.

Перекресток Суворовского пр. и 9-й Советской ул. Фотография автора, 2021 г.

Но противоречия между жизнью и законом, к сожалению, отражаются в нарушении

Загородный проспект.
Въезд в Щербаков
пер. между домами
1 и 3. Фотография
автора, 2021 г.

гармоничного единства. Часто слышатся высказывания о несовершенстве охранного законодательства, мешающего полноценному сохранению объектов культурного наследия. Безусловно, они есть. Так, например, два стоящих рядом здания, одно из которых памятник, а другое нет. Несмотря на то что они построены в одно и то же время из одинаковых материалов, к первому применяются реставрационные методики, а ко второму нет. Между тем в Комитете по градостроительству и архитектуре существовали специальные правила окраски фасадов в зависимости от их местоположения и даже имелись развертки улиц с расколеровкой.

Смежные законы зачастую вступают в жесткое противоречие с требованиями охраны культурного наследия и даже с самими зданиями, и ужесточение нормативов происходит постоянно. Современный норматив разрушает историческую среду.

Так, например, при установлении 50-процентного износа конструкций перекрытий здания с деревянными балками признаются аварийными, то есть подлежащими сносу, хотя существует методика протезирования деревянных балок, усиления и даже их замены без расселения дома, которая совершенно не используется в наше время именно из-за сложности урегулирования вопросов с противопожарными службами и, конечно

же, из-за нежелания заказчика нести дополнительные расходы или удлинения сроков проведения ремонтных работ. Напомню, что практически вся старая архитектура Европы стоит на деревянных балках, продолжают существовать фахверковые дома, в которых живут люди. В России законодательство было жестче — у нас уже давно в многоэтажных домах не разрешалось устраивать деревянные лестницы, в то время как в европейской архитектуре они применяются до сих пор. Согласно Уставу строительному 1907 г., «...утверждение планов и фасадов частных зданий в городском поселении и выдачи разрешений на перестройки и капитальные исправления принадлежит... Городской управе, на которую, при содействии городской полиции, возлагается наблюдение за правильным производством означенных построек. Для участия в рассмотрении планов и фасадов на постройки и перестройки в присутствии Управы в С.-Петербурге и Москве приглашается бранд-майор с правом голоса»⁶.

Согласно нашему современному противопожарному законодательству, население нашей страны фактически незаконно проживает в своих деревянных домах и даже в квартирах, расположенных в современных многоэтажных многоквартирных домах, где ни ширина лестниц и лестничных площадок, ни расстояния между корпусами, ни освещенность, ни наличие дерева как такового не соответствуют современному нормативу. Между тем в мире уже давно развивается современное строительство из полностью деревянных конструкций. Наш Минстрой собирается рассмотреть такие возможности в нашей стране только в 2025 г.

По новым нормам, «двери, выходящие на лестничную клетку, в максимально открытом положении не должны уменьшать требуемую ширину лестничных площадок и маршей»⁷. Не так давно была принята новая нормативная ширина лестничных пролетов 1 м 30 см, а лестничных площадок не менее 1 м 60 см. То есть любая открывающаяся наружу дверь квартиры или офиса в старом здании сокращает нормативный проход и практически ни одна лестница в старом доме в норматив не впишется.

Одна из последних противопожарных новаций — недопустимость использования подвальных помещений в качестве кладовых для жильцов.

Для того чтобы дать возможность существования зданиям, противопожарной службой (ППС) был разработан ряд мер. Однако справиться с комплексом компенсирующих мероприятий, который бы удовлетворил ППС, современный проектировщик не в состоянии самостоятельно. Поэтому при них создаются специальные проектные группы, которые охотно берутся помочь проектировщикам — разрабатывают эти компенсирующие мероприятия.

Одна из архитектурных мастерских предоставила свои материалы по попытке «зайти» в центр города и взяться за проектирование жилья в бывших доходных домах, которые даже не являются объектами культурного наследия. После анализа ситуации возникла следующая картина.

Из восьми зданий практически ни одно невозможно приспособить для жилья уже на стадии нормативной инсоляции, которая оказывается в массиве старой застройки недостаточной. Только в одном из случаев можно было достичь соответствия нормативу при условии сноса одного из дворовых флигелей. Далее следуют ненормативные лестницы, дверные проемы. Не вписываются в норматив и дворовые территории, где необходимо разместить парковочные места, посадить деревья и кустарники, построить детские площадки. И так далее. Поэтому для бывшего когда-то добротного и комфортного, в том числе и по нашим сегодняшним меркам (о чем говорят цены на жилье в центре города), жилого дома придумывается такое использование, как многоэтажный паркинг (!). При этом под нож идет уникальная лепная отделка — ведь она была в каждом доме; лепнина, которая изготавливалась индивидуально для каждого дома, поскольку в Петербурге нет одинаковых домов и квартиры в них тоже разные. В лицевом флигеле устанавливалась самая богатая лепнина, во флигелях первого двора она была скромнее, во флигели второго и третьего дворов ставились только потолочные розетки.

Сейчас из домов, которые «не учет, не памятник», грузовиками вывозится штукатурка и, соответственно, лепнина. Пусть не слишком виртуозная, не уникальная. Но она там была, как и штукатурный декор — потолочные падуго, профилированные карнизы. Под снос идут уникальные лестницы из дорогого натурального камня, дорогие кованые или еще более дорогие

литые лестничные ограждения. Часто ступени и площадки облицовывают современной керамической плиткой. Остается одна каменная коробка, где заказчик не желает даже вставить деревянные окна с историческим рисунком расстекловки (обычно на шесть или восемь стекол), а требует «провести металлопластик», в лучшем случае устанавливает в проем окно со сплошным остеклением или с одной верхней фрамугой. Кстати, рисунок расстекловки зачастую не фиксируется как предмет охраны.

В Европе в обычных доходных домах нигде нет ни таких лестниц, ни такой лепнины, какие пока еще имеем мы.

Дом — это прежде всего конструктивная и инженерная система. Жизнь в нем целиком зависит от устойчивости и надежности первой и целесообразности второй. Если с первой более или менее всё довольно ясно, то со второй обходятся очень легкомысленно. Между тем больших усилий требует не система отопления, а система, позволяющая сохранить тепло.

Самые холодные места в помещении — это углы. Поэтому в помещениях — не только для красоты — была придумана падуга. Она изолировала холодный угол у потолка. Той же цели служили межэтажные тяги на фасаде. Утолщенные кирпичной кладки в зоне перекрытия также служат сохранению тепла. При помощи вентиляционных каналов в наружных стенах проветривалось межэтажное перекрытие, подавалось дополнительное тепло в помещение, то есть оно становилось более экономичным. Системе вентиляции помещений и сохранения тепла посвящена даже одна из лекций Эрмитажа.

Современные воздуховоды на стене дома Армянской церкви. Невский пр., 40. Фотография автора, 2021 г.

Современные трубы на крыше. Невский пр., 31. Фотография автора, 2021 г.

Сегодня проектировщики утверждают, что сечение старых стальных каналов «не проходит по нормативу». И мы видим на дворовых фасадах, да и не только, огромное количество безобразных труб, тянущихся из окон первых этажей. В иные дворы порой страшно заглянуть: они увешаны электропроводами, по стенам ползут толстые вентиляционные трубы. Существуют фирмы, которые выполняют работу по расчистке и ремонту старых каналов в кирпичных стенах. Но здесь сказывается прежде всего нежелание заказчика платить за обследование, ремонт и приспособление — это дорого. При реконструкциях каналы также не используют. Кирпичные трубы убирают с крыш, каналы бетонируют, то есть забрасывают раствором. Никто не контролирует этот процесс. В результате в один прекрасный день где-нибудь в средних этажах на внутренней стене вдруг вылезает пятно сырости, от которого никак не избавиться. Это конденсат пытается выйти из закупоренной полости канала. Кроме этого, при подобной технологии здание становится значительно тяжелее и требует усиления фундаментов, то есть дополнительных расходов.

Совершенно очевидно, что невозможно применять один и тот же норматив к зданиям, стоящим «сплошную фасадою», и к застройке отдельно стоящих зданий.

Примечания

¹ ПСЗРИ. Т. 17. (1765–1766). 12.629. Апреля 27. Высочайше утвержденный доклад Комиссии о С. Петербургском строении. О строении обывательских домов от Невы реки по Фонтанке. [СПб.,] 1830. С. 668–669.

² Егоров Ю. А. Архитектурные ансамбли СССР. М., 1961.

³ Юркова З. В. Архитектор Модюи: идеальная столица в проектах. Петербург императора Александра I. СПб., 2019. С. 233.

⁴ Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. М., 1984. С. 252.

⁵ Кухаргук А. Г. История развития градостроительного законодательства России. URL: <https://www.ibgroup.ru/news/2017/05/17/197/>.

⁶ Устав строительный. 1910. Изд. второе, значит. доп. СПб., 1911. Ст. 187.

⁷ Приказ МЧС России от 19.03.2020 № 194 Об утверждении свода правил СП 1.13130 Системы противопожарной защиты. Эвакуационные пути и выходы (вместе с СП 1.13130.2020 Свод правил...) > СП 1.13130.2020 Свод правил. Системы противопожарной защиты. Эвакуационные пути и выходы > 4. Общие требования > 4.4. Эвакуация по лестницам и лестничным клеткам.

Л. В. Глушкова

ДОМ СОВЕТОВ НА МОСКОВСКОЙ ПЛОЩАДИ

В 1930-Х ГОДАХ проспект Сталина (Московский) планировался как главная улица Ленинграда. Город не мог расширяться на север из-за близости границы с Финляндией, поэтому основное строительство шло на юге города. В результате именно проспект Сталина становился главной магистралью не только этих районов, но и всего Ленинграда.

После убийства в 1934 г. Кирова новое руководство города весной 1935 г. инициировало проработку нового Генерального плана Ленинграда. Предполагалось переместить сюда административный центр. Дом Советов планировалось поставить на пересечении двух важнейших магистралей — проспекта Сталина и Центральной дуговой магистрали (от Кировского к Невскому району), где планировалось создать «ожерелье» площадей.

Под руководством Н. В. Баранова фактически была продолжена реализация идей, сформулированных коллективом Л. А. Ильина¹. В группу разработчиков Генплана были приглашены А. И. Наумов и Л. А. Ильин. Генеральный план развития Ленинграда, который в народе прозвали «Передник Ильина», по имени главного архитектора Л. А. Ильина, был готов к 1935 г. Было решено, что старый центр, где слишком много символов царской власти и постоянно разливается Нева, будет законсервирован, а для Ленинграда создадут новый — на юге.

Работа над новым вариантом Генплана была завершена в 1939 г. Главная идея предыдущего проекта развития города за счет южных районов сохранила свою актуальность под названием «Генеральный план развития Ленинграда и Музей революции на Пулковских высотах»². Параллельно с созданием нового Генплана Ленинграда велась работа над генеральными планами городов, расположенных в пригородной зоне: Колпина, Пушкина, Слуцка (ныне Павловск), Петергофа, Красногвардейска (ныне Гатчина, а ранее Троцк), Красного

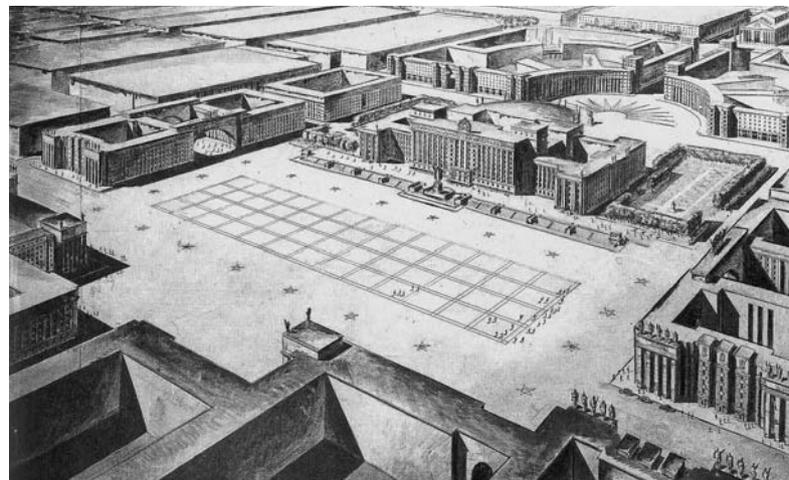
Села, Кронштадта, Стрельны, Сестрорецка и Ораниенбаума. В проекте историческая роль Невы в формировании облика города вообще не учитывалась, а смысловой центр Ленинграда ощутимо смещался на юг, в район проспекта Сталина. Не случайно этот первый советский проект критиками был назван «сухопутным»³.

В 1936–1941 гг. оформлялась самая большая площадь по территории в городе — Демонстрационная (Московская).

Генеральный план 1935–1939 гг. предусматривал создание здесь нового общегородского центра. Помешали его осуществлению война с Финляндией, в результате которой северная граница страны отодвинулась от Ленинграда, а также последовавшая Великая Отечественная война. Далее этот план оказался нецелесообразным. А Московские ворота, разобранные для оформления Демонстрационной площади, так и остались лежать вдоль проспекта. Перед Домом Советов было решено создать большую парадную эспланаду. Однако уже был построен ряд парадных зданий, на проспекте высадили аллеи деревьев. Поэтому только и сохранились прямой, как стрела, Московский проспект, неожиданно косые Краснопутиловская и улицы Победы и Дом Советов.

В 1930-х гг. проектировался новый южный обводный канал. Проект не был реализован. От этого проекта остался на Московском проспекте Дом со шпилем и кривой изгиб Бассейной улицы. Вместо проектируемого канала появилась улица Бассейная. На пересечении Бассейной улицы с проспектом Сталина в 1940–1941 гг. был построен дом № 190, украшенный декоративным бельведером со шпилем. В конце 1930-х гг. была распланирована площадь (сейчас площадь братьев Стругацких) на пересечении проспекта Сталина с улицами Победы (Мира) и Фрунзе.

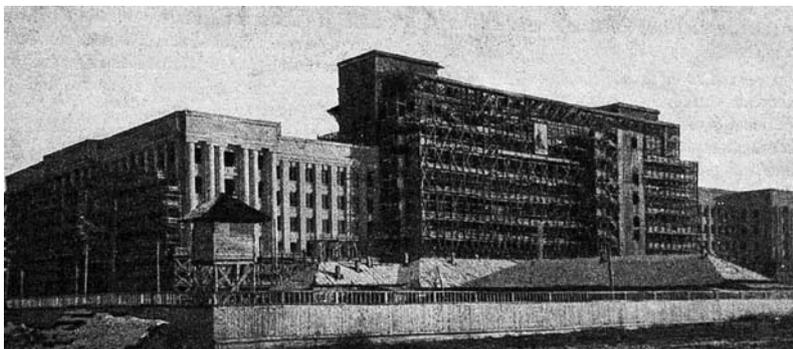
В марте 1936 г. было принято решение о строительстве на новой площади грандиозного Дома Советов. Он должен был стать центром нового города, а проспект Сталина заменил бы по значимости проспект 25 Октября (Невский). Согласно проекту архитектора Н. А. Троцкого, это было прямоугольное в плане здание с тремя большими дворами. Большой протяженный фасад имеет трехчастную структуру, повышенный централь-

Н. А. Троцкий. Перспектива площади перед Домом Советов.
Архитектура Ленинграда. 1939. № 2

ный объем доминирует над боковыми крыльями. Западный фасад имеет длину почти 250 м. Центральную часть здания замыкает сзади большой полукруглый объем конференц-зала. Этажи объединяются четырнадцатью мощными полуколоннами. Сверху идет стометровый скульптурный многофигурный фриз, декор которого посвящен будням жизни советского народа. Над этим фризом, в центре фасада, размещается большой картуш, где изображен герб Советского Союза и знамена⁴. Право проектировать Дом Советов архитектор Н. А. Троцкий получил в результате Всесоюзного конкурса. Его проект был отмечен первой премией. Под руководством Н. А. Троцкого разработкой проекта занимались архитекторы Я. Н. Лукин, Я. О. Свирский, Л. М. Тверской, М. А. Шепилевский, инженер С. С. Голушкевич и др. Строительство Дома Советов было завершено в 1941 г., уже после кончины Троцкого в 1940 г.

Строительство началось с того, что был построен кирпичный завод для изготовления кирпича в районе Бассейной улицы — несостоявшегося Южного канала. Как и большинство строек тех лет, строительная площадка Дома Советов была если не зоной, то местом работы заключенных. На фотографии

Строительство Дома Советов. Фотография 1937–1938 гг.

1937–1938 гг. отчетливо видны характерный забор, колючая проволока, сторожевые вышки.

Завод, согласно секретному приказу, был переоборудован и начал работать как крематорий с весны 1942 г. до конца 1943 г. Есть свидетельства работников, что крематорий работал и весь 1944 г. Количество кремированных и захороненных не соответствует официальным данным: официально — 300 тысяч, вместе с воинами — 600 тысяч, но по засекреченным воспоминаниям сотрудников (Т. Н. Ивановой и начальника 1-го отдела — отделения НКВД), было захоронено более 1,5 млн умерших горожан и воинов. Эти свидетельства полностью меняют историческую статистику погибших в период блокады Ленинграда.

В 1990-е гг. по ТВ (5-й канал) было показано интервью с начальником 1-го отдела крематория, который вел учет кремированных в 1942–1943 гг. По его подсчетам, их было около 2 млн. Он был вызван руководством НКВД, которое ему запретило дальнейший учет, а данные были засекречены. Я не смогла найти это интервью. Надеюсь, что смогут откликнуться его родственники или заинтересованные в правдивом освещении событий историки. В списках работников крематория, которые были засекречены на 50 лет, я не нашла фамилию этого человека.

Территория бывшего завода-крематория и двух прудов нынешнего парка Победы признаны мемориальной зоной. После официального подтверждения сожжения погибших военнослужащих в Гатчине и на Пулковских высотах эта территория

была зарегистрирована как воинское захоронение, а весь комплекс был признан самой большой братской могилой в мире. В 2006 г. здесь был установлен Поклонный Крест, в 2010 г. была поставлена часовня, а затем построена церковь на фундаменте бывшего спортивного зала. 22 июня церковь была освящена во имя Всех святых, в земле российской просиявших, так как в день этого православного праздника в 1941 г. началась Великая Отечественная война. Купол церкви венчает крест без обязательной для православия переладины внизу. Это означает, что в ней могут молиться и поминать умерших люди различных конфессий и религий, так как среди погибших в Ленинграде были представители всех религий.

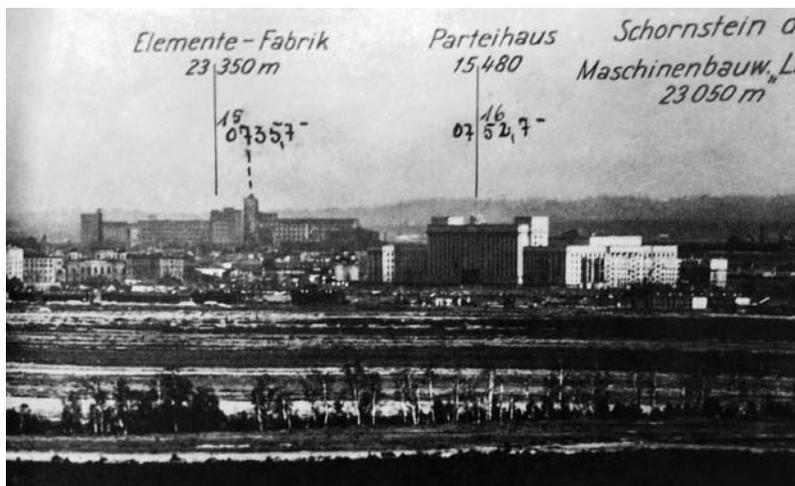
После реконструкции парка Победы был заменен памятник, посвященный встрече на Эльбе советских и американских солдат.

На аэрофотоснимке 1941 г. нет уже ни лесов, ни барачков, ни колючей проволоки, но есть общий вид построенного в чистом поле монументального здания,

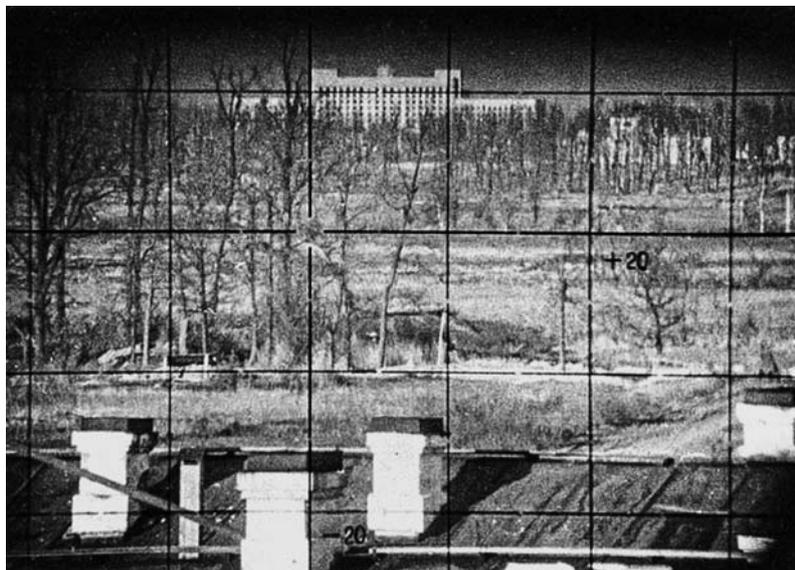
Уже в сентябре 1941 г. немецкие войска подошли к Ленинграду. Немецкой фронтовой разведкой 8 сентября 1941 г. был сделан снимок в пос. Стрельна по адресу: Ленинградское шоссе, 13А, с крыши высотного сталинского дома при помощи стереотрубы

Дом Советов. Аэрофотосъемка 1941 г.

Дом Советов. Снимок, сделанный при помощи стереотрубы.
Фотоархив ленинградской блокады из Архива г. Фрайбурга, ФРГ

Снимок, сделанный армейской разведкой вермахта 8 сентября 1941 г.
в пос. Стрельна. Архив А. Виноградова

цейсовского производства. Это был день «закрытия кольца». Началась блокада Ленинграда. Фотографии, сделанные с помощью стереотрубы, были использованы для разметки целей для артобстрела Ленинграда. На их основе в 1943 г. были выпущены открытки с видом Ленинграда, которые продавались в нацистской Германии. В 1945 г., во время Нюрнбергского процесса, Р. А. Руденко, главный обвинитель нацистских преступников с советской стороны, представил эти открытки как свидетельство преднамеренного разрушения Ленинграда.

Оборона Дома Советов включала целую систему дотов, которая шла от Колпина — Шушар — Пулковских высот, а также систему ПВО. Сейчас в Московском районе сохранились только два дота, к которым жители в торжественные даты приносят цветы.

Левое крыло Дома Советов защищала 52-я батарея капитана Амеличева, которая по наводке фронтовой разведки и разведки партизан расстреляла штаб испанской «Голубой дивизии» в Павловске. Для 1943 г. этот случай был уникальным. Батарея была награждена орденом Красного Знамени.

В 1943 г. в Доме Советов был оборудован наблюдательный пункт командующего Ленинградским фронтом генерала Л. А. Говорова. 6 марта 1944 г. был осуществлен проход партизанского соединения перед Домом Советов в честь полного снятия блокады и полного освобождения Ленинграда.

Проход партизанского соединения перед Домом Советов 6 марта 1944 г.
ЦГАКФФД СПб

Фасад и южная сторона Дома Советов сильно пострадали в результате военных действий, и после войны начались серьезные реставрационные работы.

Причиной появления легенд, связанных с Домом Советов⁵, стало размещение в нем Научно-исследовательского института радиоэлектроники ЦНПО «Ленинец». В советские годы предприятие работало на оборонную промышленность, было режимным объектом. Военизированная охрана и сам облик ленинградского «Пентагона» возбуждали фантазию любителей присочинить.

Легенда гласила⁶, будто бы Дом Советов, как и Ижорский завод, немцами не обстреливался. Якобы советская контрразведка пустила слух, что в госпитале, который развернули в помещениях Дома Советов, содержатся пленные немцы. На самом деле госпиталь в Доме Советов действительно был. Толстые стены здания надежно защищали от снарядов, но обстреливали немцы здание нещадно.

Еще один миф⁷ связан с метро: по одной из версий, при прокладке станции метро «Московская» выход из нее делали прямо в зал заседаний Дома Советов, по другой — из Дома Советов существует прямая ветка метро в сторону Невского района. Но и этот миф далек от правды: станция метро «Московская» была открыта лишь в 1969 г., да и всю «синюю» ветку метро начали строить после войны. Поэтому даже о проекте вывода станции метро в Дом Советов говорить не приходится. Это касается и якобы имеющийся ветки в Невский район. Нужно просто вспомнить, что вплоть до конца шестидесятых юг Ленинграда представлял собой даже не окраину города, а несколько деревень. В официальной хронике есть только сведения о «различных научных институтах», находившихся в Доме Советов в послевоенное время.

Для тех, кто хотел бы проверить миф о метро и девяти этажах вглубь под Домом Советов, достаточно подсчитать время проезда между станциями метро «Московская» и «Звездная» — оно значительно больше, чем между другими станциями. Это объясняется плынуном, из-за которого пришлось линию обходить.

Много легенд было связано и с установкой к 100-летию со дня рождения на гранитный постамент памятника В. И. Ленину работы Л. А. Аникушина.

Памятник В. И. Ленину на Московской площади. Скульптор М. К. Аникушин, архитектор В. А. Каменский, 1969–1970

И, в завершение повествования о Доме Советов на Московской площади, в 2006 г. здесь были установлены фонтаны, как бы в оправдание ее имени, данного в самом первом плане создания площади, — Демонстрационная.

Примечания

¹ Архитектурная хроника 1939 года // Архитектура Ленинграда. 1939. № 2. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 14.

⁴ Ганин Л. Ленинградский Дом Советов // Правда. 1938. № 40. 10 февраля.

⁵ Уткин С. Легенды и быль Дома Советов. URL: <https://www.don-ald.ru/stati/13388/> (дата обращения: 13.12.2021 г.).

⁶ Там же.

⁷ История и мифы Дома Советов // Планета путешествий. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5aaf91b048267704124f9720/istoriia-i-mify-doma-sovetov-5ae1b2b99d5cb3396fb3868e> (дата обращения: 13.12.2021 г.).

А. Н. Шипунов

ЗЕЛЕНЫЙ ПОЯС СЛАВЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОГО АНСАМБЛЯ

ЗЕЛЕНЫЙ пояс Славы Ленинграда — легендарный монументальный ансамбль, в состав которого входит несколько десятков мемориальных комплексов и отдельных памятников, воздвигнутых в 1940–1980-е гг. на всём протяжении 200-километровой линии переднего края обороны города на Неве периода Великой Отечественной войны. Общая планировка ансамбля была выполнена авторским коллективом мастерской № 1 института «Ленпроект» под руководством Г. Н. Булдакова¹. Над созданием отдельных монументов трудились ведущие ленинградские архитекторы и скульпторы своего времени: С. Б. Сперанский, Б. А. Свинин, Г. Д. Ястребенецкий, А. Г. Дёма и др. На сегодняшний день сооружения Зеленого пояса Славы расположены на территории двух регионов — Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Первоначально объекты Зеленого пояса Славы были взяты под охрану как памятники государственного значения согласно Постановлению Совета министров РСФСР от 04.12.1974 № 624 «О дополнении и частичном изменении Постановления Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 „О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР“». Четверть века спустя охранный статус ленинградской (петербургской) части ансамбля был подтвержден и уточнен в Постановлении Правительства Российской Федерации от 10.07.2001 № 527 «О перечне объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения, находящихся в г. Санкт-Петербурге». Для монументов, расположенных в Ленинградской области, охранный статус по настоящее время установлен Постановлением Совета министров РСФСР 1974 г. Кроме того, как уникальное в своем роде произведение искусства, в 1990 г. Зеленый пояс Славы был включен в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в качестве компонента № 036 «Мемориал в память обороны города в 1941–1944 гг. „Зеленый пояс Славы Ленингра-

да“» номинации № 540 «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников».

На основании приведенных выше сведений может сложиться впечатление, что с сохранением памятников Зеленого пояса Славы нет и не может быть существенных проблем. Однако в реальности всё обстоит несколько иначе. При изучении данного ансамбля обращает на себя внимание комплекс разночтений между трактовками его состава в авторских описаниях и в охранный документации. Подобные нестыковки дают нам право предполагать, что в настоящий момент на государственной и международной охране в качестве объектов Зеленого пояса Славы состоит ряд памятников, не имеющих к нему непосредственного отношения. В то же время подлинные элементы ансамбля зачастую могут быть лишены полагающегося им охранный статуса.

Следует отметить, что некоего общего авторского описания Зеленого пояса Славы в его законченном виде не существует. Наиболее подходящими под эту характеристику источниками являются статьи руководителя проекта общей планировки ансамбля Г. Н. Булдакова «Во славу подвига твоего, Ленинград» и «Никто не забыт и ничто не забыто», опубликованные в журналах «Строительство и архитектура Ленинграда» № 5 за 1970 г. и «Архитектура СССР» № 2 за 1974 г. соответственно. Также заслуживает внимания описание Зеленого пояса Славы, данное в книге И. А. Бартенева «Ленинград», изданной в 1975 г. в серии «Архитектура городов-героев», научным редактором которой являлся вышеупомянутый Г. Н. Булдаков.

Рассмотрим приведенное в вышеназванных текстах описание мемориального комплекса «Кировский вал», расположенного на юго-западе города. В его состав входят: бетонная стела в парке «Новознаменка» (архитекторы К. Л. Иогансен и В. А. Петров, 1944 г.), бетонная стела с якорем напротив дома № 21 по Петергофскому шоссе (архитекторы А. Экснер, А. Колодин, Ю. Жмаев, 1968 г.), гранитная стела на пр. Маршала Жукова в створе ул. Стойкости (архитектор С. Г. Майофис, 1966 г.)². Два последних монумента связывает Аллея Славы из 900 берез, высаженная на территории Полежаевского парка непосредственно вдоль линии переднего края обороны города 1941–1944 гг.³

Обелиск у ж/д станции Лигово — элемент мемориального комплекса «Кировский вал» Зеленого пояса Славы. Архитектор В. М. Иванов, 1980-е гг. (слева). Стела в парке «Новознаменка» — элемент мемориального комплекса «Кировский вал» Зеленого пояса Славы. Архитекторы К. Л. Иогансен и В. А. Петров, 1944 (справа). Фотографии автора, 2021 г.

Кроме того, в книге И. А. Бартенева в качестве одного из элементов «Кировского вала» указан бетонный обелиск у станции Лигово (архитекторы К. Л. Иогансен и В. А. Петров, 1944 г.). В конце 1970-х — начале 1980-х гг. этот памятник был заменен на гранитный монумент схожих пропорций (архитектор В. М. Иванов), связанный с основной частью мемориального комплекса второй очередью Аллеи Славы⁴.

При рассмотрении указанной группы памятников на плане становится понятна образно-символическая программа формируемого ими мемориального комплекса. Стелы и обелиски в ней предстают своеобразной метафорой крепостных башен или бастионов, соединенных между собой стеной — валом, функцию которого выполняет Аллея Славы. Эту символиче-

скую крепость в годы блокады защищали среди прочих ополченцы Кировского района Ленинграда, что и отражено в названии «Кировский вал».

Однако в актуальных охранных документах в состав рассматриваемого мемориального комплекса включены также другие объекты, в частности — монумент «Танк-победитель», расположенный на пр. Стачек, неподалеку от станции метро «Автово». Данное сооружение не только не упоминается ни в одном из авторских описаний, но и находится на существенном отдалении (около 5 км) от остальных объектов «Кировского вала». Исторически оно являлось частью не сохранившейся до наших дней композиции «Защитникам Ленинграда» (архитектор В. А. Каменский, 1949–1951 гг.) — монументально-художественного оформления въезда в город, которое не было «привязано» на местности к какому-либо боевому рубежу 1941–1944 гг.⁵ Вследствие этого нам представляется необоснованной постановка

Монумент «Танк-победитель» в Автове. Архитектор В. А. Каменский, 1951. Фотография автора, 2020 г.

«Танка-победителя» на государственную и международную охрану как элемента мемориального комплекса «Кировский вал» Зеленого пояса Славы.

Рассмотренное выше неоднозначное решение напомнило о себе при определении границ компонента № 036 «Мемориал в память обороны города в 1941–1944 гг. „Зеленый пояс Славы Ленинграда“» на картах объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО № 540 «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников». Из-за необходимости «прикрепить» танк-памятник к остальной части ансамбля, преимущественно пролегающего непосредственно вдоль линии переднего края обороны Ленинграда 1941–1944 гг., составители данного документа были вынуждены протянуть от Аллеи Славы к месту его расположения своеобразный «аппендикс», наличие которого не имеет другого логического обоснования. Данный казус был совершенно справедливо подвергнут критике со стороны председателя Санкт-Петербургского отделения ИКОМОС С. Б. Горбатенко⁶.

Параллельно с подобными «излишками» в охранных документах присутствуют и многочисленные «недостачи». В частности, не состоит на государственной охране мемориальный комплекс «Ржевский коридор» (архитектор В. С. Лукьянов, 1985 г.), хотя необходимость создания в составе Зеленого пояса Славы «монумента на Ржевке, призванного символизировать начало Дороги жизни»⁷, была постулирована Г. Н. Булдаковым еще в 1970-е гг.

Парадоксальная ситуация сложилась с обелиском на 29-м километре Московского шоссе, установленным на рубежах обороны 55-й армии Ленинградского фронта (архитектор М. К. Меликова, 1957 г.). Согласно имеющимся у нас авторским описаниям Зеленого пояса Славы, в частности — карте ансамбля, опубликованной в статье Г. Н. Булдакова⁸, данный объект является частью мемориального комплекса «Штурм». Однако на государственную охрану рассматриваемый обелиск по неизвестной причине поставлен Решением Исполкома Ленинградского областного совета народных депутатов № 189 от 15.05.1988 «Об утверждении списка военно-исторических памятников и памятных мест, подлежащих охране в Ленинградской области»

не как федеральный, а как региональный объект культурного наследия, не имеющий отношения к Зеленому поясу Славы. Приведенный пример особо примечателен в силу еще одного факта. Интересующий нас монумент расположен (и располагался в 1988 г.) на территории г. Ленинграда / Санкт-Петербурга, однако был взят на государственную охрану актом областного органа власти. Легитимность подобного решения представляется нам крайне сомнительной, хотя сама необходимость сохранения рассматриваемого памятника очевидна.

Схожие проблемы присутствуют и в описании компонента № 036 «Мемориал в память обороны города в 1941–1944 гг. „Зеленый пояс Славы Ленинграда“» объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО № 540 «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников». Так, по невыясненным обстоятельствам границы Зеленого пояса Славы на картах ЮНЕСКО на сегодняшний день не доведены до мемориального комплекса «Лемболовская твердыня» в д. Лемболово на востоке Карельского перешейка и мемориального комплекса «Берег мужественных» на берегу р. Воронки неподалеку от г. Сосновый Бор. На этот факт также резонно указывал С. Б. Горбатенко⁹.

Представляется некорректной и интерпретация в материалах ЮНЕСКО Зеленого пояса Славы в целом. На сегодняшний день его основная часть, элемент № 036а «Блокадное кольцо», трактована как исторический ландшафт рубежа переднего края обороны Ленинграда 1941–1944 гг. Однако Зеленый пояс

Обелиск на 29-м км Московского шоссе — элемент мемориального комплекса «Штурм» Зеленого пояса Славы. Архитектор М. К. Меликова, 1957. Фотография автора, 2021 г.

Мемориал «Пулковский рубеж» Зеленого пояса Славы (стела).
Архитектор Я. Н. Лукин, скульптор Л. Л. Михайлёнок, художник
А. П. Ольхович, 1967. Фотография автора, 2018 г.

Славы — это именно монументальный ансамбль, часть объектов которого умышленно, в целях повышения эстетической выразительности, возводилась в некотором удалении от бывшей линии фронта, к примеру, мемориал «Пулковский рубеж» отстоит от нее приблизительно на 400 м¹⁰.

Кроме того, памятники Зеленого пояса Славы увековечивают не только передний край обороны города, но и места боев операции «Январский гром» по снятию блокады, вследствие чего расположены в ряде населенных пунктов, в 1941–1944 гг. находившихся под оккупацией, в частности — в Гостилицах.

Рассмотренные выше примеры не являются единственными в своем роде. Их наличие показывает, что ситуация с сохранением памятников Зеленого пояса Славы Ленинграда на сегодняшний день далека от идеала. Требуют уточнения как общий перечень объектов ансамбля, состоящих на государственной и международной охране, так и описания его элементов — мемориальных комплексов и отдельных памятников. Вместе с тем нам представляется, что урегулирование выявленных проблем (посредством приведения описания ансамбля в соответствие с авторским замыслом или в формате некоего компромиссно-

го решения) не должно представлять особой сложности для ответственных органов в сфере охраны культурного наследия.

Примечания

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. Оп. 1. Д. 672 (Стенографический отчет заседания правления по обсуждению предложения о создании вокруг Ленинграда Зеленого пояса Мира. 26 марта 1965 г.).

² Бартенев И. А. Ленинград. Л., 1975. С. 146–148.

³ Булдаков Г. Н. Никто не забыт и ничто не забыто // Архитектура СССР. 1974. № 2. С. 14.

⁴ Порецкина Э. Н. Стойкости и мужеству героев: Памятники и мемориальные доски Ленинграда, посвященные Победе в Великой Отечественной войне: справочник. Л., 1985. С. 41.

⁵ См.: Калинин Б. Н., Юревич П. П. Памятники Ленинграда и его окрестностей: справочник. Л., 1959. С. 59–60; Караев Г. Н., Яблогкин Ю. Н., Воробьев Т. И. По местам боевой славы: Ленинград и Ленинградская область. Л., 1962. С. 445–448.

⁶ Горбатенко С. Б. О результатах деятельности рабочей группы КГИОП по уточнению состава и границ петербургского объекта Всемирного наследия // ИКОМОС СПб — ICOMOS SPb. URL: <http://www.icomos-spb.ru/vsemirnoe-nasledie/o-rezultatakh-deyatelnosti-rabochej-gruppy-kgiop-po-utochneniyu-sostava-i-granits-peterburgskogo-ob-ekta-vsemirnogo-naslediya> (дата обращения: 14.09.2021 г.).

⁷ Булдаков Г. Н. Во славу подвига твоего, Ленинград // Строительство и архитектура Ленинграда. 1970. № 5. С. 8.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ Горбатенко С. Б. Указ. соч.

¹⁰ Лукьянов Ю. А. Памятник длиной 200 километров. Л., 1969. С. 83.

прямо на улице, на самих кладбищах у контор, церквей, на дорожках, в канавах, на могилах и между ними десятками, а иногда и сотнями лежали оставленные покойники (в гробах и без них). Работники кладбищ и привлеченные для этой «скорбной работы» горожане убирали их, хоронили в траншеях, но вскоре появлялись новые — поток умерших от голода и истощения не ослабевал. И это положение сохранялось до марта 1942 г.

В декабре 1941 г. по решению председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова⁵ начались захоронения в братские могилы. Для этого силами войск ПВО и жителей города рыли траншеи глубиной до 2 м, шириной до 2,5 м. Морозной зимой 1941/1942 г. землю под траншеи приходилось взрывать. В силу того, что территория Серафимовского кладбища была окружена землями совхоза «Красная заря» и строениями свиносовхоза Ленгоснарпита, траншеи располагали с сохранением этих строений. Поэтому они имеют различную длину и различное направление. Кроме того, вокруг церкви традиционно располагались дово-

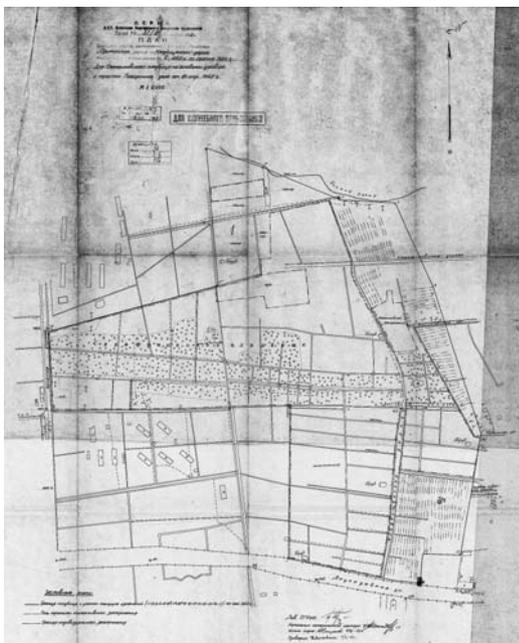

Схема расположения захоронений на июнь 1942 г. ОГРИИ. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-36. Оп. 3-6. Д. 416. Л. 1

енные захоронения, которые тоже необходимо было сохранить при рытье траншей.

В апреле 1942 г. на основании договора АПУ Исполкома Ленгорсовета с трестом «Похоронное дело»⁴ был составлен план земельного участка по Кладбищенской дороге для Серафимовского кладбища. На плане показаны места расположения захоронений траншейного типа и места коллективных захоронений. На следующем листе архивного дела на аналогичном плане указаны ряды и пронумерованы траншеи: на участке 1 — 5 рядов, 95 траншей, на участке 2 — 7 рядов, 62 траншеи, на участке 3 — 27 траншей⁵. Здесь же представлены материалы топосъемки в масштабе 1:500 участков 2–3 и 4 на 1945 г.⁶

Также места расположения захоронений военного периода указаны в диссертации главного санитарного врача периода блокады Ленинграда М. Я. Никитина: «...захоронения проводились на 4 участках кладбища. Три из них тянутся вдоль главной кладбищенской дороги с правой стороны, с левой в северо-западном углу территории кладбища под названием Волчьих ямы... На первых трех участках захоронения были произведены в траншеях, а на четвертом в ямах»⁷. По данным Никитина, на Серафимовском кладбище были проведены захоронения в 280 траншеях. По сведениям из отчета треста «Похоронное дело»⁸, в 18 братских могилах (Волчьих ямах, участок 4) у Гнилого ручья были захоронены 15 тысяч человек.

Эти же места захоронений военного периода указаны в материалах топосъемки треста ГРИИ (планшеты 2628-15 и 2628-16). И участок 1, и остальные участки помечались одинаково: Братские захоронения жертв блокады.

Весной и летом 1942 г. в целях предотвращения эпидемических заболеваний на кладбище проведены перезахоронения 2910 индивидуальных могил и приведены в порядок 199 братских могил⁹.

На основании материалов топосъемки институтом «Ленпроект» в 1946 г. был разработан проект благоустройства захоронений, предполагавший объединение нескольких траншей в одну символическую братскую могилу¹⁰, что и было впоследствии частично реализовано. Из пояснительной записки к следующему проекту 1951 г.¹¹: «В настоящее время почти полностью

сделана планировка вчерне по проекту 1946 г., поставлены на могилах временные деревянные обелиски». Не по проекту на участке 1 была установлена фигура автоматчика на постаменте из мрамора, сложенном из нескольких старых надгробий. По материалам топосъемки 1951 г.¹² видно, что братские могилы на участках 2 и 3 представляли собой одернованные площадки, большинство которых было обрамлено рядами посадками.

В архивном собрании КГИОП удалось обнаружить Паспорт исторического памятника (не здания) № 702, составленный 20 ноября 1950 г. по форме, утвержденной Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР (текст воспроизведен в Приложении). Под охрану были поставлены «Братские могилы погибших в дни героической обороны г. Ленинграда 1941–1944 гг.», расположенные на трех площадках, на которых были установлены деревянные обелиски. Как следует из раздела «Отметки о ремонте и реставрации», в 1955–1956 гг. «...трестом „Похоронное обслуживание“ были произведены работы по благоустройству братских могил. По состоянию на 12.07.1956 насчитывалось 48 братских могил на всех трех площадках. На каждой могиле была установлена мраморная стела».

Деревянные пирамиды на братских захоронениях. 1950 г. Архив КГИОП

К сожалению, упомянутый в п. 7 план отсутствует. Содержащееся в паспорте описание корреспондирует с топосъемкой участков № 2–3 1951 г.¹³ Примечательно, что паспортом предусматривалась охранный зона в 20 погонных метров.

В том же архивном собрании имеется Акт технического осмотра исторического памятника (могил воинов Советской армии, погибших в период Великой Отечественной войны 1941–1945 г.) от 13 августа 1952 г., находящегося на территории Серафимовского кладбища (2-й участок), для передачи по Охранному обязательству заведующему Серафимовским кладбищем. Благоустройство на воинской площадке совершенно иное: здесь были установлены 622 индивидуальные декоративные раковины, на бетонных головках которых размещались надписи на металлических эмалированных дощечках. Охранное обязательство содержит жесткие требования к деятельности в границах памятника и его охранной зоны, а также предусматривает уголовную ответственность в случае нарушения обязательств.

Увы, в 1985 г. эти именные надгробия были сняты в соответствии с решением исполкома Ленсовета, что вызвало «возмущение родственников погибших, и не только их»¹⁴.

Участок индивидуальных воинских захоронений. 1978 г. Ориентир — памятник И. С. Юмашеву. Архив КГИОП

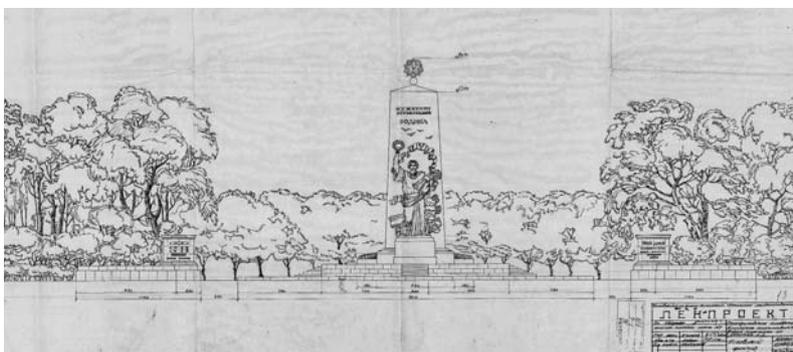
Кем, когда и на каком основании перечисленные выше исторические памятники были сняты с охраны, пока установить не удалось.

На основе материалов топосъемки 1951 г. был разработан проект горизонтальной и вертикальной планировки, благоустройства участков 1, 2–3, 4 (мастерская № 3 «Ленпроекта», рук.— О. И. Гурьев, автор проекта — архитектор Я. Н. Лукин).

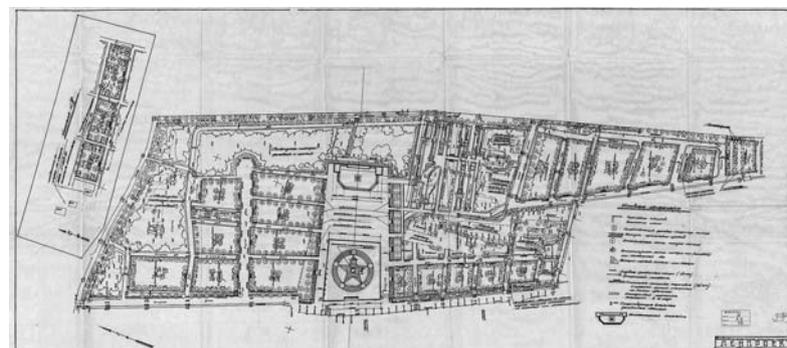
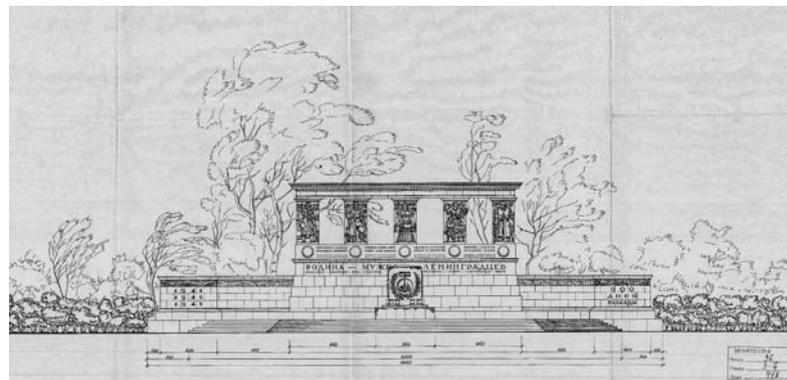
Из стенографического отчета заседания городского Архитектурного совета от 30 мая 1952 г.¹⁵:

«Участок братских захоронений на Серафимовском кладбище находится на известной всем территории Серафимовского кладбища на Петроградской стороне и разделен на три отдельных участка: участок № 1, находящийся непосредственно у входной границы, затем участок так называемый 2–3, находящийся на довольно значительном расстоянии от первого, и, наконец, самый маленький участок в конце кладбища — № 4.

Проектом предусматривается, так же как и в прежних стадиях, благоустройство всех трех площадок, причем в основу планировки положена та схема разбивки на отдельные могилы, которая была выполнена Ленпроектом и фактически осуществлена в натуре... К сожалению, здесь не удастся организовать два комплекса так, чтобы они работали вместе. Здесь это две отдельные величины. Но, к сожалению, благодаря захоронениям, которые произведены в этой части, и благоустройству,

Проект памятника для участка 1. 1951 г. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-36. Оп. 36. Д. 418. Л. 13

Проекты памятника и благоустройства для участка 2–3. Фасад. План. 1951 г. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-36. Оп. 36. Д. 418. Л. 16, 11

проведенному на участке 2–3, объединение в один комплекс невозможно».

Проектом предполагалось сооружение двух мемориалов: на участке 1 центром композиции являлась пирамидальная стела высотой 19 м с предстоящей скульптурой Родины-матери с венком славы в правой поднятой руке, а на участке 2–3 — монумент, подобный реализованному впоследствии в переработанном виде на участке 1 (без Вечного огня).

Очевидно, проект не был воплощен в первоначальном виде. Возможно и потому, что тема Родины-матери была использована разработчиками мемориала, открытого в 1960 г.

на Пискаревском кладбище, к созданию которого причастны скульпторы под руководством Р. К. Таурита. А в 1965 г. на участке 1 Серафимовского кладбища был открыт мемориал, использовавший идеи проекта 1951 г. для участков 2–3.

Впоследствии рассматривались и иные варианты благоустройства участков 2–3, 4. Так, в 1970 г. в связи с предполагаемой прокладкой магистрали Градсоветом рассматривалось творческое предложение Я. Н. Лукина по 2-й очереди мемориального комплекса братских захоронений: предполагалось строительство капеллы, павильона арки и т. п.¹⁶ Но и этот проект не был реализован. Места братских захоронений, расположенные в районе церкви, представляли собой поля, отмеченные однотипными белыми мраморными обелисками.

Многотомные материалы инвентаризации надгробий и памятников кладбища, выполненной по заказу КГИОП в первой половине 1990-х гг., подтверждают, что братские захоронения сохранялись непо потревоженными. Однако с началом 2000-х гг. поверх блокадных стали появляться новые захоронения и памятники.

В 2011 г. участки блокадных захоронений были реконструированы и появились «символические братские могилы», с проходами между ними и подходами к установленным в некоторых местах обелискам черного цвета с высеченными на них пятиконечной звездой и надписью: «Вечная память героическим защитникам города». Тем самым было уничтожено упоминание о тысячах горожан, захороненных в дни блокады на Серафимовском кладбище.

В 2013 г. был подписан¹⁷ подготовленный при участии региональной общественной организации «Информационно-аналитический центр „Помним всех поименно“» паспорт воинского захоронения Серафимовского кладбища, официальную копию которого пока не удалось найти.

В январе 2021 г. авторами данной работы было подано заявление о выявлении объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, — братских захоронений в исторических границах участков 2–3 и 4. Однако КГИОП выпустил распоряжение № 123-рп от 09.08.2021 о включении в перечень выявленных объектов только незначительных частей этих участков.

Масштаб 1:5000

Карта-схема территории выявленного объекта культурного наследия
(из распоряжения КГИОП № 123-рп от 09.08.2021)

Еще предстоит выяснить обстоятельства снятия с охраны объектов, сохранение которых предусматривалось документами 1950-х гг. Авторы намерены и далее добиваться восстановления справедливости по отношению к захоронениям павших в годы блокады защитников и жителей Ленинграда.

Приложение

**Паспорт исторического памятника № 702. 1950 г.
(Архив КГИОП)**

№ 702

Форма № 1

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РСФСР
*Управление охраны исторических и археологических
памятников*

Паспорт исторического памятника (не здания)

№ ____ по списку, утвержденному Советом министров Мин-
строя СССР, Советом министров РСФСР

1. Наименование области, края, АССР

г. Ленинград

2. Местонахождение памятника с уточненной топографией
(на берегу реки, на север от дороги и т. д.)

Ждановский район — Серафимовское кладбище.

3. Наименование памятника (место битвы, могила, обелиск
и т. д.) и собственное имя, под которым памятник известен
у местного населения.

Братские могилы погибших в дни героической обороны
г. Ленинграда 1941–1944 гг.

4. Название события, связанного с памятником

Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

5. Размер установленной охранной зоны
20 погонных метров вокруг площадки братских могил.

6. Материалы, подтверждающие историческое или мемори-
альное значение памятника

(письменные, печатные источники, устные предания и пр.).

7. Краткое описание памятника (с перечнем основных объ-
ектов для группового памятника: 10 дотов, 7 братских могил
и т. п.).

Братские могилы расположены на трех площадках:

1) на площадке, расположенной с правой стороны от входа
на кладбище, — 18 могил,

2) на площадке за церковь — 6 могил,

3) на площадке рядом с воинской площадкой — 6 могил.

Всего 30 братских могил.

Возле каждой площадки установлен щит с надписью: «Пло-
щадка братских могил погибших в боях за Родину и в дни ге-
роической обороны города Ленина 1941–1944 гг.» На 20 могилах
установлены деревянные обелиски, окрашенные в красный цвет,
на обелисках прикреплены эмалированные дощечки с надпи-
сью: «Вечная память героическим защитникам города Ленина,
отдавшим свою жизнь за честь, свободу и независимость нашей
Родины 1941–1943 гг.»; с противоположной стороны обелисков
повешены металлические венки.

Каждая могила имеет свой номер (см. прилагаемый план).

11 могил еще не имеют цветочного оформления и не одер-
нованы.

10 могил еще совершенно не оформлены, не имеют ни мо-
гильных холмов, ни обелисков, ни надписей.

8. Состояние памятника.

10 могил совершенно не оформлены: не имеют надмогиль-
ных холмов, обелисков и надписей, 11 могил не одернованы.

9. На чьей территории расположен памятник (наименова-
ние колхоза, учреждения, организации)

На территории Ждановского района.

10. Когда и кем памятник был исследован.

11. На кого возложена охрана памятника и надзор за его со-
стоянием

На Коммунальный отдел Ждановского района.

12. Какие необходимы меры для сохранения памятника

Требуется одерновать 21 могилу, на 10 могилах установить
obeliski с мемориальными надписями.

Фотоснимок памятника

13. Кто составил паспорт (фамилия, инициалы, должность,
местожительство)

Ст. инспектор по охране истор. памятников Ефимова Т. А.
(Красноармейская, дом 19, кв. 6)

14. Дата составления паспорта

20 ноября 1950 г.

Место печати

Подпись инспектора по охране памятников или заведующего
отделом культпросветработы.

Последующие записи

Обследование памятника (когда и кем проводилось, какие приняты меры к сохранности памятника)

12 июля 1956 г. произвел обследование ст. инспектор Калинин П. Н. (?). В настоящее время охрана и содержание братских могил возложены на трест «Похоронное обслуживание».

Подпись.

Отметки о ремонте и реставрации (когда и кто проводил, перечень основных работ, стоимость и пр.).

В течение 1955–1956 гг. были произведены большие работы трестом «Похоронное обслуживание» по благоустройству братских могил. В настоящее время насчитывается 48 братских могил на всех трех площадках. На каждой могиле установлена мраморная стела (две стелы из...). Холмы одернованы и озеленены. На первой площадке в центре установлен памятник — воин, держащий в руках автомат, на сложном пьедестале серого полированного гранита, на котором высечена надпись: «Ленинградцам, павшим за свободу и независимость нашей Родины 1941–1945 гг.»

Новые публикации о памятнике —

Дорожки и холмы заросли травой и потеряли свою форму. 12.07.1956 г. Подпись.

Примечания

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-3200. Оп. 5. Д. 12 (Переписка с Архитектурно-планировочным управлением Ленсовета о строительстве бомбоубежищ и отведении мест для захоронения). Л. 17.

² ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 63 (Из отчета городского управления предприятиями коммунального обслуживания по работе за годы войны с июня 1941 по июнь 1942 г. Раздел «Похоронное дело»). Л. 147–191.

³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 282 (Материалы и переписка о кладбищах и похоронных предприятиях). Л. 17.

⁴ ЦГАНТД СПб. Ф. 36. Оп. 3-6. Д. 416 (Изыскания для проектирования. План земельного участка. Заключение об инженерно-геологических условиях строительства ограды Серафимовского кладбища). Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 3–5.

⁷ ЦГАНТД СПб. Ф. 415. Оп. 2-2. Д. 1 (Никитин М. Я. Почвенное и огневое захоронение умерших в период блокады Ленинграда: дис. ... канд. мед. наук. Л., 1947). URL: https://blockade.spbarchives.ru/section_5/document_133.html (дата обращения: 30.10.2021 г.).

⁸ ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 63. Л. 147–191.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 3200. Оп. 5. Д. 40 (Переписка с трестами «Похоронное дело», «Домовой очистки» и другими учреждениями о местах массового захоронения). Л. 2.

¹⁰ ЦГАНТД СПб. Ф. 36. Оп. 3-6. Д. 417 (Проектное задание. Изыскания. Пояснительная записка. План, профиль, горизонтальная планировка. Серафимовское кладбище). Л. 1–3.

¹¹ ЦГАНТД СПб. Ф. 36. Оп. 3-6. Д. 418 (Проектное задание. Рабочие чертежи. Пояснительная записка по благоустройству участков братских захоронений. Вертикальная планировка, мелиорация. Фасады памятников. Серафимовское кладбище). Л. 1–2.

¹² ЦГАНТД СПб. Ф. 36. Оп. 3-6. Д. 417. Л. 1–3.

¹³ Там же.

¹⁴ Андреев А. И. Серафимовское кладбище // Исторические кладбища Санкт-Петербурга / ред. А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. М., 2009.

¹⁵ ЦГАНТД СПб. Ф. 36. Оп. 3-6. Д. 416. Л. 6.

¹⁶ ЦГАНТД СПб. Ф. 386. Оп. 1-4. Д. 89. Л. 101–106 (Стенографический отчет заседаний городского Архитектурного совета за май месяц. 1952 год).

¹⁷ URL: <https://pohoronka.ru/news/1036-podpisan-pasport-voins> (дата обращения: 30.10.2021 г.).

О. Ю. Кошкина

**ЯСЛИ НА НАБЕРЕЖНОЙ РЕКИ МОЙКИ — ЖИВАЯ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ СРЕДИ ТИПОВЫХ
ПРОЕКТОВ. К ТВОРЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ
АРХИТЕКТОРА М. Я. КЛИМЕНТОВА**

КОМПЛЕКС Дворца Великого князя Алексея Александровича¹ расположен в квартале, ограниченном набережной Мойки, улицами Писарева и Декабристов и Английским проспектом. План Зигхейма 1738 г. фиксирует на месте будущего дворцового ансамбля застройку по набережной и вдоль границ существовавших земельных участков. Тогда же на сформировавшемся здесь треугольном в плане землевладении расположились «дровяные запасные дворы для города». Архивные материалы воссоздают процесс перехода права собственности на земельные участки, образовавшие будущую территорию ансамбля дворца, и постройки на них от одного владельца к другому, сообщают о происходивших здесь изменениях. Так, в чертежах архитектора Г. А. Боссе (1846), строившего для камергера А. И. Сабурова, есть план участка, на котором непосредственно у красной линии отмечены два симметрично стоящих флигеля и решетка с воротами между ними. Около 1849 г. по проекту Боссе к главному дому с запада пристроили двухэтажный корпус, а к главному входу — тамбур. Пристроенные сени оформлены полуциркулярной аркой входных дверей, обрамленной прямоугольным панно с гербом владельца. Богато декорированные лицевой и боковые фасады сеней, формирующие парадный вход, сохранились до наших дней².

В 1875 г. новый владелец усадьбы, потомственный почетный гражданин И. М. Малкиель, задумал на угловом участке по набережной Мойки и Английского проспекта выстроить большой каменный четырехэтажный дом. Автором задуманных, но не реализованных проектных решений стал военный инженер капитан А. Н. Чикалев. Позднее, в 1876 г., Чикалев составил проект надстройки западной пристройки к главному дому, восточного флигеля, примыкающего к дворцу по левой границе участка, и конюшен со службами³.

Однако восточный флигель и здание конюшен были выстроены не по этому проекту, а по разработанному в 1878 г. проекту инженера-архитектора М. И. Рылло⁴. В нем двухэтажная нежилая постройка по месту рассматриваемого сооружения (наб. р. Мойки, 122, лит. Г), присутствующая на единственно сохранившемся чертеже — генеральном плане, обозначена литерой «Д» как «вновь предполагаемая к постройке, каменная 2-этажная, нежилая». Небольшой прямоугольный в плане корпус флигеля вытянут по оси север — юг. На фиксационном чертеже 1910-х гг. представлены поэтажные планы постройки: здание имело простое плановое решение — в уровне обеих этажей пространство разделено двумя поперечными стенами⁵. По-видимому, в каждой из стен были выполнены по два арочных проема так, что всё пространство этажа представлялось практически единым, разделенным на четыре помещения, сообщающиеся широкими проемами.

Экспликация на генеральном плане участка 1909–1911 гг. поясняет, что во время владения участком великого князя Алексея Александровича здание использовалось как кладовая⁶. К этому же времени относится описание постройки в документе с оценкой имущества покойного князя: «Кладовая в саду (на генплане лит. „К“). Каменная двухэтажная. Кладовая, штукатуренная снаружи, с асфальтовым полом, с деревянным потолком по рельсам, снаружи шестью котельного железа дверями большого размера»⁷. Постройка занимала 131 куб. саж. и оценивалась в 6550 руб.

Описание придворцовой постройки представляет ее решенной утилитарно: стены оштукатурены только снаружи, полы покрыты асфальтом. Перекрытия — по металлическим рельсам с деревянным заполнением. В здание вели шесть больших дверей, окованных железом. При сопоставлении описания с фиксационными чертежами планов становится ясным, что здание имело шесть отдельных кладовых (по три в уровне каждого этажа). Каждая кладовая имела собственный вход. Кладовые второго этажа были связаны со входами в здание собственными лестницами.

К 1882 г. вдова Малкиеля продала усадьбу Конторе их императорских высочеств Алексея, Сергея и Павла Александровичей, совершившей покупку для младшего брата императора,

Детские ясли на наб. р. Мойки. Архитектор М. Я. Климентов, 1950.
Фасад со стороны двора. Ежегодник ЛОССА. 1953. С. 107

великого князя Алексея Александровича. Позднее архитектор М. Е. Месмахер создал на купленном Кабинетом участке обширную великокняжескую усадьбу со служебными корпусами, прачечной, оранжереей и садом. Старый сабуровский дом Месмахер включил в обновленный дворец — главное здание усадьбы. Территорию поместья окружили высокой каменной стеной, увенчанной изящной решеткой: «Здание гармонично сливается с садом и монументальной оградой, протянувшейся вдоль набережной Мойки и окаймляющей участок с Английского проспекта до примыкающих к саду с востока соседних зданий»⁸.

Тогда же Месмахер выполнил планировку парадного сада, обращенного к Мойке, и так называемого Собственного сада, расположенного перед южным фасадом дворца. В планировке сада использовались типичные приемы паркостроения конца XIX в., восходящие к проектам известного петербургского мастера садоводства Э. Регеля.

Внезапная смерть великого князя Алексея Александровича стремительно изменила дальнейшую судьбу дворца и приле-

гающих территорий: смена владельцев, национализация, размещение общественных учреждений. Во время войны дворец использовался в качестве склада, парадный сад пришел в запустение.

Послевоенный период истории Ленинграда отличается двухфакторным процессом восстановления архитектуры города — восстановление исторического наследия и реконструкция незавершенных частей города, с созданием новых ансамблей, продолжающих градостроительные традиции: «Именно благодаря данному воссозданию город получил уместные приращения, усиливающие его целостность и художественное единство»⁹. Стояла задача обеспечения «устойчивого наращивания объемов жилищного строительства, устранение „недоремонта“ жилых зданий, выполнение в полном объеме планов капитального ремонта и улучшение эксплуатации жилых домов»¹⁰. Залогом решения этой задачи стала разработка Генерального плана развития Ленинграда на 1951–1960 гг.

Одно из направлений в реализации плана — расширение работы по сооружению детских дошкольных учреждений. В первые послевоенные годы был расчет только на их дневную эксплуатацию, хотя в дальнейшем «нормами было предусмотрено проектирование отдельных типовых зданий детских садов и яслей — с дневным пребыванием детей и с круглосуточным»¹¹.

В 1950 г. разрушенное здание, бывшее некогда кладовой на территории парадного сада усадьбы, было перестроено с приспособлением под ясли по проекту архитектора Михаила Яковлевича Климентова (1906–1975). Климентов, имевший ранний опыт работы на стройках, успевший зарекомендовать себя профессионалом с правильной основой архитектурного мышления, с 1 июля 1946 г. работал в мастерской № 1 «Ленпроекта». «Возглавляемый им небольшой коллектив подготовил проекты застройки более 20 кварталов Гавани — на Наличной, Гаванской и Детской улицах, по Шкиперскому Протоку и Среднегаванскому проспекту. Но особенно впечатляет строительство в Колпине, ставшем одним из красивейших городов области... Умение правдиво отражать в объемном решении здания его внутреннюю сущность помогало Климентову создавать сооружения

с узнаваемой образной характеристикой, а это свойственно лишь большим мастерам»¹².

В послевоенной архитектуре Ленинграда, восстанавливая и украшая город, зодчие опирались на его классические традиции. В 1950 г. Климентов получил задание перестроить кладовую под ясли. В литературе имеется упоминание, сделанное на основании воспоминаний, что к этому времени от постройки оставались только фундаменты. В ежегоднике «Советская архитектура», опубликовавшем проект, сказано, что «здание восстановлено и реконструировано»¹³. На чертеже заливкой черного цвета представлены сохранившиеся стены здания, а штриховкой — участки новой кладки. Вероятно, в годы войны постройка была частично разрушена.

По проекту ясли были рассчитаны на две группы (44 ребенка). Кубатура — 1600 куб. м; полезная площадь — 320 кв. м. Здание яслей отделялось от сада бывшего дворца невысокой оградой. По конфигурации и габаритам здание яслей в плане совпадает с изображениями флигеля на исторических генпланах. Архитектор использовал историческую структуру плана с тремя осями по продольным фасадам (входы в кладовку, переделанные в окна). В северной части здания разместился объем лестничной клетки. По центру западного фасада пристроена полукруглая остекленная веранда. Исторические перегородки были разобраны, планировка этажей разработаны с учетом функции: в каждом этаже имелась групповая комната, санузел, помещение для складирования кроватей. На втором этаже размещались изолятор и кабинет врача.

Фасады решены в стиле сталинского классицизма. Нижний этаж оформлен рустом. Плоскость фасадов завершена карнизом с дентикулами, украшенными листьями аканта. Под карнизом проходит фриз с лепным орнаментом в виде гирлянд дубовых листьев, перевязанных лентами. Снизу фриз очерчен поясом иоников. Мотивы классицизма использованы в оформлении окон первого этажа балясинами, а также в декоративных решетках ограждения окон второго этажа и веранды.

На архитектурном конкурсе РСФСР за 1950 г. проект детских яслей Климентова получил третью премию, став одной из лучших построек зодчего.

Главный фасад. Ежегодник ЛОССА. 1953. С. 106

Дворовый фасад. Фотография 2019 г.

Возможную разгадку ощущения легкости восприятия здания, предназначенного малышам, дает архитектор С. П. Одновалов: «Возможно, этому способствует увеличение размеров антаблемента по сравнению с каноническими нормами, благодаря

Фрагмент фасада. Фотография 2009 г.

чему пропорции здания оказались близкими соотношениям, присущим телу ребенка. Вероятно, эффект подкрепляется введением вокруг окон дополнительного, тонко прорисованного обрамления, которое как бы подчеркивает нежность и мягкость покровов фасада. Это чувство нежности передается зрителю, создавая у него светлое настроение. Отсутствие строгой симметрии в композиционном построении также придает ощущение

чего-то трепетного и живого. Небольшое сооружение, простое по планировке, вызывает сложные ассоциации с архитектурой русского классицизма. В нем нет архаичности, оно современно, потому что здесь всё ясно и нет ничего лишнего. Полуколонны на втором этаже веранды — это лишь закругленные простенки между большими, до самого пола, проемами, большие создают ощущение пространства, пронизанного светом»¹⁴.

Здание, еще недавно эксплуатировавшееся по назначению, в настоящее время находится в неудовлетворительном состоянии: фасады и конструктивные элементы имеют значительные утраты — обрушения штукатурного слоя и лепных элементов, утраты и сколы ступеней и ограждений лестниц-крылец.

Новая эстетика архитектуры 1960-х гг. требовала от архитекторов переосмысления творческих позиций, поиска новых архитектурных форм. М. Я. Климентов сумел противостоять крайним выражениям тогдашней архитектурной моды — увлечению сплошным остеклением фасадов. Прекрасное знание материалов и конструкций помогало Климентову избегать черты аскетичности, которая была присуща архитектуре периода 1960-х гг.

Фрагмент дворового фасада. Фотография 2019 г.

Примечания

¹ Распоряжение КГИОП от 11.10.2011 г. № 10-646 «Об утверждении границ и режима использования территории объекта культурного наследия федерального значения „Дворец Великого князя Алексея Александровича“».

² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3680. Л. 12–13.

³ Там же. Л. 38–41.

⁴ Там же. Л. 76–79.

⁵ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 762. Л. 93.

⁶ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 754.

⁷ Там же.

⁸ *Малинина Т. А., Суздалева Т. Э.* Дворец великого князя Алексея Александровича. СПб., 1997. С. 48.

⁹ *Золотарева М. В., Пестанская Е. А.* Особенности развития архитектуры Ленинграда первого военного десятилетия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 10. С. 46.

¹⁰ *Щербаков А. С.* Послевоенная застройка Ленинграда в контексте полемики между центральными и местными органами власти в 1950-е годы // Российский гуманитарный журнал. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poslevoennaya-zastroyka-leningrada-v-kontekste-polemiki-mezhdutsentralnymi-i-mestnymi-organami-vlasti-v-1950-e-gody> (дата обращения: 03.08.2021 г.).

¹¹ Архитектура массовых культурно-бытовых зданий СССР. 1941–1954 // Всеобщая история архитектуры СССР. URL: <http://ussr.totalarch>.

¹² Зодчие Санкт-Петербурга. XX век / под ред. В. П. Исаченко. СПб., 1997. С. 363–365.

¹³ Советская архитектура. Ежегодник. М., 1953. Вып. II.

¹⁴ Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 1997. С. 363.

ДОМ ПРЕССЫ («ЛЕНИЗДАТ») К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ

1. История типографии

В 1795 г. Медицинская коллегия, находившаяся на Аптекарском острове, постановила «завесть медицинского ведения типографию»¹. Новый этап жизни типографии начался в 1862 г., когда она переехала в подвальные помещения на наб. р. Фонтанки, 57, где находился департамент Министерства внутренних дел, построенный в 1830–1834 гг. по проекту зодчего К. И. Росси. Здесь типография стала выполнять самые ответственные заказы. Общее число рабочих к началу XX в. было около 180 человек².

В декабре 1917 г. типография была переведена в подчинение Управления полиграфии Совнархоза и ей было присвоено наименование «4-я государственная типография». В 1919 г. типография начала печатать «Красную газету», редактором которой был В. Володарский. В 1918 г. он был убит, и в 1922 г. типография стала называться его именем. С октября 1922 г. типография являлась полиграфической базой Петрогосиздата (предшественника Лениздата). В 1924 г. началась реконструкция типографских помещений, занимавших уже всё здание на наб. р. Фонтанки, 57. На первом этаже был печатный цех, на втором — переплетный и наборный, на двух верхних этажах «находилась редакция „Ленинградской правды“ и типографский красный уголок»³, библиотека и книжные редакции.

В 1928 г. численность рабочих «самой крупной типографии Центрального района „Красной газеты“ имени Володарского (Фонтанка, 57) составляла 906 рабочих с валовой продукцией 2220 тыс. руб.»⁴.

В 1938 г. издательство получило сокращенное название Лениздат⁵.

Во время Великой Отечественной войны, помимо основной газеты «Ленинградская правда», типография печатала газеты, листовки, брошюры для партизан и военных частей, а также

Дом печати на Фонтанке. Фотография 1967–1974 гг.

промтоварные и продовольственные карточки. Она была причислена к одному из основных оборонных объектов. На немецкой карте типография была отмечена красным крестом, что означало «подлежит уничтожению в первую очередь»⁶.

После войны в типографии провели ремонт, установили новое оборудование. В 1955 г. издательство административно полностью объединили с типографией имени Володарского⁷. Здание, построенное для столичного департамента МВД, на этажах которого размещались канцелярии с конторской мебелью, не подходило для типографии с тяжелым оборудованием. Деревянные перекрытия оказались непригодными для многотонных стальных агрегатов. Менять его внешний облик путем пристроек и надстроек было нельзя: здание охранялось государством как ценный архитектурный памятник⁸. Остро встал вопрос о новых производственных площадях.

2. Новые типографские корпуса

В 1950 г. был составлен перспективный план развития типографии. В областной комитет КПСС была направлена докладная записка о необходимости реконструкции цехов. В 1955 г. по решению обкома КПСС директором Лениздата был назначен Леонид Васильевич Попов⁹, ставший организатором рекон-

струкции. В 1958 г. технический совет типографии одобрил план реконструкции предприятия, разработанный В. В. Стороженко, А. Г. Лосевым, М. Е. Пассоненом и П. П. Утешевым¹⁰.

Реконструкция проходила в два этапа. Началось всё в 1960 г. со строительства новой трансформаторной подстанции. В 1961 г. был введен в строй пятиэтажный газетный корпус, выходящий на Степановский проезд и Торговый переулок, оснащенный трехэтажными ротационными печатными машинами: на первом этаже располагался склад бумаги и установка ролей в машину, на втором — осуществлялся процесс печати газет, на третьем — находилась приемка и упаковка готовой продукции. Упакованные газеты, еще пахнущие типографской краской, с помощью транспортера передавались вниз, на первый этаж. Отсюда свежие номера газет развозили грузовые машины. Здесь печатали газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» и др. Газетный корпус работал по замкнутому циклу: имелся свой наборный цех, свое стереотипное отделение, своя фотоцинкография, свой склад газетной бумаги. При газетном корпусе была оборудована экспедиция Главпочтамта и Союзпечати¹¹.

На четвертом и пятом этажах нового здания, над газетной ротацией, разместились сотрудники переплетного цеха¹². Площадь здания — 20 тыс. кв. м. Вторым этапом реконструкции было строительство Дома прессы.

3. Дом прессы

Перед архитекторами стояла чрезвычайно сложная задача — спроектировать крупный издательско-типографский комплекс и, главное, вписать его в историческую застройку. Проектировщики издательско-типографского комплекса отказались от стилизации, не стали ориентироваться на эклектические постройки второй половины XIX в.

В 1963 г. на наб. р. Фонтанки вошел в строй пятиэтажный корпус (наб. р. Фонтанки, 59), где разместились редакции издательства «Лениздат», редакции областных и городских газет и дирекция типографии им. Володарского¹³. Представительный первый этаж с окнами-витринами, удобная, внимательно,

с пониманием рабочих процессов продуманная планировка — несомненные достоинства комплекса. Большие окна, ориентированные и во двор, и на набережную, и в переулок, наполняли дневным светом рабочие помещения. Внутри здания размещались кабинеты для редакционных работ, «просторный актовй зал, большой вестибюль, библиотека-читальня, поэтажно размещенные холлы»¹⁴. В этом Доме (а это действительно Дом в лучшем смысле слова) не было казенности. Здесь всё располагало к творчеству и живому, теплomu общению¹⁵.

Это пятиэтажное здание на наб. р. Фонтанки, площадью около 8000 кв. м, приняло в свои стены редакции всех ленинградских газет. Удобный переход — застекленная галерея, встроенная в пространство над проходной комплекса, связывала основное здание Дома прессы с типографией.

4. Архитекторы Дома прессы

Здание было возведено по проекту архитекторов С. Н. Неймарка, В. Ф. Хрущева¹⁶, в проектировании принимали участие Н. М. Солодовникова и М. Н. Шехнер. Имена С. Н. Неймарка и Н. М. Солодовникова незаслуженно забыты. Удалось найти информацию только о двух архитекторах. Виктор Федорович Хрущев (1931–1995) — яркий представитель промышленного зодчества, сотрудник Ленинградского промстройпроекта, член Ленинградской (Петербургской) организации Союза архитекторов. В Ленинграде он был автором реконструкции Обуховского домостроительного комбината, производственного комплекса на Бухарестской улице, 6, спортивного комплекса на Малой Посадской улице. К сожалению, часть его архитектурских идей так и не была реализована¹⁷. Михаил Натанович Шехнер — инженер, проектировщик, участвовал в возведении Спортивно-концертного комплекса (СКК, 1980)¹⁸, снесенного в январе 2020 г.

Одной из крупных работ «стало проектирование комплекса Лениздата на наб. р. Фонтанки, 59 (1958–1964). Строгое деловое здание (Дом печати) в сложившейся художественно-исторической среде неплохо вписалось в застройку нейтральным фоном... Оно не диссонирует, а мягко вписывается в среду, сохраняя производственный характер своего назначения»¹⁹. К Дому

прессы горожане быстро привыкли и давно уже воспринимают как неотъемлемую архитектурную деталь города. Как однажды сказал о зданиях промышленного назначения архитектор В. Ф. Хрущев: «Они вливают в них (исторические районы.— Н. К.) современный темп жизни, преобразуют быт целой округи. Промышленное предприятие формирует ландшафт, дает городам то своеобразие, масштаб и силуэт, на отсутствие которых так часто сетуют градостроители»²⁰.

В 1967 г. был построен склад бумаги (на 1000 тонн)²¹.

В 1972 г. были приняты от строителей еще два производственных корпуса, в которых разместились новое газетное производство (печать ФЗГ — фабрично-заводских газет), конвертный цех и фотоцинкография, а также многочисленные административно-бытовые помещения²².

5. Завершение деятельности типографии

В связи с начавшимися в стране преобразованиями произошло реформирование типографии. Так, в 1992 г. издательство Ленинградского обкома ЦК КПСС «Лениздат» было преобразовано в Государственный издательско-полиграфический комплекс «Лениздат», в состав которого вошли книжное издательство и типография им. Володарского. Через год, в 1993-м, образован Санкт-Петербургский государственный газетный комплекс, для которого на Ленинском пр., 144, построили специальный комплекс. В нем объединены газетное производство типографии им. Володарского и типографии отделения издательства «Пресса».

С конца 1990-х гг. начался упадок типографии и издательства «Лениздат». Многочисленные конкуренты, снижение покупательской способности и отсутствие заказов привело к прекращению деятельности издательства и типографии. Пришлось остановить производство и в 2000-х гг. освободить исторические помещения на наб. р. Фонтанки, 57–59, по Степановскому проезду, Торговому пер, 1–3, пл. Ломоносова и Инструментальной линии. Бывший Дом прессы по наб. р. Фонтанки занимает деловой центр «Лениздат»²³.

Примечания

С. Е. Смирнова

- ¹ Типографии им. Володарского Лениздата — 200 лет. СПб., 1995. С. 3.
- ² Типография Лениздата. К 175-летию со дня основания типографии имени Володарского Лениздата. Л., 1970. С. 22.
- ³ Там же. С. 180.
- ⁴ Ленинград: краеведный сборник: (Пособие для школ I и II ст.) / под ред. и с предисл. И. А. Бутина. Л., 1928. С. 100.
- ⁵ Нутрихин А. Ради нескольких строчек в газете. Записки о Доме прессы и Доме радио. СПб., 2016. С. 12.
- ⁶ Типография Лениздата. К 175-летию со дня основания типографии... С. 158.
- ⁷ Там же. С. 228.
- ⁸ Там же. С. 232.
- ⁹ Там же. С. 246.
- ¹⁰ Там же. С. 239.
- ¹¹ Там же. С. 328.
- ¹² Там же. С. 248.
- ¹³ Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург — Ленинград. Л., 1986. С. 323.
- ¹⁴ Бартенева И. А. Современная архитектура Ленинграда. Л., 1966. С. 181.
- ¹⁵ Исаченко В. Типографии // Адреса Петербурга. 2005. № 21/33. С. 23.
- ¹⁶ URL: <http://www.sovarch.ru>.
- ¹⁷ Зодчие Санкт-Петербурга. XX век / сост. В. Г. Исаченко. СПб., 2000. С. 565.
- ¹⁸ Верижников С. М., Квятковский И. А., Карагин А. В. Современные жилые и общественные здания: [Типовые и эксперим. проекты жилых и обществ. зданий, выполн. ЛенЗНИИЭПом] / отв. ред. А. В. Карагин. Л., 1974. С. 266.
- ¹⁹ Питанин В. Н. Виктор Хрущев // Зодчие Санкт-Петербурга: XX век. С. 566.
- ²⁰ Хрущев В. Ф. Чем больна «Золушка» // Строительный рабочий. 1970. № 1917. С. 12.
- ²¹ Типография Лениздата. К 175-летию со дня основания типографии... С. 328.
- ²² Типография им. Володарского Лениздата — 200 лет... С. 20.
- ²³ URL: <http://www.biz-cen.ru/lenizdat> (дата обращения: 11.12.2020 г.).

СТАНЦИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО (ПЕТЕРБУРГСКОГО) МЕТРОПОЛИТЕНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-Х — КОНЦА 1980-Х ГОДОВ: ИСЧЕЗАЮЩЕЕ НАСЛЕДИЕ

ПЯТНАДЦАТОГО ноября 2021 г. петербургскому метрополитену исполнилось 66 лет. Сегодня это уникальный памятник культуры и искусства, отразивший в своих сооружениях стилистические черты каждой эпохи.

В документах Союза советских архитекторов (Ленинградское отделение) зафиксированы сведения о скрупулезной работе над первыми проектами, жестком конкурсном отборе, изготовлении макетов (в том числе в натуральную величину) и выставке проектов, собравшей отзывы горожан. Примечательно, что очевидцы тех далеких событий до сих пор делятся своими яркими впечатлениями¹.

Но удалось ли сохранить исключительные по своей красоте и тщательно подобранным деталям интерьеры до настоящего времени?

Первые изменения в архитектурно-художественном образе станций были связаны с политикой развенчания культа личности Сталина, а также с организацией пересадочных узлов между двумя линиями. В 1961 г. на «Нарвской» была закрыта и в дальнейшем демонтирована мозаика «Сталин на трибуне». На «Технологическом институте» при сооружении перехода на Московско-Петроградскую линию были убраны медальоны с барельефными портретами Ф. Энгельса, И. В. Сталина, а также А. Е. Фаворского и А. Н. Крылова. На «Площади Восстания» при устройстве второго выхода на поверхность с торцевой стены сняли портрет В. И. Ленина, а во время строительства перехода на «Маяковскую» убрали барельефы с изображением штурма Зимнего дворца.

Первые восемь станций были внесены в единый государственный реестр объектов культурного наследия регионального значения и получили охранный статус (сначала «Площадь Восстания» и «Балтийская»², а затем «Автово», «Кировский завод», «Нарвская», «Технологический институт», «Пушкинская»

и «Владимирская»³). Однако до того, как «Кировский завод» внесли в реестр, плитки мрамора из Сванетии⁴, покрывающие колонны подземного зала, в 2005 г. были заменены уфалейским мрамором⁵.

Станции, введенные в строй позднее, охранного статуса не имеют и в ряде случаев подвергаются более масштабным ремонтным работам, искажающим облик сооружений.

Мало кто помнит, что центральный неф «Площади Ленина» был украшен подвешенными вплотную к своду кольцеобразными светильниками, выполненными из прессованного стекла⁶. В дальнейшем их сняли. На станции «Московские ворота»⁷ в центральном и перронных залах лампы закрывала широкая полоса из сплошных люверсных решеток. В настоящее время этих решеток нет, что в целом не отразилось на общем восприятии центрального нефа, имеющего такие декоративные детали, как крупная клетка пола, алюминиевые профили пилонов и картуш у торцевой стены, созданный по рисунку В. П. Стасова⁸.

В. И. Татарович. Барельеф «Штурм Зимнего дворца» на пилоне станции «Площадь Восстания». Фотография 1955 г. ЦГАКФФД СПб

В 1991 г. была проведена масштабная реконструкция подземного зала «Сенной площади», полностью облицованной мелкогабаритной керамической плиткой «ириска». Оригинальное покрытие сохранилось в тамбуре перед эскалаторами, но при капитальном ремонте наклонного хода и этот фрагмент, скорее всего, будет утрачен.

Асфальтные полы в перронных залах станций постепенно заменили гранитными. Затем ремонтным работам подверглись путевые стены, облицованные керамической плиткой, которая впоследствии была заменена на керамогранит («Горьковская», «Электросила», «Пионерская»), белый коелгинский мрамор («Фрунзенская», «Технологический институт-2»), искусственный камень («Сенная площадь»). Вместе с облицовкой на ряде станций оказались утрачены оригинальные буквы названия. Пилоны «Невского проспекта» были украшены десятью «накладными полками из полированного алюминия»⁹, однако со временем их количество сократилось до восьми, а также несколько видоизменилась форма козырьков над проходами между пилонов.

На станции «Парк Победы» в 2013–2015 гг. сняли наливные полы из цветного терраццо и обновили облицовку стен. Интерьер утратил оригинальность, но взамен приобрел торжественное звучание, придаваемое залу сочетанием белых мраморных стен с красным гранитным полом¹⁰.

Среди примеров удачного результата ремонтных работ отметим подземный зал «Петроградской», где керамика, покрывающая стены, была выполнена в соответствии с прежним образцом полуцилиндрической формы.

При капитальном ремонте «Выборгской» облицовка подземного зала травертином сохранилась, но, несмотря на это, были утрачены присущие станции пространству графичность, ритм и четкость форм: колонны, обработанные антивандальным покрытием, стали ярче, а светодиодные лампы нарушили создаваемый прежде на своде эффект световых дуг. Еще одним элементом, чужеродным для восприятия интерьера, стали яркие цветные полосы с названиями станций, закрепленные на облицовке путевых стен, пилонов, антаблементов колонных конструкций. Они не только наносят ущерб отделочному

материалу, но и, как правило, не сочетаются со сдержанной колористической гаммой интерьеров.

На «Академической» трижды переделывалось освещение подземного зала. В соответствии с проектом светильники из люминесцентных ламп были расположены на карнизе. Затем освещение изменили, вмонтировав плафоны в карниз так, что в перспективе центрального зала они создавали сплошные световые полосы. В 2015 г. лампы установили за карнизом в шаге, соответствующем ребрам свода.

Особенность архитектурного решения станций односводчатого конструктивного типа заключается в распределении акцентов в едином пространстве центрального и перронных залов. Они приходятся на систему освещения, торцовую и путевые стены. В 2020–2021 гг. на путевых стенах «Новочеркасской» проводилась замена уложенного вразбежку байкальского мрамора «Буровщина» (розовый, с зеленью и чернотой, полосчатый)¹¹ на керамогранит. Архитектурно-художественное решение, изначально посвященное Красной гвардии, было подчеркнуто облицовкой: рисунок прожилок создавал необходимую динамику на длинной монотонной поверхности стен. После ремонта интерьер значительно упростился, исчез характерный наклон фриза. Единственным ярким акцентом зала остались фантастические по создаваемому эффекту люстры, подвешенные к своду. Однако и люстры не сохранились в своем первоначальном виде: их внутренние части, символизирующие знамена, сняли в 1992 г.

В настоящее время в петербургском метрополитене можно наблюдать эволюцию отделки наклонного хода эскалаторного тоннеля: от гладкого оштукатуренного свода к своду, покрытому композитными листами. Если на станциях 1955 г. свод гладкий («Площадь Восстания», «Нарвская»), то уже в 1961-м на нем появляются ребра («Парк Победы»). Такое решение считалось «наиболее оригинальным и интересным среди станций не только ленинградского, но и московского метрополитена»¹². Во второй половине 1960-х гг. ребра свода укрупняются и сохраняют эту форму до 2000 г. В 2005-м им на смену приходят композитные материалы.

Своеобразным связующим звеном между интерьером наземного и подземного залов являются торшеры балюстрады.

Станция «Площадь Ленина». Архитектор А. К. Андреев. Фотография 1960 г. Открытка из коллекции А. Н. Фомича

Станция «Невский проспект». Общий вид центрального зала. Фотография С. Г. Майофиса, 1963 г. ЦГАКФФД СПб

Эскалаторный тоннель станции «Гостиный двор».
Фотография 1960-х гг. ЦГАКФФД СПб

На первых восьми станциях были использованы следующие типы плафонов: «факелы» («Владимирская», «Пушкинская»), шары («Балтийская»), «столбики» («Площадь Восстания», «Нарвская»). На «Гостином дворе» были установлены квадратные в основании «столбики» без декоративных деталей. Но наиболее широкое распространение получила форма «столбиков», круглых в основании, и применялась до 2011 г.

После проведения капитального ремонта способ освещения наклонного хода не всегда остается прежним. Так, на «Выборгской» светильники перенесли на свод и закрепили по обеим его сторонам. Изменения коснулись и балюстрад: прежняя отделка красными, желтыми и светло-коричневыми панелями уступила место нержавеющей стали. После всех преобразований эскалаторный тоннель, облицованный композитами серого цвета, лишенный интерьерного подхода, не только оставляет впечатление большой трубы, но и может вызвать психологический дискомфорт.

В вестибюлях также наблюдается постепенное исчезновение элементов архитектурно-художественного убранства. На «Площади Мужества» система центрального освещения, установленная на перекрытии, была решена в виде грозди све-

тильников разнообразной формы¹³. Они пластически обогащали пространство и находились в тесной смысловой связи с интерьером подземного зала. Из-за сложностей в обслуживании светильники закрыли глухим коробом.

В вестибюле «Гражданского проспекта» в 2011 г. демонтировали люстру-плафон «Поток». Огромная фантастическая композиция была выполнена собственноручно автором — художником Г. А. Шило¹⁴. В настоящее время перекрытие зашито подвесным потолком с типовыми лампами. Аналогичная участь постигла световую композицию в вестибюле «Удельной» — ее сняли в 2016 г.

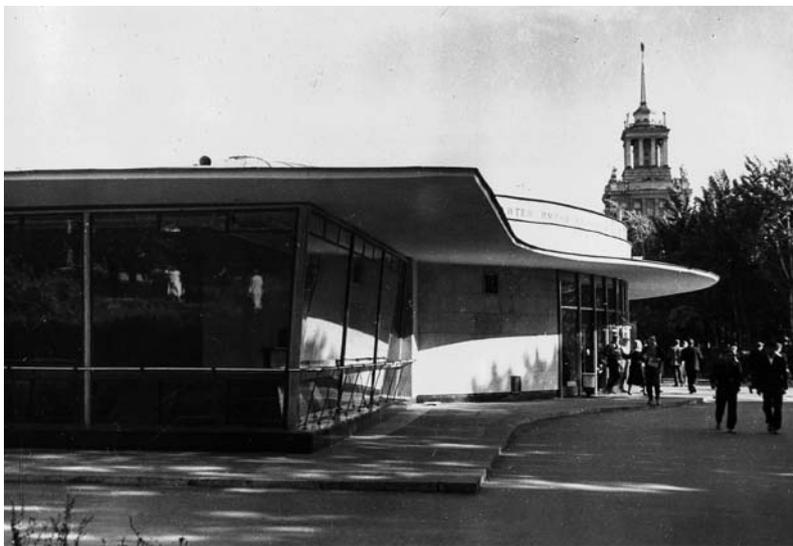
В 2014 г. проводились работы по замене облицовки перекрытия на «Пионерской». Складчатая железобетонная плита была покрыта профилированным анодированным алюминием, подчеркивающим ее горизонтальное направление. Новая облицовка в виде вертикально уложенных элементов значительно снизила выразительность интерьера.

Одна из неудачных работ была проведена в 2015 г. на «Выборгской»: пирамидальные кессоны перекрытия, выполненные из алюминиевых профилей¹⁵, а также две колонны, выступающие за пределы основного объема, получили облицовку композитным материалом. Павильон значительно упростился и стал менее интересным с художественной точки зрения.

Типовой проект павильона, с эффектным изогнутым козырьком над входом, пристроенным к нему киоском

Вестибюль станции «Площадь Мужества». Архитекторы Е. М. Рапопорт, А. Я. Свирский, П. И. Юшканцев. Фотография 1976 г. Строительство и архитектура Ленинграда. 1976. № 5. С. 12

Павильон станции «Парк Победы». Архитекторы А. С. Гецин, В. П. Шувалова. Фотография 1961 г. ЦГАЛИ СПб

«Союзпечати» и сплошным остеклением входной зоны, был разработан А. С. Гецкиным и В. П. Шуваловой. Он был реализован на станциях «Парк Победы», «Электросила», «Фрунзенская» и с небольшими изменениями — на «Горьковской». После трагедии 1999 г., связанной с обрушением пятиметрового бетонного козырька на «Сенной площади», у других павильонов бетонные козырьки были либо убраны (второй выход «Площади Ленина»), либо укреплены подпорками («Василеостровская»), либо обстроены дополнительными стенками снаружи («Парк Победы»).

В результате всех преобразований внешний облик павильона «Парка Победы» был искажен и приобрел грубые очертания. В дальнейшем планировалось полностью перестроить павильон с целью расширения внутреннего объема и увеличения пропускной способности. В 2020 г. Архитектурная мастерская Сахновского представила проект реконструкции с предложением надстроить объем вторым этажом, а также дать реплики на купол и козырек как напоминание о прежнем сооружении.

В 2009 г. был утрачен павильон «Горьковской». Новое сооружение в виде «летающей тарелки» было построено по проекту архитектурного бюро «СУАР.Т-проект». Внутреннее убранство вестибюля не получило смысловой связи с подземным залом, посвященным творчеству А. М. Горького.

На месте павильона «Фрунзенской» планируется устроить центр управления общественным транспортом. Один из проектов, предлагающих возвести здание в форме «гигантского паука», был выполнен в 2015 г. архитекторами «СУАР.Т-проект». Второй вариант был представлен в сентябре 2021 г. «Архитектурным бюро А. С.+». Авторы предложили решить фасады пятиэтажного здания в соответствии со стилем застройки Московского проспекта.

В мае 2020 г. на Градостроительном совете был представлен проект реконструкции «Политехнической», выполненный ООО «Архитектурная мастерская Рейнберг и Шаров». Идея авторов заключалась в том, чтобы надстроить над павильоном несколько этажей многофункционального центра, а во внешнем облике дать реплики на архитектуру 1970-х гг. с целью связать здание с интерьером станции.

Оригинальным проектом «Политехнической» предполагалось, что павильон будет встроен в высотное здание, которое замкнет на себе перспективу Политехнической улицы, открывающуюся с площади Мужества. Аналогичные идеи включения павильонов в состав более крупных зданий были озвучены при проектировании «Сенной площади» и «Василеостровской», но с течением времени павильоны надстроены не были и довольно органично вошли в окружающую среду, позволяя оценить их масштаб и художественные достоинства.

Ни один из рассмотренных выше проектов не был принят на Градостроительном совете. Однако само их появление воспринимается прямой угрозой памятникам модернизма, являющимся «примером архитектурно-строительной инновации своего времени». Как справедливо отметил В. В. Фролов, утрата этих своеобразных памятников наносит «удар в том числе и по старому Петербургу»¹⁶.

У павильонов, возведенных в 1970–1980 гг. и имеющих большие плоскости остекления, был заложен нижний ярус стен

(«Ломоносовская», «Выборгская», «Лесная», «Академическая», «Политехническая», «Пролетарская», «Обухово»). Такое решение отвечало требованиям безопасности, но способствовало искажению авторского замысла. К ряду павильонов пристроили торговые киоски («Звездная», «Черная речка»).

На общем фоне стремительно исчезающего наследия есть примеры удачных результатов ремонтных работ. На «Василеостровской», несмотря на каменную кладку в нижней части стеклянного объема и уменьшенный размер нависающего над входами перекрытия, в целом удалось сохранить прежний вид павильона. В вестибюле «Лесной» оставили пространственные металлические конструкции — «структуры», а также подобрали близкие оригиналу отделочные материалы, в частности цветные вставки, проходящие по периметру плиты перекрытия снаружи павильона. Такой подход свидетельствует о внимательном отношении к сохранению наследия советской архитектуры.

Произведения изобразительного искусства стали неотъемлемой частью интерьеров станций и всегда учитывались при проектировании, но впоследствии по разным причинам монументальные композиции установлены не были. Например, торцовую стену «Новочеркасской» предполагали украсить рельефом из полированного мрамора, символизирующим непобедимость Красной гвардии, но рельеф изготовлен не был. В 2021 г. художники мастерской А. К. Быстрова представили эскиз витража для подземного зала, который планировалось тематически связать с витражом, размещенным в вестибюле над эскалаторным ходом.

При реконструкции «Елизаровской» окна эскалаторного зала были заложены, а на их месте появилось монументально-декоративное панно, изначально не предусмотренное проектом.

Среди утраченных витражей необходимо вспомнить витраж над эскалаторным ходом «Петроградской», уничтоженный в 1993 г. в результате взрыва в торговых залах, примыкающих к станции, а также девять паяных витражей вестибюля «Лиговский проспект», демонтированных в 2014 г. ввиду плохой сохранности.

В настоящее время капитальный ремонт ведется на станциях «Маяковская» и «Технологический институт-1», что вызывает

определенные опасения в вопросах сохранности интерьеров и оригинальных произведений изобразительного искусства. В будущем длительное закрытие с масштабными ремонтными работами ожидает «Удельную», облицованную фактурной керамической плиткой, выполненной специально для этого метровокзала¹⁷.

За каждой станцией стоит своя, очень сложная история создания с преодолением бюрократических препятствий, согласованием на Градостроительном совете, скрупулезным подбором облицовочных материалов, инновационными техническими разработками. Чтобы сохранить целостность созданного авторами архитектурно-художественного образа станций и подлинность интерьеров, необходима своевременная реставрация.

Безусловно, метрополитен — подвижный организм, требующий постоянного пристального внимания к гидроизоляции, вынужденный адаптироваться к быстро меняющемуся миру и новым технологиям (интернет, камеры видеонаблюдения, системы оповещения, безопасности, информации, создание условий для лиц с ограниченными возможностями здоровья). Однако эта адаптация должна проходить с бережным отношением к колоссальному наследию огромного подземного ансамбля.

Примечания

¹ Исагенко В. Г. Подземный музей // Капиталь. 2009. № 5. С. 62.

² Приказ Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры от 20 февраля 2001 г. № 15 «Об утверждении списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность». П. 245; п. 1638.

³ Протокол заседания Совета по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга от 15.12.2011.

⁴ Соколов А. М. Станции Ленинградского метро. Л., 1957. С. 105.

⁵ Булах А. Г., Воеводский И. Э. Порфир и мрамор, и гранит... СПб., 2007. С. 139.

⁶ Лукин Я. Н. Новые станции Ленинградского метрополитена // Архитектура и строительство Ленинграда. 1959. № 1. С. 38.

⁷ Большаков Д. И. Новый участок Ленинградского метрополитена // Строительство и архитектура Ленинграда. 1961. № 5. С. 24.

⁸ Проекты новых станций метро // Архитектура и строительство Ленинграда. 1959. № 4. С. 8.

⁹ Соколов А. М. Архитектура новых станций ленинградского метро // Строительство и архитектура Ленинграда. 1963. № 10. С. 12.

¹⁰ Смирнова С. Е. Реконструкция и реставрация станций петербургского метрополитена // Архитектон: известия вузов. 2015. № 3 (51).

¹¹ Булах А. Г., Воеводский И. Э. Указ. соч. С. 146.

¹² Ашастин П. А. Архитектурный облик новых станций метро // Строительство и архитектура Ленинграда. 1961. № 7. С. 9.

¹³ Соколов А. М. Архитектура новых станций ленинградского метро... С. 14.

¹⁴ Смирнова С. Е. Работы выпускников ЛВХПУ им. В. И. Мухиной для метрополитена Северной столицы // Месмахеровские чтения — 2021. СПб., 2021. С. 63.

¹⁵ Соколов А. М. В конструктивно-архитектурном единстве // Строительство и архитектура Ленинграда. 1976. № 5. С. 14.

¹⁶ Фролов В. Может, лучше сохранить то хорошее, что уже есть?.. // Петербургский дневник. 25.05.2000.

¹⁷ Смирнова С. Е. Архитектурная керамика в интерьерах станций петербургского метрополитена // Архитектурная керамика мира. 2019. Вып. 3. С. 180.

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ В СОСТАВЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ государственный университет представляет собой обширный архитектурно-пространственный комплекс, раскрывающий множество смыслов и граней. Это в первую очередь воплощенная в камне трехвековая летопись первого российского университета. Судьба Университета неразрывно связана и с градостроительной историей Петербурга: находясь в сердце города, на Васильевском острове, здание Двенадцати коллегий и прилегающие к нему университетские корпуса сформировали ядро архитектурно-пространственного притяжения, делая центр Петербурга поистине «наукоградом», как того и желал Петр Великий. Авторами зданий, в разное время вошедших в комплекс Университета, были такие крупные зодчие, как Д. Трезини, Ф. Б. Растрелли, Дж. Кваренги, Л. Руска, А. Ф. Щедрин, М. Е. Месмахер, Л. Н. Бенуа, А. Ф. Красовский и др.

Мечта императора о содружестве образования, науки и искусства оказалась воплощена в самом ансамбле Университетской набережной, вдоль которой выстроились здания Академии наук, Университета и Академии художеств. Однако цельный архитектурный ансамбль Петербургского университета на Стрелке Васильевского острова сложился не сразу. Возникнув по петровскому указу в январе 1724 г. вместе с Академией наук, Университет на протяжении первой половины XVIII в. делил с ней одно пространство. Первым домом «академического университета» в 1725–1727 гг. стал комплекс зданий на Петровской набережной — дома П. П. Шафирова и И. П. Строева. С весны 1728 г. Академия вместе со своими учебными заведениями — университетом и гимназией — уже разместилась во дворце Прасковьи Федоровны на Стрелке, надолго и далеко не покидая этой локации в дальнейшем. В 1738–1739 гг. для учебных заведений Академии были наняты покои в доме баронов Строгановых в северной части Стрелки Васильевского

острова, в 1741–1746 гг. — особняк канцлера М. Г. Головкина на углу 3-й линии и набережной Большой Невы. В 1747 г. академический Университет снова вернулся в дом Строгановых, но из-за насущной необходимости в ремонте переехал в 1756 г. оттуда в один из домов подворья Троице-Сергиевой лавры, расположенный на углу 15-й линии и набережной Невы. Наконец, в 1764 г. Академия приобрела всё тот же дом Строгановых, где университет и гимназия находились вплоть до конца XVIII в.¹ Так что «Строганов дом» вполне можно считать первым постоянным адресом Петербургского университета и точкой отсчета истории его Василеостровского кампуса. Интересно заметить, что большинство проектов строительства новых зданий для Академии наук в первой половине — середине XVIII в. предусматривали создание отдельного корпуса для университета.

Поскольку особняк Строгановых был разобран еще в 1820-е гг., то в настоящее время самым старым из сохранившихся зданий, связанных с университетом и его ранней историей, является дом № 15 по 6-й линии Васильевского острова (дом архитектора Х. Г. Паульсена, построенный в 1780-е гг., более известный как «Ларинская гимназия»). С 1794 г. он был арендован, а с 1799 г. — приобретен Учительской семинарией, которую можно воспринимать как правопреемницу учебных учреждений Академии наук. Семинарию в 1804 г. преобразовали в Педагогический институт, а с 1816 г. — в Главный педагогический институт. Дом на 6-й линии был тем очагом, который хранил тепло старых академических традиций науки, образования и воспитания до 1836 г., и незадолго до возвращения университета в здание Двенадцати коллегий был передан Ларинской гимназии. Спустя почти два столетия история распорядилась так, что университет снова вернулся в дом на 6-й линии, где ныне находится факультет искусств СПбГУ.

В 1804 г. попечитель Петербургского учебного округа граф П. А. Строганов предложил передать Педагогическому институту центральную часть здания Двенадцати коллегий, поскольку прежние органы государственного управления — коллегии, учрежденные еще Петром Первым, упразднились в ходе административной реформы, создающей министерства. К 1819 г., когда Главный педагогический институт был переименован в Петер-

бургский университет, он занимал четыре центральных корпуса здания Двенадцати коллегий. Дальнейшее его приспособление под учебные нужды требовало масштабной реконструкции. Тем не менее работы под руководством архитектора Министерства народного просвещения А. Ф. Щедрина начались только в 1834 г., когда на противоположном берегу Невы был завершен величественный ансамбль Сената и Синода, члены которых теперь могли переехать в новые здания и освободить бывшие коллегии для университета.

В ходе реконструкции здания Двенадцати коллегий в 1834–1837 гг. был акцентирован центральный корпус: три средних объема объединили под одну кровлю, а сад, разбитый перед зданием, образовывал полукруглую площадку перед центральным входом, ставшим с тех пор парадным. Внутри из вестибюля парадная лестница вела к Залу торжественных собраний на втором этаже (ныне Актный зал СПбГУ), первое из которых состоялось здесь 25 марта 1838 г. по случаю окончания реконструкции здания Санкт-Петербургского университета. Большой двухсветный зал прямоугольной формы был решен в стиле строгого классицизма и окрашен в белый цвет. По всему периметру расположилась колоннада с капителями ионического ордера, отделанная белым искусственным мрамором и поддерживающая хоры, опоясывающие зал со всех четырех сторон.

Из фойе перед Актным залом парадная лестница вела на третий этаж — к церкви Свв. Петра и Павла, которая была освящена в 1837 г. и наряду с Залом торжественных собраний стала еще одним классицистическим интерьером. Из помещений XVIII в. избежала перестройки лишь декорированная в стиле барокко Сенатская (Петровская) «зала», которую, по свидетельству П. А. Плетнева, решено было сохранить «неприкосновенно в том виде, как была украшена в первое время построения коллегий. Лепная работа и живопись по стенам — всё носит характер исторический»². Тогда же была застеклена открытая галерея второго этажа вдоль западного фасада, превратившаяся в коридор и сразу ставшая одной из самых известных достопримечательностей университета.

Одновременно велись работы и с южного торцевого фасада, обращенного к набережной, где был устроен вход, а нижняя

галерея частично заложена. Южный корпус здания Двенадцати коллегий был соединен аркой с соседним домом Пушиловой, который был куплен для университета в 1837 г. и вскоре стал Ректорским флигелем. В ходе работ над перестройкой дома Пушиловой А. Ф. Щедрин, признанный архитектор эпохи позднего классицизма, проявил чувство глубочайшего уважения к зодчим первой половины XVIII в. и привел внешнее убранство Ректорского флигеля в унисон с петровским барокко фасадов здания Двенадцати коллегий³.

Дальнейшее развитие и расширение университетского архитектурного пространства произошло уже в эпоху великих реформ Александра II. С последней четверти XVIII в. рядом со зданием Двенадцати коллегий высился трехэтажный корпус для игры в мяч («Же-де-пом»), возведенный, предположительно, по проекту Ж. Б. Валлен-Деламота и А. Ф. Кокоринова для воспитанников Кадетского корпуса и являвшийся первым в России крытым спортивным сооружением. В 1867 г. это здание передали Петербургскому университету, а в 1872–1873 гг. архитектор И. И. Горностаев произвел его ремонт и некоторую перепланировку для нужд университетской библиотеки, Физического кабинета и Физического общества. Позднее в нем размещался и уникальный Музей уголовного права, возникший на базе выставки к прошедшему в Санкт-Петербурге Международному пенитенциарному конгрессу.

В том же 1867 г. университет приобрел значительный участок земли с западной стороны от здания Двенадцати коллегий, где сразу же началось строительство дома для помещений кафедры ботаники, во главе которой тогда стоял А. Н. Бекетов. Начала осваиваться большая территория, отведенная под Ботанический сад. В конце XIX в. по соседству с Ботаническим садом были возведены здания Химической лаборатории (А. Ф. Красовский, 1892–1894 гг.) и Физического института (И. Н. Коковцев, Н. А. Виташевский, 1898–1899 гг.). Одновременно руководство университета заботилось не только о поддержании мирового уровня технического оснащения специализированных аудиторий для преподавания и лабораторий для проведения опытов, но и о быте учащихся. Так, в 1880–1882 гг. на территории кампуса появилось студенческое общежитие, постро-

енное Л. Н. Бенуа и Р. А. Гедике на средства промышленника и мецената С. С. Полякова и получившее название «Коллегия в память императора Александра Второго». В 1900–1901 гг. у северного торцевого фасада здания Двенадцати коллегий была построена Столовая для студентов имени проф. О. Ф. Миллера (архитектор И. Н. Коковцев), получившая уже в советское время среди универсантов название «Восьмерка», поскольку более трех десятилетий являлась столовой № 8 Василеостровского райпищеторга. В итоге к началу XX в. Василеостровский кампус представлял собой сложившееся научно-образовательное архитектурное пространство, имевшее ярко выраженный автономный характер «университетского городка». Однако возможности для его расширения в то время отсутствовали, и в начале 1900-х гг. Петербургский университет приобрел два участка по 16-й и 15-й линиям В. О. для постройки четырехэтажного студенческого общежития. Оно было открыто во второй половине 1905 г. и работало несколько месяцев, став одним из центров революционного движения студенчества. Как следствие общежитие было закрыто, а здание перепрофилировано под учебные и научные лаборатории и кабинеты, а также квартиры профессоров университета.

Дальнейшее развитие университетского пространства происходило уже в послереволюционное время. В 1919 г. в связи с объединением к Петроградскому университету перешел большой комплекс зданий Высших женских (Бестужевских) курсов (ВЖК) на 10-й линии и Среднем проспекте Васильевского острова. Первое здание курсов было построено на участке № 33 по 10-й линии в 1884–1885 гг. по проекту А. Ф. Красовского и при участии В. Р. Курзанова. Позднее к нему были пристроены общежитие и учебные корпуса с правой стороны фасада, дворовый корпус с актовым залом и библиотекой и корпуса по северной и восточной частям участка, соединившие все постройки в единый комплекс. В 1914 г. было построено здание, выходящее фасадом на Средний проспект (д. 41) и соединенное с основным зданием ВЖК переходом внутри квартала. В нем должен был разместиться Физико-химический институт им. В. П. Тарновской, но в связи с началом Первой мировой войны в здании устроили госпиталь.

В 1930-е гг. к сложившемуся рядом со Стрелкой В. О. университетскому кампусу добавились два важных архитектурных объекта — возведенный еще в самом начале XIX в. по проекту Дж. Кваренги Новобиржевой гостиный двор и так называемый «дворец Петра II», существующий с первой половины XVIII в., но окончательный облик замкнутого каре приобретший только к 1870 г. Первое здание примкнуло с северо-востока, а второе замкнуло кампус с южной стороны, развернув свой фасад по набережной Невы. После надстройки третьего этажа в Новобиржевом гостином дворе разместились исторический, экономический и философский факультеты, а во «дворце» — филологический факультет, к которому в 1944 г. добавился восточный.

В послевоенное время продолжилось освоение университетом других территорий на Васильевском острове. Один за другим в 1973 и 1974 гг. на линиях Васильевского острова разместились юридический факультет (22-я линия, 7, бывший Городской училищный дом в память 19 февраля 1861 г.) и факультет журналистики ЛГУ (1-я линия, 26, доходный дом А. Г. фон Нидермиллера). В 1966 г. в университете появился факультет психологии, который вскоре занял часть здания бывшего Главного управления неокладных сборов на наб. Макарова, 6. Все эти здания были сооружены в начале XX в. в духе характерных для той эпохи неоклассицизма и модерна.

Значительным приращением Василеостровского университетского кампуса стала передача комплекса зданий Первого кадетского корпуса на Кадетской линии В. О. (Д. Трезини, М. Г. Земцов, Ж. Б. Валлен-Деламот, 1730–1740-е, 1770-е гг.). Любопытно, что впервые этот вопрос рассматривался вскоре после революции, в 1918 г., что нашло свое отражение в архивных документах⁴. Однако решен он оказался только почти через сто лет. В настоящее время ведется реставрация Наугольных палат, выходящих на Университетскую набережную. В этих и других помещениях прошли археологические раскопки, давшие интереснейшую коллекцию находок XVIII в. Дальнейшая реставрация и приспособление под учебно-научные и экспозиционно-выставочные цели всего комплекса зданий Кадетского корпуса позволит создать цельное и замкнутое университетское пространство от Менделеевской линии до Кадетской.

В XX столетии университет вышел за пределы Васильевского острова — в центральную часть города. Впрочем, еще ранее, во время реконструкции здания Двенадцати коллегий, университет временно помещался на углу Кабинетской (ныне ул. Правды) и Ивановской (ныне Социалистическая) улиц в здании своего Благородного пансиона, который в 1830-е гг. был преобразован в Первую Санкт-Петербургскую гимназию.

В начале июня 1940 г. Ленинградскому государственному университету согласно распоряжению СНК СССР и приказу Наркомата просвещения был передан Географический музей, занимавший часть старинного дворца графов Бобринских в конце Галерной улицы, созданного Луиджи Руска в конце XVIII в. В начале 1950-х гг. там уже разместился географический факультет университета. Со временем после масштабной реставрации весь дворец перешел к университету, разместившему там факультет свободных искусств. С начала XXI столетия в составе крупнейшего высшего учебного заведения Санкт-Петербурга оказались еще интересные памятники архитектуры: дворец А. Л. Штигица на Английской набережной (А. М. Куни, А. И. Кракау, М. Е. Месмахер, Н. В. Султанов, 1852–1862, 1887–1889 гг.); особняк А. Ф. Кельха на улице Чайковского (А. К. Кольман, В. И. Шене, В. И. Чагин, К. К. Шмидт, 1858–1859, 1896–1897 гг.); особняк А. Л. Франка на 21-й линии В. О. (В. В. Шауб, 1898–1900 гг.), дом Яковлевых — П. Ю. Сюзора на Волховском переулке (А. И. Мельников, 1770-е, 1796, 1806, 1818–1821 гг.).

Свое продвижение в сторону Смольного монастыря университет начал в 1976 г., поскольку для экономического факультета был передан бывший доходный дом А. С. Дубасовой на углу улиц Чайковского и Потемкинской (Л. И. Шарлемань, А. Р. Гавеман, 1841–1842, 1870, 1877, 1904 гг.)⁵. Начиная с 1990-х гг. в северо-западном корпусе Смольного монастыря (Ф. Б. Растрелли, В. П. Стасов, П. И. Таманский, 1748–1769, 1832–1835 гг.) в непосредственной близости от шедеврального собора разместились новые факультеты СПбГУ: социологии, политологии, международных отношений.

Самый большой кампус университета за пределами Васильевского острова существует в районе Старого Петергофа.

Начало освоению этого пространства было положено еще в 1920 г., когда во дворце герцогов Лейхтенбергских в усадьбе «Сергиевка» (А. И. Штакеншнейдер, 1840–1842 гг.) разместился Биологический институт ЛГУ. Причиной особого интереса биологов к этой усадьбе стало удивительное разнообразие природного ландшафта парка, его рельефа и экологических сообществ⁶. В 1959 г. на уровне Совета министров СССР было принято решение о создании здесь же, в противоположной стороне от берега Финского залива, нового университетского городка, который согласно Генеральному плану развития Ленинграда со временем должен был сомкнуться с городскими кварталами. Однако Постановление Политбюро ЦК КПСС о проектировании и строительстве комплекса вышло в июле 1966 г., а строительство началось только спустя несколько лет. В это же время план развития города был изменен на противоположное направление — не вдоль южного берега Финского залива, а на северо-запад и северо-восток, что привело к некоторой оторванности строящегося кампуса от городских центров и коммуникаций. Сильно замедленными оказались и темпы строительства. Только к 2010 г. удалось реализовать менее трети начальной концепции и ввести в эксплуатацию здания физического, математико-механического и химического факультетов, факультета прикладной математики, часть студенческого городка и жилого квартала, отдельные здания хозяйственной зоны университета⁷.

Интересным и дискуссионным инновационным проектом недавнего времени стала реконструкция комплекса расположенной между Петергофом и Стрельной Михайловской дачи (И. И. Шарлемань, Г. А. Боссе, 1856–1868 гг.) для Высшей школы менеджмента СПбГУ. К сожалению, этот проект тоже оказался реализован лишь частично, и для учебно-научных целей были приспособлены Конюшенный и Гофмейстерский корпусы, а также возведены дополнительные здания и сооружения.

Примечания

¹ Костина Т. В. Пространство Академических гимназии и университета: материалы к истории. 1724–1805 гг. // Клио. 2013. № 10 (82). С. 6–15.

² Плетнев П. А. Перемещение Университета в Санкт-Петербурге // Современник. Т. X. 1838. С. 4.

³ Тихонов И. Л., Ходаковский Е. В. Василеостровский кампус // Alma Mater. Архитектурный облик Санкт-Петербургского государственного университета / отв. ред. Ю. А. Купина, Е. В. Ходаковский. СПб., 2020. С. 23.

⁴ Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. 1917–1965. Обзор архивных документов / под ред. Г. А. Тишкина. СПб., 1999. С. 44.

⁵ Санкт-Петербургский университет в пространстве и времени. Материалы по истории зданий / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб., 2004. С. 110–112.

⁶ Петрашень Е. П. Биологический институт — усадьба «Сергиевка» // Alma Mater. Архитектурный облик Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2020. С. 155.

⁷ См.: Половцев И. Н. Университетский комплекс в Петродворце — детище академика архитектуры Игоря Фомина // Вестник гражданских инженеров. 2013. № 5 (40). С. 52–57.

Е. В. Абарова

АПТЕКА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ И ЕЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ

ИСТОРИЯ первой аптеки в Царском Селе началась 18 ноября 1811 г. с высочайшего разрешения по всеподданнейшему докладу бывшего главноначальствующего над Гоф-интендантской конторой обер-гофмейстера графа Литта¹.

«До приведения в нынешнее цветущее состояние города Царское Село жители оно за неимением аптеки принуждены были для получения им лекарств посылать нарочно в Санкт-Петербург, а между тем страдающие опасными болезнями по дальнему расстоянию оно лишались нередко лечащего пособия и скорой помощи. Но с его Императорского Соизволения учреждена здесь привилегированная аптека, сия часть управления пришла в такое состояние, что жители здешние не имеют уже прежних затруднений, получают нужные им медикаменты во всякое время из сей вновь учрежденной аптеки»², — писал в своем докладе управляющий Царскосельским дворцовым правлением граф Ф. П. Ожаровский.

В 1812 г. аптека уже существовала и первоначально помещалась в бывшем городском доме по Торговому переулку. Это было здание придворного госпиталя (в начале XX в. — квартира старшего врача). Отпуск медикаментов производился для высочайшего двора, для лиц придворного ведомства и для городских обывателей.

20 сентября 1789 г. был издан первый российский Аптекарский устав — документ в 23 параграфах³. В него были внесены положения об обязанностях управляющего аптекой, о порядке отпуска лекарств по рецептам врачей, о хранении и отпуске ядовитых лекарственных средств, об устройстве аптеки и т. д. Устав определял условия получения званий аптекаря (Pharmacopoeus), провизора (Pharmacopoeus substitutiv) и аптекарского ученика — «гезеля». Аптеки находились под медико-полицейским надзором. В соответствии с Врачебным уставом

управлять аптекой мог только провизор. Аптека должна была иметь рецептурную комнату, материальную для хранения материалов, кокторию и лабораторию, сухой подвал, ледник, сушильню для хранения растительных продуктов. Аптека должна быть снабжена шнуровыми книгами: для внесения лекарств, отпускаемых по рецептам, для записи отпускаемых в ручной продаже лекарств, для записи отпускаемых ядовитых веществ, для гербария дикорастущих в России растений. Отпуск ядов и сильнодействующих средств регламентировался особыми положениями.

Царскосельская аптека принадлежала аптекарю IX класса⁴ — титулярному советнику Иоганну Христофоровичу Клоссе, который являлся первым учредителем. «Снабдил оную лучшими медикаментами и продолжал упражняться в своем деле с отменным усердием и успехами в короткое время к удовольствию начальства, приобрел должное уважение и доверие местных жителей»⁵.

В 1816 г. И. Х. Клоссе произвели в коллежские асессоры «за особенное его старание и отличное усердие к пользе казенной и общественной, в пожертвование им своей собственности на заведение с Высочайшего дозволения аптеки, к коей отпуск медикаментов в казенных местах (Царскосельский лицей и придворную городскую больницу) с самого учреждения производит он с уступкой 20%, а на приготовление в своей аптеке всех медикаментов для больных Царскосельской полиции (инвалидной команды) безденежно»⁶.

В 1820-е гг. в царскосельской больнице шли плановые ремонтные работы за счет казны. В 1825–1826 гг. под надзором архитекторского помощника Родионова ремонт производился и в Городской аптеке. Были отремонтированы крыша, крыльцо, голландские печи и полы; «при аптеке бассейн, из которого шли трубы в пруд, что в саду»⁷. Трубы были почищены, также была вычищена и поправлена «мостовая» в пруду «с пересадкой мхом». Ветхие старые ворота с калиткой были заменены на новые и обшиты с двух сторон доской, также «начинили» забор.

Жену И. Х. Клоссе звали Анной, в этом браке в Царском Селе у него родилась единственная дочь — Клара Лаура Клоссе. 25 октября 1836 г. Клара была обвенчана в евангелическо-лютеранской

церкви Спаса Преображения в Царском Селе с Павлом Филипповичем Меллером. В 1844 г., после смерти И. Х. Клоссе, аптека перешла в собственность к провизору Павлу Меллеру, переведена в здание на углу Конюшенной и Московской улиц под № 158. Семейное дело стало передаваться по женской линии.

В начале XIX в. в Царском Селе (1-я часть, 1-й квартал) каменные дома под номерами 158, 160, 162 по Московской улице принадлежали городскому ведомству. В связи с упразднением старого города Софии сюда были перенесены уездный и земский суд с казначейством, ратуша и тюрьма, а их место заняли помещения лейб-гвардии Гусарского полка⁸.

Каменный дом, уже стоявший в 1816 г. на большом участке земли (№ 158), город сдавал внаем за 4 тыс. рублей в год⁹. Здесь располагались уездный и земский суды¹⁰. Но к 1844 г. этот участок, вместе с садом и домом, уже принадлежал П. Ф. Меллеру. Угловой каменный дом с мезонином был обращен главным фасадом на Московскую улицу.

6 июня 1870 г. дочь Павла Меллера Елена Суламит Регина Меллер (1849–1908 (?)) вышла замуж за провизора Готфрида Альфонса (Августа) Ивановича (Феофила) Дерингера (06.10.1843, Гиббельн — 02.09.1919, Бад-Гомбург)¹¹, лютеранского вероисповедания¹². Венчание провел пастор Добберни в доме родителей. Аптекарское дело также перешло по женской линии к немецкому роду вместе с домом и участком.

Аптекарское дело процветало и расширялось. В 1873 г. было получено устное дозволение от начальника города Царское Село генерал-адъютанта Гогеля употреблять городской герб на этикетках искусственных шипучих вод, а в 1876 г. — письменное, что давало дополнительный доход владельцу.

В дополнение к этому 23 апреля 1876 г. аптеке А. И. Дерингера было представлено (по разрешению императорского высочества) право иметь на вывеске и этикетках производства вензелевое изображение¹³.

В 1878 г. Альфонс Иванович Дерингер удостоился высочайшей благодарности и получил ордена Святого Станислава и Святой Анны.

В 1880 г. архитектором А. П. Гоманом были составлены план участка и проект фасада предполагаемого к постройке

Царское Село. Аптека А. А. Дерингера. 1811–1911. Открытка начала XX в.

каменного дома. К этому времени на участке № 158 находилось уже два каменных дома: один угловой двухэтажный, где на первом этаже располагалась сама аптека, а на втором — жилые покои с двухэтажной террасой, и одноэтажный дом «Заведение минеральных вод»¹⁴. Также на участке имелся ледник, располагались деревянные служебные постройки, большой двор и сад.

В 1882 г. аптека А. Дерингера с разрешения императора Александра II впервые в России стала именоваться поставщиком императорского высочества великого князя Владимира Александровича¹⁵.

Прозаик и поэт Сергей Горный (литературный псевдоним А. А. Оцупа) в рассказе «Четверть шестого» вспоминал аптеку Дерингера перед Рождеством:

«„Дождь“ — это был вообще символ Рождества — висел повсюду (иногда был зеленый)... и даже у аптекаря Дерингера над баночками с гольдкремом и палочками от мигрени, в отделении „Аптекарский магазин“. Даже Дерингер в окне выставлял его, вешал рядом с серьезными алхимическими бутылками с огромною стеклянною пробкой острием вверх (символ аптеки). Старик Дерингер этого не делал: был строгий, старозаветный аптекарь. Мы его мало помнили. Сухой седобородый,

близорукий. Все с ключами рецепты проверял. Сзади провизор кричал:

Ammonii bromati
Natri bromati
Aquae distillatae
M. D. S.

И хмурый Дерингер поверяет, головой качает, молча, словно что-то жует, и ключами чуть звякает. Потом воцарился молодой Дерингер, светлый, бегучий, крикун, с белыми безбровыми глазами. Всё стал делать по-своему. Повесил нового аптечного орла на самом углу. Тот растопырил крылья тяжелого и властного металла: одно крыло вдоль одной улицы, другое вдоль другой. Красиво получалось. Грудь у орла выкаченная, а посередке Георгий Победоносец. Герб. Основал молодой „магазин аптекарский“ (дверь направо — в аптеку, налево — в магазин). И хлопнушки завел, и дождь повесил. Золотыми, зелеными, остро-серебряными струями. Молодец, Дерингер!»¹⁶

Анна Ахматова тоже вспоминала «царскосельских немцев Дерингеров» и их аптеку. «...однажды Николай Степанович вместе с ней был в аптеке и получал для себя лекарство. Рецепт был написан на другое имя. На вопрос А. А. (Анны Андреевны. — Е. А.) Николай Степанович ответил: „Болезнь — это такое безобразие, что даже фамилия не должна в нем участвовать, что он не хочет порочить фамилии, подписывая ее на рецептах“»¹⁷.

Дело отца продолжил его единственный сын¹⁸ и достойный наследник аптекарского дела — потомственный дворянин Альфонс Альфонсович Дерингер. В 1900 г. он окончил медицинский факультет при Императорском Юрьевском университете на степень провизора. С 1 января 1897 г. — член комитета Царскосельского ремесленного приюта учреждения Марии Федоровны. В призыв 1899 г. явился к испытанию воинской повинности и был зачислен в ратники ополченцем второго разряда. 25 февраля 1904 г. он получил звание директора Царскосельского отдела общественных попечителей о тюрьмах. С 26 января 1906 г. являлся председателем наблюдательной комиссии при царскосельском отделении тюрем. В 1909 г. он был определен на службу в царскосельский двор опекуном канцелярской службы. С 1910 г. стал чиновником царскосельской Дворцовой аптеки.

В 1904 г. получил благодарность, нагрудный знак и медаль в память о войне, был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени, пожалован по учреждениям императрицы Марии Федоровны. В 1906 г. удостоился благодарности императрицы Александры Федоровны и был награжден орденом Святой Анны 3-й степени. В 1908 г. получил портрет с подписью великой княгини Марии Александровны. В 1909 г. получил благодарность императрицы Марии Федоровны и звание поставщика дворов великих князей Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей. 6 мая 1911 г. награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.

С 30 мая 1910 г. А. А. Дерингер стал церковным старшиной евангелической лютеранской церкви в Царском Селе.

К 1912 г. он не только успешный предприниматель, но и весьма состоятельный и влиятельный человек — имеет дом в Царском Селе, две деревянные дачи в Павловске, пять каменных домов и фабрику в Санкт-Петербурге; является владельцем автомобиля. И в дальнейшем становится одним из основателей автомобильного дела в России.

Альфонс Альфонсович Дерингер был женат на дочери статского советника Марии Зигфридовне Брем, в браке с которой у них было трое детей: Альфонс (20.9.1901 — ?) и двойняшки Андрей и Мария-Маргарита (12.12.1903 — ?)¹⁹. Они стали уже пятым поколением аптекарей.

В 1870 г. было разрешено открывать заводы и фабрики для изготовления лекарственных средств и оборудования для аптек и лабораторий. И Дерингер стал владельцем не только аптеки в Царском Селе, но и заводов в Царском Селе и Петербурге, где производились целебные воды, радий, радиоактивные препараты и прочее. Один из заводов Дерингера в Петербурге в 1882 г. был награжден золотыми медалями Гран-при, а в 1886 г. — правом на изображение государственного герба на своих товарах, вывесках и рекламе.

Аптечное производство Дерингера награждалось на гигиенической и других выставках в Риге, Санкт-Петербурге и Царском Селе. На 1911 г. аптека имела собственную исследовательскую лабораторию, гомеопатическое отделение, склад аптекарских товаров. Дерингер также руководил заводом минеральных вод

в Царском Селе и Петербурге (бывшим акционерным обществом «Бекман и компания»), складами в Петербурге, обществами «Самопомощь», «Удельные» и другими, которые представляли в России многие русские и иностранные фирмы. Все производства размещались в собственных домах фирмы — 21 дом, с более чем 200 служащими.

Из докладной записки от провизора А. А. Дерингера генерал-майору князю Путятину: «Их императорские величества государи императоры Александр I, Николай I, Александр II неоднократно пользовались во время их пребывания в Царском Селе для всех членов императорского дома услугами аптеки, и до перенесения его императорским величеством государем императором Александром III резиденции в город Гатчина, в Царском Селе не было отделения Санкт-Петербургской придворной аптеки. Моя аптека неоднократно вывучала медикаментами (кислородом), водами и другим... отдел Санкт-Петербургской придворной аптеки и аптеку Царскосельского придворного госпиталя»²⁰.

На Царскосельской юбилейной выставке 1911 г. был представлен павильон аптеки «„исторический уголок“, в нем находились: деревянные штанглассы с государственными гербами, старинные колбы для перегонки, аптечное оконце в наружной двери, через которое осуществлялось общение с посетителями аптеки, чучело крокодила (эмблема аптеки) и прочее». Обо всём этом писала газета «Царскосельское дело». За участие в выставке А. А. Дерингер был награжден серебряной медалью по торгово-промышленного отделу из рук председателя — генерал-майора князя Путятина.

К столетию фамильного дела Дерингер начал собирать документы о награждении старейших работников аптеки²¹.

5 октября 1911 г. провизор пишет: «Его императорское величество господин император и их императорское высочество великих князей посещения моего павильона и их всемиловейшего благопожелания мне, дают мне смелость покорнейше просить Ваше сиятельство направить сие мое прошение господину министру императорского двора, для дарования мне, ныне ко дню столетнего юбилея моего Царскосельского производства, более высокой награды.

Его императорское величество удостоило меня высокой честью посещения моего павильона на выставке, всемиловейше извоило обратить благосклонное внимание и на портреты старых служащих моей фирмы крестьян Рязанской губернии, Спасского уезда, с. Киструсе: Николая Яковлевича Голованова — 39 лет службы; Андрея Ивановича Веткова — 20 лет службы; Василия Сергеевича Веткова — 25 лет службы; Кузьмы Ивановича Веткова — 25 лет службы; Никифора Михайловича Макшина — 22 года службы; Андрея Фомича Епишкина — 22 года службы и крестьянина Новгородской губернии Крестецкого уезда деревни Дорохово Степана Михайловича Михайлова — 22 года службы. Из служащих как верных и честных сотрудников моей фирмы могу указать 7 человек, за исключением последнего крестьянина Новгородской губернии Крестецкого уезда деревни Дорохово, все крестьяне Рязанской губернии Спасского уезда с. Киструса. Покорнейше осмеливаюсь спросить Ваше сиятельство предоставить вышеуказанных долгих честных моих сотрудников к медалям»²².

В 1910 г. А. А. Дерингер был удостоен благодарности великого князя Николая Николаевича как один из владельцев автомобилей, в корпусных маневрах под Красным Селом. 6 мая 1911 г. он был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени. Дерингер состоял во главе торгового дома, существовавшего 100 лет, вел его солидно, способствуя развитию аптекарского дела, являлся поставщиком высокого двора. 9 апреля 1913 г. А. А. Дерингер был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

15 января 1918 г. с приходом новой власти были национализированы Дворцовый госпиталь, приемный покой Царскосельской общины Красного Креста и частная аптека Дерингера. Судя по всему, после этого семья уехала к родственникам за границу.

Сохранились сведения об истории дома, где впервые помещалась аптека.

На большом участке земли № 158 в 1816 г. стоял каменный дом, который город сдавал внаем за 4 тыс. рублей в год²³. В доме находился уездный и земский суд²⁴. Провизор первое время арендовал дом под городскую аптеку и жилье для

своей семьи за 2 тыс. руб. в год. Но это было весьма неудобно, ибо «аптеку не так легко переносить с одного места на другое». Поэтому 17 октября 1844 г. Дерингер пишет прошение на имя главноуправляющего Царским Селом Я. В. Захаржевского о продаже казенного каменного дома и участка за 20 тыс. руб. ассигнациями. Угловой каменный дом с мезонином был обращен главным фасадом на Московскую улицу и имел длину 8 сажений и ширину по Конюшенной улице 5,5 сажений, высотой от цоколя 2 сажени; мезонин длиной 4,5 сажени, шириной 5,5 сажений и высотой 1,3 сажени. Крыша дома была покрыта железом и окрашена «шведской черлядью», стены со всех сторон оштукатурены и побелены. В дом вело деревянное крыльцо, поддерживаемое деревянными столбами, с деревянной крышей. Первый этаж имел шесть комнат с семнадцатью окнами. Дом отапливался четырьмя голландскими печами и чугунными инженерными приборами. Внутри стены и потолки окрашены клеевыми красками. В мезонин, где располагались две неотопливаемые комнаты, вела деревянная лестница. Во дворе находились дощатые службы (длиной шесть сажений и шириной две с половиной сажени) с двумя сараями, двумя чуланами и одним отхожим местом. Участок был обнесен форменным забором в 32 погонных сажени, с двумя филенчатыми воротами и четырьмя калитками. За службами были вскопаны грядки под огород, размером 22×17 сажений. Сам участок составлял площадь равную 612 сажений (17 сажений — по Московской ул. и 36 сажений — по Конюшенной).

К 1844 г. этот каменный дом находился в ветхом состоянии. Нужно было утеплить фундамент, отбить отсыревшую штукатурку, перестелить полы, переделать перегоревшие печи, сделать печи для отопления мезонина. В том же году участок с садом и домом был приобретен П. Ф. Меллером. Дом был надстроен вторым этажом вместо мезонина и покрыт железной крышей. На участке был устроен большой сад.

Это здание сохранилось до наших дней, правда, в перестроенном виде. Сейчас это жилой многоквартирный дом на углу Московской и Конюшенной улиц с торговым помещением на первом этаже.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 576.

² Там же. Д. 388.

³ По приказу Александра I впервые в России открывается учебно-аптекарское заведение — фармацевтическое отделение при Медико-хирургической академии. Этим было положено начало подготовки квалифицированных кадров, что сказалось на развитии фармацевтики.

⁴ РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 576.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 7235.

⁸ РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 3443.

⁹ Там же. Д. 3437.

¹⁰ РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 789.

¹¹ Сын ткача и скотовода Иоана Дерингера и его супруги Дороеи, урожденной Отто, родившийся в Гиббельне Курляндской губернии (современная Латвия).

¹² РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 576.

¹³ Гербовый сбор уплачен 12 марта 1882 г., свидетельство подписал Ребиндер.

¹⁴ РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 788.

¹⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 576.

¹⁶ Горный С. Царское Село. Рассказы 1920–30-х годов. СПб., 2011. С. 97–99.

¹⁷ Лукницкая В. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 117.

¹⁸ В деле к 100-летию аптеки А. И. Дерингер указал: «...и других детей в живых у меня нет. Другой мой сын Александр и дочь Елена скончались малолетними». РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 576.

¹⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 522. Д. 2092.

²⁰ РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 576.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 3437.

²⁴ РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 789.

Е. Р. Михайлова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ИСТОРИЧЕСКИХ КЛАДБИЩАХ ПЕТЕРБУРГА

ОДНИМ из важных объектов археологии Петербурга являются исторические кладбища и отдельные захоронения нового времени. В разные годы археологические исследования проводились на Комендантском кладбище в Петропавловской крепости, у Благовещенской церкви на Васильевском острове, на Сампсониевском, Митрофаниевском, Волковском лютеранском, Выборгском римско-католическом кладбищах, в Троице-Сергиевой пустыни, на ряде других памятников¹. Настоящее сообщение посвящено результатам работ автора на Выборгском римско-католическом кладбище в 2019 г. и на Митрофаниевском православном в 2020 г.

Археологическая разведка Выборгского кладбища проводилась на территории объекта культурного наследия «Костел Св. Марии на Выборгском римско-католическом кладбище с территорией» (Минеральная ул., 21, лит. Д), составляющей лишь небольшую часть некогда обширного римско-католического кладбища, просуществовавшего с 1856 г. до 1920-х гг. В течение 1930-х гг. кладбище было снесено и частично застроено, костел передан промкомбинату. В марте 1940 г. на кладбище началась «переработка» надгробных памятников для получения мраморной крошки и щебенки, а также продажа дорожникам надгробных плит для устройства тротуаров, сдача металлических частей надгробий в металлолом. На городских планах середины — второй половины XX в. хорошо видно, как постепенно уменьшалась незастроенная территория вокруг кладбищенского костела. В настоящее время от обширного зеленого кладбища с тесно стоящими надгробиями и памятниками сохранился небольшой голый участок вокруг костела, на котором расположены единственная сохранившаяся надгробная сень и две часовни.

В связи с разработкой проекта реставрации здания костела Посещения Пресвятой Девой Марией Елизаветы (архитектор Н. Л. Бенуа, 1857–1858 гг., 1877–1879 гг.) на сохранившемся участке

Схематичный план Выборгского римско-католического кладбища. Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С. Петербурга. СПб., 1913. Тоном выделена территория обследованного участка, принадлежащего приходу, в пределах утвержденных границ объекта культурного наследия регионального значения «Костел Св. Марии на Выборгском римско-католическом кладбище с территорией»

кладбища были выполнены археологические изыскания. Еще в 2011–2012 гг. под руководством главного архитектора проекта А. Е. Гунича была заложена серия архитектурно-археологических шурфов для обследования кладбищенских построек и сооружений. Были получены сведения о первоначальной планировке участка, его рельефе, устройстве дренажа, изучены фундаменты некоторых разобранных строений.

В 2019 г. были заложены два археологических шурфа. Места для шурфов были выбраны так, чтобы наиболее точно установить сохранность погребений.

Шурф № 1 был заложен на восточном краю кладбищенского квартала св. Павла, восточнее сохранившейся надгробной сени. Под слоями строительного мусора и позднейших подсыпок в шурфе была расчищена часть постройки, получившей условное название «мавзолей неизвестной семьи», — ступени входа в «мавзолей» и участок пола. Были обнаружены отчетливые следы вскрытия пола и проникновения к захоронениям: пол из битого кирпича с заливкой «прыском» сразу же за порогом разобран на глубину до 20–30 см, до уложенной здесь массивной

Выборгское римско-католическое кладбище. Фрагмент «мавзолея неизвестной семьи» в разведочном археологическом шурфе. Фотография автора, 2019 г.

известняковой плиты, сама плита — проломлена. Сверху сохранившаяся часть конструкции была перекрыта несколькими прослойками крупного песка, перемешанного со строительным мусором и линзами сажи и угля от пожара или крупных костров. В песке, перекрывшем остатки постройки, были собраны семь однотипных круглых литых накладок из цветного металла с рельефным изображением розетки. На тыльной стороне сохранились следы цемента — следовательно, они были использованы при оформлении архитектурного сооружения. Вероятно, постройку следует датировать самым концом XIX — началом XX в., когда цементный раствор начинает широко применяться в строительстве в России.

Шурф № 2 был заложен в 40 м к югу от крыльца костела, в пределах квартала св. Петра. Поверхность исторического кладбища оказалась перекрыта метровой толщиной грунта, строительного мусора и разливов мазута, скопившихся на участке в течение XX в. Под поздними наслоениями был расчищен северо-западный угол могилы, окруженной кладкой из известняковых плит, сложенных насухо в 2–4 ряда. По всей вероятности, кладка служила основанием для кирпичного надмогильного свода — обязательного на городских кладбищах в Российской империи².

При зачистке поверхности могильного пятна были обнаружены края двух досок, поставленных на ребро и расположенных под прямым углом друг к другу, — угол гроба. Внутри

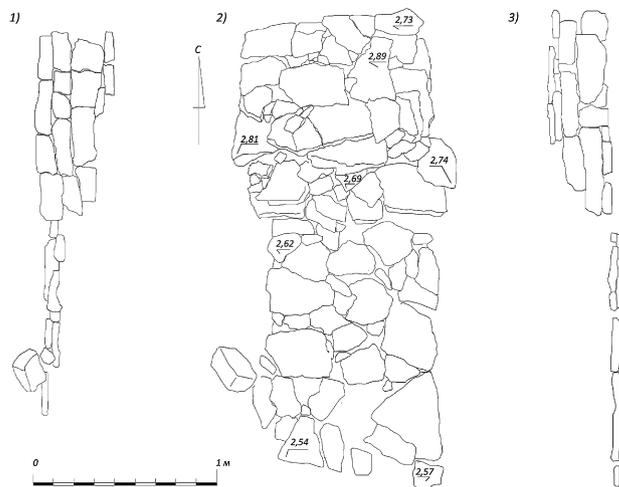
угла из досок, также на поверхности могильного пятна, лежали очень маленькие, рассыпавшиеся при зачистке, тонкие фрагменты металла серого цвета — вероятно, гроб был обит цинком или свинцом. На уровне верха захоронения работы были остановлены.

Археологическая разведка на Митрофаниевском православном кладбище в 2020 г. имела своей основной целью установление точного места расположения часовни над могилой странника А. М. Крайнева (1818–1889), однако в ходе этих работ были получены и важные материалы о сохранности кладбища в целом.

Митрофаниевское (Тентелевское) кладбище было учреждено для погребения жертв эпидемии холеры 1831 г., но продолжало использоваться и позднее, став к началу XX в. одним из крупнейших кладбищ Петербурга. В течение 1920-х гг. располагавшиеся на кладбище церкви были закрыты, а само кладбище официально упразднено. Аналогично прочим закрытым городским кладбищам, Митрофаниевское перешло в ведение Управления кладбищами и райфинотдела. В архивах сохранился комплекс

Археологические исследования на территории Митрофаниевского православного кладбища в 2020 г. Расчистка дневной поверхности конца XIX — начала XX в. Фотография автора, 2020 г.

Археологические исследования на территории Митрофаниевского православного кладбища в 2020 г. Фрагмент цокольной кладки — предположительно, часовни над могилой странника А. М. Крайнева. План и фасы

документов о заготовке на закрытом кладбище строительных материалов: мрамора, гранита и бутовой плиты,— для строительства Дома советов Нарвского района и последовавшем вследствие этого разрушении многих захоронений. После войны территория Митрофаниевского кладбища оказалась полностью заброшена и разгромлена, в 1950-е гг. здесь действовала барахолка. Окончательное закрытие кладбища относится к 1956–1957 гг., с этого времени кладбищенская территория оказалась занята складами, гаражами и свалками.

В ходе археологической разведки 2020 г. была выявлена историческая поверхность Митрофаниевского кладбища, сохранившаяся под мощным (2–2,5 м) слоем строительного и бытового мусора. Все надгробные сооружения на обследованном участке после закрытия кладбища были разобраны до уровня земли, сохранились лишь основания оградок и отдельные сдвинутые со своих мест надгробия; однако сами захоронения остались не нарушены. На уровне основания надгробных сооружений ар-

хеологические работы были остановлены. Удалось определить примерный типовой размер участков с захоронениями, однако сеть кладбищенских дорожек выявить не удалось: в течение всего периода работ грунтовые воды заливали расчищенный участок, полностью размывая слой погребенной почвы и верхнюю часть материкового грунта. Этот факт хорошо согласуется с данными 1920-х гг. о нарушенном дренажировании территории кладбища и вызванном этим подтоплением церкви Святителей Московских в подвальном этаже храма Свт. Митрофания.

В ходе работ был обнаружен угловой фрагмент цоколя небольшой постройки, сложенного из известняковых плит. С высокой степенью вероятности этот фрагмент кладки можно отождествить с основанием часовни над могилой А. М. Крайнева, сооруженной в начале XX в. и снесенной в 1929 г. В пользу этого заключения свидетельствует топографическое положение цокольной кладки (близ примерного места локализации могилы А. М. Крайнева, отмеченного в 2010 г. деревянным крестом); стратиграфическое положение кладки, возведенной несколько выше уровня ближайших надгробных сооружений и перекрывшей дорожку из кирпичной крошки, ведущую вглубь кладбищенского квартала; находки близ цокольной кладки серии одинаковых простеньких стеклянных лампадок и сдвинутой

Археологические исследования на территории Митрофаниевского православного кладбища в 2020 г. Стеклянные лампадки, собранные при расчистке цокольной кладки. Фотографии автора, 2020 г.

со своего первоначального места квадратной лещадной плиты (от пола?).

Несмотря на возможность изучения исторических кладбищ методами археологии и полученные таким образом важные материалы, мне кажется, всё же не стоит ставить их на государственный учет и охрану как памятники археологии. Статус объекта археологического наследия, согласно действующему законодательству, подразумевает возможность проведения археологических раскопок как особого способа сохранения объекта. Культурные напластования при этом разбираются до материка, артефакты и антропологические останки изымаются и передаются на хранение в музейный фонд. Сохраняется в первую очередь информация об изученном объекте, отраженная в научном отчете о проведенных археологических изысканиях. Для еще недавно действовавших кладбищ такой подход редко уместен.

По моему мнению, регулярные исторические кладбища должны ставиться на государственную охрану именно как исторические кладбища и достопримечательные места. Территории старинных кладбищ известны, они охраняются федеральным законом «О погребении и похоронном деле» и в ряде случаев — законом «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». Я считаю, что в список исторических кладбищ должны войти все места регулярного погребения, даже если они не отразились в документах, а выявлены только в процессе археологических раскопок. Раскопки в этом случае следует прекращать, а территории придать статус исторического кладбища, где, согласно закону, могут располагаться только зеленые насаждения (которых, кстати, так не хватает городу). Так же следует подходить и к кладбищам пригородных деревень, которые оказались в черте города в сравнительно недавнее время.

Кладбища, прекратившие действовать задолго до основания Петербурга, даже регулярные, следует рассматривать всё-таки как археологические объекты и изучать методами археологии. Это огромный важный массив сведений о древней и средневековой истории Северо-Запада. Здесь можно вспомнить, например, погребения на Охтинском мысу, могильник во дворе Шереметевского дворца³.

Примечания

¹ Граг А. Д. Открытие погребения С. П. Крашенинникова в Ленинграде // СЭ. 1966. Вып. 4. С. 108–116; Кирпичников А. Н. Поиски Джакомо Кваренги // Неделя. 1970. № 29; Воинов В. С., Денисов Ю. М., Лебедев Г. С. В память о русской славе. Реставрация Сампсониевского собора на Выборгской стороне // Строительство и архитектура Ленинграда. 1975. № 9. С. 41–42; Бонуа И. Н. Реставрация и благоустройство Комендантского кладбища // Краеведческие записки. Вып. 2: Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница. СПб., 1994. С. 349–358; Плоткин К. М. Архитектурно-археологические исследования Казанского собора в 2001 г. // Археологическое наследие Санкт-Петербурга / под ред. П. Е. Сорокина. СПб., 2003. Вып. 1. С. 101–111; Каргапольцев С. Ю. Архитектурно-археологические изыскания на территории Сампсониевского собора (сезон 2008) // Доклады 66-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов университета. Ч. III. СПб., 2009. С. 71–75; Шуньгина С. Е. К вопросу об исторических кладбищах Санкт-Петербурга (по материалам археологических исследований у ц. Благовещения на Васильевском острове в 2012 г.) // АИППЗ: Мат-лы 62-го заседания / отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков, 2017. С. 406–420.

² Беляев А. А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 5). М., 2011. С. 14.

³ Сорокин П. Е. Погребальные памятники позднесредневекового времени на территории Санкт-Петербурга и окрестностей // АИППЗ. Мат-лы 51-го заседания / отв. ред. И. Е. Лабутина. Псков, 2006. С. 232–242; Сорокин П. Е., Андреева О. В., Иванова А. В., Лазаретова Н. И. Археологические исследования Охтинского некрополя // Stratum plus. 2013. № 5. С. 103–114.

В. А. Маркевич

К ИСТОРИИ ХРАМА СВ. ПРП. СЕРАФИМА САРОВСКОГО НА СЕРАФИМОВСКОМ КЛАДБИЩЕ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

КАЖДЫЙ объект культурного наследия, как и человеческий индивидуум, сочетает самобытность и типичность. Неповторимый облик, уникальная историческая судьба архитектурных памятников притягивает, а за деталями его «биографии» исследователю открываются подлинная история города и страны.

Этот очерк посвящен небольшому временному отрезку из истории храма Св. прп. Серафима Саровского на Серафимовском кладбище. Изложенное здесь основано преимущественно на документах городских архивов, использованы исторические исследования, прежде всего работы крупнейшего специалиста по церковной истории XX в. М. В. Шкаровского¹, а также фундаментальный справочник о деятелях обновленческого раскола прот. В. Лавринова².

При закладке небольшого деревянного храма в Старой Деревне ничто не предвещало бурных событий. Церковь во имя недавно канонизированного прп. Серафима Саровского была построена на новообразованном кладбище³, которое, как и сам храм, находилось в ведении близлежащей Благовещенской церкви, одной из старейших в столичных пригородах (основана в 1762 г.). Приход был не богатый, но крепкий, с не слишком большим, но стабильным доходом, который, наряду с пожертвованиями прихожан и платами за требы, включал процент с капитала и арендную плату за землю, сдаваемую под огороды местным крестьянам⁴.

Храм, построенный в уединенном месте по проекту А. Ф. Барановского при участии Н. Н. Никонова и освященный 14 марта 1907 г., имел два придела — во имя св. мученицы Царицы Александры и Покрова Пресвятой Богородицы. Значительная часть икон и церковной утвари были пожертвованы благочестивыми прихожанами⁵. Как и в любой кладбищенской церкви, служившей для исполнения связанных с погребением и поминовением усопших обрядов, здесь не было регулярных богослу-

Благовещенская церковь в Новой Деревне. Открытка начала XX в.

жений. Социальный состав тех, кого на храмовом кладбище хоронили, — в основном крестьяне (66%) и мещане. Прочие категории — чиновники, дворяне, военные, духовенство, артисты и проч. — составляли не более 9%. Вопреки сложившемуся мнению, погребения жителей окрестных деревень составляли лишь 0,4%, так как местные обыватели предпочитали использовать старое, ныне утраченное Крестьянское кладбище; более состоятельные и пользовавшиеся почетом могли рассчитывать на место около Благовещенской церкви. 46,7% погребенных были выходцами из северо-западных и северных губерний, примерно пятая часть — из других частей империи; 2/3 погребенных составляли дети до 3 лет⁶.

Коренные изменения в установившемся порядке наступили после смены власти в октябре 1917 г. 2 февраля 1918 г. Декрет об отделении церкви от государства запретил религиозным обществам владеть собственностью и национализировал церковное имущество. По инструкции наркомата юстиции, разъяснявшей порядок применения принятого акта, запрещались попечительства, братства и прочие поддерживающие церковь организации. В интересах культа мог использоваться только складчинный капитал. Имущество церкви переходило к местным Советам и могло передаваться в безвозмездное пользование

жителям числом не менее двадцати, «двадцаткам»; этот термин сразу стал условным — в ее состав могло входить любое количество граждан, большее или равное двадцати. Церковь также лишалась права вести учет рождений, браков и смертей, метрические книги передавались в отделения загсов⁷.

Все эти меры с некоторым опозданием коснулись и Благовещенского прихода. 20 января 1919 г. Серафимовская церковь была передана по акту Комиссариату внутренних дел в лице «комиссара Федора Леонтьевича Михайлова». 20 из 27 десятин кладбищенской земли были отданы в аренду под огороды окрестным жителям.

По одному договору, содержавшему стандартные, предложенные властями условия, Благовещенская церковь и храм Св. прп. Серафима Саровского, подсобные строения и имущества в марте 1919 г. передавались «двадцатке». Под документом о передаче было поставлено 89 подписей⁸. В справке, составленной настоятелем Я. Журавским, указывается общее количество членов общины — 3161 душа⁹.

В процессе передачи была утеряна часть метрических книг. Из тех, которые имеют отношение к истории Серафимовской церкви, в настоящее время доступны только четыре. В 1922 г. проходило расследование, в ходе которого Журавский дал показания, что некто Макаров (возможно, имелся в виду Михайлов, чья подпись стоит под актом передачи) «явился и предъявил мандат на опись всего церковного имущества», которая и была проведена в течение пяти дней. С ним работал священник Михаил Иванович Ласкеев, ведший эти книги в течение более 40 лет. Расписку о получении книг комиссар не предоставил. Вскоре, 10 марта, Ласкеев скоропостижно скончался¹⁰. У нас нет оснований впрямую обвинять уполномоченного в смерти пожилого священника, вполне возможно, что его кончину ускорили переживания и напряженная работа последних дней.

В то время, несмотря на особенности передачи имущества, в церкви еще сохранялись какие-то ценные вещи. Опись, относящаяся к 1919 г., фиксирует в Серафимовской церкви «часы с боем» и четыре ковра¹¹. Список, подготовленный накануне изъятия церковных ценностей, составленный более подробно, не упускает и два серебряных предмета (чаша на медной под-

ставке и лжица)¹². В целом изъятия церковного имущества, массово шедшие в 1922 г., не очень сильно сказались на Серафимовской церкви, но лишь потому, что все ценные вещи прихода находились в Благовещенской церкви.

Возглавлявший Благовещенский приход в то сложное время Яков Львович Журавский (1879–1937) затем станет и первым настоятелем Серафимовской церкви. Прежде чем перейти к обстоятельствам разделения приходов, следует кратко рассказать об этом незаурядном священнике¹³, выходец из семьи псаломщика Витебской губернии, погибшем в ходе репрессий 1937 г. Он окончил духовную академию, служил епархиальным миссионером в столице. В характеристике епархиального начальства было сказано, что он имеет «ровный и благодушный характер», чужд фанатизма¹⁴.

Журавский принимает руководство в период, когда «не находилось других желающих взять на себя ответственность за судьбу храма»¹⁵, и относительно быстро выправляет ситуацию: через год в церкви было товару «на полмиллиона рублей, значительная наличность», появилась возможность нанять сторожа¹⁶. Однако, как только острая необходимость отпала, «эффективный менеджмент» начинает вызывать возмущение прихожан, привыкших к прежнему настоятелю, пожилому Павлу Пашскому, который в дореволюционное время долгие годы руководил приходом. В итоге общее приходское собрание смещает Якова Львовича в Вербное воскресенье 1920 г.¹⁷

В этот период в церкви идут активные обновленческие процессы, которым Журавский симпатизировал, чему, возможно, способствовало его общение с сектантами и иноверцами в ходе

Яков Львович Журавский, первый настоятель церкви Св. прп. Серафима Саровского на Серафимовском кладбище

его миссионерской деятельности. С 1922 г. он, уже отставленный от руководства приходом, формально примкнул к одному из его направлений — Живой церкви. В мае 1923 г. Яков Львович возглавил «двадцатку» храмов упраздненного Иоанновского женского монастыря.

После закрытия церкви при монастыре Журавский ходатайствует о том, чтобы его «двадцатке» был предоставлен новый храм — Серафимовская кладбищенская церковь. В ее составе — 24 человека: 8 мужчин (в основном связанные с сельским хозяйством люди, а также сам Журавский и два брата-химика) и 16 женщин (домохозяйки, рабочие, крестьянки, есть счетовод и массажистка)¹⁸. Прошение было удовлетворено. 15 декабря 1923 г., после передачи имущества в пользование новой общине¹⁹, образуется и новый приход, относящийся к обновленческому Союзу древнеапостольской церкви, более известному как Живая церковь.

Передача имущества не прошла гладко. В архиве сохранилась докладная записка хозяйственного коменданта Новодеревенского района с просьбой «сделать защиту красному священнику Журавскому», поскольку остальные местные священники «придерживаются чисто белогвардейских взглядов» и проводят «тайные собрания». Стиль ее заслуживает цитирования: «Вечером мною было устроено наблюдение за домом, и оказалось, что вся эта свора собралась в квартире, где происходила следующая картина: все, обнажа головы, со свечами в руках и что-то предпринимали, и когда было замечено, что за ними следят, то огонь был погашен, расслышать тему их беседы не представлялось возможным. Пользуясь отдаленностью от церкви в Старой Деревне, эта сволочь что-то проделывает»²⁰.

М. В. Шкаровский характеризует идеологию живоцерковников как «рецидив политики Победоносцева», стремление содействовать сращиванию церкви и государства. Их лозунг был: «Освободите священника от власти монаха-архиерея и мирянина-кулака!»²¹ Не удивительно, что сторонники этого движения пытались искать поддержку новой власти, но эти ожидания не оправдались: Живую церковь, как и обновленчество в целом, «административный ресурс» не поддержал²². К новому приходу применяют в полной мере все введенные ограничения.

В 1924 г. проходит суд над секретарем «двадцатки» Любовью Ефимовной Ивановой, массажисткой больницы им. Эрисмана, которая «разрешала вносить гробы с заразными покойниками» в храм. Ее приговорили к работам на один месяц. Но главное — принято решение ликвидировать «двадцатку» и конфисковать имущество. Потом, правда, по жалобе Ивановой дело было пересмотрено, приговор отменен в полном объеме, поскольку сочли, что следствие проведено с недостаточной полнотой²³. Есть сведения о том, что Журавский еще в 1923 г. сам подвергался аресту, но был отпущен²⁴. Проходят регулярные проверки состояния здания, выносятся административные предписания по исправлению выявленных недостатков²⁵. Всё это сказывается на прихожанах. В течение 1924 г. из состава «двадцатки» выходит 8 человек. В одном из заявлений о выходе указана причина — «ввиду твердо установившихся убеждений, идущих в разрез религиозных основ»²⁶.

10 августа 1925 г. Серафимовская церковь подвергается ограблению, похищены все иконы иконостаса и запрестольный образ главного алтаря, иконостаса правого придела, «ниспровергнут иконостас». Вызванная собака привела к гражданину Новой Деревни Холину, имеющему слесарную мастерскую и «двух недоброй репутации сыновей». По заявлению потерпевшей стороны, похищенное материальную ценность не представляет, более ценные иконы остались на стенах, а задачей злоумышленников было привести храм «в состояние невозможности совершить в нем богослужение», а «вора направляла рука лиц, заинтересованных в том, чтобы из этого храма были выкурены живоцерковники»²⁷. Возможно, высказанные горькие обвинения и не соответствовали действительности: церковь и ранее подвергалась ограблениям и разгромам²⁸, несколько раз грабили и считавшуюся более богатой Благовещенскую церковь. Сам факт ограбления усугублялся тем, что приход был обязан возместить государству стоимость похищенного, так как оно считалось его собственностью, а община выступала как безвозмездный владелец.

В целом, несмотря на большие сложности и проблемы, общине Серафимовской церкви в течение 1920-х гг. удается держаться на плаву, хотя туда приходит все меньше людей и финансовое

Церковь Св. прп. Серафима Саровского на Серафимовском кладбище. Общий вид. Интерьер. Старые фотографии

состояние очень скудное — даже в сравнении с соседним Благовещенским приходом. Несмотря на это, комиссиями состояние храма признается удовлетворительным. Однако близятся еще более тяжелые времена. В конце 1929 г. ограничительные меры властей постепенно ужесточаются, надзор за деятельностью церкви усиливается. Общее ухудшение ситуации для прихода совпало с организационными изменениями — в храм приходит новый настоятель. Это — Владимир Красницкий, один из наиболее крупных деятелей обновленчества и глава Живой церкви. Однако этот и другие сюжеты, связанные историей Серафимовской церкви в 1930-е гг., уже выходят за рамки данной статьи и, надеюсь, будут рассмотрены в дальнейшем.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что моей задачей было не предоставление материала для морально-этических оценок не до конца изученных страниц нашей истории, а возможность почувствовать эпоху во всей многогранности и сложности и еще раз привлечь внимание к одному из памятников нашего города, на фоне которого развивались столь драматические события, — храму Св. прп. Серафима Саровского на Серафимовском кладбище.

Примечания

¹ Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999. *Он же*. Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917–1945. СПб., 1995.

² Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.

³ Указ Священного Синода от 23.08.1904 № 4462.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4361. Л. 75–75 об.

⁵ Более подробную информацию об истории создания храма можно найти в справочнике: Храмы Петербурга: справочник-путеводитель / [авт.-сост. А. В. Берташ и др.] СПб., 1992.

⁶ Данные 1910 г., подсчет проведен автором статьи по данным метрических книг Благовещенской церкви. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2432.

⁷ Шкаровский М. В. Петербургская епархия... С. 33.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 105. Л. 3–10.

⁹ Там же. Л. 49.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 106. Л. 79–79 об.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 105. Л. 22–22 об.

¹² ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 106. Л. 92.

¹³ Подробнее его биография рассмотрена в статье: *Маркевич В. А.* Яков Журавский — первый настоятель Серафимовской церкви в Новой Деревне // Открытые слушания «Института Петербурга»: ежегодные конференции по проблемам петербурговедения, 2019–2020 гг. / сост. А. В. Князькина; ред. С. Д. Мангутова. СПб., 2021. С. 119–129.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 628. Л. 3.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1337. Л. 1 об.

¹⁶ Там же. Л. 1 об.–2.

¹⁷ Там же. Л. 98.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 110. Л. 5.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1337. Л. 11.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 110. Л. 4–4 об.

²¹ *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение... С. 101–103.

²² Подробно и основательно эта тема рассмотрена у М. В. Шкаровского. См.: *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение...

²³ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 110. Л. 39–41.

²⁴ *Лавринов В. В.* Обновленческий раскол... С. 245.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 110. Л. 1, 18.

²⁶ Там же. Л. 18, 19, 34.

²⁷ Там же. Л. 81.

²⁸ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 4. Л. 54. 7 июля 1923 г. «воры проникли в северный алтарь, разбили окно над дверью», «похищено две старых завеси от царских врат, вся же остальная утварь, не представляющая ценности, медная, валяется по полу».

БУДУТ ЛИ ВОССТАНОВЛЕНЫ ТЕРРАСНЫЕ ФОНТАНЫ В ПЕТЕРГОФЕ?

СКОЛЬКО фонтанов в Петергофе? С таким, как оказалось, весьма популярным вопросом я обратился в поисковую систему Интернета. Узнал, что в Петергофе более сотни фонтанов, за что он и получил прозвище Русский Версаль. Кто-то уточнил — 147 фонтанов. Нет, возражает еще один аноним: в Петергофе насчитывают около 173 фонтанов и 4 каскада. Если их «около 173», то это означает, что, дойдя до этой цифры, человек сбился со счета. Другой любитель точных знаний убедился, что всего в Нижнем парке представлено 4 каскада и 191 фонтан, с учетом водометов каскада. «Погуглив» еще немного, я получил совет самому заняться подсчетом. Это не трудно, но пусть интригующая загадка и дальше влечет к себе пытливые умы. Мне же хочется напомнить о печальной участи десяти не доживших до наших дней водометов. Попробуем разобраться, что произошло и можно ли их вернуть на прежнее место.

В 1718 г. итальянский архитектор Н. Микетти принял приглашение Петра I поступить на службу в России. В 1719 г., после неожиданной кончины «генерал-архитектора» Ж. Б. Леблона, архитектор Н. Микетти продолжил начатые Леблоном работы, в том числе в Петергофе. В 1721 г. был построен канал, по которому вода с Ропшинских высот бесперебойно поступала в Петергоф. Петр получил возможность создать небывалую водную феерию. Многочисленные фонтаны должны были появиться как в Верхнем, так и в Нижнем саду.

К числу самых замечательных относится проект Н. Микетти поставить на земляных террасах по сторонам Большого каскада ни много ни мало 84 разнообразных водомета в ряд с фигурно подстриженными деревцами! Представление об этом грандиозном замысле дает гравюра Степана Коровина (1724 г.)¹.

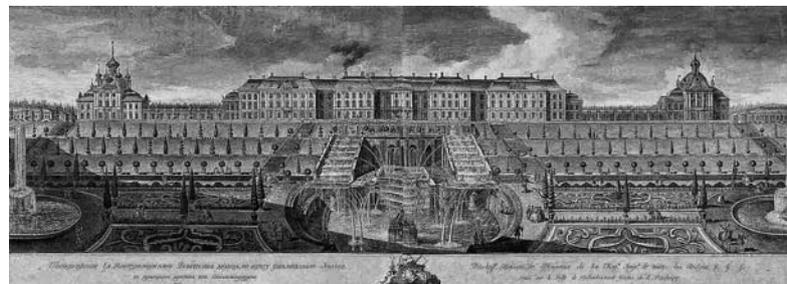
Возможно, Микетти повторил свой же проект, предназначавшийся для дворцового ансамбля в Стрельне. Государь отказался

от строительства фонтанов в Стрельне, да и в Петергофе не успел до конца осуществить задуманное. Ближайшие преемники Петра — Екатерина Алексеевна, Петр II, Анна Иоанновна — о фонтанах на террасах не помышляли, как и Елизавета Петровна, для которой Ф. Б. Растрелли построил Большой дворец на всю ширину земляных террас.

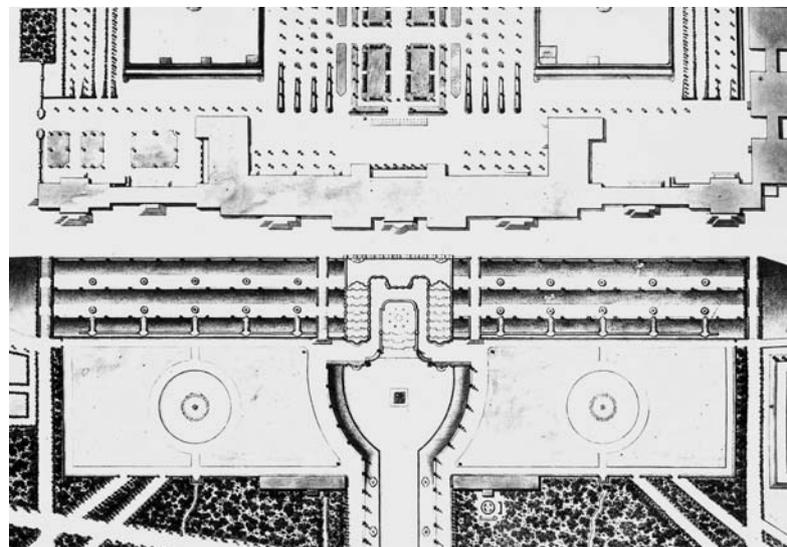
На первый взгляд кажется, что проект Микетти — чистая фантазия, так как невозможно разместить на террасах такое количество фонтанов². Но, судя по гравюре 1761 г. с рисунка М. И. Махаева (1755 г.) «Панорама Большого Петергофского дворца», именно на местах, предназначенных Микетти для фонтанов, были высажены (на нижней террасе поставлены в кадках) 84 дерева.

Екатерина II признавалась, что не любит Петергоф. Отдавая должное его красотам, она не могла забыть, сколько унижений претерпела от супруга, который назначил ей Петергоф местом своеобразной ссылки. Если верить чертежу из альбома П. В. Неелова, в конце ее царствования террасы почти исчезли, а на пологом склоне росли одиночные ели³. Придя к власти, Павел I обратил внимание на запустение приморской резиденции. Император приказал заменить на Большом каскаде обветшавшие свинцовые фигуры на позолоченные бронзовые. В 1800 г. на восстановленных террасах появились 20 круглых фонтанов, а на нижнем склоне — 10 каскадов со свинцовыми, тонированными под золоченую бронзу маскаронами «Тритон» и «Нимфа». Н. И. Архипов полагал, что автором проекта мог быть А. Н. Воронихин. Однако, возможно, проект принадлежал архитектору Ф. Броуэру, под руководством которого построены эти фонтаны. В альбоме чертежей управляющего петергофской фонтанной системой Ф. И. Вистингаузена 1824 г. есть два плана, на одном из которых показаны террасные фонтаны и каскады, а на другом — кроме них еще и разводка водопроводных труб⁴. Н. И. Архипов установил, что в 1826 г. каскады были переделаны: число ступенек сократилось с семи, как это и показано на чертеже из альбома 1824 г., до нынешних четырех.

В 1845 г. Николай I совершил поездку в Италию. Какое глубокое впечатление произвела на него эта страна, можно судить по

Н. Ф. Челноков, П. А. Артемьев. Панорама Большого Петергофского дворца. Гравюра 1761 г. по рисунку М. И. Махаева 1755 г. Альбом «Виды окрестностей Санкт-Петербурга». СПб., 1761

Ф. И. Вистингаузен. Петергоф. Чертеж с изображением террасных фонтанов. 1824 г. Альбом Петергофа Вистингаузена, 1820-е гг. ГМЗ «Петергоф». ПДМП-5430 ар

тому, что вскоре под северным небом появляются здания в духе античных villas и дворцов эпохи Ренессанса.

В 1858 г., после окончания строительства Исаакиевского собора в Петербурге, на складах петергофской Гранительной

Общий вид Большого каскада в Петергофе

фабрики осталось много блоков каррарского мрамора. Архитектор А. И. Штакеншнейдер использовал его при строительстве Царицына павильона, дворца Бельведер, Львиного каскада. Хватило мрамора, чтобы облицевать и Воронихинские галереи, поставить «Мраморные скамьи» (фонтаны «Нимфа» и «Даная») в углах Большого партера и переделать почти все петергофские фонтаны: Французский, Итальянский, Оранжевый, «Пирамида», пять фонтанов в Монплезира саду. Однако запасы подошли к концу, а разразившаяся Крымская война (1853–1855 гг.) и ее последствия сделали невозможной поставку мрамора из Италии на многие годы. На Морском канале удалось заменить на мраморные только 14 Нишельных фонтанов, а остальные 8 водометов за Малибановой аллеей так и остались в прежнем виде: с бассейнами из известняка в форме «лодочек».

Неудача постигла и Н. Л. Бенуа. Приступив к перестройке Большого каскада, он не смог завершить отделочные работы. Архитектор, так же как до него А. И. Штакеншнейдер, подавший свой проект перестройки Большого каскада, предлагал облицевать грот мрамором. Пришлось отказаться от устройства мраморных полов в помещениях грота и мраморной площадки

перед ним (она так и осталась закатанной в асфальт), а стены и своды грота были просто покрашены по кирпичу. Не были восстановлены даже разобранные колонны на фасаде грота! В таком неприглядном виде Большой каскад простоял почти полтора века до его реставрации в конце 1990-х гг.

Подобное произошло и с террасными фонтанами: каррарского мрамора на Гранильной фабрике хватило на то, чтобы заменить 10 нижних фонтанов и каскадов, а водометы на верхней террасе были снесены, да так и не восстановлены. Но о них не забыли. В 1970–1980-х гг. на всей территории Нижнего сада были проведены археологические раскопки. Программа, составленная сотрудниками ГМЗ «Петергоф» и института «Ленпроект» (9-я мастерская), включала в себя изучение утраченных

В. А. Коренцвит
на раскопках
фонтана на верхней
террасе (второй
от западного края
западной террасы).
1982 г. Институт
«Ленпроект-
реставратор».
СНПОР. Рег. № 82212

Раскопки фонтана
на верхней
террасе (второй
от западного края
западной террасы).
1982 г. Институт
«Ленпроект-
реставратор».
СНПОР. Рег. № 82211

Петергоф. Большой каскад. Западная терраса. Выход коллектора, в котором в 1941 г. спрятали скульптуру. Фотография 2020 г.

памятников «малых архитектурных форм»⁵. В обширном списке значились и террасные фонтаны. На западной верхней террасе с помощью шупа (металлического стержня) под дерном на глубине около 30 см выявлены строительные остатки фонтанов. Один из них, второй от западного края западной террасы, был раскопан целиком⁶.

Кирпичное основание фонтана сохранилось достаточно хорошо. Как и предполагалось, чаша имела такие же размеры, как и восстановленные в мраморе фонтаны на нижней террасе.

В 2013 г. в газетной статье «Мечта о мраморных фонтанах» я напомнил общеизвест-

ный факт, что нашедший широкое применение в реставрации мрамор с месторождения Коелги в Челябинской области, ни в чем не уступает лучшим сортам каррарского мрамора⁷. В. В. Знаменов, с которым я успел обсудить мою статью, весьма скептически отнесся к перспективе восстановления фонтанов на террасах, по крайней мере в обозримом будущем. Но что важно, принципиального возражения ни от него, ни от кого-то другого я не слышал. При взгляде на панораму Большого дворца становится очевидно, что уничтожение фонтанов на верхней террасе оправдать нельзя.

Позволю высказать свое мнение: их восстановление необходимо как с эстетической точки зрения, так и в качестве дани уважения к творцам Петергофа.

Примечания

¹ В 1725 г. Коровин подал в Сенат проект устройств типографии, в котором, в частности, писал: «...в прошлом 1724 году в июле м[е]с[я]це [Его Императорское величество,] будучи в Петергофе, изволил указать архитектору Михайло Земцову чертить всем строениям домов Его Императорского величества проспекты, виды, фасады, профили, партеры, фонтаны и прочее, как Петергофского, так Монплеизирского, Стрелнинского, Ревельского и прочих домов. А мне, нижайшему, по принятии от него тех чертежей указал их вырезывать. Из которых у меня, нижайшего, вырезано пять досок, а именно: две доски Монплезира, три доски Петергофа...». Петров П. Н. Библиографические записки. СПб., 1861. № 18. С. 543–548.

² Н. А. Архипов полагал, что Микетти разработал проект украшения террас 96 фонтанами с вазами семи типов. Архипов Н. И., Раскин А. Г. Петродворец. Л.; М., 1961. С. 74.

³ Генеральный план всему Петергофу. Альбом Петергофа П. В. Неелова. 1797 г. // ГМЗ «Петергоф». ПДМП. Инв. № 4619/1.

⁴ Альбом Петергофа Вистингаузена. 1820-е гг. // ГМЗ «Петергоф». ПДМП. Инв. № 5430 ар.

⁵ Институт «Ленпроектреставрация» в Петергофе на территории Нижнего сада провел раскопки на объектах: павильон «Темпль», Оранжерейный погреб и Оранжерейный фонтан, Нишельные фонтаны на Морском канале, Большой каскад, трельяжные беседки у фонтанов «Адам» и «Ева», Монплеизирский сад, сады Венеры и Бахуса, плантаж у дворца «Эрмитаж», земляной «Амфитеатр», колоннада «Кривые галереи», террасные фонтаны. В парке «Александрия» — дворец А. Д. Меншикова «Монкураж», в Английском парке — Березовый домик, Второй Английский дворец, усадьба Дж. Кваренги. См.: Коренцовит В. А. Отчеты об археологических исследованиях в Нижнем саду Петродворца в 1976–1982 гг. (12 частей). ГМЗ «Петергоф». Р 271–276 и пр.

⁶ Коренцовит В. А. Отчеты об археологических исследованиях в Нижнем саду Петродворца в 1981–1982 гг. Л., 1984 (части 9–12). Часть 11: Большой каскад. Большой партер. Земляные террасы. ГМЗ «Петергоф». Р 136 а; ВУ 6758.

⁷ Коренцовит В. А. Мечта о мраморных фонтанах // Санкт-Петербургские ведомости. 19.07.2013 г. № 28 (1260).

А. Л. Потравнов, Т. Ю. Хмельник

ТАИЦКИЙ ВОДОПРОВОД В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

ИЗУЧЕНИЮ истории водоснабжения Царского Села долгое время не уделялось серьезного и пристального научного внимания. Такой подход отрицательно сказался на точности и объективности опубликованных сведений. Особенно серьезным искажениям подвергалась история Таицкого водопровода после того, как начиная с 1906 г. главным источником водоснабжения Царского Села и Павловска стал вновь построенный Орловский напорный водопровод.

В различных публикациях, посвященных истории Царского Села и его водоснабжению, можно встретить такую — весьма краткую — характеристику этого периода: «После того как Таицкий водопровод перестали использовать для питьевого водоснабжения, прекратились ежегодные ремонты, и он начал приходить в упадок»¹. В своей ранее опубликованной работе, посвященной краткому описанию истории строительства и эксплуатации Таицкого водопровода в период с 1772 г. до начала XX в., периоду 1906–1917 гг. мы, к сожалению, не уделили должного внимания, указав только, что в это время были уложены керамические трубы².

Этой статьей мы хотим устранить явную несправедливость по отношению к уникальному инженерно-техническому сооружению, которое входит в перечень объектов мирового культурного наследия ЮНЕСКО, и рассказать о последних десятилетиях эксплуатации Таицкого водопровода.

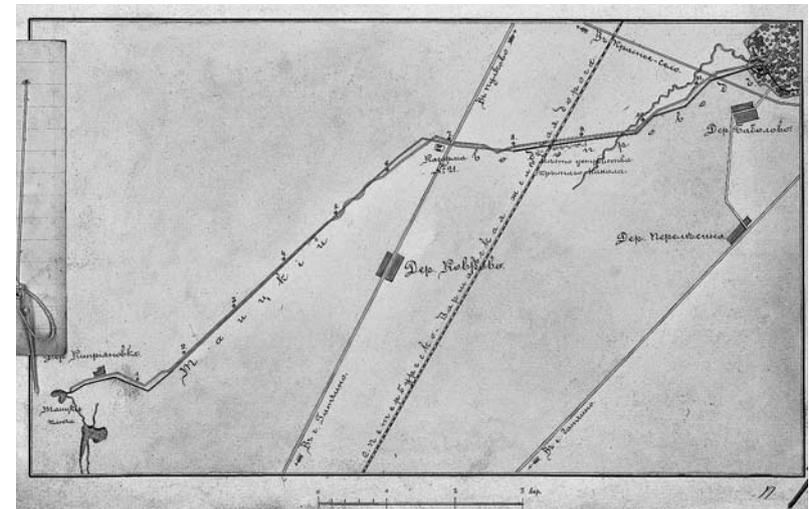
Ремонт и эксплуатация водопровода в период 1907–1917 гг.

После начала постоянной эксплуатации Орловского водопровода, с 7 ноября 1906 г. (первый пробный запуск состоялся в феврале 1905 г., но уже в сентябре произошла приостановка его работы более чем на один год с целью устранения выявленных недостатков)³, главными задачами Таицкой водоподводящей системы оставались:

- освежение прудов Царского Села и Павловска;
- подача воды для нужд царскосельской электростанции;
- выполнение функции резервного источника водоснабжения на случай поломки основного (Орловского водопровода).

Было принято решение начать работы по капитальному ремонту Таицкого водопровода, и в 1908 г. на эти цели был выделен кредит в 25 000 рублей, однако согласованную и утвержденную проектно-сметную документацию быстро подготовить не успели⁴.

Первым делом вместо существовавшего открытого канала, большей частью прикрытого деревянными настилами, решили уложить «керамиковые» (керамические) трубы. При этом укладывать трубы и закрывать открытый Бауэровский канал в Баболовском парке даже не собирались: «Что касается работ в пределах Императорского парка, то закрывать открытую канаву не предполагается, руководствуясь Высочайшим повелением, а только привести в порядок»⁵. Начать работы по капитальному ремонту решили с верхней части водопровода. На участке от д. Куприяновки до начала «минной галереи» изначально

План Таицкого водопровода. Начало XX в.
РГИА. Ф. 1487. Оп. 39. Д. 89. Л. 1

предполагалось уложить 445,6 погонных саженей (950 м) керамической трубы диаметром 24 дюйма (61 см)⁶. По расчетам, такой диаметр обеспечивал прохождение максимального объема в размере 852 000 ведер воды в сутки (10 480 куб. м/сут, или 0,12 куб. м/с).

Для начала 11 февраля 1911 г. было принято решение уложить трубы только на одном участке протяженностью 210 погонных саженей⁷. Подрядчиком на поставку керамических глазурованных труб стал инженер Н. И. Ливчак. 30 марта 1911 г. была освидетельствована первая партия труб в количестве 201 штуки⁸.

Кроме приемки и освидетельствования, разрабатывалась и методика укладки этих труб. Проектом предусматривалось, чтобы трубы укладывались на песчаную подсыпку, а после того, как стыки будут заделаны и залиты асфальтом, трубы с боков и сверху следовало осыпать сначала песком, а затем глинистой землей толщиной не менее 6 футов (1,8 м). Для контроля за состоянием и прочистки труб через каждые 50 саженей должны были устанавливаться смотровые железобетонные колодцы диаметром 36 дюймов (91 см)⁹.

Работы по укладке керамических труб на первом участке закончились осенью 1912 г. После этого было принято решение уложить трубы на следующем участке протяженностью 235,6 погонной сажени, общей стоимостью работ 16 384 рубля 96 копеек¹⁰. Подрядчиком в этой работе выступил Р. С. Андронов. На последнем участке открытого канала до начала кирпичного коллектора Герарда протяженностью 454 погонные сажени (967 м) ремонт делать уже не стали.

Фрагмент
керамической трубы
укладки 1913 г.
Фотография авторов,
2020 г.

При осмотре авторами статьи участка Таицкого водопровода, от бывшей д. Куприяновки до входа в минную галерею, в 2020 г. в нескольких доступных местах были обнаружены обломки керамических труб. Никаких клейм завода-изготовителя на этих фрагментах обнаружено не было. На участке, который укладывал подрядчик Андронов в 1913 г., авторами статьи были обнаружены фрагменты труб длиной 76 см (2,5 фута), что несколько превышает длину труб, поставленных инженером Ливчаком в 1911 г. для первого участка, — 1 аршин (0,71 см). Таким образом, можно предположить, что на этих двух участках использовались трубы разных производителей.

В следующем, 1914 г. начались проблемы, связанные с текущим ремонтом минной галереи, построенной в 1773–1787 гг. Рабочие, трудившиеся в тесном и душном подземелье, решили активно бороться за свои права. Они предъявили условия, на которых были готовы продолжить работы: «Мы, нижеподписавшиеся 13 января 1914 года мастера и подручные, согласны приступить к работам на таких условиях, чтобы каждого из нас застраховать в 10 000 рублей, поденная плата мастеров 3 руб. в день и подручным 2 рубля в день. Начало работы с 9 час утра до 5 час вечера без обеда». Мастера (подписи в документе рукописные, поэтому мы приводим имена и фамилии так, как смогли их разобрать) Иван Талпа, Фома Пелля, Гендрик Лакипу, Андрей Коцелайли. Подручные: Иван Лаппу, Петр Пелля, Адам Тюза, Потап Коцелайли¹¹.

Получив такое обращение, барон Фон-дер-Фляас сообщил своему руководству: «Прилагая при сем рапорт надзорщика Таицкого водопровода и заявление („расписку“) рабочих-мастеров минного дела, имею честь донести, что состояние минной галереи очень плохо, а работать в ней опасно, и потому какую-либо гарантию рабочим дать нужно. Конечно, о десяти тысячах не может быть и речи... При этом размер такой гарантии я полагаю определить не свыше 3000 руб. <...> Такая моя просьба вызвана необходимостью иметь определенные данные для переговоров с рабочими. Так как местные рабочие, очевидно, теперь не пойдут на уступки, то я выписал двух минеров из Средней Азии, которые и могут начать работу, после чего и местные рабочие будут уступчивее»¹².

Судя по всему, переговоры с рабочими завершились компромиссным решением, так как ремонт продолжился. Вскоре после этих событий, 24 февраля 1914 г., Фон-дер-Фляас предлагает покрывать деревянный состав крепей противогнильным веществом: «Мне рекомендуют апексиор № 5, но ввиду того, что этот состав еще мною не мог быть испытан, т. к. на это требуется более года, то апексиор № 5 для пропитки дерева можно приобрести лишь для опыта. Прошу разрешить мне купить 100 кгрм на сумму 295 руб.»¹⁵. Это сообщение очень интересно именно тем, что здесь впервые указывается на поиск решения по предотвращению гниения деревянных крепей, находящихся под землей, в сырости и постоянном контакте с питьевой водой. В 1915–1916 гг., несмотря на войну, работы по поддержанию водопровода в исправном состоянии продолжались.

Водопровод в период с 1918 по 1940-е гг.

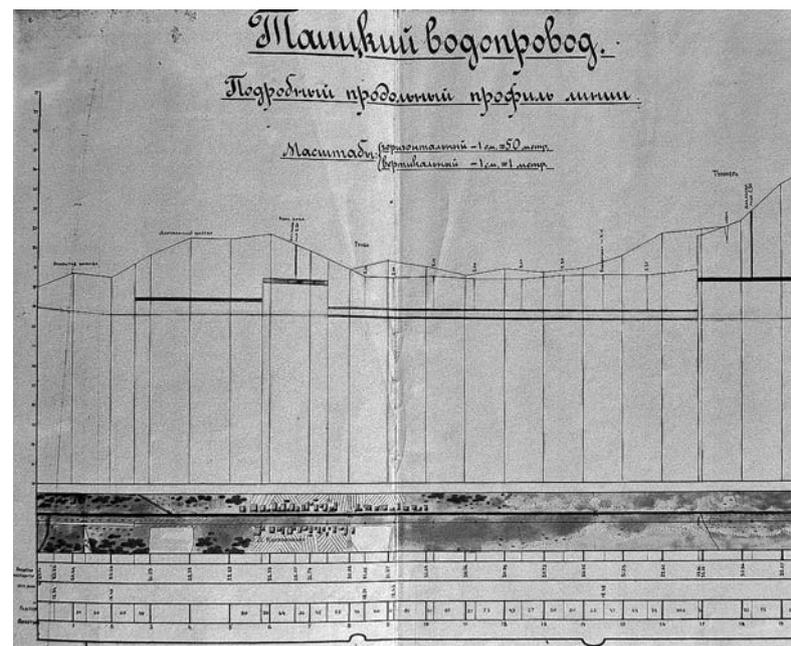
После революции и до 24 января 1920 г. Таицкий самотечный водопровод находился в ведении Комиссариата путей сообщения, а точнее — Балтийско-Мариинского областного управления водного транспорта. Решение о передаче этого сооружения (в составе других водопроводов) Детскосельскому совнархозу было принято 21 июля 1919 г.¹⁴ В штатном расписании водопроводной команды на этом сооружении к декабрю 1919 г. в наличии числилось всего два сторожа, а другие пять должностей считались вакантными¹⁵.

Таким образом, к 1920 г. Таицкий водопровод продолжал действовать и объем ремонтных работ, необходимых для обеспечения его дальнейшего функционирования в рабочем режиме, был относительно невелик. При осмотре водопровода специальной комиссией в сентябре 1922 г. были обнаружены свежие провалы по трассе минной галереи, а также обрушение деревянного акведука в верховьях системы, который в 1919 г. отмечался как ветхий¹⁶. Вывод комиссии был однозначным: «Разрушаемое состояние Таицкого водопровода, отсутствие надзора и ремонта быстро приведут его в полную негодность и пруды г. Детского Села, а отчасти и г. Павловска останутся без пополнения их проточную ключевой водой, а на случай остановки или порчи

Орловского напорного водопровода — население — без чистой питьевой воды. Пруды уже начинают „цвести“»¹⁷.

В июне 1925 г. в ходе очередного осмотра был определен перечень необходимых работ: устройство ограждений, ремонт минной галереи, акведука и обрушений на каменных трубах и пр. Ремонт решили производить за счет общественных работ Губернского отдела труда, а сметная стоимость составила 66 658 рублей 73 копейки¹⁸. В качестве производителя работы было назначено Губернское земельное управление в лице инженера А. А. Гильбига¹⁹. В июле того же года техник Бурцев составил подробный продольный профиль водопровода на всем его протяжении от ключей до Орловских ворот, с указанием провалов и мест разрушения кладки кирпичных труб²⁰.

В июне 1925 г. на ремонтных работах были задействованы в основном чернорабочие: 12 июня — 74 человека, 15 июня —

Фрагмент чертежа Таицкого водопровода 1925 г.
ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 31. Д. 1130. Л. 6

89 мужчин и 2 женщины. При этом квалифицированных рабочих было всего двое, а высококвалифицированных — один²¹. А на работы по ремонту крепей минной галереи уже привлекли квалифицированных шахтеров. Например, 25 августа 1925 г. их числилось 38 человек²². К 1 октября 1925 г. было выполнено 46,5% от общего запланированного объема работ и выработано 19 602,53 урока (нормы). При этом отработано 3285 человекодневней высококвалифицированного и квалифицированного персонала и 6852 неквалифицированного²³. Работы закончили летом следующего года. 6 июля 1926 г. был составлен Акт о выполненных работах по ремонту Таицкого водопровода²⁴. Перечень работ в этом акте несколько отличается от тех работ, которые указывались год назад, — их было выполнено немного больше. Но что немаловажно, была решена самая трудная и главная задача: вода могла идти от Таицких ключей до Орловских ворот в полном объеме и без потерь. Таким образом, в 1926 г. самое сложное инженерное сооружение Таицкого водопровода — подземная минная галерея (наибольшая глубина от поверхности земли около 16 м), в которой находилось более 11 000 деревянных рам, — была полностью отремонтирована и прочищена, в том числе от 13 обвалов, восстановлены 63 смотровых колодца. Приемная комиссия отметила, что с учетом сложностей работа «может быть признана удовлетворительной и целесообразной»²⁵.

Поднимался вопрос и об установлении зон санитарной охраны водопровода. В отчетах комиссии указывалось, что во время обследования были выявлены многочисленные примеры загрязнения чистой воды именно в деревнях, через которые проходит водопровод. Отмечалось, что отдельные домохозяйства сбрасывают в канал помет и мусор. Практически все крестьяне в жаркую погоду использовали прохладную воду канала в качестве холодильника — ставили в канал кувшины с молоком и пр.²⁶

Однако главное решение — постоянное техническое обслуживание минной галереи, которое было необходимо для поддержания водопровода в рабочем состоянии, — так принято и не было.

По косвенным сведениям, в 1932 г. в минной галерее начали происходить серьезные обвалы, в результате которых приток

воды резко ограничился. В 1934 г. приняли решение не восстанавливать старую схему подачи воды, а построить новую систему водоснабжения. Этот проект предусматривал объединение всех трех групп ключей в районе усадьбы Тайцы: Таицких (дебит 15 000 куб. м/сут), Демидовских (дебит 12 000 куб. м/сут) и Орловских (дебит 20 000 куб. м/сут) с прокладкой второй нитки напорного водовода диаметром 600 мм²⁷. Однако финансирование этого проекта шло по остаточному принципу, поэтому дублирующую систему водоснабжения до начала войны так построить и не успели²⁸. В 1940 г. было проведено последнее предвоенное обследование Таицкого водопровода. Большая часть сооружений — гроты, открытые каналы, керамическая труба — нареканий не вызывали, они находились в удовлетворительном состоянии. О подземной части — минной галерее — авторы обследования написали в том числе и так: «Имеются ли сейчас сплошные разрушения отдельных участков тоннеля — с полной уверенностью сказать нельзя... При наблюдении в колодцах течение воды не замечается, но нет и признаков застойных явлений (вода в колодцах не загнивает). Наоборот, в месте выхода тоннеля можно наблюдать постоянное течение, что говорит о наличии расхода, идущего по тоннелю. Очевидно, что эта вода не из Таицких источников, а местный грунтовый сток»²⁹. Были зафиксированы и следы умышленного разбора фрагментов кирпичных коллекторов местным населением³⁰. Таким образом, стало вполне очевидно, что функционирование Таицкого водопровода на всём его протяжении от Таицких ключей до Орловских ворот после 152 лет работы окончательно прекратилось. И затем оно уже никогда не возобновлялось.

Примечания

¹ Степаненко И. Г. Инженеры — создатели царскосельской гидросистемы // От «царского огорода» к музею-заповеднику: сб. ст. СПб., 2018. С. 122.

² Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. Из истории строительства и эксплуатации Таицкого водопровода // Спелелогия и спелестология: Мат-лы VIII междунар. науч. конф. Набережные Челны, 2017. С. 324.

³ Там же.

ИСТОРИЯ МРАМОРНОГО ДВОРЦА В 1917–1935 ГОДАХ — ДО ПРИЗНАНИЯ ЕГО ПАМЯТНИКОМ АРХИТЕКТУРЫ

МРАМОРНЫЙ дворец — памятник архитектуры второй половины XVIII в., расположенный на Дворцовой набережной Невы, был построен по проекту итальянского архитектора А. Ринальди. Уникальные для Петербурга фасады и часть интерьеров, выполненные из различных пород природного камня, сохранились в почти первозданном виде и представляют собой редкий пример архитектуры раннего классицизма в России.

Каждое здание-памятник создается и существует в определенных общественных и экономических условиях. История существования Мраморного дворца является в определенном смысле отражением тех общественно-политических условий, которые послужили причиной как его создания, так и последующего бытования. Мраморный дворец к началу XX в. представлял собой великокняжескую резиденцию, в которой проживали уже несколько поколений одной из ветвей дома Романовых — рода великих князей Константиновичей.

Изменение политического строя в России в марте 1917 г. оказало влияние на все стороны жизни в нашей стране. Пришедшее к власти Временное правительство провело реформу Министерства императорского двора и уделов, в ведении которого находились все императорские и великокняжеские дворцы и усадьбы¹. Недвижимое имущество свергнутой династии Романовых было разделено по следующему принципу: императорские дворцы, находившиеся ранее в распоряжении царствующего императора, такие как Зимний, Царскосельский и другие, были национализированы, а великокняжеские дворцы и усадьбы были признаны частной собственностью их владельцев — великих князей Романовых. Одновременно правительство национализировало Уделы и прекратило все выплаты членам свергнутой династии Романовых, что обернулось им неотложными финансовыми проблемами. Един-

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 95. Д. 2392. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 109.

⁶ Там же. Л. 51.

⁷ Там же. Л. 52.

⁸ Там же. Л. 118.

⁹ Там же. Л. 155.

¹⁰ Там же. Л. 235.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 95. Д. 2379. Л. 7.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 391. Оп. 11. Д. 2. Л. 70.

¹⁵ Там же. Л. 74.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 4352. Оп. 1. Д. 227. Л. 10.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 3589. Л. 31.

¹⁹ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 31. Д. 1130. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 3589. Л. 24, 26.

²² Там же. Л. 109.

²³ Там же. Л. 388.

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 132. Оп. 11. Д. 117. Л. 3–4.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ Там же. Л. 10.

²⁷ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 29. Д. 675. Л. 22.

²⁸ Там же. Л. 23.

²⁹ ЦГАНТД СПб. Ф. 386. Оп. 37. Д. 36. Л. 19.

³⁰ Там же. Л. 21.

ственным решением была продажа великокняжеских дворцов и хранящихся в них художественных и исторических коллекций.

В период правления Временного правительства в Мраморном дворце с согласия его владельцев размещается Министерство труда. Одновременно велись интенсивные переговоры о продаже дворца и коллекций, в нем хранившихся, в государственную собственность. Эти переговоры успешно завершились 17 октября 1917 г.² Следовательно, Мраморный дворец становится государственной собственностью еще до прихода советской власти.

В составе нового правительства России Совета народных комиссаров (СНК), пришедшего к власти в октябре 1917 г., создается Народный комиссариат труда РСФСР, который помещается в Мраморном дворце. Так, уже 10 декабря 1917 г. управление дворцом передали представителю Народного комиссариата труда И. И. Коваленко³. Весной 1918 г. (10 марта) СНК покидает Петроград и переезжает в Москву. В опустевшем Мраморном дворце остаются только лишённые всех гражданских и имущественных прав представители прежних владельцев, которые покидают его летом 1918 г. Уже 19 марта состоялась приемка Мраморного дворца отделом имуществ Комиссариата имуществ Республики, в ведении которого находилось бывшее Министерство императорского двора. Был составлен акт, в котором дана подробная характеристика как самого здания, так и элементов художественной отделки интерьеров, а также состояния инженерного оборудования и кровли здания. В заключении отмечена необходимость составления смет на текущий и капитальный ремонты всего здания для рассмотрения и для ассигнований в Комиссариат имуществ Республики⁴. Таким образом, Мраморный дворец находился в ведении Комиссариата имуществ Республики и за техническим состоянием здания и сохранностью имущества был установлен надлежащий контроль. Так, уже в апреле 1918 г. учреждается должность комиссара Мраморного дворца.

Затем, 13 июля 1918 г., издается Декрет СНК РСФСР «О национализации имущества низложенного Российского императора и членов бывшего императорского дома»⁵. Этот документ

окончательно закрепил правовой статус Мраморного дворца как государственной собственности.

Перед новой властью СНК после национализации дворцов-памятников истории и культуры, в стенах которых находились уникальные художественные коллекции, встала задача их использования и сохранности в новых общественно-политических условиях. На первом этапе существования советской власти было принято решение о музеефикации этих дворцов-памятников путем создания на основе хранящихся в них художественных и исторических коллекций историко-бытовых музеев. Мраморный дворец, в отличие от таких дворцов-памятников, как Фонтанный дом или Строгановский дворец, несмотря на свое уникальное художественное убранство и художественные коллекции, хранившиеся в нем, не был музеефицирован в рассматриваемый нами период. Причиной этого, вероятно, было размещение в его стенах государственного учреждения и, следовательно, восприятие его руководством страны как общественного здания. В этом его отличие от тех дворцов-памятников, которые до их национализации являлись частными жилыми зданиями, владельцы которых эмигрировали или были лишены всех гражданских прав.

Весной 1919 г. Мраморный дворец передается в ведение только что созданной Российской академии истории материальной культуры (РАИМК, позже переименована в ГАИМК)⁶. Академия возникает как преемница Императорской археологической комиссии. Дворец вместе с хранящимися в нем коллекциями и имуществом поступает в распоряжение нового государственного учреждения. Следовательно, академия должна была не только осуществлять сохранность коллекций и имущества, но и обеспечивать нормальную эксплуатацию зданий, производить текущие ремонты, отопление и т. д. Основной причиной катастрофического состояния фасадов и художественной отделки интерьеров и коллекций было отсутствие средств на отопление и текущий ремонт в первой половине 1920-х гг. Первые реставрационные работы на фасадах дворца стали проводиться лишь в 1922 г., тогда было выполнено аварийное укрепление и произведена реставрация доломитовых ваз, установленных на аттике Мраморного дворца. Также ГАИМК инициировала

реставрацию мраморного скульптурного декора на пилонах ограды Мраморного дворца. Эти работы были выполнены скульптором-реставратором Русского музея И. В. Крестовским в 1926 г.⁷

Одновременно началось стихийное приспособление Мраморного дворца для нужд большого научного учреждения. Парадные и жилые интерьеры дворца становятся кабинетами, хранилищами и т. д. Так, в бывшем Зимнем саду дворца обустраивается фотопавильон, для чего разбирают мраморный фонтан, находившийся в центре сада. В Белом (Готическом) зале помещается библиотека академии, Мраморный зал становится кабинетом председателя академии Н. Я. Марра, а затем залом заседаний академии.

Единственными интерьерами, не претерпевшими изменений в рассматриваемый период, оставались апартаменты последнего владельца Мраморного дворца великого князя Константина Константиновича, расположенные на первом этаже южного корпуса дворца с окнами на Миллионную улицу. В 1922 г. в Совет РАИМК поступило предложение из Пушкинского Дома Российской академии наук о создании в бывших личных апартаментах великого князя Константина Константиновича в Мраморном дворце мемориальной экспозиции, посвященной памяти многолетнего президента Академии наук, основателя Пушкинского Дома и поэта, публиковавшегося под криптонимом «К. Р.». Совет ГАИМК отклонил это предложение, но предоставил сотрудникам Пушкинского Дома возможность изучать хранившиеся здесь архивные материалы и библиотеку великого князя Константина Константиновича⁸. Затем, уже в 1924 г., из Народного комиссариата просвещения РСФСР поступило распоряжение о ликвидации бывших апартаментов великого князя Константина Константиновича⁹. К этому периоду относится передача рукописей, библиотеки и мебели, находившихся в кабинете Константина Константиновича, в Пушкинский Дом Академии наук.

В начале 1925 г. издается Декрет СНК РСФСР «Об утверждении списка научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного управления научных и научно-художественных учреждений

Народного комиссариата просвещения РСФСР». В прилагаемом к декрету «списке» Мраморный дворец не значился. Этот факт имел для сохранения Мраморного дворца пагубные последствия, так как Академия истории материальной культуры не получала финансирования на работы по сохранению уникального памятника архитектуры XVIII в.¹⁰ Так, в 1932 г. с крыши Мраморного дворца были сняты медная кровля и часть железной обрешетки, относящиеся ко времени строительства дворца, а также бронзовые колокола дворцовых курантов, венчавших часовую башню восточного фасада¹¹. В середине 1930-х гг. были утрачены и сами куранты, установленные здесь во время строительства дворца. Замена кровли проводилась с нарушением сроков проведения этих работ, что привело к многочисленным протечкам. Пострадали живописные плафоны, установленные в перекрытии парадной лестницы и в Мраморном зале.

Особого внимания заслуживает история ликвидации домово-вой церкви «Введение во храм Пресвятой Богородицы» Мраморного дворца, находившейся на третьем этаже северного корпуса, окнами на Неву. Датой закрытия церкви можно считать 14 января 1918 г., когда Народный комиссариат имуществ Республики, в ведении которого находилось в рассматриваемый период бывшее Министерство императорского двора, принял постановление «Об упразднении придворного духовенства...»¹²

Процесс ликвидации домово-вой церкви Мраморного дворца затянулся почти на десять лет. В нем отразилась последовательность изменений отношения новой власти к сохранению культурного наследия. Весной 1922 г. был составлен «Акт изъятия церковных ценностей из закрытой церкви при Мраморном дворце». Были изъяты хранившиеся в церкви погребальные венки, выполненные из серебра¹³, но при этом составлен список из 12 номеров, не подлежащих изъятию: «...серебряные предметы не могут быть изъяты для обращения в слитки как предметы высокохудожественного значения»¹⁴. Затем, в 1924 г., помещение бывшей церкви Мраморного дворца осмотрела специально созданная комиссия, составившая акт, в котором отметила: «1. Бывшее помещение церкви приспособлено ныне Академией истории материальной культуры под архив зодчего Монферана

(строитель Исаакиевского собора). 2. Остаются под охраной Комитета по охране памятников следующие монументальные предметы, имеющие художественно-историческое значение: а) иконостас деревянный, резной трехъярусный со всеми находящимися в нем иконами, как монументальный памятник искусства 40-х годов XIX века, б) алтарь и жертвенник розового мрамора в византийском стиле как типичные памятники начала XX века»¹⁵. Спустя шесть лет, в 1930 г., администрация Академии истории материальной культуры запрашивает разрешение у инспектора по делам музеев Ленинградского облоно на разборку иконостаса: «В б. церкви Мраморного дворца, где помещается в настоящее время архив Академии, находится деревянный иконостас середины XIX века, не представляющий ни исторической, ни художественной ценности»¹⁶. Разрешение было получено на определенных условиях: необходимо выполнить фотофиксацию иконостаса и составить план помещения с указанием расположения иконостаса¹⁷. В ноябре 1930 г. его разобрали с соблюдением всех условий, продиктованных Ленинградским облоно¹⁸. Последнее документальное свидетельство об иконостасе церкви Мраморного дворца мы находим в письме, адресованном в Художественный отдел Русского музея, в котором академия запрашивает музей о возможности использовать его в экспозиции Русского музея¹⁹. Дальнейшая судьба иконостаса неизвестна, вероятно, он был утилизирован. Так завершилась история бытования домового церкви «Введение во храм Пресвятой Богородицы» в Мраморном дворце.

В 1933 г. была составлена смета на работы по реставрации Мраморного дворца, которая, в частности, включала укрепление статуй и ваз, стоящих на парапетах, по ремонту мраморных ваз и арматур на пилонах ограды дворца, а также элементов решетки. Эти работы не были выполнены из-за недостатка средств, отпускаемых на ремонт зданий, занимаемых РАИМК²⁰.

В 1932 г. при Президиуме ВЦИК СССР создан Межведомственный комитет по охране памятников революции, искусства и культуры, одной из задач которого было составление списка памятников, подлежащих государственной охране, и представление этих списков на утверждение Президиума ВЦИК. «Список памятников архитектуры, находящихся под государственной

охраной», составленный Межведомственным комитетом, был утвержден Президиумом ВЦИК СССР в 1935 г.²¹ В этом списке Мраморный дворец значится как памятник государственного значения.

Рассмотрев послереволюционную историю до признания Мраморного дворца памятником архитектуры, необходимо отметить, что она была сложной, порой противоречивой, сопряженной со многими потерями для архитектурного убранства фасадов и интерьеров дворца. Признание в 1935 г. Мраморного дворца памятником государственного значения, находящимся под государственной охраной, открыло новые возможности для финансирования работ по реставрации дворца. Так, уже в 1936 г. начала работу комиссия по разработке проекта реставрации фасадов Мраморного дворца. Затем, уже осенью 1936 г., было принято решение о помещении в Мраморном дворце Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина²². Музей устроили на первом и втором этажах дворца. В 1936–1937 гг. была проведена реконструкция интерьеров дворца для создания нейтрального музейного пространства. Так начался новый этап существования Мраморного дворца, в котором создали историко-мемориальную экспозицию, не связанную с исторической и художественной ценностью здания-памятника.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 8. Л. 3.

² Мантуров М. В. История Мраморного дворца и его владельцев в 1917 году // Страницы истории отечественного искусства. СПб., 2013. Вып. XX. С. 218–229.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 4 (Г. М. Ф. Материалы о работе Художественно-исторической комиссии в Мраморном дворце). Л. 1 (Приказ по Комиссариату Труда управляющему Мраморным дворцом).

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 3. Д. 11 (Отдел имущества Республики). Л. 16–18.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 52. Ст. 583.

⁶ ИИМК РАН. НА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. 1924 г. (Постановление Коллегии Наркомпроса о передаче Мраморного дворца в ведение РАИМК).

⁷ ГРМ. ОР. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 234. Л. 9, 19.

⁸ ИИМК РАН. НА. Ф. 2. Оп. (1). 1922 г. Д. 44. Л. 33, 33 об., 36.

⁹ ИИМК РАН. НА. Ф. 2. Оп. 1924 г. Д. 54. Л. 1 об; Ф. 2. Оп. (I) 1924 г. Д. 55. Л. 33.

¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР 1925 г. № 14. Ст. 95.

¹¹ ИИМК РАН. НА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 161. 1932 г. Л. 24, 75.

¹² Собрание узаконений и распоряжений Правительства. № 28. 24 (11) февраля 1918 г. Ст. 369.

¹³ ИИМК РАН. НА. Ф. 2. Оп. 1922. Д. 44. Л. 21.

¹⁴ Там же. Л. 22.

¹⁵ ИИМК РАН. НА. Ф. 2. Оп. 1924 г. Д. 51. Л. 1.

¹⁶ ИИМК РАН. НА. Ф. 2. Оп. 1 (1930 г.). Д. 70. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ ИИМК РАН. НА. Ф. 2. Оп. 1931 г. Д. 756. Л. 21.

¹⁹ ИИМК РАН. НА. Ф. 2. Оп. 1 (1930 г.). Д. 70. Л. 12.

²⁰ ИИМК РАН. НА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 156. 1933 г. Л. 37, 39.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 16. Д. 22. 1936 г. (Списки памятников архитектуры, находящиеся под государственной охраной). Л. 6 (№ 27/188. Мраморный дворец).

²² Постановление Ленсовета от 2 октября 1936 г. «О предоставлении Филиалу центрального Музея В. И. Ленина Мраморного дворца».

В. И. Аксельрод

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ «НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОГО ГОРОДА»

РАЗРАБОТКА и реализация городской комплексной программы «Наследники великого города» неразрывно связана с культурно-патриотическим молодежным общественным движением «Юные за возрождение Петербурга», учрежденным на городской конференции, прошедшей 6 декабря 1990 г. в здании церкви «Всех скорбящих радость» на Шпалерной (тогда еще Воинова) улице, 35. Здесь тогда располагалось Ленинградское отделение ВООПИиК.

Вспомним, что это был один из сложнейших кризисных периодов в истории новой России, когда в одночасье были обрушены, казалось бы, незыблемые устои советского строя с его коммунистическими идеалами, а вместе с ними и складывавшаяся десятилетиями система коммунистического воспитания. 30 лет назад на той памятной для нас конференции собрались многие учителя и их воспитанники-старшеклассники, участники массового конкурса «Ты — Ленинградец!», проходившего более 20 лет назад в Ленинградском городском Дворце пионеров и школьников. Формально целью конференции было утверждение устава новой молодежной организации и разработка основных направлений ее деятельности, по существу же, участники мероприятия собрались для того, чтобы вместе попытаться найти выход из глубокого идеологического кризиса, определить новое содержание воспитательной работы и создать те идеалы, на которые после крушения старых можно было бы опереться в работе с подростками и старшими школьниками.

Разработчики устава, который должен был объединить в этой работе юных жителей города и их наставников — учителей и педагогов учреждений дополнительного образования детей, автор этих строк и известный деятель краеведческого движения — педагог-петербурговед Г. А. Богуславский в основу этого документа положили идеи возрождения культурных

ценностей и традиций Петербурга (в то время еще Ленинграда), через изучение учащимися истории города и их включение в активную общественную работу по сохранению, охране и пропаганде памятников истории и культуры. В самом Дворце его руководство информацию об учреждении движения «Юные за возрождение Петербурга» восприняло настороженно, ведь это была первая общественная организация учащихся, не санкционированная приказом сверху, а возникшая «снизу», по инициативе частных лиц, пусть и сотрудников Дворца. Лишь через 9 лет, в 1999 г., был дан «зеленый свет» регистрации движения как юридического лица, и в этом статусе оно существует уже более 20 лет. Но мои коллеги по политмассовому отделу (позже — отделу культурно-массовых и игровых форм) и отделу туризма и краеведения поддержали эту инициативу, и межотдельские административные перегородки не помешали нам создать команду, которая объединила вокруг нового движения и его программ несколько дворцовских отделов. Моими соратниками на долгие годы стали Г. С. Усыскин, один из самых авторитетных в стране деятелей детско-юношеского туризма и краеведения, первый среди педагогов-краеведов доктор исторических наук, а впоследствии и профессор, С. В. Нагавкин, сменивший его на посту заведующего отделом, заведующая сектором краеведения Э. И. Архипова (ее смело можно было назвать директором программы), педагог-организатор Н. П. Верещагина и др. Совместный «мозговой штурм» позволил нам создать принципиально новую программу, вобравшую в себя вызовы и реалии постперестроечного периода. Был разработан комплекс подпрограмм, включавший в себя как опыт туристско-краеведческой и музейно-поисковой работы предыдущих десятилетий, так и современные новые направления, темы и формы, невозможные в советское время по идеологическим причинам.

Важнейший наказ, который дали участники конференции ее организаторам и вновь избранному Координационному совету движения — разработка и введение в школьную программу учебного курса «История и культура Петербурга». До этого времени начатки знаний о городе учащиеся могли получить только у немногих учителей-энтузиастов, часть времени на своих уроках отдававших своего рода краеведческому минимуму; и во

Дворце пионеров, где с 1973 г. работал историко-краеведческий клуб «Ленинградец» (с 1992 г. — «Петрополь»). Во исполнение этого наказа оргкомитетом было разработано положение о проведении открытого городского конкурса на создание программ нового учебного школьного курса «История и культура Петербурга» и сформировано авторитетное жюри, в которое вошли известные историки и краеведы, преподаватели ленинградских вузов, научные сотрудники музеев и специалисты Ленинградского института усовершенствования учителей. Достаточно сказать, что возглавлял жюри академик российской Академии образования А. В. Даринский, а его членами были Б. М. Кириков (тогда заместитель директора Музея истории Петербурга по научной работе), А. Д. Марголис (тогда заведующий отделом этого же музея), председатель Санкт-Петербургского отделения ВООПИиК профессор В. Г. Лисовский.

Что особенно важно, идею проведения конкурса, а самое главное — самого учебного курса, поддержал тогдашний председатель Комитета по образованию — доктор педагогических наук О. Е. Лебедев. Из четырех представленных на конкурс программ лучшими были признаны две — Г. А. Богуславского и доцента РГПУ им. А. И. Герцена, кандидата исторических наук Л. К. Ермолаевой. Девиз ее программы, рекомендованной по результатам конкурса для внедрения в школы, — «Через просвещение к возрождению» — стал на долгие годы одним из приоритетных в комплексной программе «Наследники великого города», а синтез основного и дополнительного краеведческого образования — ее краеугольным камнем.

Идея всеобщего краеведческого просвещения петербуржцев породила еще ряд важных инициатив, способствующих в том числе и развитию программы «Наследники великого города». В 1991 г. группой общественных деятелей во главе с И. М. Сергеевой была создана общественная организация «Институт Петербурга», в свою очередь учредившая через год общественное образовательное заведение «Университет Петербурга», в котором были предусмотрены детское (с 6 до 10 лет), юношеское (с 15 до 18 лет) и основное, «взрослое», отделения (от студентов до пенсионеров). При финансовой поддержке Комитета по образованию и дирекции Санкт-Петербургского городского Дворца

творчества юных с осени 1991 г. слушателями дневного отделения Университета Петербурга стали методисты и педагоги-краеведы УДОД, за два года успешно прошедшие его учебный курс.

Программу университета разработал ее общественный ректор и ведущий лектор Г. А. Богуславский. К чтению лекций по инициативе «Института Петербурга» были привлечены многие известные историки и краеведы, этнографы и археологи, искусствоведы и литературоведы. А в сентябре 1992 г. во Дворце творчества был открыт юношеский факультет Университета Петербурга (теперь Юношеский университет Петербурга). Таким образом, в течение двух лет была запущена первая подпрограмма нашей комплексной программы — «Через просвещение к возрождению». В эти же годы было создано и начало активную деятельность Городское методическое объединение методистов и педагогов-краеведов УДОД, которое возглавила Э. И. Архипова. В основу его работы была положена программа «Наследники великого города», а методисты стали ее проводниками в своих районах.

Первым в этой программе в течение 5 лет был реализован замечательный игровой проект «Санкт-Петербург — хроника трех столетий». Ежегодно десятки команд юных знатоков города участвовали в конкурсах, каждый из которых был посвящен одной из исторических эпох в истории города — от Петра I к «золотому» двадцатилетию правления Елизаветы Петровны, а от него к «Веку просвещения» Екатерины II и Павла I. Яркий след в памяти участников этого проекта оставили встречи с «Пушкинским Петербургом» и «Петербургом Серебряного века» и т. д. Уникальность конкурсов тех лет состояла в том, что в их организации активное участие принимали государственные музеи, ставшие нашими верными партнерами на долгие годы.

Яркое креативное начало вносили в эти конкурсы в первые годы реализации наших игровых программ неистощимые на выдумку педагоги-организаторы отдела клубных и игровых форм. Ноу-хау для того времени стали и проводимые ежегодно в рамках этих конкурсов историко-культурные игры-ориентирования в историческом центре Петербурга. Они стали своеобразным продолжением игр по городу. Интересна рубрика

«„Черная маска“ против читателей „Ленинских искр“», которую на страницах этой газеты вели автор этих строк и журналист Людмила Залозина, еще задолго до появления игровых квестов.

Вслед за циклом конкурсов «Санкт-Петербург — хроника трех столетий» нами были проведены и другие тематические конкурсы, рассчитанные на весь учебный год, также включавшие в себя разнообразные игровые формы, а из обязательных туров — музейные ориентирования и игру-ориентирование на улицах города. Назову здесь лишь некоторые из них, которые были реализованы в первое десятилетие программы: трехгодичный игровой цикл «Литературный Петербург» (от Петербурга М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина до Петербурга, Петрограда, Ленинграда времени Анны Ахматовой), «И вечной памяти двенадцатого года», «Санкт-Петербург — культурная столица России», «Великие путешественники и географы Петербурга», «В пространстве музеев Государственного Русского музея», «Санкт-Петербург — колыбель отечественной науки» и др.

Впоследствии игровые формы работы стали определяющими и в новой программе «Петербуржцы XXI века» — командном конкурсе юных знатоков этикета. И хотя, казалось бы, эта подпрограмма стоит особняком среди других, краеведческих, но воспитание культуры поведения юных петербуржцев, овладение учащимися правилами этикета, хорошими манерами и следование им в повседневной жизни — одна из приоритетных задач программы «Наследники великого города».

На первом этапе реализации комплексной краеведческой программы «Наследники великого города» был использован опыт 1970–1980-х гг. — в результате состоялась трехлетняя экспедиция «Колокола свободы». Инициатором ее проведения был Г. С. Усыскин. Каждый из трех ее этапов был посвящен одному из периодов революционного движения России и памятным местам, связанным с ним в нашем городе: декабристам, народолюбцам и социал-демократам. Многим участникам первого этапа экспедиции надолго запомнился марш по историческому центру города в сопровождении духового оркестра 14 декабря 1990 г., посвященный 165-летию восстания декабристов на Сенатской площади. Команды школ прошествовали к площади

Декабристов с муляжами полковых знамен мятежных гвардейских полков: лейб-гвардии Московского, Гренадерского, Финляндского и Морского гвардейского экипажа, возложили красные гвоздики к месту, где в каре стоял Московский полк, первый пришедший на площадь, а затем так же, походным маршем, прошагали к кронверку Петропавловской крепости, месту казни декабристов. А в апреле 1991 г. участники второго этапа этой экспедиции на одном из зданий в Подъездном переулке, что за Витебским вокзалом, месте казни народовольцев в этой части бывшего Семеновского плаца, установили мемориальную доску в память об этом трагическом событии.

Наконец, в июне 1992 г. мы устроили палаточный лагерь на озере Долгом рядом с поселком Ильичево (бывш. Ялкала). Здесь, на Карельском перешейке, в километре от Ялкалы, располагался известный финский туберкулезный санаторий «Питкоярви», в котором после возвращения из эмиграции в 1917 г. проходил лечение тяжело больной Г. В. Плеханов — первый русский марксист. Здесь он провел последние месяцы жизни. Ярким событием для юных туристов-краеведов стал приезд в «плехановский» палаточный лагерь в сопровождении Г. С. Усыскина группы участников Международных Плехановских чтений, посвященных изучению наследия этого выдающегося ученого и социал-демократа, и установка здесь, на большом гранитном валуне, памятной доски Г. В. Плеханову. Из этой экспедиции родилась еще одна подпрограмма «Календарь юного петербуржца».

Как уже было отмечено, одной из приоритетных задач программы «Наследники великого города» стала программа «Помоги памятникам города и родного края». В первые пять лет движения «Юные за возрождение Петербурга» при финансовой поддержке Международного благотворительного фонда «Культурная инициатива» в летнее время были организованы выездные лагеря добровольных помощников реставраторов: дважды в Выборге, рядом с уникальным парком «Монрепо», а также в Павловске, Пушкине и Ломоносове. Утром ребята трудились в заповедных парках, выполняя задания по экологической очистке территории, в послеобеденные часы для них были организованы экскурсии, а вечером проходили творче-

ские вечера и конкурсы, подготовленные самими ребятами. Вся работа этих лагерей была построена на принципах самоуправления, с дежурными командирами, ежедневными «огоньками», на которых подводились итоги дня и ребята делились своими впечатлениями. Важную роль директора лагеря выполняла Э. И. Архипова, взявшая на себя решение всех хозяйственных и финансовых вопросов, организацию питания. Нашими помощниками в лагере были учителя, откомандированные администрацией школ, в которых учились ребята. Эти лагеря, востребованные самими ребятами, с благодарностью оценившими всё, что мы для них делали, способствовали сплочению ученических объединений в движении «Юные за возрождение Петербурга».

К сожалению, в дальнейшем из-за нехватки средств продолжение этого проекта оказалось невозможным. Однако сама подпрограмма, с ее воспитательным и общественно полезным потенциалом, продолжает работать, включая в себя шефство объединений над отдельными, выбранными ими в своих районах памятниками истории культуры (некрополями, воинскими захоронениями, мемориалами, городскими садами и парками). В пропаганде же этих памятников важная роль принадлежит еще одной нашей подпрограмме — «Юный экскурсовод», также уже отметившей свое тридцатилетие. Ее появлению способствовало то обстоятельство, что в 1990-е гг., после распада Городского экскурсионного бюро, многие профессиональные экскурсоводы в поисках работы пришли в школы и учреждения дополнительного образования как преподаватели нового учебного курса «История культуры Петербурга» и руководители кружков юных экскурсоводов — по городу и школьным музеям. За 30 лет накоплен значительный опыт работы с учителями-экскурсионистами на городских курсах повышения квалификации в Санкт-Петербургском городском дворце творчества юных. Авторскую программу этих курсов разработала доцент Института культуры, кандидат экономических наук Галина Андреева Лескова, которая уже более двадцати лет является и председателем жюри городских конкурсов экскурсоводов. В рамках этой программы нами выпущен комплекс методических пособий по подготовке юных экскурсоводов.

Своеобразным смотром достижений в этой области стали финалы городских конкурсов на звание «Лучший юный экскурсовод года», экскурсоводов школьных музеев и городской конкурс авторских экскурсий. Ежегодно эти конкурсы открывают имена талантливых ребят, многие из которых после окончания вузов успешно реализуют себя в сфере экскурсоведения и туризма.

Уже не раз отмечалось, что 1990-е гг. стали поворотными в развитии школьного краеведения. В наибольшей степени это проявилось в таком новом для школьного краеведения тех лет деле, как исследовательская работа. Демократические преобразования в стране, разрушение идеологических догм и запретов позволили значительно расширить тематику краеведческого поиска и форм краеведческой работы и обратиться к таким ранее закрытым темам, как «Святыни Петербурга», «Родословные петербургских школьников», «Многонациональный Петербург», «История дворянских родов и усадеб» и др. Возросшие требования к исследовательским работам школьников побудили их обратиться к архивным источникам, редким дореволюционным книжным изданиям, фондам петербургских музеев и от компилятивных ученических рефератов перейти к серьезным самостоятельным исследованиям.

В 1989–1990 гг. были проведены Первые и Вторые краеведческие чтения учащихся, по их материалам был выпущен первый сборник краеведческих работ школьников «Наследники великого города». К рецензированию текстов, представленных на чтения, были привлечены многие известные ученые, историки, краеведы, искусствоведы и литературоведы, научные сотрудники ведущих музеев города. Бесменным председателем организационного комитета чтений в 1990-е гг. была академик архитектуры Т. А. Славина.

Высокую же планку ученических исследовательских работ, представленных на краеведческие чтения, многие годы определяли учащиеся историко-краеведческого клуба «Петрополь» и Юношеского университета Петербурга городского Дворца творчества юных, хорошую конкуренцию им составляли тогда юные краеведы Адмиралтейского, Василеостровского, Выборгского, Колпинского, Красногвардейского, Невского и Пушкинского районов. С начала 1990-х гг. и по сегодняшний день юные

краеведы Петербурга неизменно становились победителями и призерами Всероссийских краеведческих чтений, Всероссийской олимпиады, финалов Всероссийского конкурса исследовательских работ школьников «Отечество», отчего сложилось устойчивое представление о петербургской школе школьного краеведения, что не раз подчеркивала создатель и первый председатель Союза краеведов России академик РАО С. О. Шмидт, нередкий гость Аничкова дворца, а также первый президент Академии детско-юношеского туризма и краеведения доктор педагогических наук А. А. Остапец-Свешников.

Позже, уже в рамках самостоятельных подпрограмм комплексной краеведческой программы «Наследники великого города», наряду с городскими краеведческими чтениями, 10 лет назад получившими более высокий статус региональной олимпиады, стали ежегодно проводиться ученические научно-практические конференции «Родословные школьников Петербурга в истории России и города», «Святыни Петербурга», «Многонациональный Петербург», «Война. Блокада. Ленинград», у каждой из которых есть свои социальные партнеры, а по их итогам регулярно издавались сборники лучших докладов юных исследователей-краеведов. Вместе с 29 сборниками «Наследники великого города» они составили солидную библиотеку ученических исследовательских работ в Российской национальной библиотеке.

В начале этой статьи я отметил, что наша комплексная городская программа родилась сначала как программа Санкт-Петербургского культурно-исторического молодежного общественного движения «Юные за возрождение Петербурга», теперь же это движение вошло в большую программу отдельной подпрограммой «Вместе дружная семья», включающей в себя проведение клубных дней, выпуск собственного информационного вестника, тематическую смену в ЗЦДЮТ «Зеркальный», конкурсы и турниры для знатоков города в Аничковом дворце, смотр-конкурсы краеведческих объединений, ежегодную Детскую ассамблею совместно с Всемирным клубом петербуржцев, куда движение входит как коллективный член.

Завершая этот очерк, посвященный 30-летию городской комплексной программы «Наследники великого города», следует

еще раз сказать, что ее долголетию и эффективности мы обязаны труду десятков педагогов дополнительного образования, учителей школ и руководителей школьных музеев, а также нашей тесной интеграции в реализацию программы со многими родственными нам государственными музеями, общественными организациями и фондами — социальными партнерами программы.

Н. Ю. Екимова, М. В. Образцова

ЭКСПЕРТНЫЙ ЦЕНТР ПРИ ВООПИИК — ПРЕЕМНИК КОМИССИИ ПО РАБОТЕ С СОБИРАТЕЛЯМИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

ИСТОРИЧЕСКИ в Обществе охраны памятников существовала Комиссия по работе с собирателями художественных коллекций. По прошествии времени, в 2008 г., на основе материалов и разработок комиссии, был создан Экспертный центр. В его состав входит группа экспертов по культурным ценностям, аттестованных Министерством культуры Российской Федерации.

Работа Экспертного центра многогранна. Прежде всего это сотрудничество с правоохранительными органами. Нашими экспертами были проведены следующие экспертизы и консультации: несколько писем А. П. Чехова, экспертиза предметов, входящих в так называемый Нарышкинский клад, экспертиза для ввоза «Ковчега с поясом Пресвятой Богородицы», экспертиза балясин, украденных с лестницы дома княгини Шаховской, объекта культурного наследия регионального значения (Садовая ул., 61), а также медальонов, украденных с ограды набережной по пр. Обуховской Оборона.

Затем это работа с музеями (участие в закупочных комиссиях, независимая атрибуция). За годы работы Экспертный центр сотрудничал с такими музеями, как Елагиноостровский дворец-музей, Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское», Государственный музей-заповедник «Петергоф», музей «Дом стационарного зрителя» в Выре, Государственный дворцово-парковый ансамбль «Ораниенбаум», Мемориальный музей-квартира А. С. Пушкина, Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова, Музей-усадьба Г. Р. Державина, Государственный музей-институт семьи Рерихов, Государственный музей театрального и музыкального искусства, Военно-исторический музей, Филиал музея Мирового океана в Санкт-Петербурге — «Ледокол „Красин“» и другими.

Также Экспертный центр активно принимает участие в реализации выставок в рамках Международного культурного фестиваля «Виктория Регия», с которым активно сотрудничает.

Первым опытом была выставка в 2017 г. в Государственном комплексе «Дворец Конгрессов» (Константиновский дворец) в Стрельне, на которой были представлены работы художников из 17 стран.

В 2018 г. Экспертный центр проводил исследование по формированию мультимедийного пространства на выставке «Карл Маркс навсегда» в Русском музее, результатом которого стал видеоматериал, снятый с помощью дрона.

В 2019 г. Экспертный центр проводил выставку «Точка определенности» в пространстве «ART•FEO» собора Феодоровской иконы Божией Матери в Санкт-Петербурге, где были представлены работы художников разных направлений современного искусства из частных коллекций. Выставка явилась своеобразной ретроспективой философских и духовных поисков петербургских мастеров, воплощенных в произведениях, выполненных в разных техниках в течение сорока лет, с 80–90-х гг. XX в. по первые десятилетия XXI в.

В 2020 г. Экспертный центр курировал выставочный проект «Мы» Александра Николенко по роману Замятина в галерее «Arts Square Gallery». Художник исследовал новые технологии и общественные изменения, отталкиваясь от антиутопии Замятина. К выставке были приурочены публичные чтения, на которых художники, дизайнеры и врачи читали отрывки из романа «Мы».

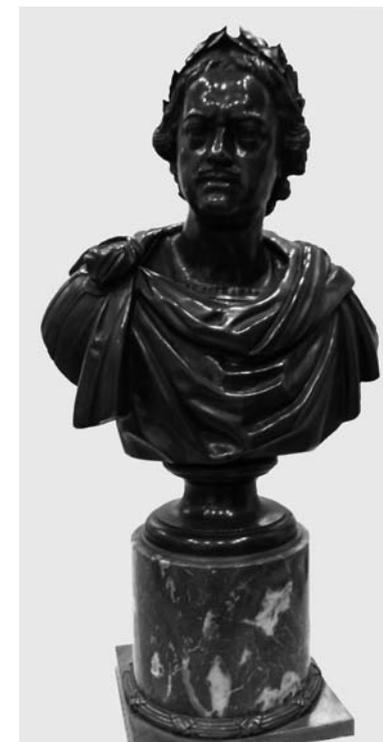
В 2021 г. Экспертный центр принимал участие в комиссии III Международного салона современного искусства UnisVers'ART, в рамках которого в большом зале Союза художников Петербурга прошла выставка «Отражения в воде». В ней приняли участие представители более 14 стран: художники, скульпторы, фотографы и другие деятели искусства.

Особое место в деятельности Экспертного центра по-прежнему занимает работа с частными коллекциями, в том числе еще недавно проводились ежегодные консультации на антикварном салоне «Коллекционер».

Также проводится выявление объектов художественной и исторической ценности в собраниях коллекционеров с при-

влечением музейных специалистов. В рамках этой работы ведется исследовательская деятельность в государственных и частных архивах, библиотеках. При выявлении объектов необходимо сотрудничество с технико-технологическими музейными лабораториями. Итогами этой работы стали такие исследования как:

Мари Анн Колло (Collot). Бюст Петра I. Бронза, литье, h 46,5 см. Для исследования бюста Петра I были привлечены специалисты Русского музея и Эрмитажа, в фондах которых хранятся похожие произведения. Техничко-технологические изыскания оказались схожими с исследованиями бюста из другой частной коллекции, проведенными в Эрмитаже и опубликованными в ведущем издании по антиквариату Санкт-Петербурга. Специалисты пришли к выводу, что бюст отлит с модели французского скульптора Мари Анн Колло в Санкт-Петербурге в последней четверти XVIII в. и выполнен на высочайшем профессиональном уровне, что позволяет предположить специальный заказ. Бюст, изготовленный в бронзе в технике литья с утратой восковой модели, имеет тщательно выполненную чеканку с использованием различных чеканов. Блестящие и матированные поверхности подчеркивают художественное разнообразие фактуры. Патина желтого и красного цвета, сочетаясь

М. А. Колло (Collot). Бюст Петра I. Последняя четверть XVIII в. Частное собрание. Санкт-Петербург

с мраморным пьедесталом, придает произведению оригинальное цветочное решение.

Экспертным центром был составлен каталог бюстов Петра I, созданных по произведению Мари Анн Колло или по типу «Мари Коло» в различных странах, хранящихся в собраниях музеев, отраженных в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации и в частных коллекциях.

Строцци. «Святой Петр получает ключи от Рая». Холст, масло, 80×120 см. Поступил запрос на исследование провенанса (происхождения) работы с возможным авторством Строцци «Святой Петр получает ключи от Рая» из частного собрания. Запрос был обоснован тем, что на обороте находится этикет с указанием на предыдущее местоположение работы, а именно что предмет находился в Екатерининском дворце. Основываясь на полученной информации с привлечением ресурсов Большого Екатерининского дворца, архива Эрмитажа и Большой Публичной библиотеки, были проведены изыскательские работы. В итоге исследования выяснилось, что с большей долей вероятности именно эта работа находилась до 1920-х гг. в особняке Абамелек-Лазаревых в Петрограде. После 1922 г. ее поместили на временное хранение в Екатерининский дворец, в который свозили вещи для дальнейшего отбора и продажи, для чего была организована Комиссия по учету и реализации Госфондов. Можно утверждать, что исследуемая работа была продана в 1927–1928 гг. с аукциона, который проводился на базе Эрмитажа (первый аукцион состоялся в 1924–1925 гг. в Зимнем дворце, на котором происходила распродажа предметов, поступивших из дворцов и особняков в Госфонд). Работа была продана в частные руки, где и находилась до момента приобретения нынешним владельцем.

А. Иванов (?). «Мария Магдалина». Холст, масло, 69,3×58,7 см. Предполагаемое время создания — 30–40-е гг. XIX в. Работа была реставрирована.

По просьбе частного коллекционера было частично проведено комплексное исследование данной живописной работы, в результате которого установлено, что предполагаемым авто-

ром может являться Александр Иванов. Работа, предположительно, является фрагментом живописной композиции Александра Иванова — «Иисус после Воскресения является Марии Магдалине» (ныне местонахождение — Государственный Русский музей, Санкт-Петербург; вариант — Третьяковская галерея, Москва). Комплекс работ включает технико-технологическое исследование, библиотечно-архивное исследование, искусствоведческий анализ. К технико-технологическому исследованию была привлечена лаборатория Государственного Русского музея, где проведен спектральный анализ и сделаны снимки в инфракрасном спектре. В ходе проведенной работы выявили, что обнаруженный в картине набор пигментов характерен для европейской и русской станковой живописи середины XIX в. Чистые свинцовые белила сменяются свинцово-цинковыми с середины 1850-х гг., сначала эпизодично, а к 1870-м гг. постепенно замещаются белилами на основе цинка. Синий кобальт появляется в палитре русских художников в 1840-х гг. Опираясь на исследования, можно сделать вывод, что картина написана в 1840-е гг.

Изучение литературных источников по теме исследования, а именно писем автора, монографических исследований, а также каталогов дало основание предположить, что работа могла быть выполнена Александром Ивановым в период его пребывания в Италии. Исследования полотна продолжаются.

Казимир Малевич (?). Без названия («Черная голова»). Картон, смешанная техника, 29,8×24 см. В течение нескольких лет продолжала проводиться экспертная работа, уже с привлечением зарубежных специалистов (совместно

А. Иванов (?). Мария Магдалина.
Середина XIX в. Частное собрание. Санкт-Петербург

К. Малевич (?). Без названия («Черная голова»). 1928–1932 гг. Частное собрание. Германия

с Экспертным центром ВООПИиК). После проведенных технико-технологических исследований немецкой лабораторией «Эгерс» была выявлена подпись — инициалы «КМ» — в правом нижнем углу. Это позволило продолжить изыскания по этой теме. Для дальнейшей работы были привлечены специалисты Франции и Англии, в частности Art Analysis и председатель Фонда русского модернизма в Лондоне Патриция Рейлинг. Вывод специалистов — исследуемое произведение без названия («Черная голова») можно отнести к периоду соз-

дания 1928–1932 гг. В данный момент ведется сбор архивного материала, который поможет сделать окончательные выводы и подтвердить авторство изучаемой работы.

Экспертным центром параллельно ведутся и другие изыскательные работы в области декоративно-прикладного искусства и графики.

В настоящий момент продолжается исследование по произведениям «Мария Магдалина» А. Иванова (?), «Черная голова» К. Малевича (?) и неизвестному полотну Е. Моисеенко.

В планах Экспертного центра разработка программы включения биографических и библиографических данных русских художников XVIII — начала XXI в. в мировую электронную базу на различных арт-площадках.

А. Д. Марголис

ДЕКАБРИСТЫ В ДОМЕ А. И. ОСТЕРМАНА-ТОЛСТОГО (АНГЛИЙСКАЯ НАБ., 10 — ГАЛЕРНАЯ УЛ., 9)

ЭТОТ особняк, принадлежавший в 1812–1837 гг. генералу Александру Ивановичу Остерману-Толстому¹, включен в список объектов истории и культуры федерального значения. Доклад посвящен связям Остермана-Толстого с декабристами В. М. Голицыным и Д. И. Завалишиным, которые жили здесь в 1825 г.

Сын Ивана Матвеевича Толстого и Аграфены Ильиничны Бибиковой родился в 1772 г. и начал действительную военную службу в 14 лет в лейб-гвардии Преображенском полку. Юный Александр Толстой в декабре 1790 г. участвовал в осаде и штурме Измаила и был награжден за храбрость орденом Св. Георгия 4-го класса. Заслужив расположение своих бездетных двоюродных дедов, графов Федора и Ивана Остерманов, он в 1796 г. получил их фамилию и титул, а затем и всё огромное состояние. В царствование Павла I в возрасте 26 лет произведен в генерал-майоры (!).

С 1805 г. граф А. И. Остерман-Толстой — участник всех войн с наполеоновской Францией. В декабре 1806 г. отличился у Пултуска, в сражении у Прейсиш-Эйлау (январь 1807) командовал левым крылом русской армии, тяжело ранен у Гутштадта (май 1807). Произведен в генерал-лейтенанты, награжден орденом Св. Георгия 3-го класса и золотой шпагой с надписью «За храбрость». После возвращения в Россию и выздоровления назначен командиром Преображенского полка и 1-й гвардейской дивизии. Выступал против сближения с Францией, стал одним из лидеров так называемой военной оппозиции. В 1810 г. уволен в отставку «по болезни». Граф Остерман — один из основателей масонской ложи «Соединенных друзей» (Amis Reunis), среди членов которой в разное время были С. Г. Волконский, И. А. Долгоруков, М. Ф. Митьков, Н. М. Муравьев, М. И. Муравьев-Апостол, П. И. Пестель и другие деятели тайных обществ².

Сразу после начала Отечественной войны 1812 г. возвратился в действующую армию. В июле назначен командиром 4-го

пехотного корпуса 1-й Западной армии. Участвовал в ожесточенном сражении под Островно 13 июля. Во время этого боя, когда Остерману доложили, что его батальоны несут возрастающие потери под натиском атакующих французов, и спросили, каковы будут его распоряжения, он ответил: «Стоять и умирать!» Стойкость его солдат в этом арьергардном бою позволила Барклаю де Толли дожидаться приближения армии Багратиона и соединиться с нею. При Бородине корпус Остермана оборонял Курганную батарею (батарея Раевского). Сам генерал лично водил своих солдат в контратаку, был тяжело контужен, но через несколько дней вернулся в строй. Участвовал в боях у Тарутина и Красного, в преследовании наполеоновской армии вплоть до Вильны. Только после изгнания неприятеля из пределов России в декабре 1812 г. оставил действующую армию для лечения ран, полученных на полях сражений.

Но уже весной 1813 г. Остерман присоединился к союзным войскам в Германии. 20 мая ранен в битве при Бауцене. 17 августа при Кульме, командуя гвардейским корпусом, задержал в Богемских ущельях наступление французов. В разгар боя Остерман-Толстой был тяжело ранен, раздробленную вражеским ядром левую руку пришлось ампутировать прямо на поле боя (по словам Александра I, кульмский герой «потерянием руки своей купил победу»).

Вернулся в Петербург в начале 1814-го. Вскоре назначен генерал-адъютантом, в конце 1815 г. стал шефом лейб-гвардии Павловского полка, а в апреле 1816-го — командиром Гренадерского корпуса. В августе 1817 г. произведен в генералы от инфантерии, в том же году по состоянию здоровья уволен в бессрочный отпуск, хотя продолжал числиться на военной службе.

По отзыву князя П. А. Вяземского, близко знавшего Остермана-Толстого, «качества его, более других выступавшие, были: прямота, благородство и глубоко врезанное чувство народности, впрочем, не враждебной иноплеменной народности». Характерны слова Александра Ивановича, сказанные в 1812 г. начальнику Главного штаба 1-й армии австрийцу Ф. О. Паулуччи: «Для Вас Россия мундир Ваш — Вы его надели и снимете, когда хотите. А для меня Россия — кожа моя»³.

Еще в феврале 1812 г. Остерман-Толстой приобрел дом А. Н. Нарышкиной на Английской набережной в Петербурге (современный адрес: Английская наб., 10 — Галерная ул., 9). В мае 1816 г. он начал переделывать свой дом: была пристроена каменная лестница и галерея со стороны двора, перестроены и заново отделаны интерьеры, в обширном дворе построены боковые флигели⁴. В начале 1820-х гг. генерал держал открытый дом, на обеды у Остермана собиралось от 30 до 60 человек. Среди его друзей называют П. А. Вяземского, А. Н. Салтыкова, генералов А. П. Ермолова, М. А. Милорадовича, Н. Н. Муравьева, В. Г. Костенецкого.

Наиболее подробное описание петербургского дома Остермана-Толстого оставил его дальний родственник (по линии мачехи — Надежды Львовны Толстой) декабрист Д. И. Завалишин, часто бывавший в этом доме с 1820 г.⁵, а с конца июля до 10 ноября 1825 г. и с 16 января до 2 марта 1826 г. живший здесь постоянно⁶. В частности, он вспоминал, что «Остерман отвел мне, Валериану и Леониду Голицыным целый флигель, в котором у нас гостиная и зала были общие, а кабинеты, спальня, прихожая и входы были у каждого особы»⁷. Речь идет о флигеле, выходящем на Галерную улицу, в котором до 1820 г. жил адъютант Остермана-Толстого поручик И. И. Лажечников⁸. Далее Завалишин пишет: «Остерман очень любил общество молодежи; его обычный круг составляли, кроме меня, Голицыны, Валериан и Леонид (старший их брат, Александр, бывал реже), Иван Матвеевич Толстой, очень дружный со мною; часто — Константин Федорович Опочинин и Федор Иванович Тютчев; весьма часто гр. Алексей Петрович Толстой, также весьма дружный со мною. Присутствием своим Остерман никогда не стеснял оживленных разговоров молодых людей и не воспрещал толковать о высших и политических делах. ...Случалось, что он приглашал молодых литераторов читать у него не напечатанные еще их произведения».

К этому свидетельству о кружке столичной молодежи, на собраниях которой присутствовал хозяин дома, не мешая «толковать о высших и политических делах», следует добавить, что в квартире Завалишина в особняке Остермана-Толстого в 1825 г. бывали будущие участники восстания на Сенатской

площади — К. Ф. Рылеев и офицеры Гвардейского экипажа лейтенант А. П. Арбузов, мичманы А. П. и П. П. Беляевы, В. А. Дивов⁹. Именно здесь Завалишин жил до повторного ареста 2 марта 1826 г.¹⁰

Сестра А. И. Остермана-Толстого Наталья Ивановна Толстая была замужем за ярославским губернатором князем М. Н. Голицыным. В этом браке рождено трое сыновей. Старший из братьев, Александр Михайлович (1798—1858), воспитывался в Пажеском корпусе и в мае 1817 г. выпущен в гвардейскую артиллерию. Младший, Леонид Михайлович (1806—1860), был корнетом лейб-гвардии Гусарского полка.

Валериан Михайлович Голицын (1803—1859) после окончания Пажеского корпуса в марте 1821 г. начал службу прапорщиком Преображенского полка. Вышел в отставку в чине гвардейского поручика в феврале 1824 г. и уехал к родителям в деревню. Год спустя поступил на службу титулярным советником в Департамент внешней торговли; камер-юнкер императорского двора с мая 1825-го. В доме своего дяди жил в 1825 г. — с февраля до середины ноября и с 15 по 23 декабря¹¹.

Еще летом 1823 г. В. М. Голицын был принят в Северное тайное общество своим сослуживцем — штабс-капитаном Преображенского полка Александром Викторовичем Поджио¹². Арестованный 23 декабря 1825 г. в доме Остермана-Толстого и заключенный на другой день в Петропавловскую крепость, Голицын заявил на допросе в Следственном комитете, что «изъявляя желание, чтоб распространение просвещения во всех классах народа способствовало к освобождению крепостных крестьян и ко введению конституционного порядка в России». Он признал, что «знал довольно коротко» декабристов Е. П. Оболенского и Н. М. Муравьева, был знаком с К. Ф. Рылеевым, М. И. Муравьевым-Апостолом, Ф. Ф. Вадковским и М. Ф. Митьковым¹³, «знал как о существовании Южного общества, так и о намерении оногo ввестъ республиканское правление»¹⁴. Позднее был арестован и старший брат Валериана Голицына — подпоручик лейб-гвардии пешей артиллерии Александр Михайлович Голицын, который членом Северного общества не был, но знал о его существовании¹⁵.

14 декабря 1825 г. ни Завалишина, ни Валериана Голицына в Петербурге не было. Но дом Остермана-Толстого упомянут

в хронике этого дня: во время разгрома восстания здесь пытались укрыться А. А. Бестужев, Н. А. Панов, кто-то из офицеров Гвардейского экипажа и несколько нижних чинов мятежных частей¹⁶. Об этом вспоминал А. А. Бестужев: «...когда по третьему выстрелу картечью повалились убитые и раненые у нас и в Экипаже, солдаты бросились бежать. Экипаж смял часть Семеновского полка, стоявшего у Конногвардейского мостка, мы пустились вдоль Галерной улицы. Картечи свистели подле ушей, другие попадали в водосточные трубы и пробивали обе стенки навывлет. Галерная улица на конце была закрыта подле канавы каким-то полком. Я знал, что все дома в улице проходные на Неву; бросился в одни ворота, в другие: все заперты. Наконец я прибежал к какому-то дому. Дворник, желая посмотреть, что делается на улице, высунулся из калитки до половины. Картечь в висок поразила его. Бедняжка лежал половиною тела во дворе, другою на улице. Я перешагнул через дворника, а за мною четыре солдата. Мы бросились к дверям на Неву. Они были заперты и замкнуты; солдаты хотели отворить их штыками, но труды их были напрасны»¹⁷.

Д. И. Завалишин был осужден Верховным уголовным судом по I разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу вечно (в августе 1826 г. срок сокращен до 20 лет). В. М. Голицын, осужденный по VIII разряду, лишенный княжеского достоинства и чинов, приговорен к ссылке в Сибирь на поселение вечно. А. М. Голицын освобожден после четырех месяцев заключения. Завалишин писал: «Остерман был очень огорчен участью, постигшею его племянников и меня. Для старшего племянника, Александра Голицына, он испросил прощение, но для Валериана не мог того добиться, что и было, кажется, причиною неудовольствия, вследствие которого он удалился за границу»¹⁸.

Вышедший в отставку А. И. Остерман-Толстой уехал за границу в 1826 г., после вынесения приговора декабристам, не дождавшись коронации Николая I, которого он, по свидетельству современников, «терпеть не мог». Жил в Париже, Риме, Флоренции, Мюнхене. Когда в 1828 г. началась война с Турцией, прославленный боевой генерал предложил Николаю I направить его в действующую армию, но император отклонил это

предложение. В 1831 г. в качестве военного советника Ибрагим-паши участвовал в войне Египта против турецкого султана, затем отправился в трехлетнее путешествие по Востоку, посетил Константинополь, Иерусалим, совершил плавание по Нилу. Дважды приезжал в Петербург, но ненадолго. В 1837 г. продал свой особняк на Английской набережной графине В. П. Полье, арендовавшей его у Остермана-Толстого с 1832 г.¹⁹ В конце 1830-х гг. поселился в Женеве, где и скончался в возрасте 86 лет.

Его любимый племянник, Валериан Голицын, в 1829 г., после нескольких лет жизни на поселении в Иркутской губернии, был определен рядовым на Кавказ. С 1835-го — унтер-офицер, с 1837-го — прапорщик, год спустя уволен от военной службы по болезни с разрешением служить по гражданскому ведомству в Ставрополе. Затем жил под строгим надзором в Орле и в Епифановском уезде Тульской губернии, с марта 1853-го — в Москве²⁰. 26 августа 1856 г. амнистированному Голицыну был возвращен княжеский титул с освобождением от всех ограничений в правах.

Граф Остерман-Толстой, не имевший законных детей, ходатайствовал о передаче племяннику титула и майората, но российская бюрократическая машина работала неторопливо. Ответ на ходатайство старого генерала задержался на годы. Тем временем (11 февраля 1857 г.) Александр Иванович Остерман-Толстой умер в Женеве. Год спустя скончался Александр Голицын, в октябре 1859 г. умер Валериан, в феврале 1860-го — Леонид. Только в мае 1863 г. сыну декабриста В. М. Голицына, Мстиславу Валериановичу (1847–1902), было дозволено принять фамилию, титул и герб графов Остерманов и именоваться князем Голицыным, графом Остерманом²¹.

Примечания

¹ См.: Николай Михайлович, вел. князь. Генерал-адъютанты Александра I. СПб., 1913. С. 117–118; *Крайванова И. Я.* Генерал А. И. Остерман-Толстой. М., 1972; *Ивгенко Л. А.* А. И. Остерман-Толстой // Герои 1812 года. М., 1987; *Рогинский Е. М.* Генерал Остерман-Толстой // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 147–153; *Журавина Т. Г.* Дворянское гнездо: Санкт-Петербург, Английская набережная, 10. СПб., 2002. С. 35–54; *Двораковский В.* Алек-

сандр Иванович Остерман-Толстой. М., 2003; *Токарев А. В.* Возвращение генерала от инфантерии графа А. И. Остермана-Толстого в Россию // Военно-исторический журнал. 2007. № 3. С. 34–57.

² *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1091–1098.

³ *Вяземский П. А.* Записная книжка. 1813–1848. Ч. 2. М., 1963. С. 69.

⁴ *Бройтман Л. И.* «Окнами на Английскую набережную» // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. VI. СПб., 2003. С. 201–204.

⁵ *Завалишин Д. И.* Воспоминания о графе А. И. Остермане-Толстом // Исторический вестник. СПб., 1880. № 5. С. 92–99.

⁶ *Шешин А. Б.* Новые сведения о петербургских адресах декабристов и времени их проживания в столице // Декабристы в Петербурге: Новые материалы и исследования. СПб., 2009. С. 494.

⁷ *Завалишин Д. И.* Указ. соч. С. 93.

⁸ См.: *Лажегников И. И.* Очерки и воспоминания. М., 1991.

⁹ Восстание декабристов: Документы. Т. I. М.; Л., 1925. С. 237, 260; Т. III. М.; Л., 1927. С. 233, 235.

¹⁰ Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 69–70; *Шешин А. Б.* Указ. соч. С. 494.

¹¹ *Шешин А. Б.* Указ. соч. С. 499.

¹² Декабристы: Биографический справочник. С. 144–145, 302.

¹³ Восстание декабристов: Документы. Т. XIV. М., 1976. С. 216, 219, 223.

¹⁴ Декабристы: Биографический справочник. С. 245.

¹⁵ Там же. С. 246.

¹⁶ Восстание декабристов: Документы. Т. I. С. 450.

¹⁷ Цит. по: *Щукин Н. С.* Александр Бестужев-Марлинский в Якутске // Вопросы литературы. 1976. № 2. С. 212–213.

¹⁸ *Завалишин Д. И.* Указ. соч. С. 99.

¹⁹ *Журавина Т. Г.* Указ. соч. С. 53.

²⁰ Декабристы: Биографический справочник. С. 53–54.

²¹ *Марголис А. Д.* Петербург: история и современность. Избранные очерки. М., 2014. С. 109–110.

Д. К. Равинский

В ПОИСКАХ «КРАСОТЫ ПЕТЕРБУРГА»

«КРАСОТА Петербурга» сегодня представляется нам понятным, даже самоочевидным определением. Однако в течение длительного времени репутация нашего города была в этом отношении, как сейчас принято говорить, неоднозначной.

Знаменитая статья Александра Бенуа «Живописный Петербург», напечатанная в 1902 г. в журнале «Мир искусства», в номере, посвященном 200-летию Петербурга, констатировала: «Кажется, нет на всем свете города, который пользовался бы меньшей симпатией, нежели Петербург. Каких только он не заслужил эпитетов: „гнилое болото“, „нелепая выдумка“, „безличный“, „чиновничий департамент“, „полковая канцелярия“. Я никогда не мог согласиться со всем этим и должен, напротив того, сознаться, что люблю Петербург и даже, наоборот, нахожу в нем массу совершенно своеобразной, лично ему только присущей прелести»¹. Прекрасно сознавая, насколько банальна тема «красоты Петербурга», я попытаюсь осветить ее, используя некоторые не слишком известные, по моему пониманию, материалы.

Образ «гнилого болота», упомянутый Бенуа, охотно эксплуатировался переселившимися в Петербург писателями-южанами (И. И. Ясинский, В. И. Немирович-Данченко и др.). Для примера приведу цитату из романа Немировича-Данченко «Болотные огни»: «...От солнечного юга не оставалось даже воспоминания, когда Лев Станиславович подъезжал к Петербургу. Казалось, что между его глазами и всем остальным миром кто-то опустил сверху серую завесу. В мелком, но частом дожде, смешанном со снегом, ничего нельзя было разобрать впереди.

— Самая отечественная погода,— смеялись его соседи,— ничего в волнах не видно.

Еще удивляются, почему петербуржцы вечно раздражены и таят каждый про себя злость какую-то. Как тут быть

жизнерадостным? Поневоле, не зная, на ком сорвать сердце,— начнешь ближнему твоему всяких пакостей желать»². Скверная погода отчасти компенсировалась монументальной архитектурой и имперским величием. Стилистика, по выражению Н. П. Анциферова, «трагического империализма» стала в начале XX в. наглядным воплощением «петербургского периода русской истории», закрепившись в памяти образом «блистательного Санкт-Петербурга», безнадежно утраченного в водовороте истории. При этом даже пресловутый серый петербургский пейзаж приобретал выразительность и обаяние. Требуется существенная эмоциональная работа, чтобы начать «различать оттенки серого», видеть цветовую гамму Петербурга. Характерны слова, написанные Бенуа по поводу пейзажей художника XVIII в. Федора Алексева: «Алексеев... видимо, желал передать серый, туманный воздух Петербурга, ближе подойти к правде, выразить, скромно и отрешившись от чужеземного блеска, тоскливую прелесть Северной столицы»³. Примеры цветовой наблюдательности у Вс. Рождественского: «Было это небо, как морская карта / Желтый шелк сегодня, пепельный вчера, / Знаешь, в Петербурге на исходе марта, / Только и бывают эти вечера». Или у Е. А. Бекетовой: «...это был один из тех светлых, бледно-зеленых вечеров, которые бывают только в Петербурге»⁴ — итог развития, начатого статьями А. Бенуа.

В советское время, в двадцатые и особенно в тридцатые годы, активно разрабатывалась тема отхода от воспевания «старого», «музейного» города в пользу «новой эстетики» социалистического Ленинграда. Из многочисленных примеров возьму разговор двух художников в романе А. Бартэна «Творчество»: «— Чему посвящены ваши этюды? Аллея Летнего сада, Нева с видом на шпиль крепости, горбатый мостик через Фонтанку, снова шпиль — на этот раз адмиралтейский, опять Летний сад... Вы считаете, что ленинградский пейзаж этим ограничивается? Поймите, нельзя дальше оставаться таким петербургским жителем. Мы живем не в четырнадцатом году — в тридцать пятом. <...> Новая индустриальная красота отличает облик нашего города — приходилось ли вам бывать на левом берегу Невы? Жаль! Нищим был берег, голым, а сейчас...»⁵ Добавим, что

говорит это один из руководителей организации художников рядовому живописцу и разговор имеет непосредственное значение для материальных условий работы художника...

Ситуация изменилась после войны — переживший страшные лишения город получил некоторое право на «старую эстетику», что проявилось, в частности, в возвращении прежних названий некоторым улицам и площадям (это не помешало в 1952 г. переименовать десятки новых улиц и переулков). Чуткие к веяниям времени авторы не замедлили отразить этот, едва наметившийся, поворот. В романе Веры Кетлинской «Дни нашей жизни» «социалистическому Ленинграду» воздано должное: героиня идет новыми кварталами, беседует с памятником Кирову и т. д. Но вот она добирается и до исторического центра: «Уж на что всем известен, воспет поэтами и художниками светлый шпиль Адмиралтейства, а вот она смотрит на него — и, словно первый раз в жизни, поражена чистейшими линиями, взлетающими к небу от массивного и всё-таки легкого основания»⁶. Подчеркну — и Бартэн и Кетлинская хорошо чувствовали, как *надо* писать, поэтому приведенные цитаты показательны.

Начиная с празднования 250-летия Ленинграда, прошедшего, как известно, в 1957 г., с опозданием на четыре года (празднование в 1953 г. не состоялось из-за смерти Сталина), утвердился образ Ленинграда как города прямых проспектов и четких линий, в котором живут интеллигентные, воспитанные люди. Этот образ удачно вписался в официальную парадигму «города трех революций», «где каждый камень Ленина знает» (строчки Маяковского, написанные о Красной площади, стали со временем применяться к Ленинграду). И в то же время в конце пятидесятых на страницы художественной прозы (не очерков!) прорывается не стандартизованное, личностное восприятие красоты и обаяния Ленинграда. Я приведу достаточно длинную цитату из забытого (да и мало кем замеченного при своем появлении) произведения И. Варламовой, где в ярком, концентрированном виде зафиксировано такое личностное восприятие. «Вот Троицкий мост. Какое совершенство линий! И какое изящество добавляют ему тяжелые, спокойные опоры фонарей, их геометрически четкие светильники в бронзовых каркасах, точно соцветие белых линий на фоне вечернего неба. А вот Дворцовая площадь.

Какая гулкая пустота — даже в тихие утренние часы здесь слышишь мощное эхо времени, торжественные хоры, органную музыку. И улицы города ночью — дома гораздо темнее неба, словно бы брызжущего светлой надеждой. Каждый дом в отдельности, может быть, и обшарпан, и стар, и невелики окна, и парадная дверь с давно облупившейся краской, — а все вместе они составляют такую картину стройности, что, кажется, в ней нельзя изменить и штриха. Именно тот дом должен быть выше остальных и именно на столько. Именно на этом расстоянии должен быть тротуар от парапета набережной, и именно так должна изгибаться улица, повинувшись не капризно-безвольному, природному течению реки, а стальной в своей правоте руке художника, создавшего эту безупречную красоту.

Соня бродила без усталости, впитывала в себя, глотала впечатления. Город прекрасен, в нем нельзя изменить ничего. Несколько поколений незаметно воспитывались здесь в духе уважения к человеческому гению, к искусству и труду, к созданной и зажившей своей жизнью вещи. Люди менялись, а Ленинград стоял неизменный и гордый»⁷. Дальше писательница признает, что «придет час, когда кто-то первый, сначала робко, а потом всё смелее, подумает: может быть, и можно всё-таки кое-что изменить? Ведь иначе город обречен на окостенение. Но если хоть что-нибудь изменить, уже не будет этой непогрешимой стройности. Так где же выход? А главное — в чем новая красота?»⁸ Оговорка не отменяет главной мысли: цельности, «непогрешимой стройности» Ленинграда. И хотя, разумеется, это прямо не высказано, подразумевается противопоставление «неизменного и гордого» Ленинграда подвергшейся реконструкции Москве. Как видим, рациональная стройность, подчиненность имперской воле по-прежнему заволаживали, формируя особую «красоту Ленинграда».

Однако существовало и принципиально другое понимание красоты Петербурга. В романе Георгия Петровича Блока (двоюродного брата великого поэта) высланный в провинциальную глухомань петербуржец ведет беседу с местным врачом, окончившим Московский университет. Разговор переходит на излюбленную для петербуржцев тему — сравнение с Москвой: «— Не любите москвичей?

— Не люблю.

— За что ж это?

— Да за всё. Ужасно удовлетворенные. Ужасно примирившиеся с собой. И уж хвастуны! Радушные и то хвастливое! Говор и тот хвастливый!

И потом москвичу что ни дай — всё только обслынявит. Ведь вот им не понять, например, что можно идти где-нибудь по Средней Подъяческой (знаете там, где Екатерининский канал таким подленьким коленцем ломается), идти в дождик, в грязь, смотреть на кислые дома, дышать мокрой вонью и вдруг остановиться перед всем этим... Ну, как бы выразиться? Ну, в тайном что ли восторге, в блаженных, разрешите сказать, слезах умиления... Нет, где им понять! Да и хорошо, что не понимают.

— Стало быть питерские лучше?

— Гм... питерские... слово „Питер“ придумано тоже, должно быть, у Тестова в трактире. После расстегаев... Нет-с, питерские не лучше!⁹

Этот выразительный, истинно петербургский по синтаксису и интонации пассаж оставляет несколько загадочное впечатление. С одной стороны, всякому коренному обитателю нашего города понятно, о чем идет речь. С другой — как объяснить это постороннему?

Ключевым моментом мне кажется то, что «москвичам не понять», то есть речь о том, что в Петербурге сформировался особый эмоциональный тип, способный на «тайный восторг» перед обыденным, даже депрессивным, городским пейзажем. Формирование этого типа — результат длительного развития психологической истории Петербурга. Можно спорить о том, когда именно возникает этот тип, но, думается, есть основания считать, что произошло это в конце XIX — начале XX столетия, когда вышло на сцену новое культурное поколение. Упомянутый выше манифест Александра Бенуа (и в целом культ Петербурга у мирискусников) — одно из проявлений этого нового этапа психологической истории города. Другое проявление — Петербург А. Блока, любившего, как известно, долгие прогулки по городским окраинам. В том же ряду и откровения Георгия Чулкова — близкого друга Блока. «Роман князя Нерадова был воистину петербургским романом. Ни людей таких, ни

столкновений в другом городе и быть не могло. Князя и представить себе нельзя иначе, как в нашем желтом тумане. А если бы он перебрался в Москву, например, то и переменялся бы тотчас же, как это, по моим наблюдениям, случается постоянно с теми, которые бегут прочь от заколдованной Невы, Медного всадника и белой весны нашей»¹⁰. Цитата примечательна тем, что в ней перечислены три причины, по которым бегут из Петербурга, — и в то же время это три фактора, которые определяют эмоциональную специфику остающихся, то есть *настоящих петербуржцев*. Итак, эти три фактора: заколдованная река, Медный всадник и белая весна.

Нина Берберова, впервые побывав в Нью-Йорке, неожиданно обнаружила в нем сходство с Ленинградом: «Водные пространства и особый свет, идущий от них, придают всему тот же характер призрачности и временности, или вневременности, или безвременности. Москва, Лондон, Рим, Париж стоят на месте. Ленинград и Нью-Йорк плывут, расставив все свои паруса, разрезая бушпритом пространство, и могут исчезнуть — если не в действительности, то в видении поэта, создающего миф»¹¹. Это одна сторона заколдованной реки, но есть и другая — река притягивает. «Поместившись на самом носу парохода, Бургардт молча любовался красавицей Невой. Что-то такое чудное и хорошее в этой живой, вечно движущейся воде, какая-то скрытая сила и молчаливый покой. Недаром Людмила Игнатъевна боялась воды: ее так и тянуло броситься в воду»¹².

Мрачный финал кажется несколько натянутым, но вот и в произведении советского автора возникают те же мотивы: «Ветер над рекой, сумасшедший ветер. Ветер хлещет осенней судьбою мир, и город Петра в эти дни сер, дождлив, склизок и полон финских лихорадок. <...> И в такие осени много людей кончают расчеты с жизнью. Много их во всем мире, слабых душ, и черный стальной кружок, веревочная петля или бесцветная влага в неболтаной склянке приковывают их к себе магнетически. Приковывает их к себе и черная осенняя вода, сулящая осеннее безумие, и тогда ночная холодная стылъ Фонтанки и Мойки, Невы — и уснувших каналов этой северной пронзительной Венеции — влекут к себе, в неотразимое свое сладострастие»¹³. (Здесь еще уместно вспомнить о постоянной

угрозе наводнений, когда «заколдованная река» сама приходит к обитателям города.)

Вторая названная Чулковым причина бегства из Петербурга — Медный всадник. И кажется понятным, почему от него бегут, — потому что он оживает и преследует несчастного жителя города. Интересно, однако, что у Чулкова есть небольшое эссе «Всадники», в котором он вспоминает известную легенду о сне князя Голицына (иначе — сне майора Батурина), где Всадник говорит: «Пока я на месте, моему городу нечего опасаться!» И далее Чулков пишет: «Едва ли кто не задумывался над иными ночными видениями, похожими на предсказания и предупреждения. Но, быть может, самое необычайное и загадочное — это повторяющийся сон. Сон, раз приснившийся, вновь и вновь возникает в душе, наполняя тайным ужасом сердце и разум»¹⁴. Нет необходимости напоминать об особой роли сновидений в психологической атмосфере Петербурга, недаром Поликсена Соловьева назвала его «город туманов и снов».

Наконец, «белая весна» имеет, на наш взгляд, двойной (как минимум) смысл. С одной стороны, это, разумеется, «белые ночи» — промежуточное состояние между днем и ночью, чудесное, но аномальное время, в психическом отношении весьма опасное (вспомним хотя бы героя «Вечного мужа», который каждую весну заболел «раздражением нерв»). С другой же стороны, «белая весна» — противоположность «зеленому шуму» средней полосы. «Белая» — это значит и обесцвеченная, лишенная милых оттенков пробуждающейся природы. «Извращенная жизнь громадного города отнимает всю своеобразную прелесть у петербургской весны — нет в ней ни меланхолической поэзии, ни таинственной мощи, не звучит торжественная и строгая нота людского ничтожества <...> на улицах вычищенных и подметенных (когда за чертой города долго еще царит распутица), на широких, сухих тротуарах, в скверах, подергивающихся преждевременной зеленью, — суетится, спешит и хлопочет пестрая толпа, принаряженная в веселые летние цвета, занятая только собою, своими планами и заботами, энергичная, самоуверенная»¹⁵. Да и вообще всем известно было, что в Петербурге весна не приходит сама — ее делают дворники.

Вот это ощущение единства прекрасного и трагического, прелестного и унылого и составляет основу «тайного восторга», испытываемого петербуржцами-ленинградцами по отношению к своему городу.

Подход к городу как набору «брендов», характерный для административного мышления, — прямая противоположность этому ощущению красоты города.

Примечания

¹ Бенуа А. Н. Живописный Петербург // Мир искусства. 1902. Т. VIII, № 1. С. 1.

² Немирович-Данченко В. И. Болотные огни. СПб., 1903. С. 277.

³ Бенуа А. Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1899. С. 88.

⁴ Бекетова (Краснова) Е. Рассказы. СПб., 1896. С. 53.

⁵ Бартэн А. Творчество. Л., 1952. С. 11.

⁶ Кетлинская В. Дни нашей жизни. Л., 1953. С. 113.

⁷ Варламова И. Любить и верить. М., 1959. С. 308–309.

⁸ Там же. С. 309.

⁹ Блок Г. П. Одиночество. Л., 1929. С. 78–79.

¹⁰ Чулков Г. Метель. М., 1917. С. 47.

¹¹ Берберова Н. Н. Курсив мой. М., 1999. С. 555.

¹² Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. Т. 11. Пг., 1917. С. 11.

¹³ Лидин В. Г. Идут корабли. М.; Л., 1927. С. 175–176.

¹⁴ Чулков Г. Вчера и сегодня. М., 1916. С. 164.

¹⁵ Шапир О. Повести и рассказы. Пб., 1899. С. 465.

ЕГИПЕТСКИЕ СФИНКСЫ В ПЕТЕРБУРГЕ: ПЕРВЫЕ ШАГИ НА НОВОЙ РОДИНЕ

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ сфинксы, вот уже 187 лет украшающие пристань у Академии художеств и составляющие, по замыслу ее создателей, единый ансамбль созданием Академии, были приобретены в Египте в 1830 г. В мае 1831 г. они были погружены в Александрии на бриг «Елена Буэна Сперанца», и корабль отправился в Петербург.

В Кронштадт корабль прибыл в самом начале мая 1832 г. Во всяком случае, министр Императорского двора князь П. М. Волконский проинформировал об этом главноуправляющего Корпуса инженеров путей сообщения и публичных зданий герцога Александра Вюртембергского в письме, датированном 5 мая 1832 г. Он известил, что сфинксы прибыли «...на корабле „Елена“, шкипер Арапи...»¹, и передал, что император попросил сообщить герцогу, что ему необходимо «поручить кому-либо из инженеров путей сообщения принять означенных сфинксов в Кронштадте, перегрузить их на другие суда и привести в С. Петербург, а по выгрузке поставить на круглом дворе Академии художеств, где и будут они оставлены до окончательного устройства пристани»². «Издержки» (расходы.— В. А.) по перевозке сфинксов из Кронштадта в Петербург решено было покрыть из средств, выделяемых на устройство набережной. Вместе со сфинксами, сообщает Волконский, в Петербург должен быть доставлен «...такой же гранитный камень, из коих они сделаны, взятый на месте, для исправления имеющихся в них повреждений»³. Кроме того, указывал князь, он пересылает герцогу Вюртембергскому ряд важных документов, а именно: «...1) два акта А и Б о повреждениях, существовавших в обоих сфинксах до погружки оных на корабль; 2) акт под литерой С с описанием шлемов, принадлежащих к сфинксам; 3) акт под литерой D о повреждении, учиненном в одном из сфинксов при нагрузке на корабль и 4) описание, под литерой Е, каким образом памятники сии были погружены на корабль, каковое

В. Г. Авдеев - Египетские сфинксы в Петербурге: первые шаги на новой родине

описание может служить руководством при выгрузке оных»⁴. Волконский предупредил, что все бумаги следует вернуть ему «...по миновании в сих надобности»⁵. Поручение императора герцогу Вюртембергскому, переданное через Волконского, найти ответственного человека, которому можно было бы поручить доставку сфинксов непосредственно в Петербург с их последующим перемещением во двор Академии художеств, как нам кажется, не вызвало у герцога особых затруднений. Такой человек был на виду. Это полковник Корпуса инженеров путей сообщения Е. А. Адам⁶. Он уже осуществлял строительство набережной, ему же предстояло возвести спроектированную К. А. Тоном парадную пристань у Академии художеств, где и должны были установить древнеегипетские изваяния. Адам немедленно приступил к делу. Нам неизвестно, воспользовался ли он документом под литерой Е, где описывалась технология погружки сфинксов на корабль, но мы точно знаем, что рекомендацию императора, переданную через Волконского, — перегрузить сфинксы в Кронштадте на отдельные корабли и затем доставить их к невскому берегу у Академии художеств, — он творчески переосмыслил. Адам нашел возможность проводки греческого корабля с его большой осадкой в Санкт-Петербург без осуществления рискованной перегрузки сфинксов. Он применил остроумное инженерное решение этой проблемы. Вот как он сам описал его в смете работ, составленной ввиду срочности задания с отступлением от общих правил, уже после доставки сфинксов в Петербург: «Для провозки греческого купеческого корабля (Елена) из Кронштадта в С. Петербург против площади Румянцевской, посредством двух судов, на которых были устроены стропилы независимо от греческого корабля, а на сих стропилах привязаны разные блоки и канаты, так что два сфинкса подняты на три фута, а равно и корабль поднят был на столько же и потом приведен двумя пароходами к вышеупомянутой набережной...»⁷. Согласно смете, операция эта стоила 5000 рублей. Завершена она была 18 мая 1832 г., когда долгожданные сфинксы были наконец доставлены в Санкт-Петербург, на свою новую родину.

В этот же день, утром, еще до прибытия сфинксов, состоялось заседание Совета при Главном управлении путей сообщения.

Совет, как правило, собирался для решения наиболее сложных с технической точки зрения вопросов. На нем, по письменному распоряжению главы ведомства герцога Вюртембергского, должны были рассмотреть вопрос разгрузки сфинксов с корабля на берег и их перемещения во двор Академии художеств. Герцог предлагал «...призвать сегодня же в заседание... полковника Адама и в дополнение данных мною ему для ускорения дела предварительных наставлений снабдить его подробно на сей предмет инструкцией, дабы вышеозначенные подъем и переноска были сделаны с надлежащею осторожностью, для сбережения сих обелисков (так в тексте.— В. А.) во всей целости и без малейших повреждений»⁸. Совет выполнил поручение своего начальника, но, по правде говоря, каких-либо радикальных рекомендаций Адаму высказано не было. Его профессионализм полностью убедил многоопытных членов Совета. После одобрения Советом предложений Адама приступили к подготовительным работам. Местом выгрузки выбрали набережную напротив Румянцевской площади. Здесь предполагалось возвести специальный деревянный помост. В РГИА сохранился архитектурный чертеж к проекту этого помоста⁹. Для его строительства была расчищена и оборудована площадка в 200 квадратных саженей: срыт на глубину 1 фут накопившийся на ней мусор (прежде всего деревянная щепа) и отнесен на расстояние 35 саженей; вырыты 269 ям глубиной 1½ сажени «для постановки 234 стульев (опор.— В. А.) и стоек»¹⁰. Далее от возведенного помоста был устроен деревянный настил («настилка») «до самой середины круглого двора здания Академии художеств, с разными поворотами всего до 80 погонных саженей на 2 сажени ширины»¹¹, то есть общей площадью до 160 квадратных саженей. Для проникновения во двор Академии использовались ворота, выходящие на Румянцевскую площадь. Сами работы по разгрузке сфинксов и их перемещению на место временного хранения были оценены в 4000 рублей¹². Само оборудование (четыре шпиля и по четыре соответственно трех-, двух- и одношкивных блоков, а также канаты) бралось напрокат на 16 дней. Отдельно осуществлялась плата за рабочих: 219 рублей за плотников и 835 рублей 60 копеек за чернорабочих. Материал стоил 8549 рублей 33½ копейки¹³. Общая сумма затрат вместе

с отдельно упоминаемой нами стоимостью транспортирования сфинксов из Кронштадта в Петербург (5000 рублей) составила 20 533 рубля 93½ копейки. Завершение самой операции, ради которой предусматривалось израсходовать все эти деньги, была проведена 2 и 3 июня 1832 г. А уже 4 июня 1832 г. герцог Вюртембергский радостно рапортовал императору: «...2 и 3 числа сего месяца в присутствии моем произведена благополучно выгрузка привезенных из Египта двух сфинксов, назначенных для вновь устраиваемой пристани против здания Императорской Академии художеств,— которые в то же время и помещены во дворе оногo»¹⁴. Ответственность за хранение сфинксов взял на себя президент Академии художеств А. Н. Оленин.

Шкиперу греческого корабля за выполнение важного для российских властей контракта по сложившейся традиции полагалась награда. Император был щедр, и из дворцовой казны для этого по его указанию был подобран перстень с бриллиантом стоимостью 1500 рублей. Перстень был направлен К. В. Несельроде¹⁵ для вручения по назначению — шкиперу Андре Арапи, с кем был заключен контракт. Но случилось неожиданное — никакого Арапи на корабле не обнаружилось, а вместо него бригам управлял его официальный хозяин — шкипер Фелини. Стали разбираться. Из дипломатической переписки выяснилось, что сразу после погрузки сфинксов на корабль шкипер Арапи был отстранен от управления судном, и его место на капитанском мостике занял Фелини. Возможно, отстранение Арапи произошло как следствие инцидента, произошедшего при погрузке одного из сфинксов, когда тот упал на палубу, и хозяин судна решил подстраховаться от всяких неожиданностей и привести корабль в конечный порт назначения под собственным управлением. Здесь он и получил за свою работу щедрое царское вознаграждение.

Летом 1832 г. были урегулированы также и финансовые вопросы, касающиеся перевозки сфинксов из Александрии в Санкт-Петербург. Их было два. Во-первых, следовало окончательно расплатиться за доставку сфинксов по месту назначения, указанному в контракте Генерального консула в Александрии, с владельцами судна. Сумма контракта составляла 28 500 рублей, но с учетом «надбавочных 15%» она выросла до

32 550 рублей¹⁶. Однако при заключении контракта некоторую ее часть выплатили «иностранною монетою, составляющую по курсу на ассигнации 1577 р. 50 к.». При вычете этих денег из окончательной суммы контракта оставалась сумма в 31 197 рублей 50 копеек. Император согласовал эти расчеты 17 июня 1832 г., и деньги были выплачены. Тем не менее оставался еще один вопрос, по которому возникли некоторые разногласия. По контракту за счет казны, то есть государства, предусматривалось «привести в прежнее состояние <...> корабль, на котором произведены были разные переделки для помещения сфинксов»¹⁷. Владелец судна Фелини вызвался взять на себя исправление судна и попросил на эти работы 15 000 рублей. Сговорились на 9000 рублей. 2 июля 1832 г. сумму этой выплаты император также одобрил, и греческий корабль покинул Петербург.

В последующие два года о сфинксах почти не вспоминали. Однако в марте 1834 г., когда строительство пристани близилось к завершению и гранитные постаменты для сфинксов были готовы, полковник Адам озаботился предстоящими работами по их установке на предназначенные места. Судьба сфинксов на новой родине по-прежнему находилась в руках этого человека. 11 марта Адам обратился к Оленину с вопросом, не может ли он забрать сфинксов, чтобы установить их на пьедесталы. Но возникла неожиданная заминка — Оленин ответил, что еще не завершена «починка гранитных шапок, принадлежащих египетским сфинксам», и работы эти могут быть закончены в течение трех недель. Адам стал готовиться к перемещению сфинксов. На сей раз было решено пойти традиционным путем, в отличие от авральной ситуации двухлетней давности. Выбор подрядчика на проведение указанных работ провели на конкурсной основе. Объявленные торги прошли в два тура: 20 и 24 марта 1834 г. Всем претендентам выдали так называемые кондиции, то есть перечень требований к участникам торгов. В них предписывалось, что перемещение сфинксов (в документе указано «выкадка». — В. А.) из двора академического здания на набережную должно проводиться «собственными рабочими из Академических ворот напротив Румянцевской площади»¹⁸ и с использованием собственных инструментов, причем подрядчик будет обеспечен

необходимым лесным материалом «от казны», но с условием его возвращения в казну по окончании работ. Победителем на торгах стал купеческий сын Василий Яковлев, согласившийся выполнить работу за 4840 рублей, вместо первоначально назначенной суммы в 5000 рублей. К 10 апреля 1834 г., нужно полагать, «починка шапок» была завершена, поскольку Адам дает распоряжение с 12 апреля приступить к возведению подмостков¹⁹, с тем чтобы построить их к 20 числу, а уже 24 апреля окончательно завершить установку сфинксов на постаменты. Работы, по-видимому, шли с огоньком, и уже 20 апреля 1834 г. Адам рапортует новому главному управляющему Корпуса инженеров путей сообщения и публичных зданий и сооружений графу К. Ф. Толю: «Сфинксы приняты и поставлены на пристани на предназначенных для них пьедесталах»²⁰. Оставалось нанести последний, завершающий штрих в возникший на берегах Невы уникальный городской памятник — расположить на пьедесталах памятные надписи. Однако это особая тема, которой посвящен доклад моего коллеги — старшего научного сотрудника ГМИ СПб Т. В. Ковалёвой, текст которого помещен в настоящем сборнике.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Ед. хр. 1255. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Л. 1 об.

⁵ Там же. В данном архивном деле перечисленных документов нет, из чего следует, что указание Волконского было выполнено.

⁶ Егор Андреевич Адам (1793 — после 1860) — инженер, руководитель строительства набережных и мостов в Санкт-Петербурге.

⁷ РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Ед. хр. 1255. Л. 13 об.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ РГИА. Ф. 1487. Оп. 4. Ед. хр. 66. Л. 1. Чертеж, кстати, дает полное визуальное представление и о технологии перевозки сфинксов с помощью двух вспомогательных кораблей, вплотную пришвартованных к боковым частям греческого судна.

¹⁰ Там же. Л. 14 об.

¹¹ Там же. Л. 22 об.

¹² Там же. Л. 23.

¹³ Там же. Л. 23 об. Основная часть материала, как нам кажется, была, после разборки строительных конструкций, предусмотрительно сохранена для переноски сфинксов из академического двора на набережную и установки их на гранитные пьедесталы на набережной, осуществленных в 1834 г.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862) — российский государственный деятель, предпоследний канцлер Российской империи.

¹⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Ед. хр. 633. Л. 1.

¹⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Ед. хр. 641. Л. 1.

¹⁸ РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Ед. хр. 1255. Л. 35.

¹⁹ Там же. Л. 50.

²⁰ Там же. Л. 52.

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ НАДПИСИ НА ПОСТАМЕНТАХ ЕГИПЕТСКИХ СФИНКСОВ

В АРХИТЕКТУРЕ Санкт-Петербурга «египетский стиль» является одним из самых загадочных явлений. Сфинксы с Университетской набережной давно стали одним из основных символов города наравне с Петропавловской крепостью и Адмиралтейством. В XVIII–XIX вв. в Петербурге и пригородах стилизованные элементы египетской культуры активно использовались в оформлении зданий, мостов, интерьеров дворцов. Традиция «Египетского Петербурга» косвенно продолжала существовать и в советское время — возведение четырехгранных обелисков (прообразы широко использовались в Египте времен Среднего и Нового царства) — и жива до сих пор. Пример тому — сфинксы, поставленные на набережной Робеспьера в 1995 г., а также стилизованные «под Египет» скульптуры у клуба «Пирамида».

Два гранитных сфинкса, найденные при раскопках древней столицы Египта — Фив, были установлены в 1834 г. на набережной Невы у здания Академии художеств. Тогда же была нанесена надпись на пьедесталах, которая была более информативна. Ныне существующая надпись высечена уже в 1843 г. Как трансформировалось ее написание и кто авторы текстов, предстоит рассмотреть в краткой статье. 19 апреля 1834 г. по случаю предстоящей установки египетских сфинксов на спуске у Академии художеств действительный статский советник А. Н. Оленин¹ вел переписку с министром императорского двора. Он интересовался, не угодно ли будет государю императору повелеть нанести на гранитные постаменты поясняющие надписи о времени создания сфинксов и кому они посвящены. В случае согласия он готов был подготовить проект такой надписи. Князь П. М. Волконский² согласился доложить императору о предложении А. Н. Оленина.

29 апреля 1834 г. в письме к Волконскому Оленин писал: «По милости Божией от внезапной тягчайшей моей болезни осталась

теперь одна непомерная слабость, но со всем тем не могу сидеть без занятия, и потому первая моя мысль была исполнить Высочайшее соизволение касательно надписи к египетским сфинксам. После пятнадцати попыток вчерашнего дня наконец удалась мне одна, которая получила одобрение навещавшего меня русского знаменитого литератора И. А. Крылова»³. Далее Оленин сообщал, что условия камнетесного слого (Stile Lapidaire) очень строги и их чрезвычайно трудно выполнить. «В самом слоге требуется, чтобы всё существенное было сказано, с тем, однако, чтобы ни одного слова лишнего не было, и главнейшее, чтоб не было никаких риторических украшений. Я старался это исполнить, не знаю, удалось ли мне оно»⁴. А. Н. Оленин, опираясь на исследования Ж.-Ф. Шампольона, И. Розеллини, объяснял написание иероглифов следующим образом: «Плинт, на котором лежит каждый из сих двух сфинксов и грудь баснословных зверей покрыты картушами, в которых иероглифические фигуры суть самые же, кои встречаются у Шамполиона [Шампольона] и Розелина [Розеллини], с именем и титулом Аменофа III, как то значится в приложенных при сих картушах. Первая из них справа фигура „А“ с иероглифами над нею стоящими значит следующее, по толкованию помянутых ученых: Сын Солнца — Аменоф. Правитель страны милости и правосудия. Другая картуша фиг. „В“ гласит следующий титул: Царь послушного народа Солнце, Государь истины или правосудия. Сами сии картуши покрывают плинты и грудь приобретенных в Египте древних гранитных сфинксов. Они найдены были в развалинах великолепных Фив — где царствовала XVIII Династия Диосполитанских фараонов, в числе коих считается и Аменоф III или Мемнон, коего колоссальная статуя, ныне еще существующая, издавала некогда звуки при восхождении Солнца! Человеческие лица сих сфинксов имеют характер африканский. Шамполион и Розелини заметили, что все разные изображения одного фараона имеют всегда одинаковый характер, из чего они заключили, что лица сии суть портреты самих фараонов. Как равно и у сфинксов, под видом коих египтяне означали премудрость самих своих фараонов»⁵. А. Оленин закончил письмо словами, что Аменоф III был сыном Нубианки, или Арабки [Мутемуйя], жены Фараона Тутмоса V. На самом деле, конечно, Тутмоса IV.

Известно, что каждый сфинкс имеет по две надписи, представляющие собой варианты титулов Аменхотепа III. Впервые полный перевод всех надписей сделал в 1912 г. молодой русский египтолог, впоследствии академик В. В. Струве. Надпись на груди и между лапами на обоих сфинксах почти одинакова: «Царь Верхнего и Нижнего Египта, „Небмара“. Сын Ра, „Аменхотеп, властитель Фив“, любимец Амона Ра». Надпись перед лапами: «Да живет благой бог, „Небмара, отпрыск Ра“. Сын Ра, „Аменхотеп властитель Фив“, любимец Амона Ра»⁶.

В письме от 7 мая 1834 г., адресованном К. Ф. Толю⁷, А. Оленин сообщил, что государь утвердил надпись, которая должна быть высечена на гранитных постаментах египетских сфинксов, и что надпись препровождена Карлу Федоровичу господином министром императорского двора. Оленин позволил себе объяснить, какой каменотесный слог он предлагает использовать при составлении надписи и как ее исполнить. «Литеры я предполагал насечь на гранит внутрь, и позолотить их на масле, что было бы прочно и дешево. Накладные бронзовые золоченые литеры у нас в России не надежные. От знойных дней гранит выветривается, а от морозов крошится, и литеры выпадают. Иногда же они выдергиваются от шалости или невежественной алчности к прибытку. Осмелюсь означенные обстоятельства предать во внимание Ваше, милостивый государь»⁸.

1 мая 1834 г. генералом Волконским была согласована следующая надпись: «Сии огромные сфинксы, Посвященные за XXXV веков знаменитому Мемнону Фараону Аменофу III, Перевезены во град Святого Петра в царствование императора Николая I и поставлены на сей пристани в 1834 году»⁹.

16 июня 1834 г. состоялись торги «на иссечение с позолотой на масле надписи на постаментах». Победил мастер Алешков. Он предложил цену 1 рубль 88 копеек за букву и в дальнейшем выполнил работу¹⁰. В копии письма К. Ф. Толя в Экономический комитет Корпуса путей сообщения и публичных зданий от 28 августа 1834 г. следует, что надписи нанесены на постаменты за 650 руб. 48 коп (за 346 букв)¹¹.

Спустя 9 лет после установки египетских сфинксов на пристани у Императорской Академии художеств вновь возникла необходимость, по желанию императора, изменить надпись

на постаментах под сфинксами. Директор канцелярии Министерства императорского двора В. И. Панаев в письме к графу Ф. П. Толстому¹² от 1 мая 1843 г. покорнейше просит уведомить его, как глубоко вырублена надпись под сфинксами, и «сообщить рисунок пьедестала с изображением самой надписи в том виде, как она расположена в натуре»¹³. Уже 3 мая текст и рисунок надписи был передан Ф. П. Толстым В. И. Панаеву¹⁴. Текст новой надписи был согласован с императором 12 мая 1843 г.¹⁵ Из письма министра императорского двора князя Волконского от 14 мая 1843 г. следует, что дано поручение вице-президенту Императорской Академии художеств следующего содержания: «Прошу Ваше сиятельство поручить монументальному мастеру Анисимову означенные пьедесталы обтесать со стороны надписи настолько, чтобы она сгладилась, и высечь вновь утвержденную надпись с позолотою букв и цифр оной, за производством же работы иметь должное наблюдение. Следующие Анисимову деньги: за обтеску пьедесталов 209 рублей 50 копеек, а за каждую букву и цифру с позолотою по 50 копеек серебром будут заплачены из моей канцелярии»¹⁶. Сохранилась смета мастера Анисимова на обтеску одной стороны у двух пьедесталов под сфинксами на пристани, напротив Императорской Академии художеств. Из сметы следует, что обтесать одну сторону на обоих пьедесталах площадью 36 аршин¹⁷ и 18 вершков будет стоить 209 рублей 50 копеек. Всех букв и цифр в надписи на обоих пьедесталах должно было быть в первом варианте 188, стоимостью каждая 50 копеек серебром, общей стоимости 94 рубля. Общая сумма за работу 303 рубля 50 копеек серебром¹⁸. За исполнением заказа поручено было наблюдать профессору А. П. Брюллову¹⁹. Новая надпись была составлена на основании переданной записки от 3 мая 1843 г., однако в текст надписи вкралась ошибка. Представленная надпись выглядела следующим образом: «Посвящен за XXXV веков знаменитому Мнемнону Фараону Аменофу III Перевезен в Град Святого Петра в 1832 году». Объясняя вкравшуюся ошибку, 14 мая 1843 г. Панаев сообщил Толстому, что имя фараона МНЕМНОН списано с доставленной к нему записки от 3 сего мая с ранее существующей надписью. «Полагаю, что тут вкралась ошибка и что вместо Мнемнону следует написать Мемнону». Толстой

подтвердил ошибку, о чем и написал в ответном письме: «На отношение Вашего превосходительства от 14 сего мая, честь имею ответить, что в доставленной мною от 3-го мая копии с надписи, существующей на пьедесталах сфинксов, находящихся на Академической набережной, действительно вкралась ошибка, именно вместо Мемнону написано Мнемнону, но она будет исправлена».

В письме В. И. Панаеву от 29 мая 1843 г. Ф. П. Толстой просит его представить на усмотрение министра императорского двора чертеж пьедестала одного из сфинксов с обозначением предполагаемого размещения слов вновь утвержденной надписи. 31 мая 1843 г. новая надпись была утверждена в новой редакции. Предлагаемая для утверждения надпись стала еще проще, еще короче. В письме от 1 июня 1843 г. графу Ф. И. Толстому директор канцелярии Министерства императорского двора сообщал: «Свидетельствуя совершенное почтение Его сиятельству графу Федору Петровичу, имею честь возратить при сем утвержденную его светлостью г. министром надпись для пьедесталов к сфинксам, поставленным на набережной против Академии художеств»²⁰.

Эта надпись и стала окончательным вариантом, которая хорошо знакома всем, побывавшим хоть раз у символов города — египетских сфинксов»: «Сфинкс из древних Фив в Египте перевезен в град святого Петра в 1832 году»²¹. 27 августа 1843 г. Ф. П. Толстой в письме министру императорского двора П. М. Волконскому сообщал: «Вследствие предписания Вашей светлости от 15-го мая сего года № 1679 монументальным мастером Анисимовым под надзором г. профессора А. Тона высечена надлежащая надпись на пьедесталах под гранитными сфинксами, находящихся на пристани напротив Академии художеств, и слова оной вызолочены. Уведомляя о сем Вашу светлость, честь имею препроводить счет Анисимова о следующих ему за таковую работу деньгах»²². На счете мастера Степана Леонтьева Анисимова, который он подал в канцелярию Министерства императорского двора, имеется резолюция архитектора Александра Тона²³: «Означенная работа окончена, сделана исправно, и следуемые за оную деньги выдать можно». За обтеску пьедесталов мастер выставил счет 230 рублей 50 копеек.

Букв с позолотой после правок в надписи стало меньше, всего 138. Их стоимость казне обошлась в 69 рублей. Всего канцелярия Министерства императорского двора выплатила мастеру 299 рублей 50 копеек серебром²⁴.

Примечания

¹ Алексей Николаевич Оленин (1763–1843) — российский государственный деятель, историк, археолог, художник. Государственный секретарь (1814–1827), впоследствии — член Государственного совета. Член Российской академии (1806), почетный член Петербургской академии наук (1809), член (с 1804) и президент (с 1817) Академии художеств. С 1811 г. — директор Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге.

² Петр Михайлович Волконский (1776–1852) — светлейший князь, российский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1850), Почетный член Петербургской Академии наук, Российской академии (1823). При царе Николае Павловиче Волконский возглавлял Министерство императорского двора, а также был управляющим Кабинетом Е. И. В. (1826–1852).

³ РГИА. Ф. 472. Оп. 13. Д. 64. Л. 34–35.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 36–37.

⁶ В 1912 г. была издана брошюра В. В. Струве «Петербургские сфинксы», где был представлен сделанный им перевод.

⁷ Карл Федорович Толь (1777–1842) — граф, российский генерал от инфантерии, участник войн с Наполеоном, с 1933 г. — Главный управляющий путей сообщения и публичных зданий.

⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 13. Д. 64. Л. 56 об.

⁹ Там же. Л. 39.

¹⁰ РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 1255. Л. 60–61.

¹¹ Там же. Л. 62.

¹² Федор Петрович Толстой (1783–1873) — граф, русский живописец, художник, медальер и скульптор, представитель позднего классицизма, вице-президент Императорской Академии художеств (1828), тайный советник.

¹³ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 720. Л. 45.

¹⁴ Там же. Л. 47–48.

¹⁵ Там же. Л. 50.

¹⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Д. 2762. Л. 1.

¹⁷ Старорусские меры длины в современном исчислении: аршин — 71,12 см; вершок — 4,45 см.

¹⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 720. Л. 49.

¹⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ед. хр. 2762. Л. 1–1 об.

²⁰ Там же. Л. 58.

²¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 720. Л. 57.

²² Там же. Л. 59.

²³ Александр Андреевич Тон (1790–1858) — русский архитектор, график, литограф, академик и заслуженный профессор архитектуры Императорской Академии художеств. Брат архитекторов Константина и Андрея Тонов.

²⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 720. Л. 60.

В. М. Белковская

МЕТАЛЛ И ЗОЛОЧЕНАЯ БРОНЗА МРАМОРНОГО ДВОРЦА

МРАМОРНЫЙ дворец в Петербурге, возведенный по проекту архитектора Антонио Ринальди, является одним из самых значительных объектов культурного наследия. Строительство продолжалось семнадцать лет (1768–1785), его последовательность не изучена. Здание называют «единственным в своем роде», как правило, отмечая каменную отделку фасадов. В это время, наряду с камнем, редкостным является применение металла в архитектурных элементах и декоративных деталях жилого дома знатной особы. Современник отмечает: «Гигантское, громадное здание возносится на три этажа... Везде взгляд находит камень и металл. Все оконные рамы с задвижками позолочены, в них вставлены большие стекла. Балконы на двух протяженных фасадах со стороны Невы и улицы ограждены золоченой балюстрадой. Вся крыша устроена на железных балках и покрыта медью. Внутреннее убранство трудно и представить»¹.

Мраморный дом у Почтовой пристани, так он назывался в документах, строили на средства Кабинета. Владельцем здания в 1772 г. становится граф Григорий Орлов, получивший титул князя Священной Римской империи. Герб и вензель владельца поместили в центре северного и южного фасадов в каменных картушах, завершенных короной.

Григорий Орлов (1734–1783) состоял в должности генерал-фельдцейхмейстера и генерал-директора над фортификациями. Его служебная деятельность включала также некоторые аспекты строительства. По инициативе Г. Орлова учредили «строительные батальоны мастеровых военной команды при Канцелярии от строений». Генерал-фельдцейхмейстер докладывал императрице: «...в тех же батальонах в каждом сверх военных быть по одной роте мастеровых и работных; всего по строевым ротам 1451 человек»². В непосредственном подчинении Г. Орлова находились Сестрорецкие оружейные заводы.

В документах штаба генерал-фельдцейхмейстера представлена краткая история предприятия, основанного Петром I: «...В 1742 заводы вступили в ведомство Государственной военной коллегии, в 1756 препоручены генерал-фельдцейхмейстеру, в 1774 по высочайшей ее императорского величества конфирмации заводы отданы в ведомство Канцелярии главной артиллерии и фортификации»³.

На Сестрорецких заводах с конца 1770-х гг. отливали из чугуна мосты и беседки для парков, ажурные решетки для Екатерининского канала и реки Фонтанки⁴.

Документы архивов свидетельствуют, что для кровли Мраморного дома медные листы и металлические балки также изготовили на принадлежащих к артиллерийскому ведомству Сестрорецких заводах.

Военных работных людей привлекали к строительству дома Г. Орлова. В истории дворца записано: «В 1768–1769 строили стены здания, шла теска сибирского и финляндского мрамора. У шлифовки мрамора каждый день находилось по 169 человек фузелеров двух артиллерийских фузелерных полков. В 1771 г. кровлю дворца по желанию Государыни покрывают медными листами... В 1773 г. кровельщик Эгерс делает модель для укрепления крыши железными стропилами и решетником»⁵.

Медная кровля Мраморного дворца на металлических стропилах и решетнике была одной из первых в европейской архитектуре и существовала на здании полтора века. В 1932 г. листы красной меди и часть железных стропил демонтировали и переплавили. «Производственно-заготовительный комбинат „Металлолом“ приобрел лом цветных металлов в виде красно-медных листов, лом железа и болтов с крыши б. Мраморного дворца, находящегося в ведении Государственной Академии истории материальной культуры. Ориентировочно вес красно-медных листов определяется в сто шестьдесят тонн, а вес железной обрешетки и болтов в шестьдесят тонн»⁶. За цену продажи в пятьдесят тысяч рублей положили доски в местах снятых стропил и сделали железное покрытие.

Красная медь была ценным сырьем, в Энциклопедии военных и морских наук называлась артиллерийским металлом. Сплав состоял из ста частей бронзы и десяти частей олова.

Историю создания утраченных кровельных листов Мраморного дома сохранили архивные документы. Генерал-инженер М. И. Мордвинов, осуществлявший надзор за возведением Мраморного дома, уведомлял Контору строения домов и садов: «Те листы мерою были тридцати одного и шириною двадцать шесть вершков. Весом от одного пуда по пяти и осьми фунтов каждый лист»⁷. Также на вопрос «по какой цене и откуда та медь пуд заготавливается была» М. И. Мордвинов сообщал: «На ковку тех листов медь заготавливается была по покупке от заводчиков в 770 по 8 руб., в 773 по 8 р. 75 коп. и по 10 руб. пуд... А сверх того за не отысканием в покупку в 770, 776 и 779 отпускалась по именному ее императорского величества указам из Берг-коллегии, за которую в коллегии плачено денег не было... Во что квадратная сажень крыши коштowała при строении, исчислений нет, а подрядчикам плачено было за работу крыши с пакетов в картинах, коробках, желобьев и в целых листах по 70 коп. с пайкой»⁸.

Отметим, что оплачивали только установку медного покрытия. Листы красной меди создавали на Сестрорецких оружейных заводах, подчиненных непосредственно Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Заводы содержались исключительно на доходы от выполненных заказов, сведений, кто и в какой сумме оплачивал изготовление медных листов кровли, не обнаружено.

Медь покупали у разных поставщиков. Дополнительно ее поставляла Берг-коллегия, ведавшая горнорудными и литейными заводами, казенными и партикулярными монетными дворами, и в обозначенный период без оплаты присылала на Сестрорецкие заводы молдавскую медную монету.

Молдавскую монету не найти в коллекциях нумизматов, ее производство связано с событиями Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В ходе боевых действий Российская армия продвинулась в Крым и заняла большую территорию, включая столицу Молдавии Яссы, и столицу Валахии Бухарест. Местному населению объявили о принятии их в русское подданство. «Обустройством армии на этих территориях занимался П. А. Румянцев. Для содержания войск он решил наладить обращение медных денег. Источником меди были пушки разных типов и калибров,

отбитые у турок. Чеканку, по согласованию с императрицей, наладили в местных княжествах... Деньги в сумме на 500 тысяч рублей чеканили в монетах пятаками, полутора копеечками и денежками ($\frac{1}{2}$ копейки)... Фельдмаршал П. Румянцев увеличил чеканку до 1 миллиона рублей. Эту привилегию приобрел генерал-майор И. Мелиссино. В июле 1774 был подписан Кучук-Кайнарджийский мирный договор, по которому княжества получили автономию в составе Османской империи. Началось обесценивание медных денег, при этом налоги собирали серебром и золотом. Русские войска оставляли княжества, и власть переходила к господарям»⁹.

Медные деньги привозили на Сестрорецкие оружейные заводы, тщательно фиксируя их поступление. Сохранилась «Ведомость о присланной в 1780 в молдавской монете меди. Принято 4032 пуда и 13 и $\frac{3}{4}$ фунта. Из оной переделано в листы 2633 пуда и 14 фунтов. От нее (меди) угара явилось против пробы по 3 и $\frac{1}{4}$ фунта... а 1700 пудов при заводах налицо»¹⁰. Медная монета, таким образом, превратилась в кровельные листы Мраморного дома графа Г. Орлова, и позднее из нее изготовили покрытие для зданий Зимнего императорского дворца.

Общий вид стропил. Фотография В. Потапова, 2021 г.

Вертикальная опора (слева). Стропила у слухового окна (справа).
Фотографии В. Потапова, 2021 г.

Устройством кровли дома графа Орлова руководил Франц Эгерс (Frantz Egezez), изготовивший ее модель в 1773 г. На основе деревянной модели в натуральную величину еще с XVII в. создавали металлические конструкции куполов в России. «Конструкция изготавливалась и собиралась по заданным размерам модели в специальных мастерских-кузницах. Затем каркас разбирался с предварительной маркировкой основных элементов, перевозился на место и монтировался окончательно. Маркировка деталей делалась путем зарубок по холодному металлу. Собранные детали фиксировали в узлах соединения клиновидными шпонками. Все звенья имели стандартную длину, равную модулю разбивки плана»¹¹. Стропила Мраморного дворца создавали по такой же схеме.

Первоначальные уникальные металлические конструкции Мраморного дома сохранились в значительной степени, их можно обнаружить на чердаке. Они представляют большой интерес, поскольку ранее не изучались и не фиксировались. Металлические звенья одинакового размера, образующие

горизонтальные тяги, присоединены к длинным кованым прутьям вертикальных опор. Горизонтальные балки покоятся на больших опорных узлах в виде «вилок». Во многих местах конструкции скрепляют клиновидные шпонки. Железные прутья, соединенные в форме конуса, оформляют слуховое окно с северной стороны чердака. На балках заметны различные зарубки, сделанные по холодному металлу, в нескольких местах можно обнаружить закрашенные клейма.

Клейма на металле стропил расшифровать не удалось, поскольку они изучены мало и труднодоступны для специалистов. «Изучение клейм имеет много общего с такими историческими дисциплинами, как палеография, геральдика, сфрагистика»¹². Буквы клейма, вероятно, являлись аббревиатурой завода либо молотовых мастеров.

Железо стропил произведено на частных заводах Нижнего Тагила. Этот факт установили зарубежные исследователи на основе структурного анализа металла¹³. Место производства металлических заготовок часто отличается от места создания конструкций. Частные и государственные заводы Урала экспортировали металл за границу, в России существовали так называемые банки металла. Конструкцию кровли создавали на Сестрорецких оружейных заводах, используя металл, выплавленный на Уральских заводах.

Сохранившаяся стропильная система является важной составляющей Мраморного дворца как объекта культурного наследия и нуждается в дальнейшем изучении и подробной фиксации. Единственный документ, отметивший уникальную

Шпонка. Фотография
В. Потапова, 2021 г.

Бронзовые двери. Фотография
Е. Элинер, 2019 г.

конструкцию кровли, был написан в марте 1918 г. Отделом имуществ Республики. Акт обследования Мраморного дворца зафиксировал: «На чердаке расположены стропила из брускового железа, поддерживающие медную крышу...»¹⁴

Путешественник, описавший Мраморный дворец, наряду с медной кровлей на железных стропилах, восхищался позолоченными оконными рамами и золоченой балюстрадой ограждений балконов. Золоченные на обе стороны рамы и балконные двери сохранились в парадных апартаментах среднего этажа вдоль северного и восточного фаса-

дов. Большие бронзовые балконные двери имеют с внутренней стороны накладные украшения или следы их крепления.

Составленное в 1785 г. «Описание Мраморного дома покоям и их уборам, и вещам, также и службам с приложением планов» отмечает: «В окошках рамы медные, золоченные на обе стороны... у коих вместо задвижек шпингалеты»¹⁵. В окнах нижнего и верхнего этажей и на всех этажах южного и западного фасадов были установлены железные рамы.

Металлические рамы изготавливали на Сестрорецких оружейных заводах одновременно с возведением стен. «В 1771 году слесарь Иван Гольде сделал пробную оконную раму в 10 пудов 36 фунтов за 600 рублей»¹⁶.

Золочение бронзовых деталей, соседствующих с камнем, делали «ради прочности и крепости» архитектурного сооружения. Позолота металла так называемым огненным способом с применением ртутной амальгамы создавала долговечное антикоррозийное покрытие. В Мраморном доме эти работы выполняли частные подрядчики. В «Счетах денежной казны»

записаны их имена: «Медного и золотарного дела мастерам Иоганну Тумму и Фридриху Георге, которые... заключенным договором обязались вызолотить разные медные вещи своим червонным золотом самую чистую и прочною работою...»¹⁷

В договоре перечислены металлические балясы каменных балконов северного и южного фасадов, ограждения французских балконов восточного фасада и также базы и капители мраморных пилястр в интерьере Мраморного зала. Эти же мастера отливали небольшие декоративные накладные украшения золоченой бронзы к дверям балконов. По рисункам архитектора А. Ринальди они отлили бронзовый убор на двери цветного наборного дерева.

Металлические оконные рамы с золочением в качестве антикоррозийного покрытия были дорогостоящими элементами жилого дома и их мог себе позволить только очень богатый и знатный владелец. Вмонтированные в кладку толстых стен с каменной отделкой, они оказывались наиболее практичными в условиях Санкт-Петербурга. Теоретик архитектуры писал: «По здешнему климату, в котором целых восемь месяцев переменяются беспрестанно сырость, мокрота, ветер и мороз, надлежит наружную стену делать целым кирпичом толще обыкновенного... Окна можно сделать из литого или кованого железа толщиной в 2, 3 или 4 дюйма, смотря по их величине. Они должны быть сделаны столь плотно, чтоб нужды не было их зимою законопачивать»¹⁸.

Металлические элементы, использованные при строительстве Мраморного дворца в 70-х гг. XVIII в., выявляют ряд мало известных и совершенно неисследованных особенностей архитектуры этого времени и указывают на участие владельца в строительстве собственного жилого дома.

Редкие архитектурные детали имеют высокое художественное качество и должны быть отмечены в архитектурной описи. Изучение истории строительства Мраморного дворца позволяет в полной мере раскрыть значимость этого объекта культурного наследия.

Примечания

Н. П. Столбова

¹ Storch H. F., von. Picture of Petersburg. London, 1801. P. 34.

² Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. сборная. ШГФ. Д. 2287. Л. 465.

³ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. сборная. ШГФ. Д. 2316. Л. 1.

⁴ Петров А. Н. Участие предприятий русской строительной и художественной промышленности XVIII–XIX века в строительстве Ленинграда. 1946. Машинопись // НА КГИОП. Материалы по истории архитектуры памятников Ленинграда.

⁵ Успенский А. И. Императорские дворцы. СПб., 1913. Т. 1. С. 330.

⁶ НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 161. Л. 24.

⁷ РГИА. Ф. 470. Оп. 1 (82/516). Д. 62. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 3 об.

⁹ Муравьева Л. М. Деньги и денежное обращение при Екатерине II // Страницы истории. 2010. № 14 (398). С. 78–79.

¹⁰ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. сборная. ШГФ. Д. 2316. Л. 20.

¹¹ Чернышев М. Б. Клейма на железе в русском строительстве XVII–XIX вв. М., 2007. С. 6.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Kosykh A., Lorenz W., Frommelt K. The roof of the Marble Palace in Saint-Petersburg: A structural iron ensemble from the 1770s // Building Knowledge, Constructing Histories. Proceedings of the 6th International Congress on Construction History, July 9–13, Brussels. London, 2018. P. 809–818.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 3. Д. 11 (Отдел имущества Республики. Акты осмотра и приема дворцовых зданий и имущества. 19 марта 1918). (Предоставлено М. В. Мантуровым). Л. 17.

¹⁵ РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 284. Л. 2 об.

¹⁶ Успенский А. И. Указ. соч. С. 331.

¹⁷ Цит. по: Кузнецова Э. Ф. Архитектор Петр Егоров. Чебоксары, 2003. С. 184.

¹⁸ Фридрикс А. И. Разговор о вкусе в архитектуре для всех в свете городов, а особенно для Санкт-Петербурга, и прочих мест под одинаковым с ним климатом / пер. с нем. Н. Осипова. СПб., 1796. С. 9.

ОХТИНСКИЕ УСАДЬБЫ. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР)

ДОКУМЕНТЫ, сохранившие сведения об охтинских усадьбах (Жерновка, Уткина дача, дачи Салтыковой, Комаровского, Никонова), отложились в целом ряде архивов и архивных собраний музеев, научных институтов, библиотек Санкт-Петербурга (РГИА, РГА ВМФ, ЦГИА СПб, ЦГАЛИ СПб, ЦГА СПб, Отдел рукописей и документального фонда ГЭ, Сектор рисунков Отдела западноевропейского изобразительного искусства ГЭ, Отдел рукописей и ведомственного архива ГРМ, Отдел рукописей РНБ, Отдел хранения изобразительных памятников ГМИ СПб, НА ИИМК РАН, Архив КГИОП), Москвы (РГАДА), Твери (ГАТО). Большинство этих документов было введено автором в научный оборот при подготовке электронного издания «Охтинские усадьбы» (2021 г.).

Наиболее ранними из обнаруженных являются документы Ингерманландского межевания 1747 г., а также Генерального и Специального межеваний 1786 г. Материалы по межеваниям находятся в РГАДА в фондах: «Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент» (Ф. 1209); «Материалы Генерального и Специального межеваний по Петербургской губернии» (Ф. 1328); «Планы дач Генерального и Специального межевания. Петербургская губерния Шлиссельбургский уезд» (Ф. 1354); «Экономические примечания к планам Генерального межевания» (Ф. 1355). Материалы по межеваниям и переменам во владениях и владельцах содержит также фонд «Губернская чертежная (межевое отделение) Петроградского губернского правления» в ЦГИА СПб (Ф. 262).

Документы о покупке Полторацкой усадьбы на Охте (Уткина дача), о закладной и духовном завещании находятся в ГАТО (Ф. 103). Материалы о духовных завещаниях З. П. Уткиной и В. И. Уткина, а также их исполнении осели в фонде «Опекунский совет ведомства учреждений императрицы Марии» (Ф. 758), фонде Безобразовых (Ф. 648) РГИА; фондах

Уткина дача. Фотография Н. Г. Матвеева, до 1914 г. ИИМК РАН

«Петроградский уездный предводитель дворянства» (Ф. 192), «Первоклассная Троице-Сергиева пустынь» (Ф. 1883) ЦГИА СПб. О службе В. И. Уткина есть сведения в фондах «Петроградский уездный мировой съезд» (Ф. 242) и «Императорское училище правоведения» (Ф. 355) ЦГИА СПб.

Сведения по выкупу крестьянами Жерновки и Уткиной дачи усадебных и полевых наделов, тексты уставных грамот находятся в фондах: «С.-Петербургское губернское по крестьянским делам присутствие» (Ф. 190), «Канцелярия мирового посредника 1-го участка С. Петербургского уезда» (Ф. 896) ЦГИА СПб, а также в фонде «Главное выкупное учреждение» (Ф. 577) РГИА. Документы о попытках захвата помещичьей земли после революции крестьянами усадьбы Жерновка содержит фонд «Петроградская уездная земская управа» (Ф. 224) ЦГИА СПб.

Подробности хозяйственного характера, касающиеся Уткиной дачи и Жерновки содержат фонд Безобразовых (Ф. 648) РГИА, «Строительное отделение петроградского губернского правления» ЦГИА СПб (Ф. 256) и др.

О деятельности Императорского человеколюбивого общества в связи с передачей ему зданий Уткиной дачи — в фонде «Императорское человеколюбивое общество» (Ф. 768) РГИА, о призываемых в Малоохтинской богадельне — в фонде «Канцелярия Петроградского губернатора» (Ф. 253) ЦГИА СПб, по опекунству над имением Уткина — в фонде «Петроградская дворянская опека» (Ф. 268) ЦГИА СПб. и др.

Некоторые материалы из истории рода Полторацких есть в архивах С. Д. Полторацкого и А. Н. Оленина в ОР РНБ, материалы о причислении к дворянству М. Ф. Полторацкого находятся в фонде «Третий департамент Сената» (Ф. 1343) РГИА, о духовном завещании М. Ф. Полторацкого — в фонде «Петроградская Духовная консистория» (Ф. 19) ЦГИА СПб и др.

К источникам в отношении Уткиной дачи относятся также дневник А. А. Олениной и воспоминания А. П. Керн — внучек А. А. Полторацкой, публицистические заметки 1890-х гг. Александра Чехова, отчеты Императорского человеколюбивого общества, Малоохтинской больницы и др.

Дача Безобразовых Жерновка. Южный фасад. Фотография П. С. Радецкого. Открытка. 1910-е гг.

Уставная грамота крестьянам Екатерининского. 1862–1863. ЦГИА СПб. Ф. 896. Оп. 1. Д. 317 (слева). Закладная А. А. Полторацкой. 1792. ГАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1494. Л. 4 (справа)

Документы личного характера, касающиеся владельцев Жерновки, — дела об опеке над малолетними наследниками графа Е. П. Сиверса и душевнобольной М. Н. Безобразовой осели в фонде «Петроградское губернское правление» (Ф. 254) и «Петроградская дворянская опека» (Ф. 268) ЦГИА СПб; некоторые документы о приобретении усадьбы Е. А. Сухозанет находятся в фонде Безобразовых (Ф. 648) РГИА, а также в других собраниях.

Послереволюционные события усадьбы Жерновка нашли отражение в документах фонда Главнауки (Ф. Р-2555) ЦГА СПб, а также «Общества изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга — Нового Ленинграда» (Ф. Р-32) и «Отделения по изучению местного края на Финско-Ладжском перешейке Ленинградского окружного общества краеведения» (Ф. Р-296) ЦГАЛИ СПб. Ряд ценных материалов этого периода содержат музейные архивы: Отдел рукописей и доку-

ментального фонда ГЭ (Ф. 4), Отдел рукописей и ведомственного архива ГРМ (Ф. ГРМ 1).

Материалы, касающиеся Уткиной дачи в годы Великой Отечественной войны, есть в фонде Р-942 ЦГА СПб, дачи Безобразовых этого времени — в фондах В. И. Цветкова в ОР РНБ и ЦГАЛИ СПб.

Документы второй половины XX в. о послевоенном восстановлении Уткиной дачи и Жерновки есть в фонде «Санкт-Петербургский городской совет народных депутатов» (Ф. Р-7384) ЦГА СПб; материалы, касающиеся охраны и реставрации усадеб, содержатся в архиве КГИОП (паспорта Дачи Безобразовых и Уткиной дачи, а также другие документы).

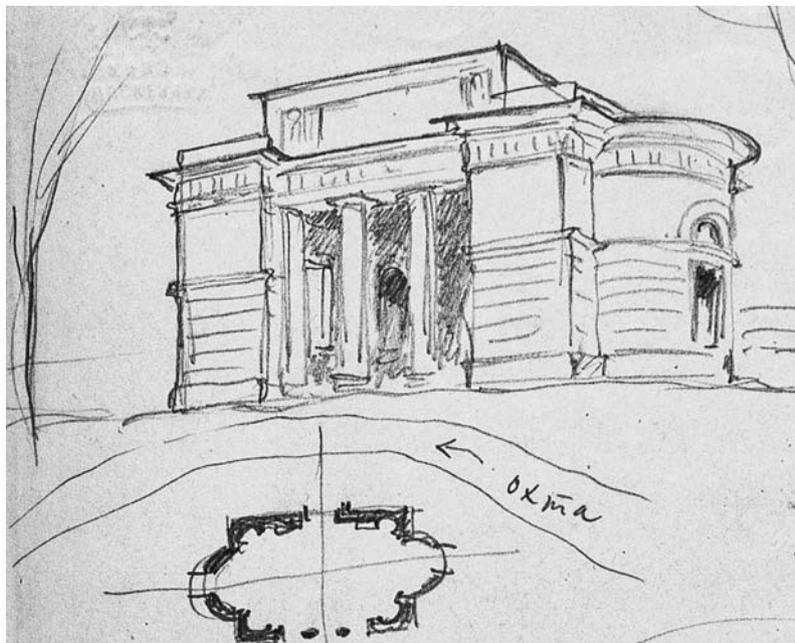
Сохранился иконографический материал, содержащий изображение, планы, фотографии усадеб. Имеется подлинное изображение Уткиной дачи — акварель «Окорвель — вечер 9 ноября 1840 г. рисовал с натуры Пав. Анд. Дейер», выполненная художником П. А. Дейером (ГМИ СПб).

Самыми ранними из обнаруженных чертежей усадебных зданий Уткиной дачи являются чертежи 1880-х гг., выполненные при приспособлении этих зданий для нужд Санкт-Петербургской Охтинской больницы для хронически душевнобольных женщин. Место их хранения — фонд «Императорское человеколюбивое общество» (Ф. 768) РГИА.

Имеются обмерные чертежи зданий и план Уткиной дачи, выполненные в 1944–1945 гг. мастерской профессора А. П. Удаленкова; фотофиксация 1945 г. А. К. Григорьева; частичная фотофиксация 1971 г., проведенная Зайцевым; фотофиксация А. А. Григорьева 1976, 1988 гг.; О. Богданова — 1986–1988 гг.

К иконографии Жерновки в первую очередь относится проект павильона-пристани дачи Донауровых на берегу Охты, выполненный Дж. Кваренги и хранящийся в Секторе рисунков Отдела западноевропейского изобразительного искусства Государственного Эрмитажа. Карандашные рисунки с изображением усадьбы Н. Е. Лансере в его рапорте 1922 г. сохранились в Отделе рукописей и ведомственного архива ГРМ. В ОР РНБ есть рисунки, связанные с военными годами истории дачи Безобразовых.

Литературных источников, полностью или частично посвященных охтинским усадьбам, немного. Статья Н. Е. Лансере

Павильон-пристань дачи Безобразовых. Рисунок Н. Е. Лансере.
ГРМ. Отдел рукописей и ведомственного архива. Ф. ГРМ (1).
Оп. 6. Ед. хр. 269. Л. 9

«Забывтая пригородная усадьба XVIII века „Жерновка“ на Охте» (журнал «Среди коллекционеров», 1924 г.); сведения о декоративных росписях и архитектурных особенностях Жерновки содержат монографии В. Ф. Белявской «Росписи русского классицизма» (М.; Л., 1940) и В. И. Пилявского «Джакомо Кваренги: Архитектор» (Л., 1981).

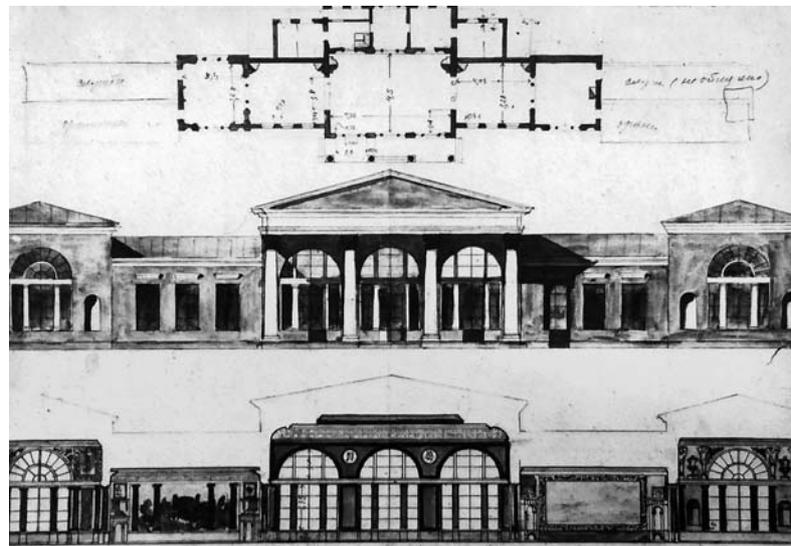
Следует отметить вклад автора настоящей статьи в изучение темы: главы «Для меня самое приятнейшее время жизнь на даче есть осень», «Большой сад располагал к прогулкам» книги «Охта: старейшая окраина Санкт-Петербурга» (СПб., 2008), статьи: «„Жерновка“ — сто лет забвения», «Неизвестный автограф Н. Е. Лансере» (сборники по итогам VIII и IX Андциферовских чтений. СПб., 2017), статьи, посвященные Жерновке и Уткиной даче в журнале «История Петербурга» (2000–2008 гг.), пу-

бликации в разделе «Наследие» газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и др.

Из эпистолярного наследия в первую очередь следует отметить переписку Е. А. Сухозанет с князем В. Ф. Одоевским (усадьба Жерновка). В отделе рукописей РНБ (Ф. 539) хранятся письма Е. А. Сухозанет на французском языке, в которых упоминается Екатерининское. Е. А. Сухозанет упоминается в опубликованных письмах Ф. И. Тютчева, Александра Карамзина. В дневниках А. С. Пушкина есть строки об И. О. Сухозанете.

Новыми источниками описания усадьбы Жерновка являются обнаруженные автором и ранее не публиковавшиеся документы — рапорт Н. Е. Лансере в Историко-бытовой отдел Русского музея в 1922 г. (Отдел рукописей и ведомственного архива ГРМ (Ф. ГРМ 1), а также описания 1924 г. архитекторов Г. И. Котова и П. Всеволожского (архив КГИОП).

К особой группе источников относятся планы, карты, обмерные чертежи, несущие обширный блок информации.

А. Соколов. Дача Безобразовых в именин Екатериновка, станция Жерновка. Обмерный чертеж. 1924 г. ГМИ СПб. Отдел хранения
изобразительных памятников

Местоположение Жерновки впервые фиксируется на «Карте местности, занимаемой р. Охтой с ее притоками, с показанием владельцев, соседних к Охтинским пороховым заводам» 1720 г., где в устье Жерновки показан Бутурлина двор.

«Карта Санкт-Петербургской губернии прапорщика Н. Соколова» 1792 г., «Карта окружности Петербурга» 1792 г. А. М. Вильбрехта, «Топографическая карта окружности Петербурга» 1817 г., «План Санкт-Петербурга, составленный Робертом Гиллисом» 1860 г., «Топографическая карта Санкт-Петербургской губернии» 1834 г. Ф. Ф. Шуберта и др. показывают нахождение мыз Оккервиль и Малиновка (Жерновка).

Самыми ранними из обнаруженных планов усадебного дома Жерновки являются обмерные чертежи архитектора А. Соколова (1924 г. ГМИ СПб) и чертежника Н. Фомина (1924 г., ЦГА СПб).

Первая фотофиксация Жерновки выполнена по заказу Музейного фонда Главнауки в 1924 г. Фотографии и негативы хранятся в архиве ИИМК РАН. Следующую фотофиксацию провели в 1938–1939 гг., потом — еще несколько в 1960–1980-е гг. Все материалы хранятся в архиве КГИОП.

Самые ранние сведения об усадьбе Салтыковка (выделение участка в 1827 г.) содержатся в фонде «Губернская чертежная (межевое отделение) Петроградского губернского правления» (Ф. 262) ЦГИА СПб. Духовное завещание Е. В. Салтыковой — в фонде «Опекунский совет ведомства учреждений императрицы Марии» (Ф. 758) РГИА. Сведения о церкви и богадельне в имени Салтыковой на Малой Охте — в фондах: «Департамент искусственных дел ГУПС и ПЗ» (Ф. 218) РГИА, «Канцелярия Петроградского губернатора» (Ф. 253) ЦГИА СПб, «Петроградский епархиальный совет. Петроград» (Ф. 678) ЦГИА СПб, «Хозяйственный департамент МВД» (Ф. 1287) РГИА и др.

Сведения о судьбе дач Никонова и Комаровского находятся в фондах РГА ВМФ: «Главное Гидрографическое управление Морского министерства» (Ф. 404), «Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства» (Ф. 406), «Канцелярия Морского министерства» (Ф. 410), «Петроградский порт» (Ф. 921); фонде «Петроградская городская управа. Петроград» (Ф. 513) ЦГИА СПб. Местоположение усадеб есть на «Плане 13 частей Санкт-Петербурга», составленном Н. Цыловым (СПб., 1849)

и др. В отношении дачи Комаровского информативны «Записки графа Николая Егоровича Комаровского» (М., 1912).

Подводя итоги, следует сказать, что при подготовке монографии «Охтинские усадьбы» (2021 г.) было проанализировано более трехсот архивных дел, материалы которых за редким исключением были опубликованы впервые.

В ходе работы введены в научный оборот неизвестные ранее факты и новые имена, уточнены даты, закрыты «лакуны» в истории дач. Впервые был рассмотрен «масонский след» в истории Жерновки, дана интерпретация ее символики. Среди новых владельцев Жерновки, в дополнение к обнаруженному автором ранее (2005 г.) графу Сиверсу, добавились Анна и Константин Крамер, а также княгиня А. А. Голицына. Впервые рассмотрены завещание Е. П. Сиверса и обстоятельства перехода усадьбы к Севастьяну Крамеру, поставлен вопрос об архиве Безобразовых, обнаруженном на даче в 1922 г., и судьбе ее артефактов, опубликован неизвестный ранее автограф Н. Е. Лансере, приведены новые сведения о военных годах дачи Безобразовых и другие документальные факты.

Подробности владения мызой Оккервиль С. Ф. и С. С. Апраксиными, Г. Г. Донауровым, А. А. Полторацкой, неизвестные ранее обстоятельства появления дачи А. М. Сухаревой, трудности исполнения и содержание завещания З. П. Шаховской, завещание Е. В. Салтыковой раскрывают новые страницы в истории охтинских усадеб. Описания дач Никонова и Комаровского были приведены впервые.

А. Я. Старцева

А. Н. МИЛОРАДОВИЧ — АРХИТЕКТОР-РЕСТАВРАТОР (ПО ДОКУМЕНТАМ ЦГАЛИ СПБ)

АЛЕКСЕЙ Николаевич Милорадович (1934–1993) родился 4 июля 1934 г. в творческой семье, с детства рисовал и интересовался искусством¹. Мать, Людмила Ивановна Милорадович (1900–1981), была художницей, членом Союза художников СССР, ее работы можно увидеть во многих музеях, например в Екатеринбургском музее изобразительных искусств. Отец — Николай Сергеевич Милорадович (1901–1965)² — инженер, топограф-картограф³, весной 1941 г. был назначен начальником топографо-геодезического отдела «Дальстроя» в Колыме⁴. Дедушка А. Н. Милорадовича, Сергей Дмитриевич Милорадович (1851–1943), был историческим и жанровым живописцем,

педагогом, с 1909 г. академиком Императорской Академии художеств⁵. Его наиболее известные работы — «Оборона Троице-Сергиевой лавры» (хранится в Русском музее), «Черный собор» (хранится в Третьяковской галерее, эта картина была высоко оценена И. Н. Крамским⁶) и др. Сестра Алексея Николаевича, Татьяна Николаевна (1929 г. р.), также стала архитектором-реставратором, в настоящее время она является автором более ста памятных табличек, расположенных в Санкт-Петербурге.

Документы, связанные с А. Н. Милорадовичем, хранятся в ЦГАЛИ СПб в личном фонде архитектора, а также

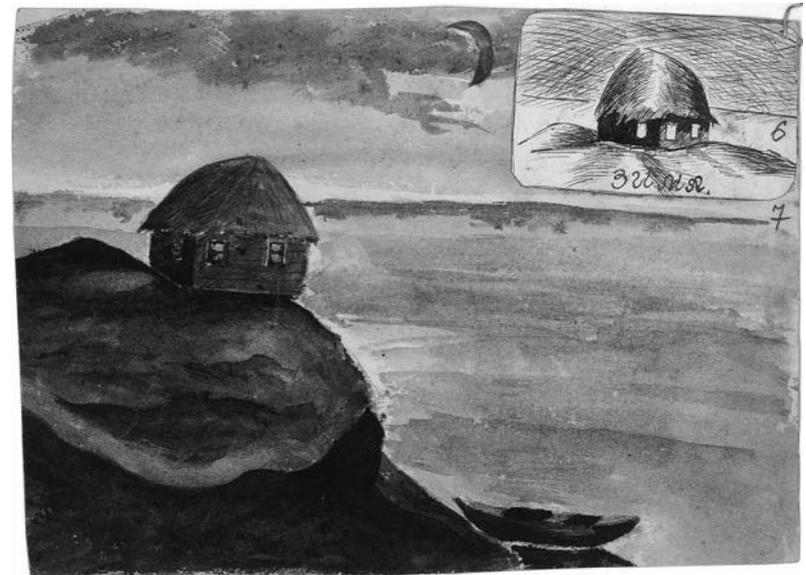

Архитектор-реставратор Алексей Николаевич Милорадович. 1967 г. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 119. Л. 8

в личном фонде его матери, Л. И. Милорадович, и в фонде Союза архитекторов СССР. Фонд А. Н. Милорадовича, № 740, поступил в ЦГАЛИ СПб в 2000 г. от вдовы архитектора, Натальи Сергеевны Габаевой⁷. Среди ста тридцати семи дел фонда — чертежи, фотографии, рисунки, заметки, статьи, письма, биографические документы, а также документы, связанные с С. Д. Милорадовичем и В. С. Баниге⁸.

В военные годы Алексей Николаевич вместе с интернатом детей художников и архитекторов был эвакуирован сначала в Ярославскую область, затем, в ноябре 1941 г., в Сибирь, в село Емуртла⁹. В день отправки эшелона Милорадовичу исполнилось пять лет¹⁰. Воспитателями в интернате были сами родители; сестра и будущая супруга А. Н. Милорадовича, а позже и мать, также были эвакуированы¹¹.

После возвращения в Ленинград и окончания школы при Академии художеств¹² Алексей Николаевич с 1954 по 1961 г. обучался на архитектурном факультете в Институте живописи,

А. Н. Милорадович. Пейзаж. 1930–1940-е гг. Бумага, акварель, чернила. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 23. Л. 6, 7

скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, 18 июля 1961 г. ему была присвоена квалификация архитектора. Своим учителем и наставником А. Н. Милорадович считал архитектора-реставратора Владимира Сергеевича Баниге, с которым вместе работал после окончания института¹³.

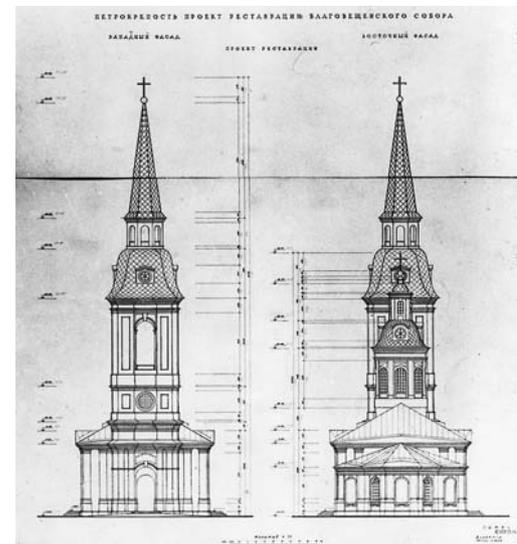
Трудился в девятой реставрационной мастерской, в научно-реставрационных мастерских Ленинградской области, в реставрационной мастерской Ленинградского филиала института «Гипротееатр», в научно-производственном объединении «Реставратор», в институте «Леноблпроект»¹⁴.

В 1979 г. был рекомендован для приема в члены Союза архитекторов СССР¹⁵; с 1981 г. — член Союза архитекторов СССР¹⁶. Основными его интересами стали реставрация и изучение памятников допетровской архитектуры — он занимался исследованиями и последующей реставрацией комплекса Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря, Успенского собора в Тихвине, Богоявленского собора и Никольской надвратной

Панорамный вид комплекса Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря. 1960–1970-е гг. Фотография А. Н. Милорадовича. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 7. Л. 24

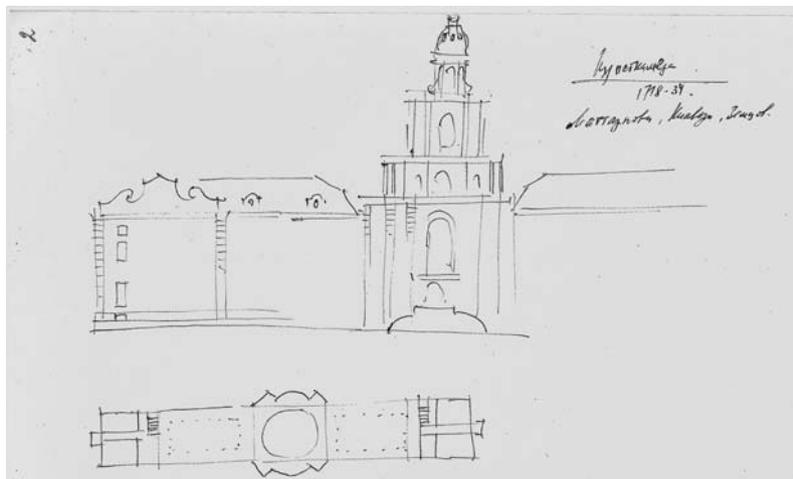
А. Н. Милорадович.
Проект реставрации
Благовещенского
собора. 1964 г.
Фотокопия. ЦГАЛИ
СПб. Ф. Р-740. Оп. 1.
Д. 31. Л. 6

церкви Авраамиева монастыря в Ростове, Благовещенского собора в Шлиссельбурге, Успенского собора и Никольской церкви в Устье Великом, Надвратной церкви Борисоглебского монастыря в Торжке и пр. В фонде А. Н. Милорадовича также хранятся чертежи реконструкции Преображенского собора Соловецкого монастыря, чертежи церквей и соборов Владимира, Суздаля, Псковской области и др.

Отдельно стоит остановиться на памятниках, реставрацией и исследованием которых Алексей Николаевич занимался в Ленинградской области. Реставрация Троицкого комплекса Александро-Свирского монастыря осуществлялась в натуре, Милорадович реставрировал Троицкий собор и Покровскую церковь с трапезной и звонницей в 1967–1979 гг.¹⁷

Покровская церковь — одна из самых ранних среди сохранившихся построек Александро-Свирского монастыря, она возникла до 1533 г., строитель церкви — новгородский подрядчик Игнатий. В XVIII–XIX вв. церковь была значительно перестроена¹⁸. На момент начала реставрации церковь раскалывалась на две части, до 1975 г. здание было законсервировано, чтобы предотвратить дальнейшие разрушения. Во время своего доклада

А. Н. Милорадович. Кунсткамера. Набросок. 1980-е гг. Бумага, ручка.
ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 33. Л. 2

в 1975 г. А. Н. Милорадович отметил, что «первоочередные работы — воссоздание конструкции стен и сводов»¹⁹. Необходимо было как можно скорее подвести опалубку под разрушающиеся своды и широкий кирпич под стены²⁰. По решению реставрационного совета Ленинградского отделения Специальных научно-реставрационных производственных мастерских от 19 сентября 1975 г. было принято решение реконструировать постройки в том виде, в котором они были до перестроек²¹.

Успенский собор в Тихвине реставрировался в 1962, 1963, 1977, 1978 гг.²² Точная дата постройки неизвестна. Изучив ряд исторических источников, Милорадович приводит три возможные даты создания собора: 1507, 1510 или 1515 гг., создателем церкви называет Дмитрия Сыркова²³. Важной особенностью Успенского собора было то, что в нем были совмещены новгородская и московская традиции²⁴. Алексей Николаевич в своих работах также отмечал, что «ни один из соборов, ровесников Успенского, не несет в себе столько архаических черт»²⁵.

Другой проект реставрации, также осуществленный архитектором в натуре в 1965–1967 гг., — Благовещенский собор в Шлиссельбурге (тогда город носил название Петрокрепость)²⁶.

Также Милорадович участвовал и в масштабном восстановлении Большого Петергофского дворца. Так, например, с 1965 по 1967 г. он выполнял чертежи проекта восстановления Тронного зала²⁷, проекта воссоздания барочных осветительных приборов для Танцевального зала в 1981 г., участвовал в проектировании Купеческой лестницы в 1982 г.²⁸ Архитектор А. Г. Леонтьев²⁹, вспоминая о реставрации петергофских памятников, пишет: «Была еще комната архитекторов в южном конце коридора. Я запомнил ее номер: 53. Там работал Алексей Николаевич Милорадович»³⁰.

Алексей Николаевич был не только практиком, но и теоретиком — им было написано множество работ, посвященных как истории архитектуры в общем, так и отдельным ее вопросам в частности. Например, он занимался исследованиями церкви Св. Дмитрия Солунского (1962 г.) и собора Никольского монастыря (1974 г.) в Старой Ладоге³¹, в последние годы жизни углубился в исследования новгородской архитектуры³². Архитектор Г. Р. Бебешко писал о нем: «Высокообразованный, одаренный, профессионально решающий поставленные перед ним вопросы, он, кроме того, неоднократно выступал со статьями и докладами, соединяя в своей деятельности практику с теорией»³³. Среди его опубликованных работ: «Методика исследования и реставрации сильно искаженного памятника архитектуры» (1972 г.), «Памятник Казанской победе в Ростове» (совместно с В. С. Банинге, 1974 г.), «Исследование и реставрация сильно искаженного памятника архитектуры — Богоявленский собор Авраамиева монастыря в Ростове» (1974 г.), «Успенский собор в Великом Устюге» (1975 г.), «Нарядчик Игнатий и новгородский мастер Игнатий Салка или Сольпы» (1985 г.), «Новгородский мастер Игнатий Салка» (опубликовано посмертно в 1994 г.)³⁴.

В фонде Алексея Николаевича хранится исследование, подготовленное на архивных материалах в 1989 г. и посвященное истории Ропшинского дворцового ансамбля, его перестройкам и реконструкциям в XVIII — начале XIX в. Вероятно, интерес этот связан с проектом реставрации, которым занимались его коллеги — А. Н. Наумова и М. И. Мильчик³⁵, однако усадьба так и не была отреставрирована, сейчас она находится в руинированном состоянии. В своей статье Милорадович отмечает:

«Ропшинская усадьба исключительный пример целостного ансамбля, постройки которого в значительной мере сохранили формы петровского барокко. Ее строения дополняют и расширяют представления об усадебном строительстве начала XVIII века, переходного периода с еще неизжитыми традициями предшествующей эпохи»⁵⁶.

Интерес для архитектора представляли и здания, находящиеся в Санкт-Петербурге. Среди его набросков и эскизов сохранились чертежи 1980-х гг. Петропавловской крепости⁵⁷, Кунсткамеры⁵⁸, Меншиковского дворца⁵⁹, он также занимался исследованием Сампсониевского собора и подготовил проект реставрации его южного иконостаса (1982–1985 гг.)⁴⁰.

В. И. Пилявский⁴¹, будучи председателем Комиссии истории, охраны и реставрации памятников архитектуры Ленинградского отделения Союза архитекторов СССР, также отмечал и педагогическую деятельность Алексея Николаевича: «А. Н. Милорадович занимался подготовкой реставрационных кадров, учил производственной и научной практике молодых специалистов, проводил внутри отдела семинары по истории русской архитектуры и реставрационной практике»⁴².

Примечания

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 93.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-718. Оп. 1. Д. 172. Л. 1 об.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-718. Оп. 1. Д. 217. Л. 40.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2056. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2056. Оп. 1. Д. 4. Л. 8 об.

⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Л. 1.

⁸ Владимир Сергеевич Баниге (1905–1973) — архитектор-реставратор, кандидат искусствоведения, руководил архитектурно-художественной мастерской «Ленизо» (1936–1941), работал главным инженером Аварийно-восстановительных мастерских (1941–1943), работал архитектором Ростовского реставрационного участка Ярославских СНРПМ, позже — главным архитектором Вологодских реставрационных мастерских, последние годы жизни руководил архитектурно-реставрационной мастерской в Ленинградском отделении института «Гипротееатр».

⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 172. Л. 1 об.

¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-718. Оп. 1. Д. 101. Л. 32 об.

¹¹ Бибишева Ю. Кукольный театр высмеивал Гитлера. Благодаря спектаклям ленинградские художники и их дети пережили голод в эвакуации // Вечерний Петербург. 2009. № 83. 8 мая. С. 29.

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Л. 3.

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 114. Л. 9.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ ЦГАЛИ СПб. Д. Р-740. Л. 3.

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 118. Л. 4.

¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 5.

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 118. Л. 4.

²³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 40. Л. 19.

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.

²⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 114. Л. 5.

²⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 118. Л. 5.

²⁹ Александр Гаврилович Леонтьев (1958 г. р.) — архитектор-реставратор, работал архитектором СНПО «Реставратор» (1979–1988), был главным архитектором института «Ленпроектреставрация» (1988–2009) и главным архитектором ГМЗ «Петергоф» (2009–2012), позже стал заместителем председателя КГИОП (2012–2013), с 2013 г. первый заместитель председателя КГИОП.

³⁰ Леонтьев А. Г. Воспоминания о работе на петергофских памятниках в 1980–1985 годах // Век реставрации пригородных дворцов. Трагедия и триумф: сб. ст. по мат-лам научно-практич. конф. ГМЗ «Петергоф». СПб., 2019. С. 424.

³¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 118. Л. 4.

³² ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 114. Л. 9.

³³ Там же. Л. 6.

³⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 118. Л. 3.

³⁵ Михаил Исаевич Мильчик (1934 г. р.) — советский и российский искусствовед и архитектор, работал школьным учителем истории, а также

ведущим научным сотрудником ленинградского филиала НИИТИАГ РААСН, был заместителем генерального директора НИИ «Спецпроектреставрация».

³⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 34. Л. 25.

³⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 3.

⁴⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.

⁴¹ Владимир Иванович Пилявский (1910–1984) — советский архитектор, доктор архитектуры, профессор кафедры истории архитектуры Ленинградского инженерно-строительного института.

⁴² ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ПАННО НА ПЛОЩАДИ СТАЧЕК КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ПЛОЩАДЬ Стачек (бывшая Нарвская) — уникальный архитектурный ансамбль, собравший памятники самых разных эпох и стилей. Эту старинную петербургскую площадь можно подолгу рассматривать и «читать» как учебник истории и архитектуры. Здесь и добротные доходные дома дореволюционной застройки, и замечательные образцы ленинградского авангарда 1920–1930-х гг., и здания сталинского неоклассицизма, и, наконец, главный символ площади — Нарвские триумфальные ворота, памятник почти двухвековой давности, напоминающий нам о том, что когда-то в этом месте проходила граница города.

В таком архитектурном разнообразии нельзя не обратить внимание на гигантскую фигуру рабочего, решительно шагающего к городским воротам с брандмауэра здания по левой стороне проспекта Стачек. Монументальное панно на революционную тему, также известное под названием «Революция», появилось на стене углового пятиэтажного дома (пр. Стачек, 2 / ул. Ивана Черных, 2) в 1965 г. — в год 60-летия начала первой русской революции и драматических событий 9 января 1905 г., вошедших в историю как Кровавое воскресенье. Автором проекта стал выпускник художественно-промышленного училища им. В. И. Мухомовой Рифкат Шайфутдинович Багаутдинов (1938–2014). Огромная фреска выполнена студентами училища в специальной технике монументально-декоративного искусства с использованием слоев цветного цемента. Тема панно — победа революции: рабочий под развевающимся флагом с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» шагает на фоне дымящих труб Путиловского завода и сцен революционной борьбы. Композиция напоминает знаменитое полотно Б. М. Кустодиева «Большевик», созданное в 1920 г., где символическая фигура движется над городом с красным стягом в руках.

Вид на брандмауэр дома Гордзялковского от ДК им. Горького.
Фотография автора, 2021 г.

Место для размещения панно было выбрано неслучайно. Этому доходному дому довелось стать ровесником и участником революционных событий 1905 г. Именно здесь, перед Нарвской площадью, возле тогда еще строившегося дома, 9 января 1905 г. ружейными залпами было остановлено мирное шествие рабочих, пытавшихся пройти в город, к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю петицию о своих нуждах. Об историческом годе постройки напоминает цифра «1905» на башенке дома.

По архивным документам, владельцем здания являлся отставной поручик Болеслав Мамертович Гордзялковский¹. Ему и его семье принадлежало еще несколько доходных домов на данном участке — деревянных и каменных, в том числе старинный усадебный дом (бывшая дача Нелидовых), находившийся на месте нынешнего ДК им. Горького². Разрешение на строительство дома на углу Петергофского шоссе и Новосивковской улицы (ныне пр. Стачек и ул. Ивана Черных) хозяин участка получил в 1904 г. Довольно быстро здание было возведено, уже летом 1905 г. в одной из квартир проходили нелегальные собрания рабочих: «...летом 1905 года — до ухода в подполье — он [Нарвский районный комитет РСДРП] помещался в доме

№ 2 по Новосивковской улице...», «На самом верхнем этаже сняли квартиру, принесли скамьи, диван, поставили шкафы для книг»³. Эпизод, изображающий такое собрание, мы можем видеть на панно, правда, заседали подпольщики в доме Гордзялковского недолго, всего несколько месяцев. Вот запись одного из участников, датированная декабрем 1905 г.: «Впереди в густом тумане еле заметно обозначился силуэт Нарвских ворот. Перевели глаза вверх направо, на пятый этаж каменного дома на углу Новосивковской улицы. Там знакомого и манящего к себе огонька в окнах клуба сегодня нет. Да и знаем — не должно быть. Нельзя же безответственно собираться у самой берлоги только что потревоженного зверя»⁴.

Кирпичный брандмауэр здания, выходящий на площадь, до революции пустовал. В 1920-х гг. на нем появилось первое изображение — объемная композиция в духе времени: рабочий со знаменем и текстом «Выше знамя ВКПб». В 1930-х рабочего заменили портретом И. В. Сталина. В конце 1950-х Сталин исчез, а стену использовали для рекламы и украшали к праздникам плакатами и транспарантами, пока наконец не было решено разместить здесь панно на тему революции.

В 1950–1980-х гг. подобные монументальные изображения, как в Ленинграде, так и в других городах, не были редкостью. Мастерски выполненные росписи, мозаики, композиции из металла и других материалов, посвященные революции, освоению космоса, спорту, науке и дружбе народов, появлялись на глухих стенах старых домов и в районах новостроек, становясь городскими достопримечательностями и частью ар-

Панно «Революция» на площади Стачек (пр. Стачек, 2 — ул. Ивана Черных, 2). Автор проекта Рифкат Багаутдинов, 1965. Фотография автора, 2021 г.

Портрет И. В. Сталина в архитектурном обрамлении на брандмауэре дома Гордзялковского (пр. Стачек, 2). Фотография второй половины 1930-х гг.

Митинг у дома на улице Стачек перед Московско-Нарвским домом культуры. Фотография из коллекции музея «Нарвская застава», 1933 г.

хитектурного ансамбля. Основными требованиями при проектировании таких композиций были строгая оправданность введения их в окружающую среду, умение художника добиться органического единства произведения с архитектурой и по тематике, и по стилю, пропорциональность, правильный подбор материалов и высокий художественный уровень⁵. Художник и теоретик искусства Владимир Андреевич Фаворский отмечал: «...монументальное искусство совместно с архитектурой организует наше пространство, организует нас. Тут его можно сравнить с музыкой. Как влияет на нас, например, в различном ладе марш, мы всем телом, всем существом ощущаем его влияние на нас, будь то грустное или бодрое и веселое. Так и в монументальном искусстве есть возможность заставить нас жить в определенном ритме»⁶. Композиции тех лет — это добротные, сделанные на века монументальные «плакаты», уникальные по стилистике и исполнению, по технологическим приемам и используемым материалам. Несмотря на идеологию, на строгий тематический регламент, шел поиск новых технологических решений, новых художественных форм⁷. Монументальные уличные «картины» становились самостоятельными произведениями искусства, художественными элементами городской среды.

Однако, как оказалось, монументальность не значит вечность. Несмотря на высокое качество работы и прочность материалов, постепенно эти изображения тускнели и, при отсутствии реставрации, обсыпались и разрушались. Не менее важным фактором стали исторические перемены, смена идеологических установок общества. Произведениям 1960-х гг. сегодня более полувека — возраст критический, когда произведение

Плакат с эскизом будущего панно. Фотография 1965 г.

Сердобольская ул., 2.
Остатки панно «Рабочие
Выборгской стороны в борьбе
за советскую власть». Автор
проекта Э. Х. Насибуллин, 1967.
Фотография 2008 г.

неумолимо ветшает физически и уже устарело по содержанию. Практически все они находятся сегодня в группе риска, многие уже прекратили свое существование. В 2009 г. на Сердобольской улице, 2, во время ремонта исчезло панно «Рабочие Выборгской стороны в борьбе за советскую власть» (1967 г. создания). В 2012 г. при ремонте фасада с дома на улице Ленина сняли композицию из металла «Ленинские места Петроградского района». Пока сохраняется уникальное сграффито на брандмауэре дома возле гостиницы «Дружба» на ул. Чапыгина, созданное выпускником Мухинского училища Б. П. Аксельродом в 1961 г. Однако искусствоведы бьют тревогу: «...здание отсырело, штукатурка сыплется, но композиция нерушима. Но ведь наступит время ремонта, может быть очень скоро, и вряд ли без вмешательства ее сохранят. Просто залиют штукатуркой...»⁸ Обнадёживает, что здание (бывший дом Циммермана начала XX в.), на стене которого находится произведение, является объектом культурного наследия регионального значения и просто так уничтожить панно нельзя. Похожая ситуация сложилась и в других городах. В 2018 г. в Перми заложили плиткой монументальное панно на ДК «Металлист», тоже сделанное «мухинцами». Там же годом ранее исчезло масштабное эмалевое панно «Наука» на стене научно-исследовательского института. Гиганты советского монументального искусства в наше время оказались уязвимыми и беззащитными. На сегодняшний день статус памятников имеет лишь малая часть таких объектов. В отечественном искусствознании монументально-декоративной живописи

1960–1980-х гг., да и в целом советскому монументальному искусству отводится явно недостаточно места⁹.

Возвращаясь к панно на площади Стачек, нельзя не отметить, что произведение органично вписалось в окружающее пространство, став частью архитектурного ансамбля площади и живым образом, повествующим о драматической истории этого места. Художник лаконично использовал палитру, взяв три основных цвета: черный, белый и темно-красный, гармонично сочетающиеся с красным фоном стены здания. Композиция построена на коллажном принципе с резкими перепадами масштаба. Зрителю предстают стилизованные сцены борьбы за будущее и образ рушащегося старого мира: падает фонарь, решетка Зимнего дворца, Александровская колонна, и на фоне этих движущихся декораций в треугольнике света гигантский рабочий уверенным шагом идет к своей цели. Динамичность создает особую экспрессию композиции. Панно является не только ценным художественным объектом и частью оформления площади, оно транслирует историю места, выполняя тем самым важную социокультурную задачу. Это произведение монументального искусства советской эпохи по праву заслуживает сохранения, к слову, в отличие от множества изделий современного стрит-арта, неожиданно и, как правило, неуместно появляющихся на стенах петербургских домов.

К счастью, на сегодняшний день с панно на площади Стачек всё в порядке. Вот уже более полувека оно украшает старый брандмауэр, оставаясь одним из символов исторического ландшафта Нарвской заставы. Недавно был произведен ремонт фасадов дома Гордзялковского, никакого ущерба панно причинено не было. Правда, есть одно «но»: по непонятной причине это произведение искусства до сих пор официально не является объектом историко-культурного наследия. Так же как и само здание. А без охранного статуса всегда есть риск потерь. Остается надеяться, что дом Гордзялковского будет внесен в список памятников, и историческое панно не повторит печальную судьбу многих своих современников.

В заключение можно привести следующие положения, формирующие механизм защиты произведений монументального искусства от уничтожения.

1. Популяризация существующих произведений, включение их в число достопримечательностей и в туристические маршруты;
2. Систематическая работа по изучению и каталогизации объектов;
3. Выявление произведений, обладающих признаками объекта культурного наследия, и внесение их в список памятников¹⁰.

Примечания

¹ ЦГИА СПб. Ф.224. Оп. 3. Д.2194 (О разрешении на постройку Б. М. Гордзялковскому по Петергофскому шоссе, 2, 4 и 6 и Новосивковской ул., 1 в Петергофском уч., 1904–1913).

² Деконская Н. В. Доходные дома Гордзялковских на Петергофском шоссе // Материалы историко-краеведческой конференции. СПб., 2020. С. 87–97.

³ Азиатский Н. А., Быстров И. Н., Филиппов Г. Г. Кировский район. Л., 1974. С. 82–83; История Путиловского завода. Л., 1939. С. 247.

⁴ Гуляев А. Боевые дружины большевиков. Л., 1935. С. 58.

⁵ Толстой В. П. Монументальная живопись // История советского искусства. Т. 2. М., 1968. С. 233.

⁶ Фаворский В. А. Об искусстве, о книге, о гравюре. М., 1986. С. 196.

⁷ Епишин А. С. Вступление. Эстетические принципы нового монументализма 1960–1980-х гг. // Среда. Художник. Время: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. М., 2016. С. 7–13.

⁸ Изотова М. Д. Монументальное искусство Ленинграда 1960–1980-х гг. Проблема охраны наследия // Среда. Художник. Время: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. М., 2016. С. 70–77.

⁹ Гахова И. В. Принципы взаимодействия монументально-декоративной живописи 1960–1980 гг. с архитектурой // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ. М., 2019. № 1. С. 169–179.

¹⁰ Радимов П. Н. Проблема уничтожения и повреждения памятников монументального искусства 1960–1980-х гг. // Среда. Художник. Время: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. М., 2016. С. 107–113.

В. А. Черненко

ЗАВЕЩАНИЕ КАРЛА НИКОЛАЕВИЧА БЕРДА: ПУБЛИКАЦИЯ И КОММЕНТАРИИ

КАРЛ Николаевич (Чарльз) Берд (1766–1843), шотландец по происхождению, российский подданный, работал полвека на благо России. Инженер-литейщик знаменитого в Англии Карронского завода, он в 1792 г. основал первый в Санкт-Петербурге чугунолитейный и первый в России механический завод, на котором начал производить паровые машины для промышленных предприятий и землечерпательные машины для Мариинской водной системы и очистки каналов и рек города.

К. Н. Берд изобрел в 1815 г. и изготовил первый российский пароход, открыв тем самым эру речного и морского пароходства на своей второй родине¹. Он также является соавтором первого в Санкт-Петербурге моста на ребристых чугунных арках (П. Боттом, К. Н. Берд. Сальнобуянский мост, 1800-е гг.). В 1823–1826 гг. на заводе К. Н. Берда были изготовлены металлические конструкции всех ценных мостов и сборные конструкции (тюбинги), перила и фонари чугунных мостов столицы. Завод Берда выполнил большое количество заказов на художественное литье из чугуна и бронзы для строящихся в Санкт-Петербурге соборов, дворцов, особняков, государственных учреждений, оград и памятников, внеся огромный вклад в архитектурно-художественный облик столицы российского государства².

В статье приводится найденная, после долгих поисков в РГИА, копия «Духовного завещания К. Н. Берда». Ввод в научный оборот завещания К. Н. Берда позволит существенно дополнить генеалогическое древо династии Бердов и расширить круг исследований по этой теме, оценить результаты деятельности К. Н. Берда, определить его движимое и недвижимое имущество.

Завещание К. Н. Берда

29 апреля 1839 г. К. Н. Берд написал «Духовное завещание во имя Пресвятыя и живоначальные Троицы» следующего содержания:

«Я, нижеподписавшийся, обер-бергмейстер 7го класса и кавалер Санкт-Петербургский 1. гильдии купец Карл Николаев, сын Берд, быв благоприобретателем всего моего движимого и недвижимого имения, завещаю оное, как то: все мои дома, заводы, принадлежащую мне часть Гутуевского острова со всем находящимся на ней каменным и деревянным строением, крепостных обою пола дворовых людей, пароходы, перевозные суда, капиталы, одним словом всякого рода и наименования всё мое благоприобретенное движимое и недвижимое имения без всякого изъятия, как после кончины моей окажется по крепостным актам всякого рода документам, конторским моим книгам, счетам, реестрам или иным каким-либо образом открыто и доказано будет,— в собственность единственному сыну моему дворянину Францу Карловичу Берду, с возложением на него нижеследующих обязанностей, которые он должен непременно во всей точности свято выполнить:

1^е. Выдать возлюбленной супруге моей, Софье Францовне Берд, государственными ассигнациями один миллион рублей по ее востребованию; до получения ею же от него, сына ее, этой суммы должен он платить ей, родительнице своей, интересов по шести процентов, с каждого рубля всей этой суммы ежегодно.

2^е. Производить весьма почитаемой мною моей невестке Софье Ивановне Берд, жене вдове оплакиваемого мною умершего сына моего Николая Карловича на ее собственно содержание, со дня кончины моей ежегодно государственными ассигнациями по восьми тысяч рублей по кончину ее, или по вступление ее в брак; в последнем случае, прекратив ежегодную плату, выдать ей единовременно государственными ассигнациями пятьдесят тысяч рублей.

3^е. Производить ей же, невестке моей, Софье Ивановне Берд, на содержание и воспитание дочери ее, а моей внучке, Софье Николаевне Берд, ежегодно государственными ассигнациями по семи тысяч рублей со дня кончины моей до вступления ее,

внучки моей, до вступления в брак или до двадцать второго года возраста ее, в обеих этих случаях, прекратив ежегодный платеж, выдать ей, внучке моей, Софье Николаевне Берд, единовременно государственными ассигнациями двести пятьдесят тысяч рублей.

4^е. Производить любезной невестке моей Роде /: Rhode :/, жене — вдове оплакиваемого умершего сына моего Якова Карловича, на ее собственно содержание со дня кончины моей ежегодно государственными ассигнациями по шести тысяч рублей по кончину ее или по вступлении ее в брак; в последнем случае прекратить ежегодную плату, выдать ей, невестке моей Роде Берд, единовременно государственными ассигнациями пятьдесят тысяч рублей.

5^е. Производить ей же, невестке моей Роде Берд, на содержание и воспитание дочерей ее, а моих внучек, Роде Яковлевне Берд и Софье Яковлевне Берд, на каждую по три тысячи рублей ежегодно государственными ассигнациями ежегодно со дня кончины моей до вступления их в брак или до двадцать второго года их возраста; в обеих этих случаях прекратить ежегодную плату, выдать им, моим внукам, единовременно каждой по сту двадцати пяти тысяч рублей государственными ассигнациями.

6^е. Выше изъясненные суммы, определенные мною супруге и вышепоимянованным невесткам и внукам моим, нахожу я достаточным для обеспечения их благосостояния: то всем из всего благоприобретенного движимого и недвижимого имения моего, какое после кончины моей окажется, ни под каким видом более определенного мною им отнюдь ни сколько не требовать; сын же мой, Франц Карлович Берд, обязан немедленно после кончины моей обеспечить законным образом верную выплату назначенных мною сумм вышепоимянованным невесткам и внукам моим нижеследующим образом: невестке моей Софье Ивановне и внучке, Софье Николаевне, вышеписанною принадлежащею мне частию Гутуевского острова, состоящею в Санкт Петербурге в Нарвской части, в квартале, как подробно значит по владетельным документам и планам, и всем находящимся на ней каменным и деревянным строениям, с тем, что мне внука моя, Софья Николаевна, получит окончательно

определенные мною ей значущиеся в 3^м пункте сего моего духовного завещания государственными ассигнациями двести пятьдесят тысяч рублей: то выплату собственно ей, невестке моей, Софье Ивановне, следующих по 2^{му} пункту сего моего духовного завещания — сумм, должен он, сын мой, Франц Карлович, по согласию с нею, невесткою моею, обеспечит другим меньшей ценности достаточным имением, а упомянутая часть Гутуевского острова со всем находящимся на ней каменным и деревянным строением, и поступит в полное распоряжение сына моего, Франца Карловича.

Невестке моей, Роде, и внукам моим, Роде Яковлевне и Софье Яковлевне, каменными домами моими, состоящие здесь в Санкт-Петербурге 4. Адмиралтейской части в 3^м квартале, значущимися по купчей крепости под №№ 252^м, 253^м и 254^м и состоящими при них лесопильным заводом, находящимся в оном механизмом и всею принадлежащею к тем домам землею, с тем, что лишь внуки мои, Рода Яковлевна и Софья Яковлевна, получают окончательно определенные мною им значущиеся в 5^м пункте сего моего духовного завещания каждой по сту двадцати пяти тысяч рублей государственными ассигнациями: то выплату собственно ей, невестке моей, Роде, следующих по 4^{му} пункту сего моего духовного завещания сумм, должен сын мой, Франц Карлович, по согласию с нею, невесткою моею, обеспечить другим меньшей ценности достаточным имением, а упомянутые мои три каменные дома со всем тем, как вышеизъяснено, соделаются свободным имением и поступят тогда, в полное распоряжение сына моего, Франца Карловича.

7^е. Если назначенные мною в предыдущем 6^м пункте сего моего духовного завещания в обеспечение верной выплаты определенных мною невесткам и внукам моим сумм, недвижимые имущества вместе и отдельно понадобятся сыну моему, Францу Карловичу, продать или заложить, то это ему разрешаю, но он должен наперед по благоусмотрению тех невесток моих представить благонадежное обеспечение, для чего и войти ему в сношение с каждою из них отдельно, по сему каждой из них отдельно предоставляю сим право, принять от него по их благоусмотрению другое — благонадежное обеспечение первой за себя и за дочь ее, а второй за себя и за дочерей ее.

Впрочем, само собою разумеется, что после кончины моей доходы с тех недвижимых имений будут получаемы сыном моим, Францем Карловичем, и если он будет, согласно сему духовному Завещанию, в точности исполнять обязанности свои пред теми невестками и внуками моими, то к оным недвижимым имениям им невесткам и внукам моим ни малейшего притязания не иметь, и его сына моего в хозяйственном распоряжении, устройствах, пользовании оных и получении с них доходов, отнюдь ни мало ни под какими предлогами не затруднять и не стеснять.

8^е. Родному брату моему, великобританскому подданному Джону Берд выдать государственными ассигнациями двадцать пять тысяч рублей.

9^е. Родной сестре моей, Маргарите Гендесейд, выдать государственными ассигнациями двенадцать тысяч пятьсот рублей.

10^е. За таковым распределением всего моего благоприобретенного движимого и недвижимого имущества моего опеки к оному и упомянутому моим трем внукам не учреждать.

11^е. Сие духовное завещание мое да будет исполняемо во всей точности без малейшего отступления.

Санкт-Петербург, апреля 29го дня 1839 года»³.

Завещание было подписано К. Н. Бердом, «находившегося при изъявлении своей воли и распоряжения в здравом уме и твердой памяти», и по его просьбе завещание подписали: великобританской церкви пастор Эдуард Ла, Санкт-Петербургский иностранный гость Иван Соломонович Ходсон, вильманстранский и временный Санкт-Петербургский купец Александр Иванович Гранд, Нарвский первой гильдии купец Иосия Самойлович Бирч.

Духовное завещание писал со слов К. Н. Берда Санкт-Петербургский 2-й гильдии купец Петр Александрович Лыжин⁴.

Последний чин — берг-гаутмана 6-го класса К. Н. Берд получил 4 августа 1839 г. уже в преклонном возрасте, на 73-м году жизни, «за долговременные и разнообразные труды на пользу мануфактурной промышленности»⁵, а через три года он значительно изменил свое завещание.

Изменения в завещании К. Н. Берда

10 февраля 1842 г. берг-гауптман 6-го класса Карл Николаевич Берд внес следующие изменения в завещание от 29 апреля 1839 г.: в числе прочего движимого и недвижимого имени К. Н. Берда, сыну его, дворянину Францу Карловичу Берду, должен был принадлежать и «каменный дом», доставшийся его отцу по купчей крепости Санкт-Петербургской палаты гражданского суда 2-го Департамента от 18 января 1834 г. Теперь этот дом со всем строением и землей Карл Николаевич завещал в собственность внучке Софье Николаевне Берд, а до ее 22-летия или до вступления в брак Франц Карлович Берд должен предоставить в распоряжение ее матери Софье Ивановне Берд; на содержание и воспитание внучки ежегодно выделять по 4000 рублей серебром до 22-летия или до вступления ее в брак.

Невестке Роде (по второму замужеству Элтон) Франц Карлович Берд должен производить со дня кончины К. Н. Берда на содержание и воспитание ее дочерей (внучек Карла Николаевича), Роды Яковлевны Берд и Софьи Яковлевны Берд, вместо назначенных на содержание и воспитание каждой из них государственными ассигнациями по 3500 рублей ежегодно, по 2000 рублей серебром на каждую ежегодно же, до их 22-летнего возраста или до вступления в брак. Всё остальное в завещании Карл Николаевич оставлял «твердым и не поколебимым» и завещал «в точности выполнить»⁶.

Дополнение к завещанию было подписано К. Н. Бердом и засвидетельствовано: великобританской церкви пастором Эдуардом Ла, почетным гражданином Нарвы 1-й гильдии купцом Досием Самойловичем Бирчем, фридрихсгамским и Санкт-Петербургским 1-й гильдии купцом Иваном Делом и Санкт-Петербургским иностранным гостем Джоном Ходсоном.

Дополнение к духовному завещанию, по просьбе заявителя, берг-гауптмана 6-го класса и кавалера Карла Николаевича Берда, который при изъявлении своей воли и распоряжения находился в здравом уме и твердой памяти, писал с его слов Санкт-Петербургский 2-й гильдии купец Петр Александрович Лыжин⁷.

Из завещания и дополнения к нему мы видим, что К. Н. Берд оставлял огромный капитал в виде движимого и недвижимого

го имущества — это заводы, дома, часть Гутуевского острова со всеми строениями и финансы, которые он щедро разделил с учетом отдаленной перспективы между своими родственниками. Это позволило узнать адреса домовладений Бердов, а также существенно расширить представления о составе семьи Берд, включить еще 10 имен в их родословную (брат, сестра, сыновья, невестки, внучки).

Смерть К. Н. Берда

Смерть Карла Николаевича Берда наступила 28 ноября 1843 г., но она не остановила работы по контрактам — их исполнение продолжил его сын и наследник Франц Карлович Берд⁸. В письме П. М. Волконскому — председателю Комиссии о построении Исаакиевского собора — Франц Карлович Берд на следующий день после смерти отца писал: «Ваша светлость / Милостивый государь / Князь Петр Михайлович!

Благоговевая пред Святою волею создателя, поставляю себе обязанности довести Вашей светлости с чувством душевного сожаления, что любезнейший мой родитель Карл Николаевич скончался сего ноября 28-го дня в 4 часа пополуночи; отпевание тела его последует будущий четверг, т. е. 2-го числа наступающего декабря в 12 часов пополудни в Английской церкви, а погребение на Смоленском кладбище. Осмеливаюсь покорнейше просить Вашу светлость удостоить присутствием сей печальный обряд...»⁹

Утверждение завещания и изменения к нему К. Н. Берда

15 декабря 1843 г. 2-й Департамент Санкт-Петербургской палаты гражданского суда, после слушания дела «О засвидетельствовании завещания Карла Николаевича Берда», определил: поскольку завещание и дополнение к нему берг-гауптманом 6-го класса К. Н. Бердом составлены по предписанной законом форме и представлены в Департамент палаты к «засвидетельствованию» в определенный законом срок, после смерти завещателя, последовавшей 28 ноября сего года, они подтверждаются в подлинности подписавшимися свидетелями, и никто

не оспаривал их, поэтому завещание и дополнение к нему, сделав на них надпись, выдать их предъявителю — дворянину Ф. К. Берду для исполнения, а также, чтобы завещанные ему дворовые люди были причислены к его недвижимому имению «узаконенным порядком».

Но перед выполнением надписи в Департаменте палаты взыскать за бумагу, на которой должно быть написано завещание, по сумме, объявленной предъявителем, оставшейся от К. Н. Берда его недвижимому имению 1 000 000 рублей серебром и движимому и капиталам 645 рублей серебром, а всего на 1 645 000 рублей серебром. Всего взыскать 2359 рублей 23 копейки серебром, «кои взысканы и в приход записаны. Декабря 20 дня 1843 года»¹⁰.

Завещание с дополнением для предоставления Ф. К. Берду по его доверенности получил Санкт-Петербургский 2-й гильдии купец Петр Александрович Лыжин.

Копия с духовного завещания и дополнения к нему бергауптмана была выдана Санкт-Петербургской палатой гражданского суда 2-го Департамента 21 декабря 1843 г. дворянину Францу Карловичу Берду в связи с поданным им прошением от 15 декабря 1843 г.¹¹

Исполнение завещания К. Н. Берда его сыном Ф. К. Бердом

В своем письме Петру Михайловичу Волконскому Франц Карлович писал также: «Доверие, которым в продолжение многих лет удостоивали Ваша светлость родителя моего, на пути его деятельной жизни, заповедовал он мне соблюдать как не оцененное благо, и уже при себе по болезни своей возложил на меня производство работ, предпринятых им для Исаакиевского собора. Ныне окончание работ сих относятся уже до меня, почему решаюсь просить покорнейше Вашу светлость пребыть в уверенности, что о исполнении сей обязанности буду употребить всевозможное попечение.

Имею честь пребыть с глубочайшим почтением и совершенною преданностию / Милостивый государь / Вашей светлости / всепокорнейший слуга / Франц Берд»¹².

После кончины отца Ф. К. Берд до самой смерти единолично управлял заводом, добросовестно исполняя его завещание.

Примечания

¹ Стимбот на Неве // Сын отечества. 1815. Ч. 24, № 38. С. 214–217; ГМИ СПб. РФ. КП-424389 / 1 // III А-239-р / 1. Дело по просьбе обер-гиттен-фервальтера Карла Берда о выдаче ему привилегии на судно, приводимое в движение паром. 1815–1827; Привилегия, данная Обер Бергмейстеру 7-го класса Карлу Берду на употребление паровых судов; с подробным оной описанием и рисунками. СПб., 1818; Черненко В. А. Пароход Берда — первый в России // Гангут. 2006. № 38. С. 32–48; Он же. Первый пароход в России — пароход Берда. СПб., 2015. С. 49–122.

² Черненко В. А. Чарльз Берд: Полвека славных дел // Металлы Евразии: Международный промышленный журнал. М., 1999. № 2. С. 92–95; Он же. Чарльз Берд: Дело всей жизни // Петербург — центр промышленности и инженерного искусства: мат-лы науч. конф. СПб., 2003. С. 96–102; Он же. Чарльз Берд: Полвека на благо России // Личность в истории Петербурга: Мат-лы IV Андиферовских краеведческих чтений, 28–29 октября 2011 г. Санкт-Петербург. СПб., 2012. С. 29–39; Он же. Первый пароход в России — пароход Берда. С. 149–178.

³ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1003 (Об устройстве купола [Исаакиевского собора] и прочих частей из металла. 1838 г.). Ч. III. Л. 390–391 об.

⁴ Там же. Л. 391–391 об.

⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3034 (О выдаче дворянину Георгу Францову Берду диплома на дворянское достоинство. 1871–1872). Л. 19–22, 25.

⁶ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1003. Ч. III. Л. 391 об.–392.

⁷ Там же. Л. 392–392 об.

⁸ Черненко В. А. Фрэнсис Берд — продолжатель дела отца // Петербург — центр промышленности и инженерного искусства: мат-лы науч. конф. СПб., 2003. С. 103–107; Он же. Первый пароход в России — пароход Берда. С. 172–214.

⁹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1003а. Л. 1; Черненко В. А. Первый пароход в России — пароход Берда. С. 174–175.

¹⁰ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1003. Ч. III. Л. 392 об.–393.

¹¹ Там же. Л. 393–393 об.

¹² РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1003а. Л. 1–1 об.; Черненко В. А. Первый пароход в России — пароход Берда. С. 174–176.

И. Б. Фурманова

ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ «ПИОНЕРСТРОЙ» (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ШКОЛЫ № 112)

КОГДА на карантине открылась группа ВКонтакте, посвященная истории школы № 112, стал доступен для всех огромный фотоархив, содержащий 40 тысяч фотографий (на сентябрь 2021 г.). На многих из них ученики школы сфотографированы с граблями, лопатами, тряпками и кистями. На снимках 50–40-летней поры ученики сами моют огромные школьные окна, красят парты, строгают ящики для рассады и скворечники. Разглядывая сотни черно-белых фотографий, возник вопрос: «А когда же они учатся?»

С фотографий на меня смотрели веселые ребята: одни убрали чеснок с колхозных полей, другие укладывали в ящики морковь, третьи убрали турнепс. Старые фотографии рассказали о 5-й трудовой четверти, во время которой ученики школ работали после уроков в детских садах, помогая на прогулке нянечкам. Невероятно любопытные фотографии открыли совершенно неизвестный для современных ребят мир совместного труда, рассказали о работе на совхозных полях летом, о помощи пионеров на городских стройках. В школьном музее хранится альбом фотографий, на которых ученики моей школы летом работают в полях под Колпином; идут за трактором и складывают на огромный лист железа осколки снарядов, проволоку, пробитые каски, оставшиеся в земле после войны.

Многочисленные документы, квитанции о сданной макулатуре и металлоломе, вырезки из газет и детских журналов говорят об огромной работе пионерской дружины школы № 112. Старшим пионервожатым был Николай Викторович Михайлов. Один из стендов школьного музея называется «Правофланговая дружина школы 112», на ней вырезки из газеты «Ленинские искры» за разные годы. Газета объявила конкурс на лучшую дружину города. Наша школа ежегодно отправляла в редакцию газеты «ЛИ» фотоальбом с отчетом полезных дел за год. По неизвестным причинам один из таких альбомов остался

И. Б. Фурманова • Добровольческое движение школьников «Пионерстрой»...

в школе и не был отправлен в редакцию газеты. Возможно, был оформлен еще один, более красочный, альбом, а этот остался в школе. На первой странице идет представление дружины: сколько классов, сколько в школе пионеров. Далее отчет — на каких экскурсиях по Ленинским местам побывали пионеры школы. О радиопрограммах, о прочитанных книгах и литературных встречах с писателями, о художественной самодеятельности — сколько концертов и спектаклей показали. На следующих страницах сведения о сборе металлолома, макулатуры, посадке деревьев. На самой последней, двенадцатой странице запись: отработано на стройках города «1540 человеко-часов». Но большинство страниц в конце альбома (самые для меня важные), к сожалению, не оформлены и не расписаны вовсе. И если об экскурсиях и походах написано подробно: куда ходили ребята, сколько человек принимало участие в походах, и некоторые страницы украшают чудесные рисунки, то самая последняя мало информативна — только кратко — «мы отработали на стройке 1540 человеко-часов». Так и осталось неизвестно, на каких стройках и чем занимались ребята.

По итогам конкурса газета присуждала лучшим школам звание «Правофланговой» в день рождения Пионерской организации — 19 апреля. Из вырезок разных лет, хранящихся в школьном музее, видно, что количество и номера школ каждый год разные, неизменным остается только один номер — 112. В отчете пионервожатого школы Н. В. Михайлова читаем: «1969 год — присвоено звание „Лучшая пионерская дружина“. 1970 — дружина школы признана победителем Ленинского марша в честь 100-летия со дня рождения Ленина, 1972, 1973 год — награждена почетной грамотой Ленинградского совета пионерской организации как победитель марша „Всегда готов!“, посвященного 50-летию Всесоюзной пионерской организации им. Ленина, а в 1975, 1977, 1982, 1984, 1987 годах дружина школы названа „Правофланговой“».

Всезнающий Интернет на мой запрос «Движение школьников „Пионерстрой“», выдал только топонимические справочники и ссылки на улицу Пионерстроя.

Улица Пионерстроя. Перед началом Великой Отечественной войны на месте улицы Пионерстроя была грунтовая дорога

Вырезка из газеты «Ленинские искры». Лучшие дружины города Ленинграда, май 1985 г. Школьный музей. Фотография автора, 2021 г.

совхоза «Пролетарский труд». Из-за того что во время войны недалеко от нее проходил передний край обороны Ленинграда, в январе 1964 г. дорога была названа улицей Переднего Края, а в июне 1974 г., по просьбе пионеров, улица получила название улицы Пионерстроя, в честь зарождавшегося в то время движения пионерстроевцев¹.

Значит, в 1974 г. движение только зарождается, конкретные дела пионеров не указаны. В топонимическом справочнике «Почему так названы?» К. С. Горбачевич и Е. П. Хабло об этой улице сказано: «...по ходатайству пионеров в 1971 году эту магистраль переименовали — улица Пионерстроя — дано в честь движения пионерстроевцев. Пионеры помогали строителям, сооружали спортивные площадки, участвовали в озеленении и архитектурном оформлении улиц»².

В этом справочнике уже дана другая дата рождения нового движения школьников «Пионерстрой» — 1971. Приведены конкретные дела школьников: помощь строителям, сооружение спортплощадок и посадка деревьев.

Самый новый и подробный топонимический справочник «Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика» сказано: «Улица Пионерстроя... 2 июня 1971 года она была

переименована в честь зародившегося в Ленинграде всесоюзного движения пионерстроевцев. Движение это было сродни тимуровскому, с той разницей, что пионеры начала семидесятых участвовали в различных комсомольских стройках, которые таковыми назначались руководителями КПСС. Причем участвовали не личным трудом, а опосредованно — собирали макулатуру, металлолом, работали на субботниках и т. п., а вырученные деньги перечислялись в фонд этих самыхстроек. Считается, что пионеры сами вышли с инициативой о переименовании улицы Переднего Края в улицу Пионерстроя»³.

В последнем справочнике дата зародившегося движения школьников тоже 1971 г. и оно уже не городское, а всесоюзное.

Проанализировав три топонимических справочника, понять, чем занимались ребята, что строили, кому помогали, невозможно. Когда родилось добровольческое движение школьников, кто инициатор — неизвестно. В 1971 г. движение существовало, работало, хорошо себя зарекомендовало, оставило след в городском строительстве, раз топонимическая комиссия сочла возможным переименовать улицу Переднего Края в улицу Пионерстроя.

Чтобы узнать, что же строил или не строил «Пионерстрой», в каком году появился, по чьей инициативе, обратимся к журнальным и газетным публикациям.

Фотоархив школьного музея хранит более 20 фотографий со строительства «Цветка жизни». На них девочки молотками бьют бетонные лепестки, чтобы поверхность памятника блестяла, становилась как бы льдистой, мальчики носят доски для сооружения опалубки под бетонные «листья» будущего цветка, благоустраивают холм, расчищают площадку, просеивают мраморную крошку — ее понадобилось много тонн.

В газете «Ленинские искры» за сентябрь 1974 г. — передовая статья «Добровольцы, вперед!» В ней рассказывается, каким будет памятник на площади Победы, посвященный героическим защитникам Ленинграда. В строительстве монумента принимают участие все ленинградцы. Памятник сооружается на том месте, где в годы войны проходила оборонительная линия. Далее в статье сказано: «На строительстве памятника... уже потрудились энтузиасты из 300 производственных коллективов

Передовая
статья газеты
«Ленинские искры»
«Добровольцы,
вперед!»
Строительство
монумента на
площади Победы,
сентябрь 1974 г.
Школьный музей.
Фотография автора,
2021 г.

Ленинграда. Сюда, на стройку, идут добровольцы — студенты, рабочие, инженеры, курсанты, бывшие войны. <...>

На торжественном митинге выступила секретарь Горкома комсомола М. А. Колобова.

— Вам, ребята, доверили старт трудовых пионерских дел в честь 30-летия победы... Помочь ветеранам войны и труда, проявить заботу, внимание к старшим — вот одна из главных задач. Многие предстоит сделать пионерстроевцам в новом учебном году. Парки, скверы, улицы города ждут вас.

На митинге юные строители приняли Обращение ко всем пионерам города: „Сегодня тысячи наших сверстников-земляков принимают активное участие в пионерстроевском движении. Главная забота отрядов „Пионерстрой“ — легендарная „Дорога жизни“, парки Зеленого пояса Славы, памятные места, дорогие сердцу каждого ленинградца. Пусть эти места станут еще краше, благоустроеннее, пусть они будут окружены вниманием каждой пионерской дружины, каждого пионерского отряда и каждого пионера“. <...>

После митинга ребята получили рукавицы, лопаты. И хотя трудились пионеры недолго (помешал небывалый сентябрьский ливень), все работали с большим желанием»⁴.

Из газетных статей видно, что работали пионеры не «опосредованно», а реальными делами хотели сделать город краше,

хотели оставить добрый след пионеров 1970-х гг. Об этом говорят многочисленные фотографии из архива школьного музея.

Так как школа № 112 активно включилась в движение «Пионерстрой», а старший пионервожатый Николай Викторович Михайлов увлекался фотографией, школьный архив хранит богатый материал, раскрывающий пару скупых строчек топонимического справочника.

Чем занимались пионеры, что строили, на каких объектах работали, и рассказали газетные вырезки, многочисленные фотографии и воспоминания пионервожатого школы. Два объекта строительства отражены очень ярко: это Монумент Героическим защитникам Ленинграда на площади Победы и «Цветок жизни». А еще были посадка деревьев в Удельном парке и закладка парка Юннатов в районе Поклонной горы, сбор металлолома для строительства пионерских вагонов метро, субботники перед открытием станции метро «Пионерская». Когда открывался новый Дом пионеров и школьников

Школьники на строительстве памятника «Цветок жизни».
Фотография Н. В. Михайлова, 1968 г.

на улице Сантьяго-де-Куба, ученики нашей школы помогали убрать строительный мусор, мыть окна и полы. Параллельно школьники Выборгского района собирали металлолом, и поезд из этого лома ходил под землей с гордой надписью на вагоне «Пионерский».

Пионервожатый школы Н. В. Михайлов рассказал, как он с ребятами после уроков ездил на строительство «Цветка жизни». «Ребята принимали участие в строительстве памятника в течение 2-х месяцев — сентября и октября 1968 года. Почти еженедельно, а иногда и чаще ездили после уроков на станцию Ржевка, чтобы строить его. Школьники нашей школы тоже внесли посильный вклад в строительство этого красивого памятника. По ленинградскому радио звучало объявление с призывом помочь, а ученики нашей школы на трамвае, с лопатами, в старенькой одежде, ехали до станции „Всеволожск“, затем несколько километров пешком»⁵.

На лепестках «Цветка жизни» изображено лицо улыбающегося мальчика и высечена строчка: «Пусть всегда будет солнце».

Посадка цветов вдоль Дороги жизни, за школой № 112 закреплен 4–5-й км. Фотография Н. В. Михайлова, 1975 г.

На расположенной рядом плите надпись, которая гласит: «Во имя жизни и против войны. Детям — юным героям Ленинграда 1941–1944 годов». Памятник «Цветок жизни» начали строить в августе 1968 г. Из фотографий видно, что с учениками нашей школы встречался автор монумента А. Д. Левенков.

Мемориальный комплекс окружен рощей из 900 берез. Честь посадить деревья была предоставлена лучшим пионерам, приехавшим со всей страны в Ленинград на 4-й Всесоюзный пионерский слет (июль 1970 г.). Одну из берез посадила ученица 112-й школы Лена Жохова (сейчас Елена Борисовна Пигалкина, методист ИМЦ Калининского района).

За каждым километром Дороги жизни была закреплена одна из правофланговых школ города, ученики которой каждую весну высаживали цветы, рассаду которых выращивали на школьных подоконниках. За нашей 112-й школой был закреплен 4–5-й километр.

На официальном сайте Аничкова дворца я узнала, что идея движения «Пионерстрой» принадлежит городскому Дворцу

Субботник перед торжественным открытием станции метро «Пионерская». Фотография Н. В. Михайлова, 2 ноября 1982 г.

Ученики школы на субботнике у памятника «Цветок жизни». Фотография Н. В. Михайлова, май 1985 г.

творчества. «История мемориала „Цветок жизни“, входящего в Зеленый пояс Славы, тесно связана с движением „Пионерстрой“ конца 60-х — начала 70-х гг. и с инициативой Ленинградского Дворца пионеров. Идея движения состояла в том, чтобы подрастающее поколение принимало участие в жизни родного города. Ребята помогали в строительстве значимых объектов, памятников, зданий, школьных и дворовых площадок. Главным объектом заботы „Пионерстроя“ стала помощь в строительстве комплекса в память о детях блокадного Ленинграда „Цветок жизни“. Дворец пионеров выступил с инициативой строительства мемориала. Очень интересной и значимой показала руководству идея молодых архитекторов А. Д. Левенкова и П. И. Мельникова сделать для детей памятник о детях, погибших на переправе „Дорога жизни“. Было принято постановление о его строительстве, а организатором помощи по детской линии стал Дворец. Учреждение руководило работой ребят, создавало по городским районам график дежурства школ на объекте. Общими усилиями мемориал был создан в небывало короткие сроки и стал для ленинградских школьников тем местом, где они могут отдать дань памяти детям блокадного города. Уже 28 октября 1968 торжественно открывается памятник „Цветок жизни“. Здесь воплощена идея — сделать по-настоящему детский памятник. Дело, которое воплотил Санкт-Петербургский городской Дворец с помощью детей и которым Дворец творчества юных вправе гордиться!»⁶

К большому сожалению, тема добровольчества, волонтерства школьников в советский период нашей страны не изучена. Школьный музей хранит большой фотоархив, из которого видно, какую огромную работу выполняют школьники, видно их стремление быть полезными, активно участвовать в жизни города. Время ушло, всё изменилось — нет пионеров и комсомольцев, но желание у современных школьников быть полезными, принимать участие в благотворительных акциях, в волонтерском движении существует, а общественные движения помогают ребятам найти себя в этом мире и быть полезными обществу.

Примечания

¹ Запрос по ключевым словам «Движение школьников „Пионерстрой“» // Википедия (дата обращения: 11.02.2021 г.).

² Горбачев К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Ленинграда. 3-е изд., испр. и доп. Л., 1985. С. 293.

³ Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика / сост. С. В. Алексеева, А. Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев и др. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1997. С. 95.

⁴ Добровольцы, вперед! // Ленинские искры. 1974. № 74 (4600). 18 сентября. С. 1.

⁵ Интервью с организатором выездов школьного «Пионерстроя» Николаем Викторовичем Михайловым, автором всех фотографий (интервью записано 21 марта 2021 г.).

⁶ Памятники. Цветок жизни. URL: <https://peterburg.guide/pamjatniki/cvetok-zhizni/> (дата обращения: 13.01.2021 г.).

РАБОТА ЛЕНИНГРАДСКИХ МУЗЕЕВ В ЭВАКУАЦИИ В ГОРОДЕ НОВОСИБИРСКЕ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ)

В ГОДЫ Великой Отечественной войны Новосибирск стал не только оборонным щитом страны, но и городом-хранителем. Помимо десятков эвакуированных крупных заводов, беженцев, раненых, город приютил и множество учреждений культуры, в том числе из Ленинграда, — Театр драмы имени Пушкина, Новый театр юного зрителя, филармонию, другие музыкальные коллективы, государственные музеи: им. Пушкина, Артиллерийский, Этнографический, Пушкинский Дом, дворцы-музеи Петергофа, Павловска, Пушкина.

В июле 1941-го в Сибирь были отправлены первые составы: 60 936 предметов Артиллерийского музея¹, 1471 ящик (52 434 предмета) пригородных музеев-заповедников², 34 ящика Института русской литературы (Пушкинский Дом) с рукописями-автографами Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Чехова, Толстого и других великих русских писателей.

Конечно, хотелось спасти как можно больше музейных экспонатов. Но на всё места не хватало. Оставлялась мебель, люстры, множество текстиля. И тут сотрудники музеев показали безграничную любовь к своему делу. Например, необходимо было вывезти уникальные образцы русского стекла XVIII в., а стружки и ваты для упаковки не хватало. Тогда находчивая смотрительница заворачивает стекло в оставленное платье царского гардероба. Так, например, были спасены роскошные наряды императрицы, которые пришли в Новосибирск в виде оборточного материала³.

Вера Владимировна Лемус, заместитель директора дворцов-музеев и парков г. Пушкина по научной работе: «В число предметов, эвакуированных в первую очередь, вошли все изделия из драгоценных металлов, хранившиеся в особой кладовой и частично экспонированные в витринах дворцовых залов: янтарные ларцы, шкатулка, шахматы и прочие предметы из коллекции Янтарной комнаты (92 предмета), восточное ору-

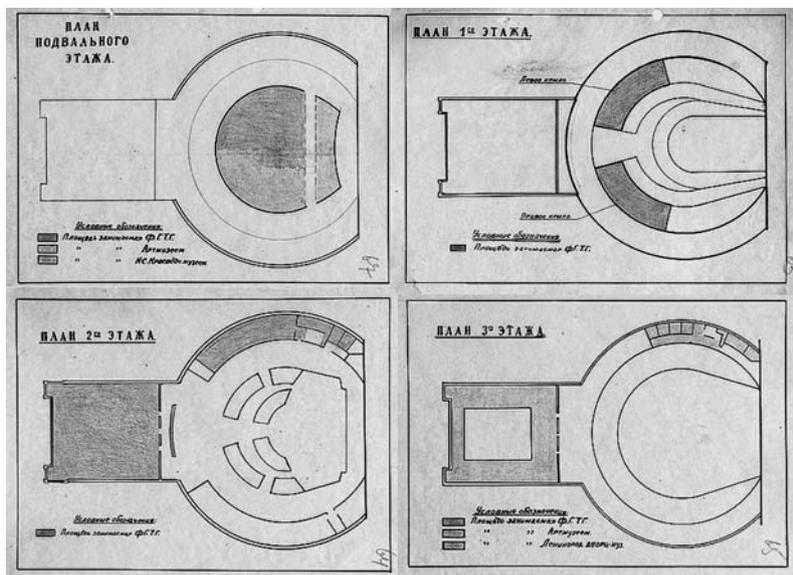
жие, отделанное серебром, бирюзой, кораллами, — из Турецкой комнаты Александра II (246 единиц хранения); единственная в ЕДМ русская шпалера по рисунку худ. И. Гроота; две итальянские мозаики XVIII века из Агатовых комнат»⁴.

Елена Григорьевна Левенфиш, сотрудница Павловского дворца-музея: «Уже Сибирь. Едем в полную неизвестность. Военные сводки не радуют. <...> Когда мы доехали до Томска (уже эвакуировавшись вторично, из Горького. — К.Г.), то оказалось, что Томск нас принять не может, и наш эшелон потянулся назад в Новосибирск. <...> Термометр на вокзале показывал 50 градусов ниже нуля. Правда, сибирские морозы переносятся легко. Они не замечались, но мы вдруг обнаруживали, что побелели нос, уши, лицо»⁵.

Анатолий Михайлович Кузумов, главный хранитель Павловского дворца-музея: «22 декабря прибыли в „столицу Сибири“. Чтобы было ближе возить грузы в здание театра, эшелон подали к берегу Оби, где летом размещаются пристани. Свободных складов или навесов не было, по сторонам путей лежал чистый снег. „Вот здесь и разгружайтесь“, — сказали железнодорожники. Мне стало плохо. Все мои объяснения, что снег через щели попадет в ящики, в теплом помещении начнет таять, были безуспешны... Катастрофа, гибель ценностей... Вагоны нужны стране, фронт ждет. <...> Мороз более 40 градусов, экспонаты замерзли за время пути, привыкли к холоду. Враг — снег».

В Новосибирске блуждающий поезд тоже не ждали — из Москвы никаких распоряжений не поступало⁶. Но вопрос решили быстро, доводы Кучумова и руководителя Третьяковской галереи Замошкина убедили руководство области «...немедленно собрать в театрах брезенты, ковры, большие полотна декораций, всё, что может укрывать ящики, и доставить их к составу»⁷. Было найдено достаточное количество подходящего материала, и организована выгрузка.

Алексей Сергеевич Тростонецкий, рабочий мастерских Новосибирского оперного театра: «Несколько дней мы таскали ящики с картинами, с архивами, с музейными ценностями. Один из ящиков опрокинулся, и из него выпал старинный, исписанный невиданно красивым каллиграфическим почерком судебной журнал. Нам дали его полистать. Очень интересно!»⁸

Оперный театр в Новосибирске. Планы. 1943. ОР ГТГ

Прибывшие ящики планомерно размещали в кольцевых фойе четырех этажей огромного помещения оперного театра, буфете (ныне концертный зал), репетиционном (подвальном) зале. Здание театра на три года стало самой крупной сокровищницей планеты. Здесь хранились фонды девятнадцати государственных музеев страны. Коллекции были объединены в «Ленинградское хранилище», которое получило первую музейную категорию⁹. Всего такую категорию в стране имели четыре музея, два из которых находились в Новосибирске.

Борис Константинович Рясинцев, заведующий литературной частью оперного театра: «Что прежде всего бросалось в глаза впервые вошедшему в здание? Самых разных размеров и форм ящики и тюки... на каждом из них выведены черной краской четкие, но непонятные для непосвященного литеры „ГТГ“, „ГМЭ“, „ЛАМ“, „ДМ“ и т. д. Трудно было догадаться, что в этих ящиках хранились величайшие сокровища страны»¹⁰.

Существует легенда, что «для порядка» у начала широкой лестницы в партер установили бронзовую скульптуру Петра I

в мундире офицера Преображенского полка. Тогдашний заведующий постановочной частью оперного театра рассказывал: «Я с ним здоровался каждое утро... Поклон ему от меня»¹¹.

В помещениях театра не было нужных условий для хранения музейных ценностей. Их создавали из подручных материалов. Например, для поддержания необходимой влажности на пол просто ставили ведра с водой, высоко на перекладину развешивали простыню или большую влажную тряпку, а внизу ставили наполненную ванну. При высыхании тряпку перетягивали. Ставили капель для образования водяного пара¹².

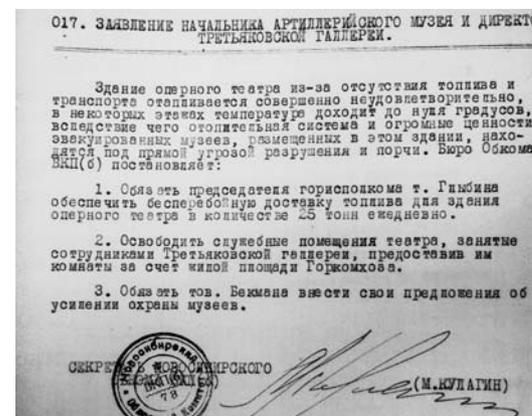
Окна открывать было нельзя. Для проветривания ковры и гобелены вывешивали прямо на внешних балконах театра. Сотрудники вспоминали, что когда на втором этаже развесили большой ковер «Аллегория Победы над Турцией», прохожие внизу останавливались и рассматривали произведение.

Для поддержания температурного режима в зимнее время обком партии распорядился: «Обязать председателя горисполкома т. Глыбина обеспечить бесперебойную доставку топлива для здания оперного театра в количестве 25 тонн ежедневно»¹³.

Приходилось бороться с молью, мышами, крысами.

Михаил Александрович Александровский, реставратор музея изобразительных искусств им. Пушкина: «В хранилище 2-го этажа появились мыши. Две, которых я наблюдал во время дежурства, выходили из-под пола. Бежали в проходах среди

Распоряжение о поставке угля в здание оперного театра. 1941. ГАНО

ящичков и под ящичками. <...> Прошу вас дать распоряжение немедленно вызвать дератизатора, а сейчас же поставить маленькие капканы, которые, кажется, имеются»¹⁴.

Кроме того, в здании витала строительная цементная пыль, соседи то и дело устраивали потопа и возгорания. Ведь здесь же долгое время жили строители театра, находились проектные организации, в цоколе даже расположился сборочный цех эвакуированного из Москвы прожекторного завода.

В хранилище были организованы круглосуточные дежурства, обходы, контрольные вскрытия ящичков, обследования произведений, реставрационная мастерская. Только в декабре 1941 г. было проведено плановое вскрытие 43 ящичков¹⁵. И такие проверки приносили сотрудникам только радость.

Елена Федоровна Каменская, научный сотрудник Третьяковской галереи: «Это был каждый день праздник. Мы могли в непосредственной близости полюбоваться сокровищами мировой ценности, живописью Ренуара, например. Все, свободные от дежурств, собирались вокруг распаковки, которую производили реставраторы, во главе с главным реставратором и консерватором Е. В. Кудрявцевым»¹⁶.

Бывали и случаи проникновения в запасники неизвестных лиц. В основном баловались местные мальчишки.

Е. Ф. Каменская: «В одну смену я дежурила на первом этаже театра, в самой дальней части вестибюля. Там было веселее, заглядывали пожарные, обмениваясь словом. Дежурный пожарный обращался ко мне с сочувственным взглядом и просил меня почитать вслух. А я просто мечтала о чтении! Внезапно человеческая тень скользнула мимо нас. Кто-то убежал, боясь быть увиденным. Была ночь, и все двери были заперты. Пожарный сразу же погнался за тенью, но он исчез при слабом свете, растворившись в темных углах. Вскоре милиционер тоже пришел на обыск, но никого не нашел. <...> Позже я узнала, что под полом было большое пустое место для кабелей, труб и проводов. Но этот проход был настолько велик, что в нем можно было свободно передвигаться, и он был явно обнаружен уличными детьми. Тайная жизнь этого непостижимого, незаконченного здания, совершенно непохожего на всё, что я знала, внезапно появилась передо мной»¹⁷.

Но всё обходилось хорошо. За время хранения бесценных сокровищ в театре не произошло ни одного ЧП, не было испорчено ни одно произведение.

Помимо основных задач по содержанию коллекций, у хранительниц сокровищ была и обязательная общественная работа, в частности на разгрузке угля и на овощных полях. Научные сотрудники выращивали овощи, картофель.

Осенью 1942 г. хранители музеев столкнулись с проблемой начала работы зрительного зала театра, постановок в нем эвакуированных театров, гастрольных коллективов, размещения в нем Белорусского драматического театра. А в следующем году туда заселился еще и Ленинградский театральный институт, что создало «постоянное хождение мимо хранилищ студентов <...> несмотря на категоричный протест со стороны филиала»¹⁸.

Благополучно разрешилась и ситуация с Артиллерийским историческим музеем. Началось с того, что в 1941-м музейный вагон с мортирами петровского времени, на котором было написано «Пушки», вместо Новосибирска отправили на фронт. После изумления при его вскрытии всё-таки разобрались. Но когда ведомственная коллекция прибыла в город, принимать ее здесь категорически отказались. Поначалу музею были предложены площади в здании оперного театра, но командующий округом категорически воспротивился. Уникальные ценности были сгружены на старых деревянных военных складах № 727.

Никифор Васильевич Медведев, генерал-лейтенант, командующий Сибирским военным округом: «В настоящее время музей не имеет никакой ценности, для его охраны достаточно назначить одного старика, а остальных сотрудников разогнать по воинским частям».

Самого начальника музея — полковника с несвоевременным именем Ян Фрицевич Куске просто снимают с должности (вскоре, правда, возвращают)¹⁹.

П. В. Кузьмин, член военного совета Сибво, бригадный комиссар предложил музею «...выбрать в лесу полянку и разместить там имущество музея, для личного состава отрыть землянки, а над имуществом со временем построить навесы силами своих сотрудников»²⁰.

Но выручают власти области и правление Томской железной дороги. Часть музея всё-таки размещают в оперном, крупные пушки (516 старинных бронзовых стволов) на железнодорожной станции Инская, в двух сараях обсервационного пункта²¹.

В результате коллекции были разбросаны по городу, а из-за плохих условий хранения уже в 1944 г. пришлось затрачивать немалые средства на реставрацию картин художников-баталистов и другие фонды Артиллерийского музея.

Тем не менее военный музей продолжал научную работу, организовывал выставки, вышел с инициативой планомерного сбора в прифронтовой полосе трофейного оружия и реликвий, празднования дня артиллерии, а летом 1944 г. даже выпустил в свет первую серию многотомного труда «Историческое описание одежды и вооружения российских войск»²².

Несмотря на огромное напряжение, не прекращалась и научно-исследовательская деятельность эвакуированных сотрудников музеев. В основном научные работы писались во время ночных дежурств. Сотрудники музеев читали сибирякам лекции об искусстве, показывали репродукции — в Домах культуры, в воинских частях, в цехах, на полях. Был даже организован «университет в госпитале»²³.

Очень хотелось вытащить из заточения и показать не репродукции, а сами произведения искусства. Но реставраторы очень боялись беспокоить картины и опасались, что это сибирякам и не нужно. И совершенно напрасно.

Е. Ф. Каменская: «Было что-то воодушевляющее, что-то веселое в толпе людей в зимних пальто, которые пришли на выставки, которые мы устроили в театре, в холле Оперного театра. У жителей Новосибирска была возможность увидеть подлинные работы Репина и Васнецова, а не копии или фотографии. Для провинций это было чудо, беспрецедентный поворот судьбы»²⁴.

Идея Тимофеевна Ложкина, жительница Новосибирска: «Выставки были, мы ходили и смотрели. Выставлялись отдельные экспонаты, мы поражались той красотой, которая существовала вообще, так как в Сибири мы не видели таких царских предметов. Это потрясающе, картины эти великолепные. Мы туда попадали через знакомых, чтобы посмотреть то искусство, которое нам было не доступно раньше»²⁵.

Л. И. Шинкарёв: «По студенческим улицам шли на открытие выставки после ночной смены рабочие — бригадой, а то и цехом, шли школьники, женщины, старики. Инвалиды войны стучали костылями по тротуару, и это молчаливое, сосредоточенное шествие было естественной демонстрацией высокого духа народа — того неистребимого духа, который дал миру и эти великие полотна»²⁶.

Валерия Афанасьевна Беланина, искусствовед Павловского дворца-музея: «Все выставки имели громадный успех у жителей Новосибирска, эвакуированные ленинградцы узнавали предметы из дворцовых коллекций и искренне радовались, что они бережно сохраняются. Курсанты военных училищ и воины после осмотра выставки клялись отомстить за разрушенные ленинградские дворцовые архитектурные ансамбли»²⁷.

Выставки стали регулярными. Государственный Ленинградский музей этнографии организовал в одном из залов оперного театра выставку «Быт и культура народов Северного Кавказа», посвященную освобождению Северного Кавказа от немецких захватчиков.

Особой популярностью пользовались военно-исторические выставки, например большая юбилейная выставка Ленинградского Артиллерийского музея в Доме Красной армии — «Героическое прошлое и настоящее русской армии». На ней были представлены подлинные знамена, отбитые у шведов под Полтавой, личный мундир Фридриха Вюртембергского, пушка, захваченная в бою под Кунерсдорфом, барабаны, нагрудные знаки, серебряные рожки за взятие Берлина, личные вещи Александра Суворова²⁸.

Тихон Ильич Воробьёв, начальник исторического отдела Артиллерийского музея: «С чувством глубокого благоговения каждый посетитель останавливается и рассматривает трофеи Полтавской битвы — шведские знамена и штандарты. Почти два с половиной столетия отделяет нас с того времени, когда эти знамена попали в наши руки»²⁹.

В. Николаев, красноармеец: «Выставка должна быть превращена в настоящую учебную лабораторию, на базе которой бойцы, командиры и политработники могли бы тщательно изучить и освоить трофейное оружие. Необходимо развернуть широкую

СЛИЧЕНО Эвакуировано в 1941 г. в г. Новосибирск 21 очередь Резервировано в 1944 г. АКТ № 107/26 ШС 21 1943 г.	9318	80-390-10 4x-531-VIII Акт № 154/13 10/8-52	От стр.
СЛИЧЕНО Эвакуировано в 1941 г. в г. Новосибирск 21 очередь Резервировано в 1944 г. АКТ № 107/26 ШС 21 1943 г.	9319	4x-532-VIII 80-391-15	
СЛИЧЕНО Эвакуировано в 1941 г. в г. Новосибирск 21 очередь Резервировано в 1944 г. АКТ № 107/26 ШС 21 1943 г.	9320	80-392-15 4x-533-VIII Акт № 154/13 ШС 10/8-52	
СЛИЧЕНО Эвакуировано в 1941 г.	9321		Екатерининский дворец-музей

Инвентарная книга
Екатерининского
дворца-музея. 1941–
1944. Фрагмент. ГМЗ
«Царское Село»

массовую работу, практиковать выезды в части с докладами и добиться, чтобы бойцы и командиры гарнизона были постоянными посетителями выставки»³⁰.

Кроме того, музей организовал уникальную передвижную выставку «Трофеи Великой Отечественной войны». Компактно размещенная в железнодорожном вагоне, она совершила три рейса по Томской железной дороге. Выставка была рассчитана на посещение за 1 рейс до 15 тысяч железнодорожников и членов их семей.

В октябре 1944-го музеи засобирались в родные пенаты. Первой уехала Третьяковка. Последними, уже в декабре 1945 г., Новосибирск покинули эшелоны с фондами Артиллерийского и Этнографического музеев.

Е. Я. Кальницкая: «В нашем сердце, в петергофской душе живет благодарность к тем, кто помог, кто протянул руку дружбы. Дружественный акт многолетней давности является свидетельством наших добрых партнерских отношений сегодня. В истории Петергофа имя Новосибирска будет всегда»³¹.

Галина Дмитриевна Ходасевич, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Царское Село»: «Кто знает, если бы эти вещи не сохранила нам далекая Сибирь, можно ли бы было ставить вопрос о восстановлении Екатерининского дворца. <...> Обращаясь к новосибирцам, хочется, чтоб их дети,

внуки знали и о подвиге их родителей, и о подвиге ленинградцев, и о том великом вкладе жителей в судьбу своей страны и чтоб чувство гордости за Ленинград и Новосибирск не проходило с веками, жило, укреплялось и только разгоралось с новой волной!!!»³²

Примечания

- ¹ Матвеев А. Спасли и сохранили // Гудок. 2012. № 49. 16 декабря. С. 13.
- ² Беланина В. А. Центральное хранилище музейных фондов пригородных дворцов Ленинграда // Хранители: Материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб., 2005. С. 451.
- ³ Кузумов А. М. Статьи, воспоминания, письма. СПб., 2004. С. 65.
- ⁴ Архив ГМЗ «Царское Село». Фонд «Рукописи». ИВК № 1316. Цит. по: Лемус В. Историческая справка об эвакуации музейных ценностей из г. Пушкина (1941–1945). 1980 // Хранители: Материалы XI Царскосельской научной конференции. С. 375–394.
- ⁵ Там же. Цит. по: Левенфиш Е. Г. Из воспоминаний // Хранители: Материалы XI Царскосельской научной конференции. С. 406–420.
- ⁶ Теркель Е. А. Филиал Третьяковской галереи в Новосибирске (1941–1944) // Третьяковская галерея в Новосибирске. М., 2018. С. 186–113.
- ⁷ Кузумов А. М. Указ. соч. С. 81–82.
- ⁸ Тростонецкий А. Нахаловка // Мой Новосибирск: книга воспоминаний / под ред. Т. Ивановой, Новосибирск, 1999. С. 30.
- ⁹ ЦГА СПб. Ф. 2256. Д. 1114. Оп. 7. Л. 93.
- ¹⁰ Рубин М., Вершинин И. Новосибирский академический. Новосибирск, 1979. С. 13, 15.
- ¹¹ Шинкарев Л. И. Сибирь: откуда она пошла и куда она идет. Факты, размышления, прогнозы. М., 1978. С. 209–210, 213.
- ¹² Цит. по: Теркель Е. А. Указ. соч. С. 186–113.
- ¹³ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 498. Л. 25.
- ¹⁴ Теркель Е. А. Указ. соч. С. 186–113.
- ¹⁵ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 893 (План научно-производственных работ на 1941 г.). Л. 1.
- ¹⁶ ОР ГТГ. Ф. 221. Д. 1 (Каменская Е. Ф. Воспоминания о галерее в довоенные и военные годы). Л. 10.
- ¹⁷ Terkel Y., Chetverukhina L. Museum Life in Wartime. Tretyakov Gallery staff recall the trials of the Great Patriotic War. URL: <https://www.>

tretyakovgallerymagazine.com/articles/1-2020-66/museum-life-wartime-tretyakov-gallery-staff-recall-trials-great-patriotic-war (дата обращения: 07.02.2022 г.).

¹⁸ Op. cit.

¹⁹ Маковская Л. К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 // Бомбардир. 2003–2006. № 16. С. 85, 86.

²⁰ Там же.

²¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 3Р. Оп. 1. Д. 71. Л. 35.

²² Воробьев Т. История одежды и вооружения русской армии // Красноармейская звезда. 26 августа 1944. С. 3.

²³ Университет в госпитале // Советская Сибирь. 1943. № 164. 8 марта. С. 2.

²⁴ Terkel Y., Chetverukhina L. Museum Life in Wartime...

²⁵ Архив МАУК «Музей Новосибирска». Биографический фонд.

²⁶ Шинкарев Л. И. Указ. соч. С. 211.

²⁷ Беланина В. А. Центральное хранилище музейных фондов пригородных дворцов Ленинграда // Хранители. Материалы XI Царскосельской научной конференции. С. 449–463.

²⁸ Гинодман Я. Выставка о героическом прошлом и настоящем русской армии // Советская Сибирь. 1943. № 46. 25 февраля. С. 1.

²⁹ Воробьев Т. Трофеи Северной войны // Красноармейская звезда. 14 марта 1943. С. 3.

³⁰ Николаев В. Выставка трофеев Отечественной войны // Красноармейская звезда. 11 ноября 1942. С. 3.

³¹ Архив МАУК «Музей Новосибирска». Видеофонд.

³² Там же.

Л. Г. Михайлова

УЧАСТИЕ А. Н. БЕНУА В ПРОЕКТИРОВАНИИ ДВОРЦОВОГО МОСТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В ПОСЛЕДНЕЙ четверти XIX в. в области архитектурного творчества весомое место заняли художники-живописцы. Новые представления об архитектуре, формирующиеся в их среде, на первый взгляд не имевшей прямого отношения к реальным архитектурным процессам, оказали существенное воздействие на формирование художественного языка нового русского стиля в архитектуре. Обращение художников к архитектурной деятельности, их универсализм — это осуществление на практике художественного синтеза, ведущей идеи рубежа XIX–XX вв. Члены Мамонтовского кружка открыли новый принцип стилизации, что позволило им в архитектурном проектировании современно, а не археологически использовать богатство русского народного зодчества. Основными членами кружка были художники-живописцы. Видимо, неслучайно именно живописцы сыграли большую роль в архитектуре в процессе зарождения нового движения в последней четверти XIX в. Это отметили еще современники: «...живописцы поняли это раньше архитекторов. Можно возразить против эскизов фасадов Васнецова, Врубеля, Коровина и др., но нельзя не признать в них свежести приема... Полезно поучиться у названных художников. Где почерпнули материал для такого воспроизведения русского характера? В непосредственном народном творчестве»¹.

Члены Мамонтовского кружка в своем архитектурном творчестве приняли активное участие в формировании неорусского направления в архитектуре России, а петербургские художники, среди них и Александр Бенуа, внесли свой вклад в развитие теории неоклассики. Отбор наиболее выразительных средств, трактовка отдельных форм, приемы композиции — всё было продиктовано в неоклассике новыми эстетическими критериями.

Сбор фактического материала по теме «Архитектурное творчество русских художников» проходил по нескольким руслам

источников. Одним из важнейших источников в сборе материала по теме стало изучение периодики рубежа XIX–XX вв. Это в первую очередь журналы «Зодчий», «Мир искусства», «Аполлон», «Ежегодник общества архитекторов-художников» и др. Много ценных материалов было найдено в фондах Музея архитектуры им. А. В. Щусева, в отделе рисунка Государственной Третьяковской галереи и других музеях. Большую ценность представляет эпистолярное наследие художников, воспоминания родных и близких. Временные рамки — последняя четверть XIX — начало XX в. — подсказаны наиболее активным участием художников в архитектурной деятельности.

Вплоть до 1900-х гг. сохранялось презрительное отношение к русской архитектуре XVIII — начала XIX в. как к архитектуре подражательной, «нерусской». Переворот, совершившийся на рубеже XX в. не только в архитектуре, но и во всех других сферах русской художественной жизни, во многом способствовал преодолению творческой ограниченности архитекторов, впервые введя в поле их зрения богатейшее наследие русского зодчества XVIII — начала XIX в. Этот процесс был только одной из сторон того общего движения по открытию заново богатейшего наследия русского искусства, которое совершалось при содействии передовых художников и знатоков искусства, в первую очередь благодаря широкой просветительской работе журнала «Мир искусства». Первые статьи в защиту русской классики на страницах «Мира искусства», появившиеся в начале 1900-х гг., были полным откровением не только для широкого круга читателей, но и для многих специалистов-архитекторов.

По существу, это был такой же переворот в архитектурной эстетике, какой в эти же годы совершался в архитектурной практике в области модерна. Естественно, что пропаганда русского классицизма, которая велась знатоками, привела поначалу не столько к серьезному изучению его, сколько к поверхностному использованию в модном архитектурном течении.

Пропаганда русского классицизма на первых порах не влияла широко на современную практику, да и не претендовала на это. Но лед был сломан, и богатейшее наследие русского зодчества XVIII — начала XIX в. стало постепенно завоевывать

признание. Этому способствовали многие художники, за ними и архитекторы, заставившие своими преимущественно графическими работами по-новому взглянуть на архитектуру русского классицизма. Новое видение классической архитектуры стало провозвестником попыток возрождения стиля в 1910-е гг. «Бенуа первый возбудил во мне острое внимание к красотам нашего дивного города... — вспоминает А. П. Остроумова-Лебедева. — Я увлеклась городом, вдруг открывшим мне свои красоты. Город, в котором я родилась и выросла, вдруг стал мне близок, я его полюбила»². Публичные выступления А. Бенуа оказали влияние на формирование эстетической концепции неоклассиков. Петербург для него и его единомышленников был воплощением европеизированной России. «Именно социально-политические симпатии... помогли ретроспективистам распознать в классицизме факт национальной культуры, а в архитектуре Петербурга — одно из высших воплощений отечественного художественного гения». С этим связаны изучение и пропаганда искусства XVIII — начала XIX столетия и желание возродить стиль тех времен, продолжив таким образом дело Петра по европеизации России. Зрительная упорядоченность построек неоклассицизма, органически вошедшая в классицистический характер Петербурга, воспринималась сторонниками неоклассицизма как восстановление поправленного современного закономерностей. Точность в передаче стиля становится высшей похвалой. А. Бенуа, видя постройку неоклассиков, с удовольствием отмечает: «И наше время могло создать нечто достойное прежних времен»³.

Вспомним предысторию строительства Дворцового моста, конкурс на проект которого был объявлен летом 1901 г. Идея создания здесь мостового перехода была выдвинута еще в 1717 г. в генеральном плане Петербурга, разработанном архитектором Ж. Б. Леблоном, однако в течение долгого времени оставалась нереализованной. Предыстория легендарного моста началась в 1856 г., когда по заказу Биржевого комитета построили плашкоутный мост — наплавную переправу от Дворцового проезда до Биржевой площади. Он получил название «Дворцовый мост» в честь расположенного неподалеку Зимнего дворца.

Дворцовый мост. Фотография П. С. Радецкого, 1909 г.

В конце XIX в. наплавной мост уже не отвечал ни техническим, ни архитектурным требованиям. Однако разработка проекта нового, капитального моста оказалась непростой задачей.

История проектирования Дворцового моста в Петербурге отразила развитие инженерной и архитектурной мысли в России в начале XX в., столкновение интересов конкурирующих фирм. На международный конкурс на проект Дворцового моста поступило 26 проектов, в том числе 10 прислано из-за границы. Однако ни один из них полностью не отвечал условиям задания. Но комиссия экспертов ходатайствовала перед Думой о присуждении трем проектам третьих премий и рекомендовала приобрести их, учитывая, что ввиду интересной разработки отдельных частей они могут быть полезными при составлении полного проекта Дворцового моста.

Проекты, отмеченные комиссией, давали широкий диапазон конструктивных решений. Поскольку ни один из проектов не дал приемлемого решения, Дума решила продлить рассмотрение проектов, и в 1903–1904 гг. было представлено еще 19 проектов.

Весной 1904 г. фирма «Батиньоль» представила вариант проекта, где особенно интересна была конструкция разводного пролета. Результатом этапа конкурсного проектирования было то, что удалось «нащупать» в общих чертах нужную компоновку моста, которая и была в дальнейшем реализована. Конкурс

продлился до самого 1909 г. Всего в конкурсах на создание Дворцового моста приняли участие 54 проекта.

Проект фирмы «Батиньоль» был самый перспективный, но дорогой. С использованием важных решений моста, поступивших в ходе конкурса, проект выполнил инженер Анджей Пшеницкий (1869–1941) — русский инженер польского происхождения, автор многочисленных проектов мостов и других металлических конструкций. Окончив гимназию с золотой медалью, Пшеницкий продолжил свое обучение в Санкт-Петербурге, в Институте путей сообщения, после окончания которого, в 1898 г., поступил на службу в Департамент управления городскими мостами, где проработал с некоторыми перерывами до 1919 г. В 1920-х гг. Пшеницкий покинул Россию и переехал в Варшаву.

Декоративную часть моста доверили оформить архитектору-художнику Роберту Мельцеру. Закончить строительство моста предполагалось к 15 ноября 1913 г., но не успели. Затем началась Первая мировая война. Проект декоративной части Дворцового моста, выполненный Р. Мельцером, не был реализован.

Дворцовый мост. Фотография 1990-х гг.

Торжественное открытие моста состоялось 23 декабря 1916 г. Увлечение архитектурой, наверное, нельзя назвать в творчестве Александра Бенуа «случайным явлением». Известно, что и дед, и отец, и старший брат художника были архитекторами. Но это всё же эпизодическое явление в творчестве Александра Бенуа, о чем он сам указывал в письме к И. Грабарю: «Я тут тоже вдарился в зодчество. Видно, что в воздухе, и должен сознаться, что нет ничего пленительнее, как делать вещи, безусловно, нужные, простые, без красок и без сюжета... Разумеется, это лишь маленькая измена госпоже Живописи»⁴. Грабарь же, приветствуя поворот А. Бенуа к архитектуре, усматривал в этом предвестие «большой эпохи»⁵.

Александр Бенуа выполнил проект декоративного оформления конструктивного решения Дворцового моста, который, как и проект Р. Мельцера, реализован не был: шла Первая мировая война, на которую уходила большая часть бюджетных средств.

Смысловой и композиционный центр проекта заключен в ротондах или «средних баках», как называл их автор. Дворцовый мост связывает Стрелку Васильевского острова с Дворцовой площадью. При создании архитектурного облика ротонды на средних баках моста решающее влияние оказали соседство Биржи с Ростральными колоннами, с одной стороны, и здание Адмиралтейства, с другой стороны. В них чувствуется мощь портика Адмиралтейства и мотивы набережной Васильевского острова.

Александр Бенуа приходит к мысли, что для «Петербурга, уже имеющего свою классическую физиономию» главным является «охранять свою прелесть от всяких посягательств»⁶.

Дополнительным толчком к участию в проектировании мог послужить и пример Игоря Грабаря, работавшего в это время над созданием комплекса в Захарьино. Но всё это внешние причины, лежащие на поверхности. Скорее всего, главной причиной, побудившей А. Бенуа взяться за проектирование Дворцового моста, надо считать взгляды художника. Как истинный ценитель классической архитектуры Петербурга, он ужасается, когда начинают строить дома в стиле модерн, на его взгляд, разрушающие ансамбль города: «Воздвигаются какие-то огромные дома с приятными и роскошными фасадами... что-то происходит, неладное, что-то даже прямо неприличное»⁷.

Скорее всего, именно эти мотивы, именно желание внести свою лепту в формирование облика Петербурга в классическом духе побудило его заняться проектом архитектурного оформления конструкции Дворцового моста.

Проект Дворцового моста, выполненный художником Александром Бенуа,— это не только еще одна грань таланта художника. Его можно рассматривать как попытку практического участия художника в претворении в жизнь эстетической программы неоклассицизма, которую он пропагандировал со страниц журналов.

«Пора русскому архитектору перевоспитать себя в корне. Нужно, чтобы он переменил свою „душу“, и тогда он уже сумеет обновить свое искусство. А верным средством (единственным для меня очевидным средством, но, может быть, их и легион) представляется для этой цели классика, иначе говоря, вдумчивое усвоение законов „абсолютной красоты“, которые были изобретены „для Европы“ на заре ее сознательной жизни, тогда, когда яснее и свежее была творческая мысль. Классика вовсе не памятники греческой и римской архитектуры, которые нужно возводить по частям или целиком, а классика — „архитектурный язык“ древних, до сих пор не превзойденный ни в смысле соответствия требованиям логики, ни в смысле выражения самых разнообразных человеческих чувств»⁸,— писал в 1917 г. Александр Николаевич Бенуа.

Примечания

¹ Баумгартен Е. Общество и художественная архитектура // Зодчий. 1902. № 24. С. 275.

² Остроумова-Лебедева А. Автобиография. Л.; М., 1945. Т. II. С. 14.

³ Киригенко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. М., 1978. С. 346.

⁴ Грабарь И. Э. Письма, 1891–1917. М., 1974. С. 415.

⁵ Там же. С. 241.

⁶ Киригенко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. С. 356.

⁷ Киригенко Е. И. Интерьер неоклассицизма. 1900–1910 года // Декоративное искусство СССР. 1972. № 2. С. 30.

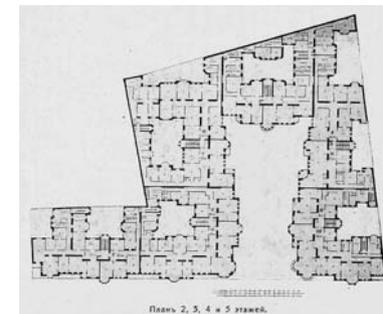
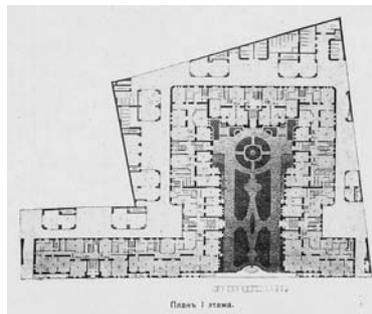
⁸ Бенуа А. Н. Художественные письма // Речь. 1917. 6 января; Александр Бенуа размышляет. М., 1968. С. 119–120.

Специальное внимание было уделено художественным характеристикам здания. В первоначальном, рукописном варианте (проекте) условий конкурса значилось: «Отделка дома, как наружная, так и внутренняя, должна быть изящною, но без лишних лепных украшений, причем фасад лицевой должен быть строго логичного характера и так называемый „декадентский“ стиль не допускается. Украшения в виде башен, бельведеров, открытых и закрытых балконов и т. п. допускаются»⁵. В печатных условиях эстетические требования стали лаконичнее: «Отделка дома, как наружная, так и внутренняя, должна быть изящная и солидная. Стиль, так называемый... „Dècadence“, не допускается»⁴. При этом нежелательность использования для отделки фасадов «декаданса» (модерна) пояснялась в специальной сноске: заказчики хотели избежать узких (менее 90 см) окон, притом поставленных слишком близко друг к другу (на расстоянии менее 140 см). В северном модерне как раз были популярны узкие щелевидные окна, собранные в единые композиции и разделенные между собой узкими простенками. Суженные окна пропускали мало света, что в условиях северного города, Петербурга, ухудшало качество жилья.

В состав конкурсного жюри («комиссия судей») были избраны авторитетные зодчие: Г. Д. Гримм, П. Ю. Сюзор, Б. И. Гиршович, Н. П. Козлов, С. В. Беляев, З. Я. Леви, секретарем стал С. П. Галензовский. Кроме того, представителями заказчика (Первого Российского страхового общества) в составе жюри стали художник М. П. Боткин и Альб. Н. Бенуа (архитектор и художник). Солидный корпоративный заказчик выделил немалый премиальный фонд — 9 тыс. руб., причем из этой суммы 3,5 тыс. руб. предназначались автору проекта, занявшему в конкурсе первое место.

Итоги конкурса огласили на заседании Петербургского общества архитекторов 21 декабря 1910 г.⁵, а подробные отзывы комиссии судей и чертежи премированных проектов и некоторых интересных, с точки зрения членов жюри, но не премированных работ опубликовали в феврале следующего года⁶.

Первую премию в размере 3,5 тыс. руб. присудили проекту под девизом «Золотой круг» соавторов Н. В. Васильева и А. И. Дмитриева. Они сумели добиться наибольшей полезной площади

Н. В. Васильев, А. И. Дмитриев. «Золотой круг». 1-я премия

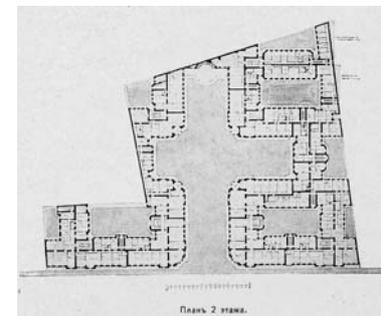
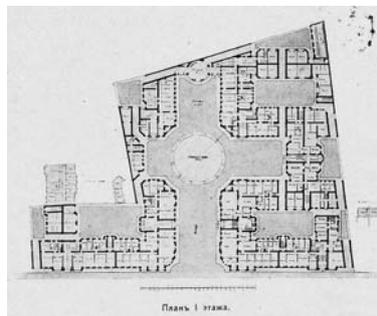
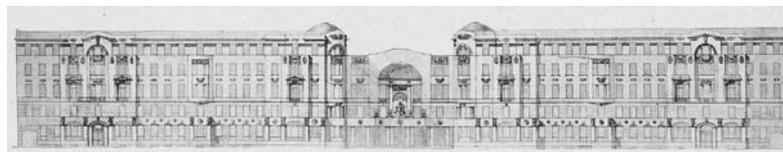
застройки участка, достигнув этого за счет постановки лицевых корпусов, вопреки условиям конкурса, по красной линии проспекта, без отступа, а также за счет большого количества наружных выступов. Один из анонимных участников конкурса, не согласный с предварительным распределением премий, направил в адрес жюри гневную отповедь относительно проекта под девизом «Золотой круг»: «Огромные части строения, представляющие каждая в несколько десятков тысяч пудов веса, на весу (т. е. свешиваются)... Разве это допустимо и возможно? И разве можно таким способом увеличивать застройку и размеры дворов? Ведь [это] мера совершенно невозможная в конструктивном отношении. Прошу судей, сняв кальку габарита 1-го этажа, положить ее на план 2-го этажа, и она убедится, от каких фокусов она пришла в восторг»⁷. Однако члены жюри, отметив «некоторое удорожание конструкции и усложнение работ» в случае осуществления этого проекта, всё же в целом положительно оценили усложненную пластику наружных стен и не стали корректировать премиальный

список: «В исполнении фасадов видно стремление автора при простой обработке деталей вызвать богатство фасада разнообразием и группировкой масс»⁸.

Против присуждения первой премии проекту «Золотой круг» открыто выступили участвовавшие в этом конкурсе архитекторы Л. Н. Бенуа, А. И. Гунст, С. О. Овсянников. Они заявили, что проект, выполненный в духе «декаданса», должен был быть изначально отклонен, потому что нарушал конкурсные условия («не мог быть допущен к рассмотрению жюри»)⁹. Действительно, «Золотой круг» представляет собой яркую экспрессивную работу, выполненную в духе северного модерна¹⁰. «Традиционная двухмерная фасадность полностью преодолевается скульптурностью объемных форм, а расширяющийся в глубину уступчатый курдонер сообщает композиции пространственную активность. Перепады высот, крупные фигурные щипцы, двухэтажные мансарды и угловые башенки формируют подвижный аффектированный силуэт. Фасады пронизаны форсированным, неровно пульсирующим ритмом»¹¹.

Уже после официального объявления призовых мест с их распределением не согласился и заказчик — Правление Первого Российского страхового общества, однако конкурсный список изменить уже было невозможно. Все шишки в этой щекотливой ситуации достались членам конкурсного жюри. Правление указало судьям, что они не обратили должного внимания на игнорирование авторами «Золотого круга» важного условия конкурса об отступе лицевыми корпусами от проспекта, а также на «совершенную невыгодность» постройки с большим количеством дорогостоящих в исполнении навесных конструкций. Правление выразило «крайнее сожаление», что первая премия досталась проекту, «менее всего отвечающему заданиям Общества»¹².

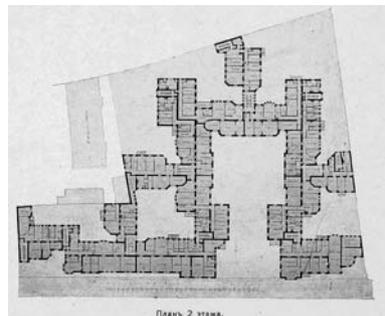
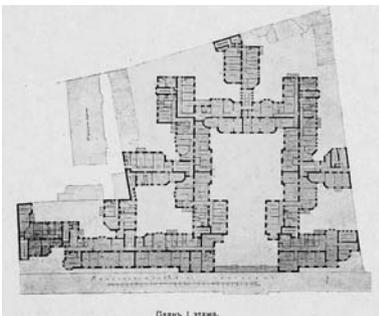
Вторую премию в размере 2,5 тыс. руб. получил проект А. Л. Лишневецкого под девизом «Карандаш»¹³. Из всех представленных на конкурс проектов только «Карандаш» предлагал совершенно равные по длине лицевого корпуса — в полном соответствии с классицистическими канонами¹⁴. Выигрышность этого приема была отдельно отмечена судьями: «Фасад прост и красив, притом вполне симметричный»¹⁵. Все другие участ-

А. Л. Лишневецкий. «Карандаш». 2-я премия

ники конкурсного соревнования планировали въезд в парадный двор как продолжение Лицейской улицы (ныне ул. Рентгена)¹⁶. Тем самым они вынуждены были решать проблему несимметричности выходящих на проспект корпусов относительно этого двора-проезда.

А. Л. Лишневецкий планировал прорезать участок на всю его стометровую глубину двором-проездом с ударным акцентом в конце него в виде глубокой экседры с кессонированным сводом и круглой скульптурой. Судьи отметили эстетическую значимость этой идеи для достижения эффекта «грандиозности застройки»: «С улицы видна вся глубина участка с парадным двором посередине, с декоративной обработкой стены в глубине участка в виде ниши, что дает интересный фон в глубине двора»¹⁷. «Карандаш» оказался выигрышным не только с художественно-эстетической, но и с практической точки зрения. А. Л. Лишневецкий предложил проект с самой большой протяженностью стен, выходящих на проспект или в обширный открытый крестообразный в плане двор. Собственно, зодчий спроектировал два корпуса, функционально не связанные друг с другом и разделенные подобием тупиковой внутриквартальной

И. В. Падлевский. «Свет, воздух и уют — жизнь, здоровье нам дают». 3-я премия

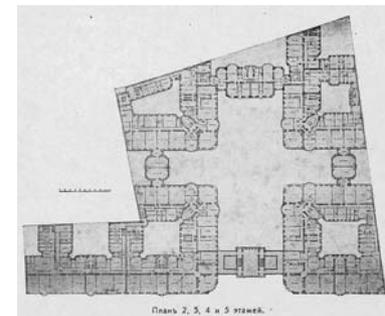
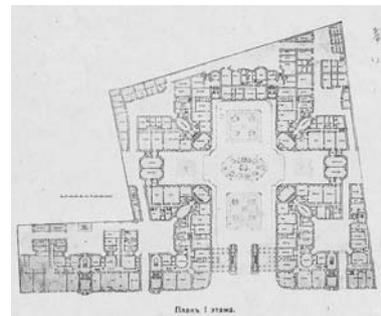
улицы — широким двором-проездом. Стремление разрядить плотность застройки участка несколько сократило коэффициент застройки, однако ее «сравнительно малая» полезная площадь компенсировалась увеличением арендной платы за хорошо освещенные и проветриваемые квартиры, многие из которых были ориентированы к тому же не на шумную магистраль, а во внутренний открытый просторный двор.

Третью премию в размере 1250 руб. завоевал И. В. Падлевский с проектом под девизом «Свет, воздух и уют — жизнь, здоровье нам дают». Судьи отметили удачное исполнение важнейшего условия творческого соревнования — обеспечение «гигиены квартир», имеющих удобную планировку. В результате «умелого расположения масс корпусов» не только комнаты, но и почти все коридоры, передние, ванные и даже «клозеты» освещены естественным светом. Специально были отмечены особенности фасада, по мнению судей, не слишком-то подходящего для многоэтажного городского доходного дома: «Фасады скомпонова-

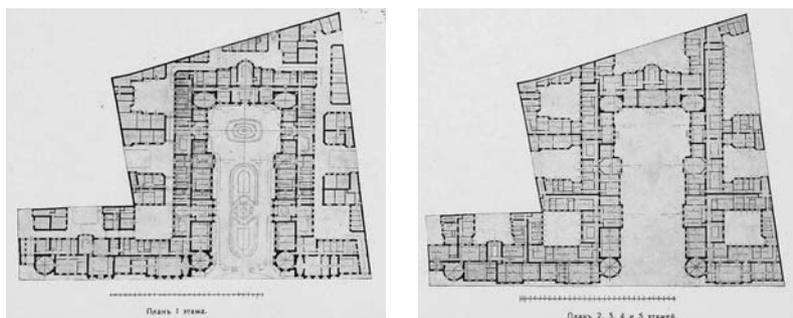
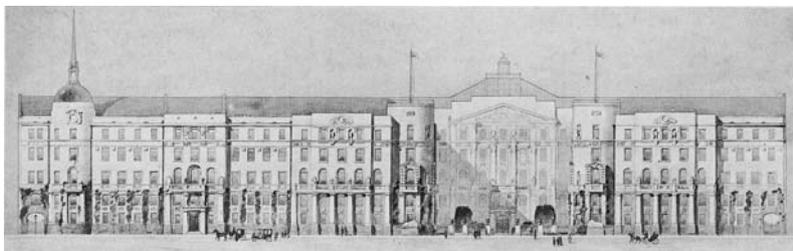
ны в живописных несимметричных массах, носящих немного загородный характер»¹⁸.

Четвертую премию в размере 1 тыс. руб. получили соавторы А. В. Розенберг, А. И. Клейн за проект, выставленный на конкурс под девизом «Золотой ромб». Члены судейской коллегии отметили «обилие света и воздуха» в проектируемых квартирах, ориентированных на улицу, в крестообразный в плане просторный центральный двор и в другие двory «достаточных размеров». Не приглянулась судьям грандиозная двухъярусная арка с колоннадами, поставленная при въезде в главный двор. Они заметили, что обилие колонн по сторонам арки отберет свет у квартир первого этажа. Действительно, находясь внутри спроектированной колоннады, человек, вероятно, ощущал бы себя среди каменного леса или в гипостильном зале одного из храмов Древнего Египта. Слишком нерационально, слишком дорого для доходного дома. Не вызвал восторженных эмоций и экстерьер «Золотого ромба»: «Фасад в стиле современного ампира — скучен и по общим массам неинтересен...»¹⁹

Пятая премия в размере 750 руб. досталась второму проекту соавторов Н. В. Васильева и А. И. Дмитриева, выставленному

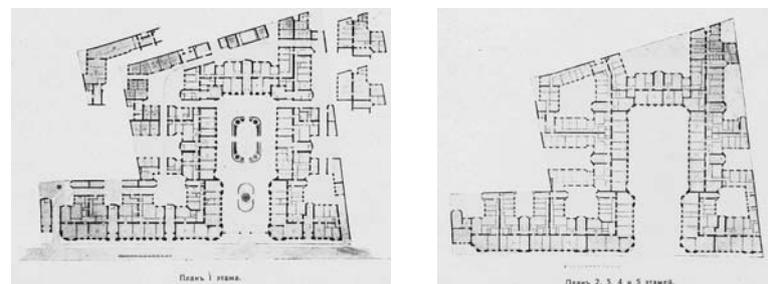
А. В. Розенберг, А. И. Клейн. «Золотой ромб». 4-я премия

Н. В. Васильев, А. И. Дмитриев. «Кентавр». 5-я премия

под девизом «Кентавр». Этот проект выполнен в стилистике неоклассицизма — с портиком под треугольным фронтоном, с колоннами по нижнему ярусу, с вазонами в полуциркульных нишах. Компонка и другие характеристики помещений судьи признали неудачными. Излишне просторные парадные лестницы, квартиры «по большей части в детальной планировке мало удобны» — или по расположению помещений, или по размерам комнат, а иногда «по тому и другому вместе»²⁰. В боковой части фасада архитекторы-соавторы поместили круглую в плане башню с куполом и высоким шпилем. «Это остроконечное завершение (немного похожее на церковь Михайловского замка) подхватило традиционный мотив петербургского силуэта, а в перспективе проспекта должно было перекликаться с постройками В. В. Шауба на современной Австрийской площади»²¹.

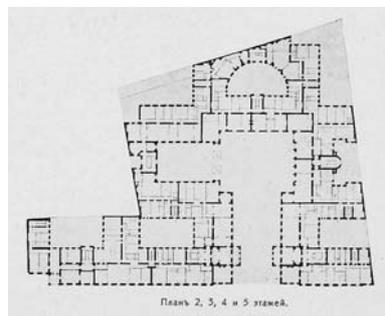
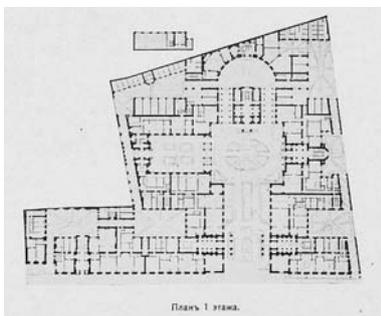
Остался без премии, хотя был рекомендован к приобретению проект Л. Н. Бенуа, А. И. Гунста под девизом «Звезда».

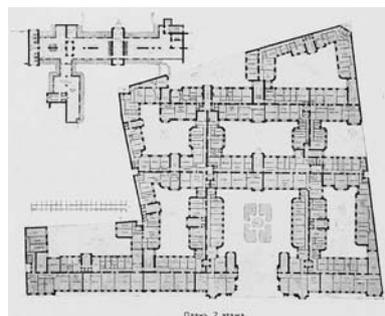
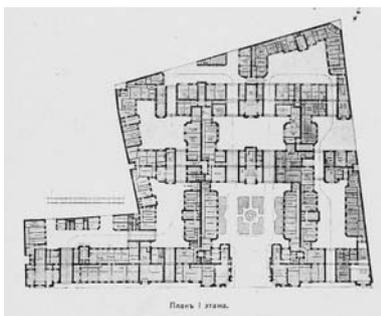
Л. Н. Бенуа, А. И. Гунст. «Звезда». Проект рекомендован к приобретению

Члены жюри отметили в проекте «обилие малых дворов», которые «нежелательны» в смысле санитарно-гигиенических характеристик жилья, однако пришли к выводу, что квартиры спланированы «в общем хорошо». Про экстерьер «Звезды» судьи высказались противоречиво: «Фасад красивый по общей разбивке масс и деталям, имеет солидный, монументальный характер и по исполнению обнаруживает руку опытного архитектора. Почти ровное очертание фасадной линии придало бы длинному фасаду в натуре, при небольшой ширине улицы, некоторую монотонность»²². Однако именно этот проект был принят к исполнению и осуществлен в 1911–1913 гг. по проекту Л. Н., Ю. Ю., Альб. Н. Бенуа при участии А. И. Гунста²³.

Достойным был признан проект сохранившего инкогнито автора под девизом «Атриум». При этом «широкие богатые проезды» во внутренний полуциркульный в плане двор были признаны излишними, а планировку квартир сочли неудачной. Судя по чертежу, автор этого проекта предполагал устроить на крыше что-то типа прогулочной площадки, солярия (там изображены остановившиеся у парапета люди). Однако в условиях

Проект под девизом «Атриум». Не премирован

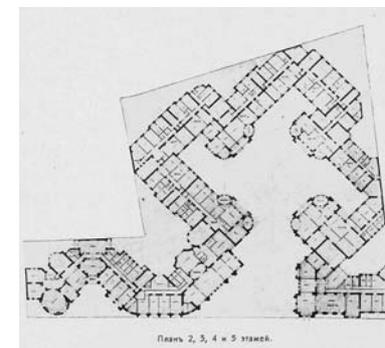
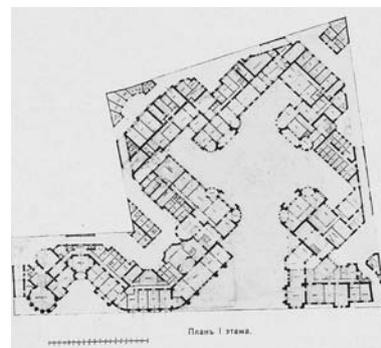
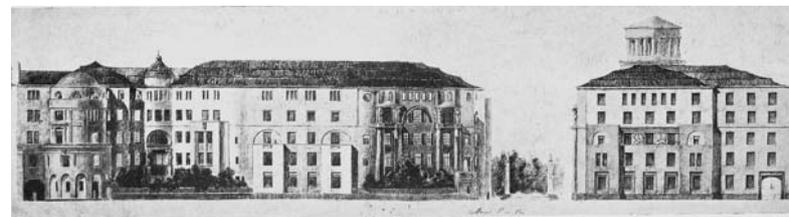

Проект под девизом «Renta». Не премирован

петербургского климата вряд ли была возможность достаточно часто использовать эту прогулочную зону. Общий вывод: в жертву декоративности автор «Атриума» принес «жизненные удобства плана». Лишь экстерьер не вызвал нареканий: «Фасад сделан просто, в спокойных формах итальянского Ренессанса»²⁴.

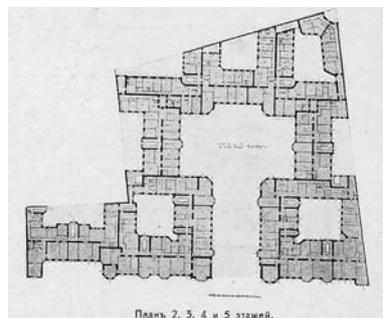
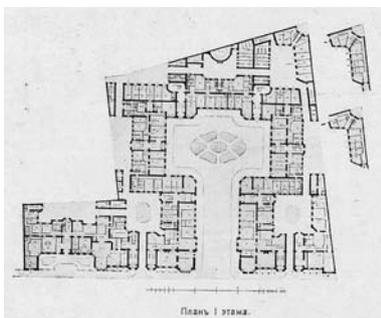
Другой оставшийся без премии проект — анонимная работа под девизом «Renta». Судьи отметили обилие небольших квартир, их «удовлетворительную» планировку и чрезмерное увлечение автора нерациональным украшательством: «Фасад с декоративными по углам куполами и с избытком колонн и пилястр в разных масштабах, расположенных рядом, производит недостаточно спокойное впечатление...»²⁵

Без премии остался интересный проект Е. Ф. Шреттера, выставленный под девизом «Красный круг в зеленом». Судьи признали, что проект интересен «оригинальной трактовкой», вызванной стремлением вывести «абсолютно все квартиры» на проспект или в обширный парадный двор с целью дать

Е. Ф. Шреттер. «Красный круг в зеленом». Не премирован

им больше света и воздуха. В этом проекте мы видим динамично вписанные в границы участка корпуса, которые своим силуэтом напоминают привставшего на одно колено бегуна, склонившего голову в низком старте. Необычная планировка вызвала появление ряда малых внутренних двориков, из которых трудно было бы осветить выходящие сюда помещения. В этом проекте Е. Ф. Шреттер продолжал разрабатывать новаторскую идею «улицы-пилы», которая предполагала постановку лицевых корпусов под углом с целью создать треугольные открытые дворы, способствующие расширению магистралей, лучшему освещению помещений и оживлению линии фасадов²⁶. Не слишком-то удачным был признан художественный

С. Ю. Красковский, А. Е. Белогруд, Е. И. Гонцкевич. «Две башни».
Не премирован

строй дома: «Архитектура фасада простая и недурная по общей группировке масс, но чересчур суровая для доходного дома и более напоминает характер общественного здания утилитарного назначения, как городской склад, больница и проч.»²⁷.

Среди всех проектов конкурса необычным сурово-средневековым обликом выделяется совместная работа С. Ю. Красковского, А. Е. Белогруда, Е. И. Гонцкевича, выставленная под девизом «Две башни». Вероятнее всего, Е. И. Гонцкевич занимался разработкой генерального плана и планировкой помещений доходного дома, С. Ю. Красковский отвечал за конструктивные характеристики проекта, а разработку художественной части взял на себя А. Е. Белогруд²⁸. Судьи отметили «удовлетворительную» планировку и совсем уж не вдохновились экстерьером: «Фасад в английском стиле скучен и не характерен для доходного дома»²⁹. Акцентами фасада служат мощные зубчатые башни — прямоугольные и многогранные в плане. Они прорезаны редкими окнами, что усиливает иллюзию фортификационного сооружения. Возникает ощущение, что сейчас за зубцами парапета покажутся лучники и арбалетчики, которые неспешно начнут обстрел непрошенных гостей... Детали фасадов отсылают к английской готике XVI в. — к эпохе королей из династии Тюдоров. В 1913–1915 гг. в городе на Неве был построен доходный дом К. И. Розенштейна, за фасадное решение которого отвечал А. Е. Белогруд (Большой пр. П. С., 75 / Каменноостровский пр., 35 / ул. Льва Толстого, 2). Это здание, известное как «Дом с башнями», воскрешает образы лондонского дворца-замка Хэмптон Корт с его гранеными зубчатыми башнями, построенного в правление Генриха VIII Тюдора.

Участвовал в конкурсе, но остался без премии проект архитектора Д. А. Крыжановского (неизвестно, выступал Д. А. Крыжановский на этом конкурсе один или в соавторстве) под девизом-рисунком «Два треугольника в круге». Проект не был опубликован, поэтому при характеристике планировки приходится ориентироваться лишь на описание. По отзыву судей, корпуса дома в этом проекте сгруппированы вокруг двух больших дворов, открытого наружного и замкнутого внутреннего, соединенных проездом шириной 17 метров. Были отмечены некоторые планировочные недостатки. В частности, неудачным

было признано размещение некоторых парадных лестниц («Парадные подъезды зажаты некрасиво в углах двора»), выведение на широкий проспект малых по площади комнат. По мнению жюри, фасад «исполнен со вкусом», однако для многоквартирного дома он неуместен: «Прием фасада соответствует более характеру дворцовых построек, чем доходного жилого дома»³⁰. Сохранился фрагмент чертежа этого проекта: высокая с переломом мансардная кровля, большие окна с мелкой расстекловкой, наличники в духе барокко — детали, придающие доходному дому образ дворца времен Анны Иоанновны, а то и Елизаветы Петровны³¹.

Примечания

¹ *Галензовский Ст.* Императорское С.-Петербургское общество архитекторов, по поручению Правления Первого Российского страхового общества, учрежденного в 1827 г., объявляет конкурс на составление проектов доходного каменного дома Первого Российского страхового общества в С. Петербурге, Петербургской части, по Каменноостровскому пр., № 26–28 // *Зодчий.* 1910. № 30. С. 317–318.

² Там же. С. 317.

³ ЦГИА СПб. Ф. 528. Оп. 1. Д. 316 (О конкурсе проектов доходного дома Первого Российского страхового общества). Л. 7.

⁴ *Галензовский Ст.* Императорское С.-Петербургское общество архитекторов... С. 318.

⁵ *Мод.* В Императорском СПб. обществе архитекторов // *Зодчий.* 1911. № 1. С. 8.

⁶ *Галензовский Ст.* Отзыв комиссии судей по конкурсу проектов доходного дома Первого Российского страхового общества в Петербурге (Петербургской части, по Каменноостровскому проспекту № 26–28) // *Зодчий.* 1911. № 9. С. 98–101; Л. 5–15.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 528. Оп. 1. Д. 316. Л. 90 об.

⁸ *Галензовский Ст.* Отзыв комиссии судей... С. 99.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 528. Оп. 1. Д. 316. Л. 89–89 об.

¹⁰ *Лисовский В. Г., Гаши Р. М.* Николай Васильев: от модерна к модернизму. СПб., 2011. С. 175.

¹¹ *Кириков Б. М.* Александр Дмитриев. СПб., 2004. С. 176–177.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 528. Оп. 1. Д. 316. Л. 142–142 об.

¹³ *Чепель А. И.* «Карандаш» и бумага: конкурсное проектирование в творчестве архитектора А. Л. Лишневого // *Сборник воспоминаний и статей памяти Ирины Михайловны Сергеевой* / РОО «Институт Петербурга». СПб., 2014. С. 121.

¹⁴ *Чепель А. И.* Архитектурное наследие А. Л. Лишневого: период ретроспективизма (1910–1916) // *Архитектор Александр Лишнево* / Е. И. Кириченко, Е. А. Турковская, А. И. Чепель / ред. С. А. Веснин, И. П. Дубровская. СПб., 2020. С. 112.

¹⁵ *Галензовский Ст.* Отзыв комиссии судей... С. 100.

¹⁶ *Кириков Б. М.* Александр Дмитриев. С. 176.

¹⁷ *Галензовский Ст.* Отзыв комиссии судей... С. 100.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ *Кириков Б. М.* Александр Дмитриев. С. 184.

²² *Галензовский Ст.* Отзыв комиссии судей... С. 100.

²³ *Лисовский В. Г.* Леонтий Бенуа и петербургская школа художников-архитекторов. СПб., 2006. С. 262.

²⁴ *Галензовский Ст.* Отзыв комиссии судей... С. 100.

²⁵ Там же. С. 101.

²⁶ *Чепель А. И.* Архитектурно-планировочные и художественно-образные идеи художника-архитектора Е. Ф. Шреттера: дореволюционный период // *Месмахеровские чтения — 2016: мат-лы Междунар. науч.-практич. конф.*, 21–22 марта 2016 г. СПб., 2016. С. 78–79.

²⁷ *Галензовский Ст.* Отзыв комиссии судей... С. 101.

²⁸ *Сурков В. Ю.* Творчество А. Е. Белогруда. СПб., 2019. С. 39.

²⁹ *Галензовский Ст.* Отзыв комиссии судей... С. 101.

³⁰ Там же. С. 100.

³¹ Чертеж хранится в НИМ РАХ. А-27494. Опубликовано и атрибутировано: *Чепель А. И.* Архитектор Дмитрий Крыжановский / ред. С. А. Веснин, И. П. Дубровская. СПб., 2021. С. 287.

М. В. Вершевская

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ Артиллерийского Цейхгауза Петропавловской крепости

ОДНОЭТАЖНОЕ здание Артиллерийского цейхгауза на центральной аллее Петропавловской крепости редко привлекает внимание как исследователей, так и посетителей музея¹. До недавнего времени трудно было предположить, что в истории именно этого утилитарного по характеру сооружения может крыться разгадка последнего эпизода в летописи «русской Бастилии».

Предназначенный для хранения оружия и военного снаряжения, Артиллерийский цейхгауз был возведен в 1801–1802 гг. и без значительных изменений сохранился до наших дней. Внутреннее пространство протяженного строения было разделено поперечными перегородками на несколько помещений с плоским перекрытием потолков и небольшими окнами, обращенными на центральную аллею. На противоположную, северную, сторону выходили как оконные, так дверные и воротные проемы. Использование цейхгауза менялось в зависимости от нужд крепостного гарнизона. С конца 1880-х гг., когда здание находилось в ведении команды Окружного артиллерийского склада, значительную часть левой половины отвели под оборудованный гимнастическими снарядами зал — «Манеж для фронтальных занятий в холодное и ненастное время»². Рядом по-прежнему находились склады амуниции, снаряжения, шанцевого инструмента. С того времени в документах здание стали преимущественно называть Манежем, согласно нумерации крепостных строений оно значилось под № 18³.

К лету 1907 г. часть склада шанцевого инструмента в правом (восточном) конце здания была освобождена⁴. Инженерное управление С. Петербургской крепости намеревалось переоборудовать пустовавшие помещения под квартиру для офицера своего ведомства и кондукторов, на что 9 июля получило согласие коменданта крепости — генерала от инфантерии А. В. Эллиса⁵. Однако в конце сентября по его распоряжению

Артиллерийский цейхгауз. Общий вид. Фотография автора, 2021 г.

Артиллерийский цейхгауз. Северный фасад. В этой части здания находилась Петровская гауптвахта. Фотография автора, 2021 г.

Артиллерийский цейхгауз. Южный фасад. В этой части здания находилась Петровская гауптвахта. Фотография автора, 2021 г.

работы остановили. Начальнику Управления — инженер-генерал-майору А. А. Воронову было предписано немедленно представить проект приспособления того же отсека цейхгауза для принципиально иного использования — размещения караула Петровской гауптвахты и содержания при ней арестантов⁶. Ранее в литературе по истории Петропавловской крепости вопрос о гауптвахте в Артиллерийском цейхгаузе не рассматривался.

Решение коменданта незамедлительно перенести в цейхгауз гауптвахту, расположенную прежде в казематах у Петровских ворот, было обусловлено необходимостью начать капитальную перестройку Петровской куртины⁷. Находившуюся в непосредственной близости от ворот правую часть Артиллерийского цейхгауза сочли наиболее подходящим для этого местом. Отметим, что после ремонта казематы Петровской куртины были заняты казармами команды Окружного артиллерийского склада, а Петровская гауптвахта так и осталась в цейхгаузе⁸.

Выполняя срочное предписание коменданта, уже 8 октября 1907 г. генерал-майор Воронов представил на одобрение проект размещения на новом месте «Петровской гауптвахты, с караулами, карцерами, общей комнатой для арестованных и ватерклозетами»⁹. При составлении плана было «обращено внимание на расположение помещений для арестованных с надворной

стороны, а не с главной аллее», — пояснял он в рапорте¹⁰. Предусматривалось устройство одной общей и шести небольших, по-видимому одиночных, камер, называемых в документе карцерами. Комендант счел это недостаточным, предписав оборудовать еще два карцера, причем один из них должен был быть темным, без окна. Вход в кордегардию надлежало сделать непосредственно с аллеи, переделав второе от угла окно в дверь. В глухом восточном торце цейхгауза (со стороны Петровской куртины) пробить три оконных проема¹¹. Утвердив исправленный проект, Эллис обратил внимание на то, что в окна всех арестантских номеров должны быть вставлены железные решетки, а в двух камерах матовые стекла¹².

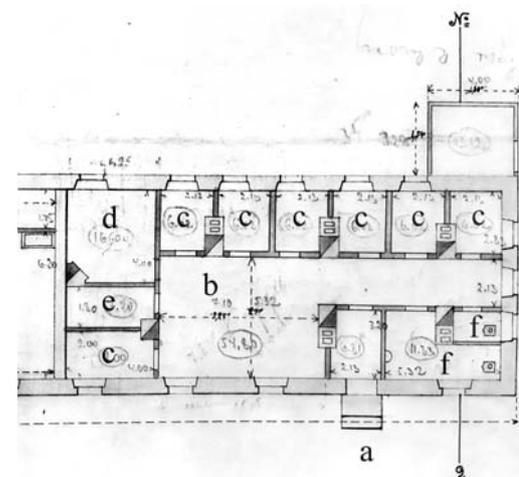
Как и в других отсеках цейхгауза, полы на Петровской гауптвахте были асфальтовыми. В простенках между карцерами сделали печи, так что каждая из них отапливала две арестантских камеры¹³. Только в общей камере была своя угловая печь. У торцевой стены находились ватерклозеты (один для арестованных, другой для караула).

Петровская гауптвахта в Артиллерийском цейхгаузе со всем набором упомянутых выше помещений показана на фиксационном «Чертеже здания манежа за № 18»¹⁴, подписанном производителем работ — инженер-капитаном Крепостного

Петровская гауптвахта. Артиллерийский цейхгауз. 1908. План. Фрагмент.

Экспликация:
а — вход; б — кордегардия;
с — одиночные камеры; д — общая камера; е — темная камера; ф — туалеты.

Экспликация
М. В. Вершевской

инженерного управления В. Ф. Асмусом. Чертеж не датирован, но есть основания полагать, что он выполнен после завершения работ, то есть не ранее 1908 г.¹⁵

С 1908 г. на Петровской гауптвахте находились в заключении нижние чины крепостного гарнизона, арестованные за различные дисциплинарные проступки. Наиболее типичными нарушениями были самовольные отлучки, опоздания из увольнений, недобросовестное исполнение обязанностей, пьянство, «дерзкое поведение по отношению к начальнику»¹⁶.

Однако в истории Петровской гауптвахты заслуживают большего внимания иные эпизоды. Утром 28 февраля 1917 г. именно отсюда были освобождены последние политические узники царского времени в Петропавловской крепости — 19 солдат Павловского полка. Накануне этих активных участников революционных выступлений в Петрограде доставили в тюрьму Трубецкого бастиона. Вечером в крепости стало известно о переходе на сторону революции значительной части столичного гарнизона и о разгроме восставшими петроградских тюрем. Чтобы избежать подобного в Трубецком бастионе, комендант крепости генерал В. Н. Никитин приказал перевести павловцев на гауптвахту в цейхгауз, ближе к крепостным воротам. Об этом сохранилась дневниковая запись заведующего арестантскими помещениями крепости полковника Г. А. Иванишина¹⁷. Публикаторы его записных книжек в комментарии не уточнили, где именно в цейхгаузе находилась гауптвахта. Теперь такие подробности стали известны.

Другой эпизод относится к кронштадтским событиям 1921 г. В контексте истории Петропавловской крепости эта тема имеет особое значение, поскольку связана с не решенной до сих пор проблемой, касающейся времени и места заключения в крепости последних политических узников. Авторы немногих специальных исследований, посвященных крепости в рассматриваемый период, либо без документальных оснований относят пребывание группы заключенных в марте 1921 г. к тюрьме Трубецкого бастиона и Главной гауптвахте¹⁸, либо вообще не привязывают к каким-либо зданиям¹⁹.

В наиболее содержательном для освещения истории крепости 1920-х гг. комплексе материалов из фонда «Комендатуры

Петропавловской крепости и Штаба Петроградского укрепрайона. 1919–1926 гг.» в ЦГА СПб только в приказах по гарнизону упоминается о заключенных, находившихся под арестом в марте 1921 г. Предельно краткие данные ограничиваются тем, сколько числилось в определенный день поставленных на довольствие узников и где они содержались. Согласно приказам, с 4 по 10 марта ежедневно их было 29 человек, а к 12 марта стало 33. Такое положение сохранялось еще три дня. Всё это время арестованные значились на Петровской гауптвахте. В ночь на 16 марта в крепость были доставлены еще пятеро. Вероятно, их поместили на Главной гауптвахте, поскольку с этого дня и до 1 апреля в документах местами заключения указаны оба караульных помещения. Итак, по данным приказов, с 16 марта в крепости ежедневно находились 38 арестованных, 26 марта — 30, 27–29 марта — 29, в последние дни марта и 1 апреля — 30 человек²⁰. В следующих приказах о заключенных не упоминалось.

Основываясь только на этих источниках, нельзя установить, кто и за что содержался в крепости в марте 1921 г., откуда доставлен и куда выбыл. Принимая во внимание совпадение по времени с событиями в Кронштадте, можно только предполагать, с чем были связаны аресты. Помогает разрешить многие из поставленных вопросов сопоставление архивных документов с представляющими в данном случае особую ценность воспоминаниями участника событий — видного представителя партии меньшевиков Федора Ильича Дана (1871–1947)²¹.

Заключение в 1921 г. было третьим случаем в жизни Дана, связанным с Петропавловской крепостью. В 1896 г. он находился под следствием в тюрьме Трубецкого бастиона. В 1917 г. в качестве члена Президиума ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов посещал в этой тюрьме арестованных генералов С. П. Белецкого, П. Г. Курлова, А. И. Спиридовича и др. Будучи знаком с крепостной топографией, он точно описал место, где ему пришлось сидеть в марте 1921 г., — длинный одноэтажный дом справа за вторыми (Петровскими) воротами. Нет сомнений, что речь идет об Артиллерийском цейхгаузе. Из рассказа следует, что для размещения заключенных в этом здании пришлось освободить занятую продовольственным складом бывшую гауптвахту²². Когда промерзшие за зиму помещения

наскоро протопили, арестованных разместили «по каморкам, двери которых выходят в большую комнату, а небольшие, забранные решетками оконца — во двор». В большой комнате — кордегардии встали на часах красноармейцы с винтовками в руках. То, что запомнилось Ф. И. Дану, в деталях совпадает с упомянутым выше планом Петровской гауптвахты²³. Его обстоятельное повествование дает представление об устройстве арестантских камер, условиях и режиме заключения, об отношении красноармейцев к тем, кого они должны были охранять. В рамках настоящей публикации невозможно привести все эти подробности. Остановимся только на том, что пишет Ф. И. Дан о персональном составе узников и сроках их содержания. Как было отмечено выше, пока иные источники такого рода информации не выявлены.

Арестованный 26 марта 1921 г., в преддверии выступления моряков в Кронштадте, Ф. И. Дан сначала находился в Доме предварительного заключения на Шпалерной улице. В ночь на 2 марта вместе с группой меньшевиков и эсеров его отправили в Петропавловскую крепость, как предполагали арестованные, для расправы²⁴. Причины такого «неожиданного поворота событий» они поняли не сразу. «Лишь через два дня узнали мы от одного из часовых, что 1 марта „Кронштадт взбунтовался“, а потом стали ежедневно получать газеты. Тогда всё стало для нас ясно», — вспоминал Ф. И. Дан²⁵. Достоверность его рассказа не вызывает сомнений, поскольку соответствует хронологии событий, происходивших в конце февраля — начале марта 1921 г.²⁶

Сообщенное мемуаристом очень важно в связи с тем, что в определении даты перевода в крепость — 2 марта — невозможно опираться на такие документы, как приказы по гарнизону. В начале марта 1921 г. о доставке в крепость арестованных в них вообще не упоминалось. Только 14 марта, то есть задним числом, в приказе говорилось о «прибывших арестованных 4-го марта с. г. в количестве 29 человек»²⁷. Да и эти сведения неверны, поскольку заключенных привезли на два дня раньше.

Из воспоминаний Ф. И. Дана известно, что вместе с ним в Петропавловскую крепость на Петровскую гауптвахту из Дома предварительного заключения отправили «кучу партийных товарищей: профессора Рожкова, Назарьева, Каменского, Черт-

кова, Шпаковского, Дорофеева, Казукова, Малаховского, Глозмана»²⁸. Далеко не полный список является пока единственным свидетельством о персональном составе группы и требует дальнейших уточнений.

«Ровно месяц провели мы в крепости. В ночь с 1 на 2 апреля на грузовиках, в сопровождении чекиста Степанова, мы выехали за ворота крепости», — вспоминал Ф. И. Дан²⁹. Сообщенная им дата выбытия согласуется с приказами по гарнизону, где 1 апреля об этой группе арестованных упоминается последний раз³⁰.

В заключение отметим, что, несмотря на ремонты и перепланировки, здание Артиллерийского цейхгауза сохранило прежний внешний облик и внутренние объемы помещений³¹. Под сводами бывшей Петровской гауптвахты мы вспоминаем о неизвестных прежде событиях и судьбах людей, которые теперь вошли в летопись Петропавловской крепости.

Примечания

¹ Свод основных данных о возведении, перестройках, использовании здания был подготовлен С. Д. Степановым, много лет посвятившим изучению проектирования и строительства Петропавловской крепости (Петроградский район. Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 91–92). В оценке архитектурного значения цейхгауза С. Д. Степанов отмечал, что это здание, «закрепив ось центральной аллеи, одновременно закрыло вид от Петровских ворот на Петропавловский собор, грубо нарушив пространственную организацию первоначального ансамбля крепости».

В единственной публикации, посвященной событиям, происходившим в Артиллерийском цейхгаузе, подробно рассматривается случай массового заключения нижних чинов — участников волнений в армии. В конце 1905 — начале 1906 г. их поместили в Манеж, устроенный в левой половине здания. Дубова (Герасимова) Н. К. Солдаты военно-электротехнической школы — узники Петропавловской крепости в 1905 г. // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л., 1989. С. 140–156.

² По описям инвентаря, в Манеже были «гимнастические машины», «транплинные подушки», параллельные брусья и пр. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3320. Л. 2–3; Д. 3266. Л. 38.

³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2388. Л. 4. Такая нумерация сохранялась, по крайней мере, до начала 1920-х гг. После перенумерации здание имело № 12, в настоящее время: Петропавловская крепость, 3, лит. М.

⁴ К этому отсеку цейхгауза относились пять крайних проемов со стороны южного фасада и шесть с северного.

⁵ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3266. Л. 212. Предполагалось, что квартиру займет инженер-подпоручик С. А. Чистоградов, который служил в Крепостном инженерном управлении и ранее заведовал воинскими зданиями и пропиской в крепости, обязательной для всех проживавших, но не служивших в гарнизоне лиц. Рядом собирались поселить нескольких кондукторов — чертежников местной инженерной команды. Как показано ниже в настоящей статье, эти намерения не были осуществлены.

О планах оборудовать квартиры для Чистоградова и чертежников упомянуто в статье об Артиллерийском цейхгаузе в архитектурном каталоге С. Д. Степанова. Однако ни он, ни составитель комментариев М. О. Логунова не сообщают, что такая перестройка не была произведена. Про устройство в цейхгаузе Петровской гауптвахты в этом издании сведения также отсутствуют. *Степанов С. Д.* Памятники истории и культуры на территории Петропавловской крепости: Архитектурно-археологический каталог. СПб., 2021. С. 188–190.

⁶ РГИА. Ф. 1280. Оп. 3266. Л. 340 об., 347–348.

В XVIII — начале XX в. в Петропавловской крепости, помимо отдельного стоящего здания Главной гауптвахты, у пяти ворот — Петровских, Иоанновских, Невских, Васильевских, Никольских — были отведены казематы для размещения караула. В документах их называли караульными домами, кордегардиями, а к концу XIX в. — гауптвахтами. При каждой караульне находились несколько арестантских номеров (общих и одиночных) для заключения нижних чинов. Арестованные офицеры содержались на Главной гауптвахте, иногда в специально оборудованных камерах в Никольской куртине. Отметим, что одновременно с переносом Петровской гауптвахты в цейхгауз велись работы по надстройке вторым этажом здания Главной гауптвахты. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3266. Л. 137, 347.

С Петровской гауптвахты, после ее перемещения в Артиллерийский цейхгауз, по-прежнему разводили караул к Иоанновским и Петровским воротам. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3425. Л. 41–42.

⁷ В двухъярусных казематах Петровской куртины, преимущественно занятых солдатскими казармами, пол в нижнем полуподвальном этаже

был почти на метр ниже уровня земли. Сырость и скученное размещение солдат, в ряде случаев проживавших с семьями, приводили к росту заболеваемости, особенно во время эпидемий. Уровень пола был повышен при перестройке куртины в один этаж в 1907–1909 гг. Такой куртина остается и в настоящее время. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3266. Д. 374–348.

⁸ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3320. Л. 158–159 об.; РГА ВМФ. Ф. 3 л. Оп. 35. Д. 6461.

⁹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3266. Л. 310. Графические материалы первоначального проекта, о котором сообщалось в рапорте коменданту крепости, не обнаружены.

¹⁰ Там же. Л. 310 об. Под «надворной стороной» подразумевался северный фасад цейхгауза, окна которого выходили на так называемый деловой двор, где находились сараи и прочие складские постройки Артиллерийского ведомства (РГА ВМФ. Ф. 3 л. Оп. 35. Д. 6574. Схематический генеральный план Санкт-Петербургской крепости. 1913 г.). Свободный проход посторонним лицам туда был недоступен, в то время как по главной аллее мимо окон цейхгауза беспрепятственно могли ходить служащие гарнизона и посетители крепости.

¹¹ Сейчас эти окна не существуют.

¹² В предписании речь идет об «окнах карцеров № 1 и 2» без указания их расположения. Можно полагать, что окно одного из них выходило на центральную аллею, другого — в сторону Петровской куртины. Поскольку под окнами других арестантских помещений не было свободного прохода, то матовые стекла не требовались. Также отметим, что отданное ранее распоряжение о закладке кирпичом окна единственной камеры, обращенной на аллею, по-видимому, было отменено. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3266. Л. 324.

¹³ Подобным образом отапливались устроенные ранее арестантские камеры в тюрьме Трубецкого бастиона и в Екатерининской куртине.

¹⁴ ГМИ СПб. ФГИГ. Инв. № I-A-3814-и. Чертеж здания манежа за № 18. Фасад и план здания, план крыши, два разреза.

Датировка чертежа в музее специально не уточнялась и была отнесена к началу XX в. При публикации в издании «Петроградский район. Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга» (с. 92) в дате допущена опечатка — 1843 г.

На чертеже, в отличие от первоначально обозначенных размеров в саженях и аршинах, в более позднее время были зафиксированы измерения площадей в метрической системе мер (карандашные пометы). Так,

каждая из шести камер, расположенных у северной стены, была размером 6 кв. м, камера с окном на аллею — 8 кв. м, рядом с ней темный карцер — 7,2 кв. м, общая камера в северо-западном углу гауптвахты — 16,6 кв. м.

¹⁵ В конце 1907 г. инженерное начальство было озабочено тем, чтобы до наступления морозов отремонтировать фасад, сделать полы, окна, дымовые трубы и т. д. Предполагалось, что остальная часть работ «будет выполнена весной будущего года». РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3266. Л. 321, 364.

В дальнейшем серьезных изменений Петровская гауптвахта в цейхгаузе не претерпела. После ее осмотра в 1910 г. члены ремонтного комитета признали необходимым провести косметические работы: обелить потолки и стены ватерклозета, стены камер, «сделать и прибить к деревянным перегородкам плитусы для предохранения штукатурки от загрязнения и отмачивания при мытье полов». На 1912–1913 гг. был предусмотрен ремонт крыши и фасада. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3385. Л. 68; Д. 3417. Л. 182 б.

¹⁶ В архиве сохранились «Книги арестованных на Петровской гауптвахте Санкт-Петербургской крепости» на 1912 и 1913 гг. РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 1229 и 1230; Оп. 2. Д. 3425. Л. 19, 24, 52, 90, 91. Отметим, что бывали случаи, подобные тому, который произошел с Козьмой Романовым, старшим унтер-офицером особой Наблюдательной команды, охранявшей узников Трубецкого бастиона. Его отправили сидеть десять дней на Петровской гауптвахте «за то, что, будучи пьян, ругал жену».

¹⁷ Г. А. Иванишин называет гауптвахту в Артиллерийском цейхгаузе не Петровской, а по месту ее расположения «артиллерийской в манеже». См.: Записные книжки полковника Г. А. Иванишина / публ. А. Д. Марголиса, Н. К. Герасимовой, Н. С. Тихоновой // *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 17. М.; СПб., 1994. С. 537, 567.

В обстоятельном исследовании Е. П. Бусыревой о Петропавловской крепости в 1917 г. последним местом заключения павловцев названа офицерская, т. е. Главная гауптвахта. Дело в том, что автору не были известны записи Г. А. Иванишина, поступившие в ГМИ СПб в составе его архива в 1983 г., в то время как она завершила работу над рукописью в 1967 г. Много лет ее труд не был опубликован. Остается сожалеть, что при подготовке его к печати в 2017 г. в комментарий не были внесены уточненные данные о переводе павловцев на гауптвахту в Артиллерийский цейхгауз. *Бусырева Е. П.* Петропавловская крепость в дни революции 1917 года. СПб., 2017. С. 31.

¹⁸ В статье Л. В. Андриановой утверждается, что доставленных в марте 1921 г. содержали «на Петровской гауптвахте (дом № 3) и в тюрьме Тру-

бецкого бастиона. В дальнейшем арестованных матросов отправили на Южный фронт, а рабочих держали под арестом до начала мая 1921 года» (*Андрианова Л. В.* Петропавловская крепость в 1917–1945 гг. // *Петропавловская крепость. Страницы истории*. СПб., 2001. С. 401–402). В тех документах, на которые ссылается автор статьи, ни о рабочих, ни о матросах, ни о сроках их заключения, ни о тюрьме Трубецкого бастиона никаких сведений нет. Также отметим ошибочное отождествление Петровской гауптвахты с Главной гауптвахтой Петропавловской крепости (домом № 3 по современной нумерации), в то время как это были разные караульные помещения.

¹⁹ Небольшая по объему публикация Н. Р. Славницкого, по сути, представляет собой свод выписок из документов о Петропавловской крепости в марте 1921 г. Отмечая доставку заключенных в крепость, автор не задается вопросом, в чем состояли причины арестов, как не делает попытки выяснить, где же находилась Петровская гауптвахта, о которой упоминается в цитируемых им документах. *Славницкий Н. Р.* Петропавловская крепость (Петроград) в дни Кронштадтского восстания // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям. Мурманск, 2011. С. 270–272.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 4538. Оп. 1. Д. 18. Л. 4 об., 5 об.–6 об., 8–14 об. Приказы № 72–77, 79–92.

²¹ Воспоминания «Два года скитаний. 1919–1921» были написаны Ф. И. Даном вскоре после событий и опубликованы в 1922 г. в Берлине, где он жил в первое время после высылки за границу. В России книга издана в 2006 г. Тюремному заключению в марте 1921 г. посвящена глава «В Петропавловской крепости». *Дан Ф. И.* Два года скитаний. Берлин, 1922. С. 109–127.

²² В Артиллерийском цейхгаузе находилась продовольственная лавка Штаба Петроградского укрепрайона (ЦГА СПб. Ф. 4538. Оп. 1. Д. 1. Л. 23 об.). Возможно, ею были заняты не все помещения. Во всяком случае, в конце 1919 г. в бывшей Петровской гауптвахте оставалось на хранении «имущество 630-го полка после его ухода на фронт» (ЦГА СПб. Ф. 4538. Оп. 1. Д. 1. Л. 35 об.).

По-видимому, Ф. И. Дану не было известно, что гауптвахта в Артиллерийском цейхгаузе предназначалась для нижних чинов и называлась Петровской, поэтому он называет ее «бывшей офицерской».

²³ Например, по воспоминаниям, в камере («маленькой клетушке») было три топчана — один «под окном, два других перпендикулярно

к нему, с полуаршинным проходом посередине», что соответствует обозначенной на чертеже площади помещения — 6 кв. м. В таких шести или семи камерах, в невероятной тесноте и духоте, как рассказывал Дан, находились по четыре арестанта. В камере «побольше, где помещалось семь человек, по вечерам собирались „любители... и составляли хор...“» Дан Ф. И. Указ. соч. С. 115, 123.

²⁴ Дан Ф. И. Указ. соч. С. 112. Стоит отметить, что в многочисленных публикациях о событиях 1921 г. в Кронштадте история заключения в Петропавловскую крепость меньшевиков и эсеров не получила документального освещения.

²⁵ Дан Ф. И. Указ. соч. С. 116.

²⁶ В резолюции, принятой на митинге в Кронштадте 1 марта 1921 г., одним из требований было освобождение из тюрем меньшевиков и эсеров. В ответ большевики приняли экстренные меры по переводу этой группы заключенных в Петропавловскую крепость. Сообщения о «белогвардейском мятеже в Кронштадте» появились в газетах 2 марта («Петроградская правда») и 3 марта («Правда»), когда Ф. И. Дан и его соратники уже находились в крепости.

²⁷ ЦГА СПб. Ф. 4538. Оп. 1. Д. 18. Л. 4 об.

²⁸ Дан Ф. И. Указ. соч. С. 112. Мемуаристом упомянуты: Николай Александрович Рожков (1878–1927), Михаил Федорович Назарьев (1879–1935), Владислав Исаевич Каменский (1885/1889–1924), Иван Иванович Шпаковский (1881 — не ранее 1938), Евгений Ефимович Малаховский (1902–1937), Симон Анатольевич Глозман (1888–1978), Александр Григорьевич Казуков (1888–?), Дмитрий Петрович Дорофеев (?–?). В литературе, включая тематические справочные издания (См.: Политические партии в России. Конец XIX — первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996; Меньшевики в большевистской России. 1918–1924: Меньшевики в 1921–1922. М., 2002), и на сайте «Российские социалисты и анархисты после октября 1917 года» (socialist.memo.ru) в биографических сведениях об этих лицах приведены разноречивые и недокументированные данные, касающиеся их арестов в 1921 г.

²⁹ Дан Ф. И. Указ. соч. С. 127. В тот же день арестованные вновь оказались в Доме предварительного заключения.

³⁰ ЦГА СПб. Ф. 4538. Оп. 1. Д. 18. Л. 14 об.

После того как камеры Петровской гауптвахты опустели, потребовался ремонт бетонного пола в туалетах, арестантских и караульных помеще-

ниях, произведенный в первой половине апреля 1921 г. ЦГА СПб. Ф. 4538. Оп. 1. Д. 19 а. Л. 65.

³¹ В 1960–1980-е гг. в Артиллерийском цейхгаузе размещались ГИОП Ленинградской области и Ленинградское областное отделение ВООПИ-иК, часть помещений бывшей Петровской гауптвахты была занята АТС Петроградского района. В 1994 г. здание передано в ведение ГМИ СПб, в 1998–2002 гг. здесь проходил капитальный ремонт. В настоящее время в тех помещениях, где располагалась Петровская гауптвахта, находится кафе.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ *

Краткие сведения об авторах

- Абарова Елена Владимировна* — преподаватель
Авдеев Владимир Георгиевич — Государственный музей истории Санкт-Петербурга, старший научный сотрудник
Аксельрод Владимир Ильич — кандидат педагогических наук, методист Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных, заместитель председателя Санкт-Петербургского союза краеведов
Белковская Валентина Михайловна — Государственный Русский музей, заведующая сектором изучения истории Мраморного дворца, историк искусства
Вершевская Марина Виловна — ГМИ СПб, старший научный сотрудник
Выжевский Сергей Викторович — музей истории города Павловска
Глушкова Людмила Викторовна — член Совета СПбГО ВООПИиК
Голодяев Константин Артёмович — муниципальное автономное учреждение культуры «Музей Новосибирска», научный сотрудник
Деконская Наталия Вадимовна — музей «Нарвская застава», научный сотрудник
Екимова Наталья Юрьевна — кандидат искусствоведения
Ершов Петр Глебович — кандидат искусствоведения, КГИОП, ведущий специалист отдела государственного реестра объектов культурного наследия
Золотинкина Ирина Анатольевна — кандидат искусствоведения, Государственный Русский музей, старший научный сотрудник

* Данные приводятся на время проведения конференции.

- Кашаверская Юлия Ивановна* — исследователь Санкт-Петербурга
Кириков Борис Михайлович — кандидат искусствоведения, почетный член РААСН, член Совета по сохранению культурного наследия при правительстве Санкт-Петербурга
Ковалёва Тамара Владимировна — Государственный музей истории Санкт-Петербурга, старший научный сотрудник
Коренцовит Виктор Абрамович — ООО «Паллада», научный сотрудник
Кошкина Ольга Юрьевна — кандидат искусствоведения, ООО «Балтийская реставрационная коллегия»
Кузьмина Нина Георгиевна — Российский творческий союз работников культуры, методист
Ларионов Андрей Алексеевич — КГИОП, ведущий специалист отдела государственного реестра объектов культурного наследия
Мантуров Михаил Владимирович — Государственный Русский музей, Мраморный дворец, старший научный сотрудник
Марголис Александр Давидович — кандидат исторических наук, председатель СПбГО ВООПИиК, член Совета по сохранению культурного наследия при правительстве Санкт-Петербурга
Маркевич Варвара Александровна — Государственный Эрмитаж, менеджер
Михайлова Елена Робертовна — СПбГУ, заведующая лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия имени профессора Г. С. Лебедева
Михайлова Людмила Гавриловна — председатель Совета Свердловского регионального отделения ВООПИиК, искусствовед-реставратор экспертно-аналитического отдела
Николаева Тамара Ивановна — заслуженный работник культуры Российской Федерации
Образцова Марина Валентиновна — искусствовед
Потравнов Александр Леонидович — интернет-проект «Регионавтика Северо-Запад», редактор
Равинский Дмитрий Константинович — кандидат педагогических наук, Российская национальная библиотека, старший научный сотрудник

- Семькина Людмила Васильевна* — кандидат биологических наук, благотворительный фонд «Дети города», исполнительный директор, СПбГО ВООПИиК, заместитель председателя
- Смирнова Светлана Евгеньевна* — кандидат искусствоведения, Санкт-Петербургская академия художеств им. Ильи Репина, заведующая отделом аспирантуры
- Старцева Арина Ярославна* — ЦГАЛИ СПб, ведущий архивист отдела использования документов
- Столбова Наталья Павловна* — краевед-исследователь, историк
- Фурманова Ирина Борисовна* — Дворец детского (юношеского) творчества, педагог дополнительного образования
- Хмельник Татьяна Юрьевна* — интернет-проект «Регионавтика Северо-Запад», автор
- Чепель Александр Иванович* — кандидат исторических наук, СПбГМТУ, доцент кафедры истории и культурологии, член Совета РОО «Институт Петербурга», член президиума СПбГО ВООПИиК
- Черненко Валентин Андреевич* — ГМИ СПб, внештатный сотрудник
- Шипунов Артем Николаевич* — Государственный музей городской скульптуры, методист по научно-просветительской деятельности
- Штиглиц Маргарита Сергеевна* — доктор архитектуры, СПГХПА им. А. Л. Штиглица, профессор, член-корреспондент РААСН, член президиума СПбГО ВООПИиК
- Юркова Зоя Владимировна* — кандидат архитектуры

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИМАИВ и ВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
- ГАИМК — Государственный архив истории материальной культуры
- ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
- ГАТО — Государственный архив Тверской области
- ГМИ СПб — Государственный музей истории Санкт-Петербурга
- ГРМ — Государственный Русский музей
- ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- ЗЦДЮТ «Зеркальный» — Загородный центр детско-юношеского творчества «Зеркальный»
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- КГИОП — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- <п>ЛОССА — Ленинградское отделение Союза советских архитекторов
- ЛОССХ — Ленинградское отделение Союза советских художников
- МИП — Музей истории Павловска
- НА — Научный архив
- НИИТИАГ — Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
- ОКН — объект культурного наследия
- ОР — Отдел рукописей
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
- РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГИА — Российский государственный исторический архив

Список сокращений

- РНБ — Российская национальная библиотека
- СНРПМ — Специальная научная реставрационная проектно-производственная мастерская
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- Трест ГРИИ — Трест геодезических работ и инженерных изысканий
- УДОД — Управление дополнительного образования детей
- ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
- ЦГАКФФД СПб — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга
- ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
- ЦГАНТД СПб — Центральный государственный архив научно-технической документации
- ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Научное издание

ПЯТЫЕ ТИХОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ответственный редактор *А. И. Чепель* •
Руководитель проекта *А. В. Вознесенский* •
Редакторы *А. В. Вознесенский, Л. А. Самойлова* •
Принципиальный макет *С. А. Булаговой* •
Верстка *Л. А. Козловой* • Корректор *А. В. Петрова* •
Обработка иллюстраций и предпечатная подготовка *Ю. А. Макусинского*

Подписано в печать 11.03.2022 • Формат 60 × 90 $\frac{1}{16}$ • 21,62 усл. печ. л. • 17,7 уч.-изд. л. •
Тираж 300 экз. • Заказ № 1056 • Оригинал-макет подготовлен в ООО «Издательский дом „Коло“». 197198, Санкт-Петербург, пр. Добролюбова, д. 1/79, оф. 206. www.kolohouse.ru • Отпечатано в ООО «Аллегро» 196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28, тел. (812) 388-90-00, e-mail: marketingberesta@ya.ru